МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 15 № 4 2019

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2019

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 15 № 4 2019

Редакционный совет

Д. Андерсон, PhD, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Б.В. Базаров, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Российская Федерация)
Т. Гебел, PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
К. Граф, PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
В.Г. Дацышен, доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Российская Федерация)
Дж. Зайкер, PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
М.В. Константинов, доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Российская Федерация)
Н.Н. Крадин, член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Российская Федерация)
С.И. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Российская Федерация)
Р. Лозей, PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
И.В. Наумов, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Т.Ю. Номоконова, PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Канада)
Ю.А. Петрушин, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Российская Федерация)
А.А. Тишкин, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Российская Федерация)
Д. Эрдэнээбаатор, PhD, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

Главный редактор – П.А. Новиков, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Зам. гл. редактора – А.В. Харинский, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
А.В. Вебер, PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
А.В. Ганин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Российская Федерация)
А.А. Иванов, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация)
А.В. Олейников, доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Российская Федерация)
А.А. Сирина, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация)
А.В. Тетенькин, кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Х. Като, PhD, профессор Университета Хоккайдо (Япония)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.edu/
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.
Журнал основан в 2003 г.
Периодичность издания – ежеквартально
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
Подписной индекс в «Каталоге российской прессы» – 31987
Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.
Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2019

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION

IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY
# of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 15 no. 4 2019

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2019

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 15 no. 4 2019

Editorial council

D. Anderson, PhD, Professor of University of Aberdeen (UK)
B.V. Bazarov, Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russian Federation)
T. Goebel, PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
K. Graf, PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
V.G. Datsyshen, Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russian Federation)
J. Ziker, PhD, Professor, Boise State University (USA)
M.V. Konstantinov, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russian Federation)
N.N. Kradin, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
S.I. Kuznetsov, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russian Federation)
R. Losey, PhD, Professor, University of Alberta (Canada)
I.V. Naumov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
T.Yu. Nomokonova, PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Canada)
Yu.A. Petrushin, Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Russian Federation)
A.A. Tishkin., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russian Federation)
D. Erdenebaator, PhD, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

Editor-in-Chief – P.A. Novikov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Deputy Editor-in-Chief – A.V. Kharinskiy, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
A.W. Weber, PhD, Professor of University of Alberta (Canada)
A.V. Ganin, Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
A.A. Ivanov, Doctor of History, Professor of Saint Petersburg University (Russian Federation)
A.V. Oleinikov, Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russian Federation)
A.A. Sirina, Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
A.V. Teten'kin, Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
H. Kato, PhD, Professor of Hokkaido University (Japan)

Reference to website: http://ildt.istu.irk.ru/
The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor). Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015
The Journal was founded in 2003
Frequency of publication – quarterly
Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"
Subscription index in the "Catalog of the Russian Press" – 31987
The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)
The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83 Lermontov Str., Irkutsk 664074.
Address of the Editorial Board: 83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© FSBEIHE «INRTU», 2019

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 15 № 4 2019

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Ветров В.М., Шергин Д.Л, Тетенькин А.В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия). Часть 1. Погребально-ритуальные комплексы № 1–6 9

Ташак В.И. Наскальные рисунки на западе хребта Цаган-Дабан в Западном Забайкалье 35

Коновалов П.Б. К исторической географии народонаселения Байкальской Сибири (северно-евразийские связи в эпоху бронзы и раннего железа) 53

Номоконова Т.Ю., Лозей Р.Дж., Плеханов А.В. Посткраниальные элементы северного оленя со средневекового поселения Ярте VI (п-ов Ямал) 66

ЭТНОЛОГИЯ

Зориктуев Б.Р. О названиях бурят, которыми они себя никогда не называли 79

Бураева О.В., Бураева С.В. Пространство шаманского ритуала у эвенков Нижней Тунгуски (по материалам личного архива П.П. Хороших) 88

ИСТОРИЯ

Харунов Р.Ш., Харунова М.М.-Б. Специфика исторического развития России 104

Кузнецов М.Ю. Роль местных войск Восточной Сибири в пополнении личным составом действующей армии в годы Первой мировой войны 115

Берман Е.А., Кержнер А.Г. Историческое и культурное наследие казенного раввина Иркутска Соломона Бейлина 131

Наумов И.В. В.И. Ленин и военная политика российских коммунистов 141

Ануфриев А.В., Козлов Д.В. «Жаль этих славных парней…» (к вопросу о пребывании австро-венгерских военнопленных в Иркутске) 153

Шаламов В.А. Декабрьские события 1917 г. в Иркутске: медицинский аспект 168

Пыльцын Ю.С. 1-й Горско-Моздокский полк в Вооруженных силах Юга России 180

Журавлев В.В. «…На крови, обновленной кровью, возродится твой род и снова даст великих ханов»: из истории зарождения идеологии праворадикального антибольшевизма на востоке России в 1918 году 191

Дроботушенко Е.В., Ланцова Ю.Н., Карасёв С.В., Ван Мэн. Христианский союз молодых людей в Харбине: к истории существования и деятельности в середине 1920-х годов 208

Новиков П.А., Суханова М.С., Трофименко С.В. «Об отдельных настроениях командного состава и красноармейцев»: политическая работа в 1920–1940 годы (по документам воинских соединений в Сибири) 218

Суржикова Н.В., Шишкин А.А. Между новацией и традицией: праздник Великого Октября в послевоенном Молотове 230

Чжан Цзя Цзюнь. Опыт развития совместных российско-китайских проектов в сфере энергетики в начале XXI века 242

РЕЦЕНЗИЯ

Сирина А.А. Исследование отношений человека и природы: рецензия на коллективную монографию «Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири» В.Н. Давыдова, В.В. Симоновой, Т.Ю. Сем, Д. Брандишаускаса 251

Семина С.А. Технологии национальной политики... Рецензия на монографию Ф.Л. Синицына «Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933–1945» 255

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 15 no. 4 2019

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Vetrov V.M., Shergin D.L., Tetenkin A.V. The archaeological site Staryi Vitim II in the Muisko-Kuandinsky depression (Republic of Buryatia). Part 1: Funeral and ritual complexes No. 1–6 9

Tashak V.I. The rock art on the West of mountain ridge Tsagan-Daban in Western-Transbaikalia 35

Konovalov P.B. Towards the historical geography of the population of Baikal Siberia (Northern-Eurasian Relations in the Bronze and Early Iron Age) 53

Nomokonova T., Losey R.J., Plekhanov A.V. Reindeer postcranial elements from the medieval settlement Iarte VI (Iamal Peninsula) 66

ETHNOLOGY

Zoriktuev B.R. On Buryat names which they never called themselves by 79

Buraeva O.V., Buraeva S.V. Space of the shamanic ritual among the Evenks of the Nizhnyaya Tunguska River (based on archive materials of P.P. Horoshykh) 88

HISTORY

Kharunov R.S., Kharunova M.M.-B. Specific nature of historical development of Russia 104

Kuznetsov M.Yu. The role of local troops in Eastern Siberia in replenishment army personnel during the First World War 115

Berman E.A., Kerzhner A.G. Historical and cultural heritage of the official rabbi of Irkutsk Solomon Beilin 131

Naumov I.V. V.I. Lenin and the military policy of the Russian Communists 141

Anufriev A.V., Kozlov D.V. "I wish these nice guys…" (the question of the stay of Austro-Hungarian prisoners of war in Irkutsk) 153

Shalamov V.A. December events of 1917 in Irkutsk: medical aspect 168

Pyltsyn Yu.S. 1st Gorsko-Mozdok regiment in the Armed Forces of South Russia 180

Zhuravlev V.V. "…On the blood recreated by blood, your dynasty will revive and bring great khans again": From the history of origin of ideology of the Ultra-Right Anti-Bolshevism in the Russian East in 1918 191

Drobotushenko E.V., Lantsova Yu.N., Karasev S.V., Wang Meng. Christian Union of Young People in Harbin: to the history of existence and activity 208

Novikov P.A., Sukhanova M.S., Trofimenko S.V. "On the separate moods of the commanding staff and the Red Army": political work in 1920–1940 (according to documents of military formations in Siberia) 218

Surzhikova N.V., Shishkin A.A. Between innovation and tradition: the feast of the Great October Revolution in the post-war Molotov 230

Zhang Jia Jun. Experience in the development of joint Russian-Chinese projects in the energy sector at the beginning of the XXI century 242

REVIEW

Sirina A.A. A Study of Human-Nature Relations: book review by V.N. Davydov, V.V. Simonova, T.Yu. Sem, D. Brandishauskas "Fire, Water, Wind and Stone in the Evenki Landscapes: Human-Nature Relations in the Baikal Siberia" 251

Semina S.A. National policy technologies... Review of the monograph "The Soviet nation and the War. The national question in the USSR. 1933–1945" by F.L. Sinitsyn 255

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 15 № 4 2019

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

– история,
– археология,
– этнология,
– рецензия,
– персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 15 no. 4 2019

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

– History,
– Archaeology,
– Ethnology,
– Review,
– Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.5(571.53/.55)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-9-34

Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия). Часть 1. Погребально-ритуальные комплексы № 1–6

© В.М. Ветров[a], Д.Л. Шергин[a], А.В. Тетенькин[b]

[a] Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
[b] Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Стоянка-могильник Старый Витим II открыта В.М. Ветровым в 1977 г. Основные раскопки произведены в 2001–2002 гг. Выделено три культурных горизонта эпохи палеометалла и 15 погребально-ритуальных комплексов, из которых большая часть относится к периоду 8,2–7,2 тыс. календарных лет назад. Несмотря на плохую сохранность кости, на ряде погребений удалось расчистить костяк на слое. Погребенный лежал на боку с подогнутыми ногами, головой на юго-запад, засыпан охрой. Инвентарь могил состоит из вкладышевых двулезвийных наконечников, лезвия которых набраны из халцедоновых призматических микропластин; шлифованных нефритовых тесел, ножей, оббитых нефритовых изделий, часть из которых, судя по следам, была в работе, а часть, вероятно, являлась заготовками тесел и ножей; бусин. Трупоположение и погребальный инвентарь обнаруживают частичные сходства с щукинской, фофановской и китойской погребальными традициями южного Западного и Восточного Прибайкалья, и могильник может быть определен как финальномезолитический-ранненеолитический. Отмечается вскрытие ям в более позднее время и организация, вероятно, ритуальных костров в не полностью засыпанных ямах. Даты по углю из этих кострищ определяют возраст около 5,2–3,2 тыс. календарных лет назад. Вероятно, с этими эпизодами ритуальной постпогребальной практики связаны более поздние по отношению к могильнику культурные горизонты.

Ключевые слова: неолит, бронзовый век, Витим, Муйско-Куандинская котловина, могильник, погребение, охра, погребальный инвентарь, Байкальская Сибирь

Информация о статье: Дата поступления 3 октября 2019 г.; дата принятия к печати 5 ноября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Ветров В.М., Шергин Д.Л, Тетенькин А.В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия). Часть 1. Погребально-ритуальные комплексы № 1–6 // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-9-34

The archaeological site Staryi Vitim II in the Muisko-Kuandinsky depression (Republic of Buryatia). Part 1: Funeral and ritual complexes No. 1–6

© Victor M. Vetrov[a], Dmitry L. Shergin[a], Aleksei V. Tetenkin[b]

[a] Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
[b] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The burial site Staryi Vitim II is opened by V.M. Vetrov in 1977. The main excavations were carried out in 2001–2002. Three cultural horizons of the Paleo-metal era and 15 funerary-ritual complexes were identified, most of which belong to the period 8.2–7.2 Kyr calBP. Despite the poor preservation of the bone, a number of burials managed to clear the skeleton on the layer. The buried men lay on their side with bent legs, head to the southwest, covered with ocher. The inventory of graves consists of two-side slotted points, the blades of which are composed of chalcedony prismatic microblades; polished jade adzes, a knife, knapped jade products, some of which, judging by the tracks, were in operation, and some were probably blanks of adzes and knives; beads, scrapers. The location and burial equipment reveal partial similarities with the Shchukino, Fofanovo and

Kitoy funeral traditions of the southern Baikal region, and the cemetery ground can be defined as the final Mesolithic – Early Neolithic. The opening of the pits at a later time and the organization of, probably, ritual bonfires in incompletely filled pits are noted. Dates for charcoal from these hearths determine the age of about 5.2–3.2 Kyr calBP. Probably, the cultural horizons are related to these episodes of ritual post-funeral practice.

Keywords: Neolithic, Bronze Age, Vitim River, Muisko-Kuandinskaya depression, cemetery, burial, ocher, funerary inventory, Baikalian Siberia

Article info: Received October 3, 2019; accepted for publication November 5, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Vetrov V.M., Shergin D.L., Tetenkin A.V. (2019) The archaeological site Staryi Vitim II in the Muisko-Kuandinsky depression (Republic of Buryatia). Part 1: Funeral and ritual complexes No. 1–6. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 9–34. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-9-34

Введение

В археологии неолита Байкальской Сибири центральное место занимает тематика погребальных культурных традиций. На протяжении более 60 лет она является одним из главных трендов развития неолита Западного Прибайкалья (Иркутская область) (Окладников, 1955; Мамонова, Сулержицкий, 1989; Базалийский, 1998; Базалийский, 2012; Базалийский, Савельев, 2008; Вебер, Линк, 2001; Горюнова, 1997; Горюнова, 2002; Weber, Beukens, Bazaliiskii, Goriunova, Savel'ev, 2006; и др.). Исследования неолитических погребений имеют свою историю и в Восточном Прибайкалье (Республика Бурятия) (Конев, 1996[1]; Лбова, Хамзина, 1999; Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008; История Бурятии, 2011[2]). Бассейн р. Витим значительно отстает в этом отношении. Публикация материалов малоизвестного могильника Старый Витим II должна внести вклад в ликвидацию данного пробела.

Верхняя и большая части среднего течения долины р. Витим долгое время оставались вне поля зрения археологов. Лишь единичные находки в начале 60-х годов XX в. были сделаны геологами на р. Калар в устье реки Муи А.А. Формозовым, они определены как неолитические и датированы III–II тыс. до н. э. (Музис, 1966).

По имеющимся данным в разное время следы материальной культуры древнего населения отмечались в Муйско-Куандинской межгорной впадине геологами С.М. Цейтлиным, А.С. Едрихинским, В.С. Лосицким и, в верхнем течении Витима, – В.Х. Шамсутдиновым.

В течение шести полевых сезонов с 1976 по 2009 гг. проводились раскопочные работы на археологическом объекте Старый Витим II, начатые в 1976–1977 гг. Памятник расположен в Муйском районе Республики Бурятия, в пределах Муйско-Куандинской межгорной впадины, в 1,2 м к юго-западу от д. Усть-Муя (рис. 1). В геологическом отношении впадина входит в Средне-Витимский геоморфологический округ (иногда именуемый страной), который является одним из участков Станового нагорья (Ендрихинский, Осадчий, Агафонов и др., 1983). Сама же территория котловины отдельными повышениями и хребтами разделена на небольшие впадины (Осипов, 1985. С. 6; Геоморфология северного Прибайкалья и Станового нагорья, 1981). Естественными границами Муйско-Куандинской впадины являются Северо-Муйский и Южно-Муйский хребты (Логачёв, Лопатин, 1976).

В результате исследований на площади 273 м^2 было выявлено (кроме трех горизонтов с разновременным стояночным материалом) 15 ям (рис. 2), заплечики которых фиксировались в подошве культуросодержащих отложений. Восемь из них были отнесены к разряду погребальных комплексов, содержащих останки погребенных, охру и сопроводительный инвентарь. Семь, повторяющих структуру могильных, со знаком вопроса были определены

[1] Конев В.П. Фофановский могильник. Новый этап исследования // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. Иркутск, 1996. С. 114–116.

[2] История Бурятии: в 3 т. Т. 1. Древность и средневековье. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 328 с.

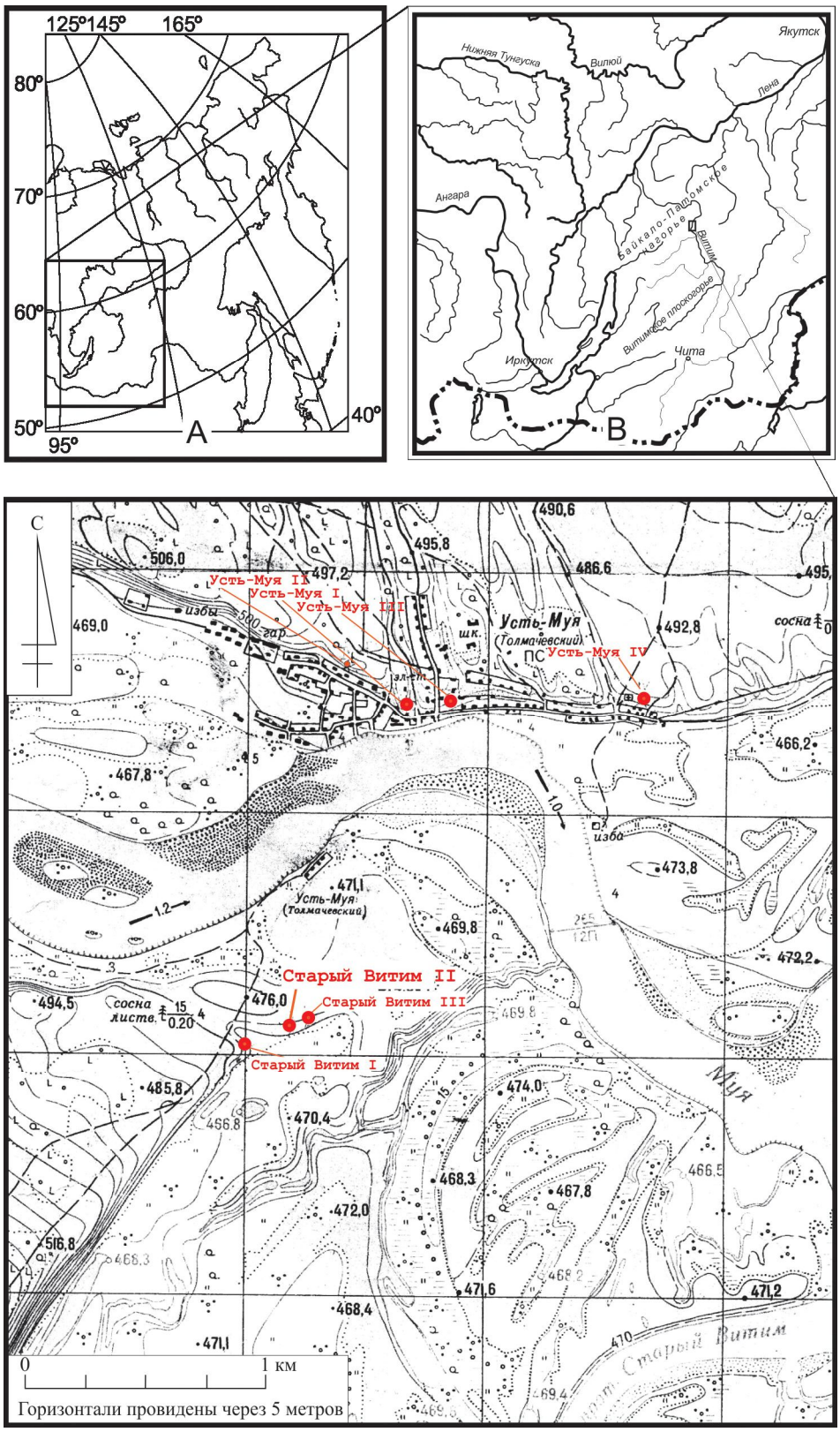

Рис. 1. Карты местоположения стоянки-могильника Старый Витим II
Fig. 1. Maps of the location of the site Staryi Vitim II

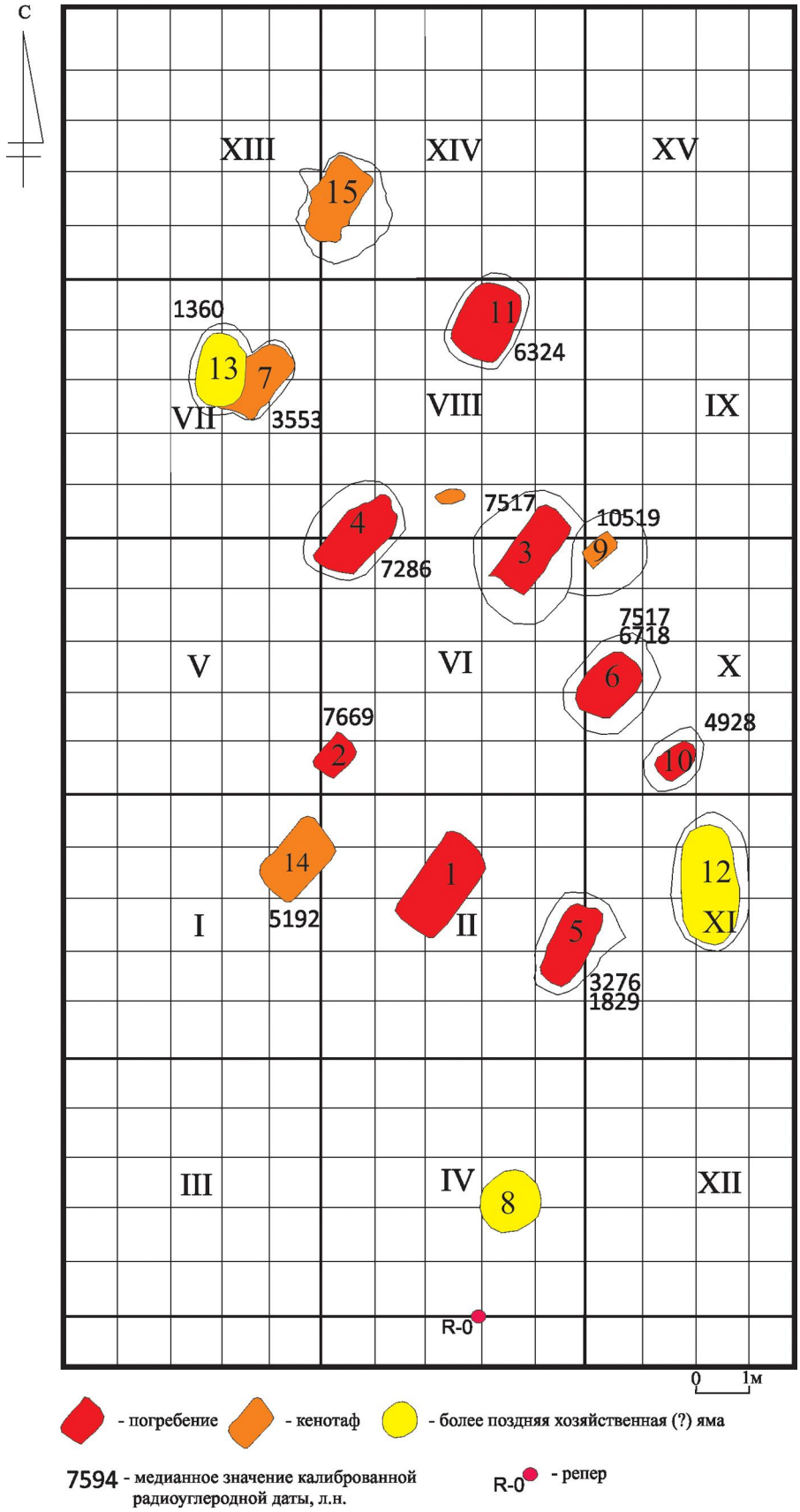

Рис. 2. Старый Витим II. Общий план расположения ям (могил, кенотафов)
Fig. 2. Staryi Vitim II. General plan for the location of pits (graves, cenotaphs)

как ложные захоронения. В связи с этим был сделан вывод, что данный археологический объект является первым на Витиме могильником. Ранее на Витиме было известно лишь несколько разновременных погребений, связанных с отдельными стояночными комплексами (Ветров, Смотрова, 1980[3]; Ветров, Задонин, Инешин, 1993; Ветров, Инешин, 2002).

На сегодняшний день материалы Старого Витима II лишь частично введены в научный оборот (Ветров, 1982; Ветров, 2002; Ветров, 2003; Людников, 2010). В связи с этим настоящее исследование посвящено обобщению и введению в научный оборот в полном объеме материалов погребально-ритуальных комплексов и вместе с ними частично стояночных местонахождения Старый Витим II.

История исследования

Целенаправленное археологическое обследование Муйской котловины началось в 1976 г. Витимским отрядом (под руководством М.П. Аксёнова, В.М. Ветрова) Ленской партии Комплексной археологической экспедиции ИГУ и сотрудниками ИОКМ в ходе археологической разведки 400 километрового участка долины р. Витим от с. Усть-Каренга до с. Неляты. На территории Муйско-Куандинской впадины были выявлены 6 местонахождений: Усть-Муя I–III на левом мысу р. Муи, в пределах д. Усть-Муя, и Старый Витим I–III на правом древнем мысу реки, в месте ее слияния с Витимской протокой Старый Витим (Аксёнов, Ветров, 1977). На месте сбора подъемного материала в крест бровки первой надпойменной террасы протоки Старый Витим (отсюда название памятника) по линии север – юг был заложен разведочный шурф, развитый в траншею длиной 9 м для более полного выявления стратиграфической и археологической ситуации. На глубине до 0,20 м в подпочвенном горизонте фиксировались изделия и отходы каменной индустрии (отщепы, пластины, колотые гальки), обломки костей и керамических сосудов, кусочек бронзового сплава (Ветров, 1978)[4].

В 1977 г. Ленским отрядом КАЭ ИГУ при участии археологической группы Бурятского института общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР (БИОН БФ АН СССР) (Ветров В.М., Инешин Е.М., Миронов А.Ю., Трифонов А.П.) на местонахождении Старый Витим II работа была продолжена и раскопочная площадь доведена до 26 м^2. Вся культурная толща условно делилась на три горизонта, заключенные в верхних, субаэральных отложениях. В 1977 г. в северной части раскопа при расширении разведочной траншеи 1976 г., на глубине 0,6 м от дневной поверхности было вскрыто первое в долине Витима погребение человека. Как и весь стояночный материал, оно отнесено к эпохе палеометалла (Ветров, 1977[5]; Ветров, 1978[6]; Ветров, 1982).

В последующие годы (1985, 1988, 1993) памятник осматривался В.М. Ветровым и Е.М. Инешиным. В 1988 г. на него был составлен археологический паспорт. В 1993 г. при археологическом обследовании, связанным с ремонтом подъездной автодороги к д. Усть-Муя, Е.М. Инешиным и А.В. Тетенькиным была сделана прирезка к раскопу 1977 г. на Старом Витиме II. В результате обнаружена яма с сажистыми и охристыми прослойками, но без инвентаря и костных остатков скелета человека. Эта яма получила общее обозначение яма №14. По ней была получена первая радиоуглеродная дата (Инешин, 1995).

В 2000, 2001, 2002 и 2009 гг. после более чем 20-летнего перерыва, вызванного стационарными работами в верхней части долины Витима на опорных стояночных комплексах Усть-Юмурченской, Усть-Каренгской и других групп памятников, крупномасштабные раскопки на Старом Витиме II были возобновлены. Работы велись под руководством В.М. Ветрова сотрудниками Лаборатории археологии Иркутского государственного педагогического

[3] Ветров В.М., Смотрова В.И. Ритуальные комплексы в устье р. Каренги // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии: тез. докл. к регион. конф., 25–27 марта 1980 г. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1980. С. 28–30.

[4] Ветров В.М. Отчёт о полевых исследованиях 1977 г. // Архив ИА РАН, Иркутск, 1978, Р-1.

[5] Ветров В.М. Отчёт о полевых исследованиях 1976 г. // Архив ИА РАН, Иркутск, 1977, Р-1.

[6] Ветров В.М. Отчёт о полевых исследованиях 1977 г. // Архив ИА РАН, Иркутск, 1978, Р-1.

университета (Д.Л. Шергин, А.В. Фролов, В.О. Людников и студенты) (Ветров, 2010)[7]. Большая часть погребально-ритуальных комплексов выкопана именно в этот период исследований. Тогда была выработана единая методика раскопок. Исследуемая перспективная площадь разбита на пикеты 5 × 5 м, ритуальные (погребальные) ямы фиксировались поэтапно, что давало возможность получить более полную картину их конфигурации и состава. При расчистке дна ям, особенно плохо сохранившихся костных остатков (практически, костного тлена), использовался пульверизатор, что позволило хотя бы частично определить расположение некоторых частей скелета. Корни деревьев не выкорчевывались, а обкапывались до конца, что сохраняло структуру культуросодержащих отложений и ритуальных ям. Заполнение ям просеивалось или промывалось через мелкоячеистое сито. Отбирались образцы угля, костного тлена, охры.

Начатые в 2000 г. работы за четыре полевых сезона на площади 244 м^2 кроме трех горизонтов с разновременным стояночным материалом позволили выявить 13 ям, заплечики которых фиксировались в подошве культуросодержащих отложений. Семь из них были отнесены к разряду погребальных комплексов, содержащих останки погребенных, охру и сопроводительный инвентарь. Шесть объектов на тот момент были определены как, вероятно, ложные захоронения (кенотафы). По совокупности типологических признаков трупоположения, погребального инвентаря могильник был отнесен к раннему неолиту (Ветров, 2001[8]; Ветров, 2003; Ветров, 2004[9]; Ветров, 2008). Общая вскрытая площадь раскопа в итоге составила 273 м^2.

В камеральных условиях были предприняты реконструкции вкладышевых орудий на основе зафиксированных на планшетах микропластин в планиметрии их залегания в слое в ямах. В разные годы предпринималось радиоуглеродное датирование могильника.

Стратиграфия

Местонахождение Старый Витим II расположено в 1,2 км к юго-западу от д. Усть-Муя, на первой, 8–10 м надпойменной аллювиальной террасе, являющейся древним правым приустьевым мысом р. Муя (N56°23', E115°37'). Выявлена следующая стратиграфия, сверху вниз (табл.; рис. 6.1; рис. 7.1; рис. 8.5).

Колебание мощности тех или иных отложений в значительной мере зависит от криогенных нарушений в виде морозобойных трещин. Обычно составляющие слоев скапливаются в устьях последних, за счет чего хорошо читаются.

Выявлено 3 культуросодержащих горизонта. Стояночный материал дислоцируется в 1-м и 2-м слоях. На первом этапе исследований выделялся 3-й культурный горизонт в литологическом слое 3. Однако позднее был сделан вывод о том, что выпадение культурных остатков вниз из 2 к. г. происходило по корневой системе, и от выделения 3 к. г. отказались. Заплечики ям читались из 4 стратиграфического уровня.

Стояночный материал

В 1-м культурном горизонте материал встречался редко, его археологический материал состоит из обломков кости – 20, отщепов – 26, колотых галек – 5, фрагментов гладкостенной керамики – 5, встреченных в виде мелких скоплений и разбросанных по всей площади раскопа. Найдены также мелкие кусочки шлака с примесью оплавленного металла – 28. Всего 84 единицы. Вполне возможно, что указанные предметы были перемещены сюда из нижележащих отложений вследствие деятельности корневой системы деревьев и кустарников или денудационных процессов.

Подавляющее число артефактов связано со вторым литологическим слоем (желтовато-бурый тонкозернистый песок, простирающийся на глубине

[7] Ветров В.М. Отчёт о научно-исследовательских работах на археологическом памятнике Старый Витим II, расположенном в Муйском районе Республики Бурятия в 2009 г. // Архив ИА РАН, Иркутск, 2010, Р-1.

[8] Ветров В.М. Отчёт о полевых исследованиях на археологическом памятнике Старый Витим II в Муйской котловине в 2001 г. // Архив ИА РАН, Иркутск, 2001, Р-1.

[9] Ветров В.М. Отчёт о полевых исследованиях на археологических местонахождениях Старый Витим II в Муйской-Куандинской котловине и Поповский луг на Верхней Лене в 2002 г. // Архив ИА РАН, Иркутск, 2004, Р-1.

Таблица

Стратиграфия археологического местонахождения Старый Витим II

Table

Stratigraphy of the Staryi Vitim II site

№	Отложения	Мощность, м
1.	Таежная почва – темно-серый гумусированный тонкозернистый песок, насыщенный корневой системой деревьев, кустарников и травы	0,03–0,06
2.	Тонко- и мелкозернистый песок желтовато-коричневого цвета; из слоя заложена верхняя генерация морозобойных трещин	0,04–0,42
3.	Песок тонко- и мелкозернистый коричневого цвета	0,04–0,24
4.	Пески тонко- и мелкозернистые серые, неслоистые	0,02–0,16
5.	Пески тонко- и мелкозернистые, неслоистые	0,16–0,24
6.	Прослой мелко и тонкозернистого песка желто-серого цвета, ожелезненный, густо насыщенный корневой «паутиной» деревьев и кустарников, а также остатками растительного детрита; из слоя заложена нижняя генерация морозобойных трещин	0,04–0,08
7.	Пески тонко и мелкозернистые серого цвета различных оттенков, горизонтально-слоистые; встречаются заиленные прослои и прослои хорошо отмытого крупнозернистого песка; вскрытая мощность	до 0,80 и более

от 0,10 до 0,17 м от дневной поверхности). Археологический материал дислоцировался в верхах 2 слоя. Найдено: 10 наконечников стрел, три имеют выемчатую базу (рис. 3.1–3, 5) и один обломок (рис. 3.4); 9 резцов – 4 срединные (рис. 3.7–10); 17 скребков, шесть из них концевые (рис. 3.13–17), два боковые (рис. 3.18–19); 7 изделий и их обломков из бифасиально обработанных галек (рис. 3.21, 34); 3 проколки; 48 призматических пластин, одна из которых локально ретуширована (рис. 3.30), три имеют резцовые сколы по одному из маргиналов (рис. 3.11–12); 1 долотовидное изделие с резцовым сколом по одному из маргиналов; 10 вкладышей – бифасов, семь имеют четырехугольную форму (фрагментированы), (рис. 3.22–28) один с закругленным концом (рис. 3.29); пластинчатый первичный скол с выемчатой ретушью со стороны вентральной поверхности (рис. 3. 33); бифас; 4 крупных пластинчатых скола, один из них без следов утилизации, один с поперечным резцовым сколом (рис. 3.6), один с утилитарной ретушью (рис. 3.31), один с локальной ретушью (рис. 3.32); 1090 отщепов, один из которых с двумя шипами на дистальном конце (рис. 3.20); 53 нуклеуса и их заготовок (рис. 4.1–5, 7–8, 10–11); ножи-бифасы (рис. 4.6, 9); 5 галек; 29 колотых галек; 6 кусочков песчаника; кусочек бронзового сплава; 406 обломков кости; 366 фрагментов керамики, как гладкостенной, так и с отпечатками рубчатой лопаточки, (из них 6 фрагментов с отпечатками витого шнура на внешней поверхности, 4 с отпечатками грубой плетёной ткани).

Из фрагментов керамических сосудов выделяется обломок венчика с треугольным налепом с внешней стороны (рис. 5.1), орнаментированным косопоставленным зубчатым штампом. Такая же орнаментация прослеживается и ниже налепного валика. По-видимому, к этому же сосуду относятся фрагменты тулова, орнаментированного тем же способом.

Большой интерес представляет скопление из 83 фрагментов одного сосуда с оттисками рубчатой лопатки (рис. 5.3). Реконструированная верхняя часть позволяет сделать его более подробное описание. Он имеет прямой венчик с налепным утолщением полукруглой формы. По верхнему бортику налепа нанесены косые (справа налево) оттиски

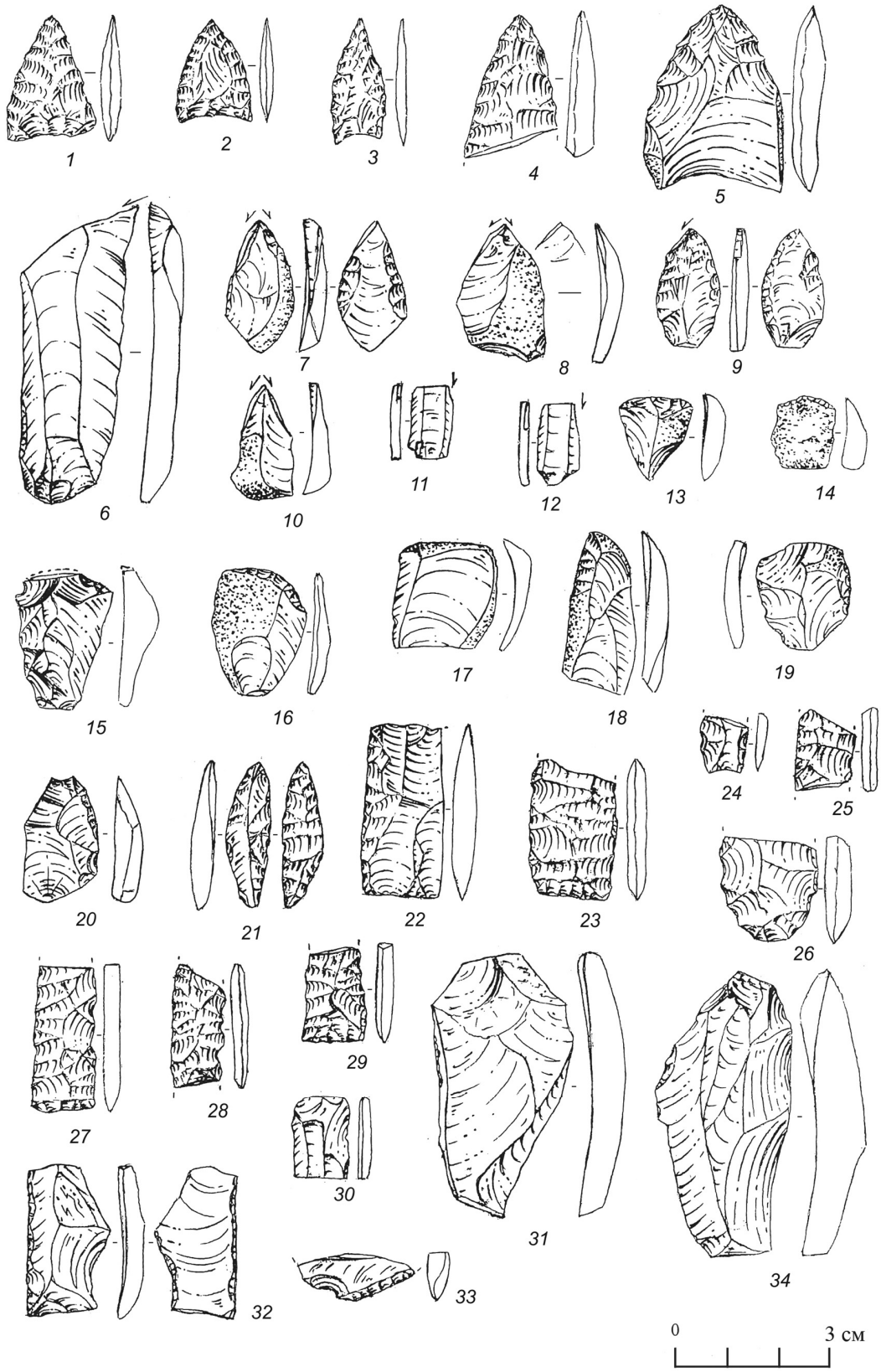

Рис. 3. Культурный горизонт 2: *1–5 – наконечники; 6–12 – резцы; 13–19 – скребки; 20, 32, 33 – отщепы с ретушью; 21–29 – бифасиальные вкладыши; 30, 31, 34 – пластинчатые сколы*

Fig. 3. Cultural horizon 2: *1–5 – points; 6–12 – burins; 13–19 – end-scrapers; 20, 32, 33 – flakes with retouching; 21–29 – bifacial inserts; 30, 31, 34 – blade-like flakes*

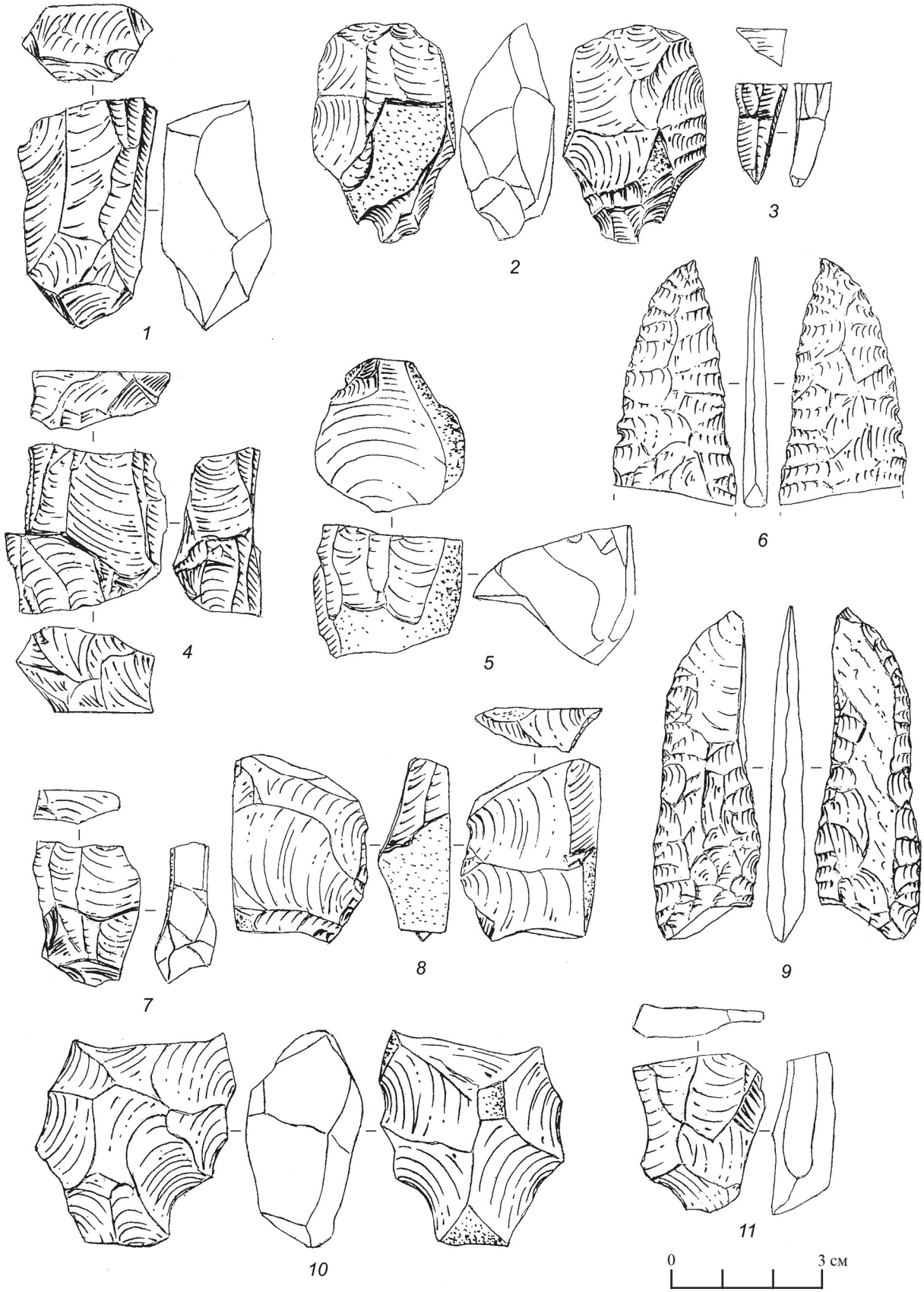

Рис. 4. Культурный горизонт 2: *1–5, 7, 8, 10, 11 – заготовки нуклеусов и нуклеусы; 6, 9 – бифасиальные вкладыши*
Fig. 4. Cultural horizon 2: *1–5, 7, 8, 10, 11 – preforms of cores and cores; 6, 9 – bifacial inserts*

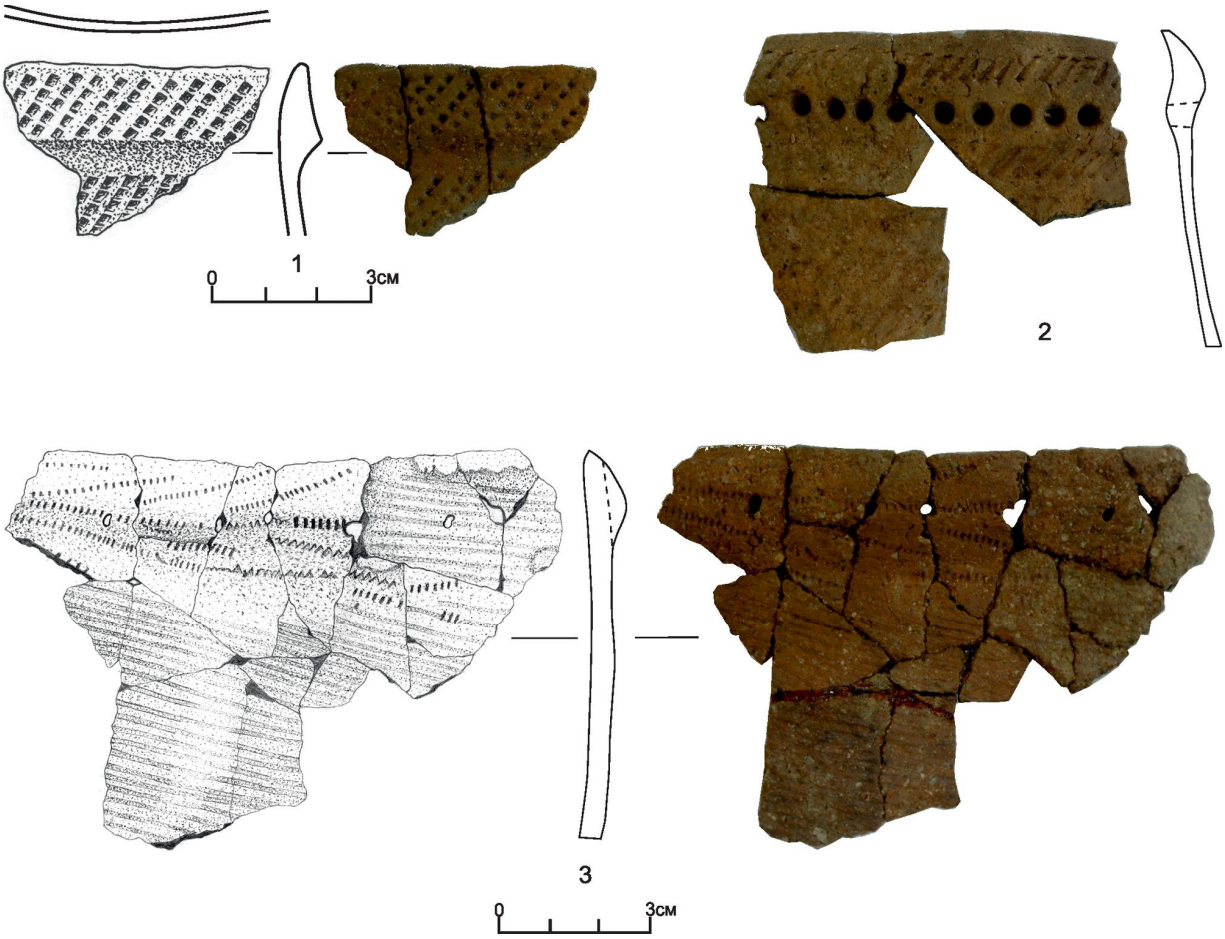

Рис. 5. Культурный горизонт 2: *керамика*
Fig. 5. Cultural horizon 2: *ceramics*

мелкозубчатого штампа. Отпечатки рубчатой лопатки, идущие по тулову и прослеживаемые под налепным валиком, близки горизонтальной линии. Данная керамика находит аналогии с керамикой усть-юмурченской археологической культуры (рис. 5.3, 5 тыс. л. н.) (Ветров, 2011).

Также следует отметить восстановленный фрагмент керамического сосуда с треугольным налепом с внешней стороны (рис. 5.2), орнаментированный горизонтальной линией косых прямоугольных вдавлений на верхней грани налепа, ниже которой нанесен поясок округлых вдавлений. Такие же горизонтальные линии косых прямоугольных вдавлений прослеживаются и ниже налепного валика, с распространением на тулово сосуда.

В верхах литологического слоя 3 зафиксированы находки, которые представляются происходящими из слоя 2, под воздействием корневой системы продавленными в нижележащие отложения. Были найдены 77 фрагментов гладкостенной керамики красно-бурого цвета. Наряду с этим – обломок двусторонне обработанного по краям ножа, 6 призматических пластин, бифас, 2 обломка бифасов, 6 нуклеусов и их заготовок, обломок наконечника стрелы, 576 отщепов, 13 обломков зуба млекопитающего, 12 фрагментов кости.

Во всех культуросодержащих уровнях преобладающим материалом для каменных артефактов являлись оранжевые и желтые халцедоны. В меньших количествах – кремень, белый халцедон, песчанник.

В целом материал из слоя на местонахождении Старый Витим II можно отнести к финалу неолита – палеометаллу.

Ритуальные комплексы («ямы»)

Погребение № 1. Могильная яма, прослеживалась со 2-го стратиграфического горизонта, прорезает нижележащие отложения и заканчивается на глубине 0,60 м от дневной поверхности (рис. 6.1). Контуры ямы четко читались на фоне серого песка за счет 0,02–0,03 м слоя охры (рис. 6.26), с которым связан почти весь погребальный инвентарь и остатки погребённого. Дно ямы размером 1,9 × 1,0 м имеет подпрямоугольную форму, длинной осью ориентированную по линии юго-запад – юго-восток (рис. 6.2).

От костяка сохранились лишь коронки 8 больших коренных зубов и несколько фрагментов костей в очень плохом состоянии. Сопровождающий инвентарь состоит из 28 бусин (рис. 6.3), 88 призматических пластин и их сегментов, 1 скребка. Бусины изготовлены из агальматолита, представляют собой цилиндры диаметром 5,5–6 мм, высотой от 2 до 5 мм (рис. 6.18–20). На дне ямы был обнаружен стерженек «китойского» типа длиной – 4,4 см[10].

Субстратом для изготовления призматических пластин служили кремень (25 экз.) и совершенно прозрачный халцедон (63 экз.). Подавляющее большинство пластин употреблялось в качестве вкладышей составных орудий. Максимальная длина кремневых вкладышей достигает 4,6 см, ширина – 0,5 см, толщина – 0,1 см; максимальные показатели халцедоновых вкладышей – 2,9 × 0,5 × 0,1 см.

Все вкладыши, кроме двух из проксимальных сегментов, представляют собой призматические пластинки с обломанными концами. 9 из них обработаны краевой ретушью по периметру (рис. 6.11–12), у 34 ретуширован один конец и у 1-го – два маргинала (рис. 6.13–14), у 15 обработка отмечена только на маргиналах (рис. 6.15–16). В ряде случаев маргиналы пластин носят следы утилизации или же, что представляется более вероятным, специального притупления. В особую группу выделяются концевые вкладыши (13 экз.). Это сегменты пластин с одним специально заостренным концом (рис. 6.4–7). У 3 экземпляров жальце особо выделено боковой выемкой, по всей видимости, для более плотного соприкосновения вкладышей друг с другом (рис. 6.8–10).

В северо-восточной части погребения в относительно непотревоженном состоянии была зафиксирована группа из 14 вкладышей, расположение которых позволяет реконструировать форму и размеры двулезвийного клинка (рис. 6.25). Интересно отметить, что вкладыши одного лезвия являются перевернутыми относительно другого (рис. 6.24) (одна сторона вентралом, другая дорсалом вверх).

В коллекции имеются также 5 кремневых призматических пластин: 1 целая и 4 обломанных, которые вкладышами не являлись, но могли служить их заготовками (рис. 6.21–23).

Скребок, входящий в состав погребального инвентаря, изготовлен из первичного отщепа, его дорсальная поверхность за пределами рабочего края сохраняет галечную корку (рис. 6.17).

Погребение № 2 оказалось нарушенным корневой системой и криогенными явлениями в виде морозобойных трещин, заложенных также как и яма из 2 литологического слоя (рис. 7.1). Такая ситуация обозначила фиксацию ее размеров и очертаний на разных уровнях (рис. 7.2–3). На глубине 0,36 м яма имела подчетырёхугольную с закруглёнными углами форму, размерами 1,3 × 0,82 м; длинной осью ориентирована по линии СВ – ЮЗ. На этом уровне в юго-восточной части ямы отмечалось скопление древесных угольков и вкраплений охристых примазок (рис. 7.4). Выше этого уровня практически в слое 2 над ямой фиксировались две колотые гальки, отщеп и вкладыш-бифас. Скопление угольков продолжалось до глубины 0,40 м. С глубины 0,45 м, особенно 0,50 м, стало очевидным, что трещина делится на два ответвления, что обусловило деление ямы на два отсека: юго-западный и северо-восточный (рис. 7.2–3). К юго-востоку от прослеживаемой границы ямы отмечались охристые примазки. Образовавшаяся вследствие локального поднятия грунта перемычка в виде вертикального столбика увлекла вместе с собой охру со дна. На глубине 0,60 м проходящая по линии СЗ – ЮВ перемычка расширялась с 0,04 до 0,08 м. В юго-западном отсеке фиксировалась кровля охристой прослойки, по-

[10]Предмет был утрачен в 1977 г., устное сообщение, запись в полевых дневниках В.М. Ветрова и Е.М. Инешина.

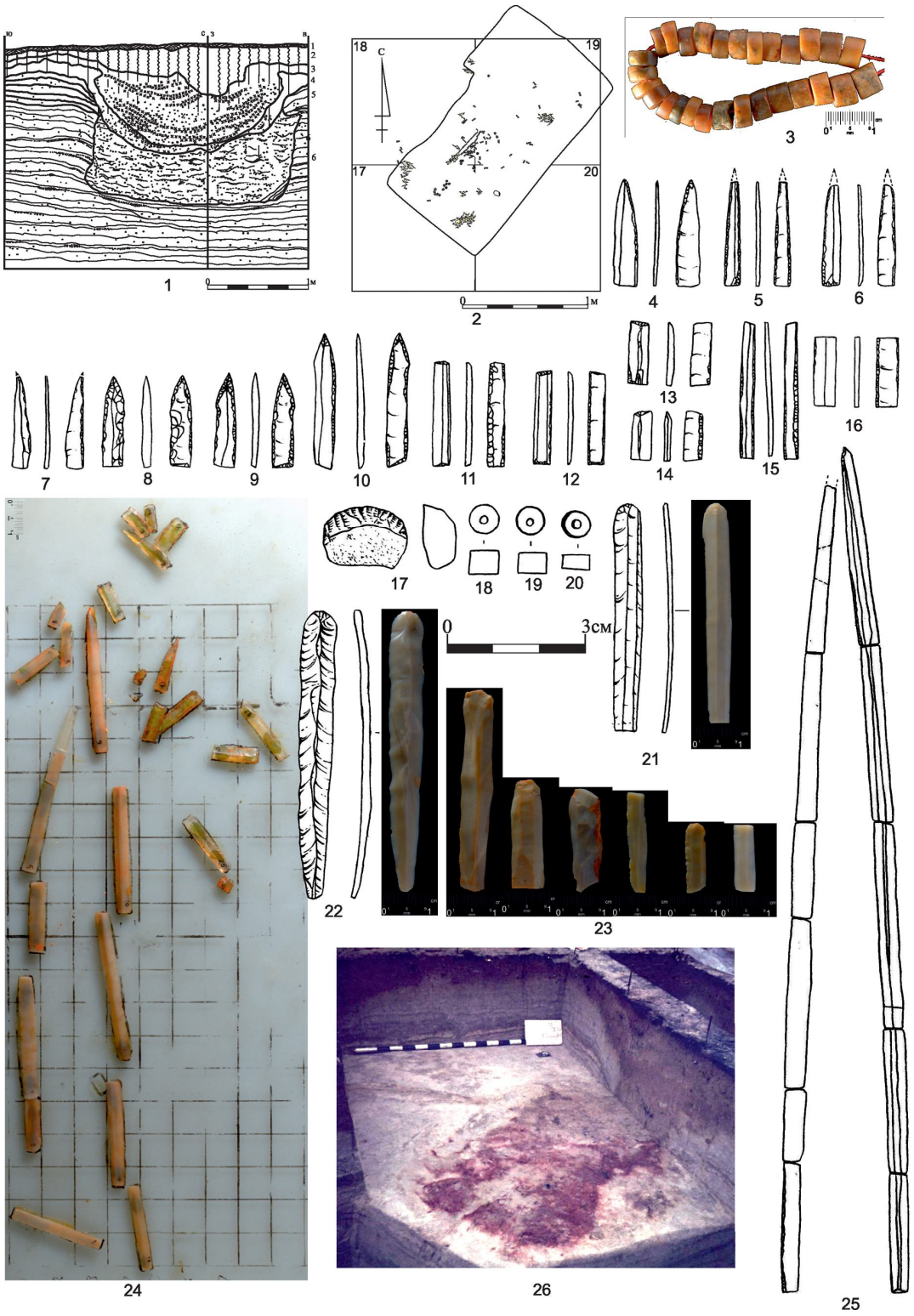

Рис. 6. Погребение 1: *1– стратиграфия погребальной ямы; 2 – план погребения; 3 – фото связки бусин; 4–16 – вкладыши составных орудий; 17 – скребок; 18–20 – бусины; 21–22 – пластины; 23 – фото пластин-вкладышей; 24 – фото пластин–вкладышей, закрепленных на твердой основе; 25 – реконструкция вкладышевого орудия; 26 – фото погребальной ямы (дно)*

Fig. 6. Burial 1: *1 – stratigraphy of the burial pit; 2 – plan of the burial; 3 – photo of a bunch of beads; 4–16 – inserts of composite tools; 17 – end-scraper; 18–20 – beads; 21–22 – blades; 23 – photo of blades-inserts; 24 – photo of blades-inserts fixed on a solid base; 25 – reconstruction of the composite tool; 26 – photo of the funeral pit (bottom)*

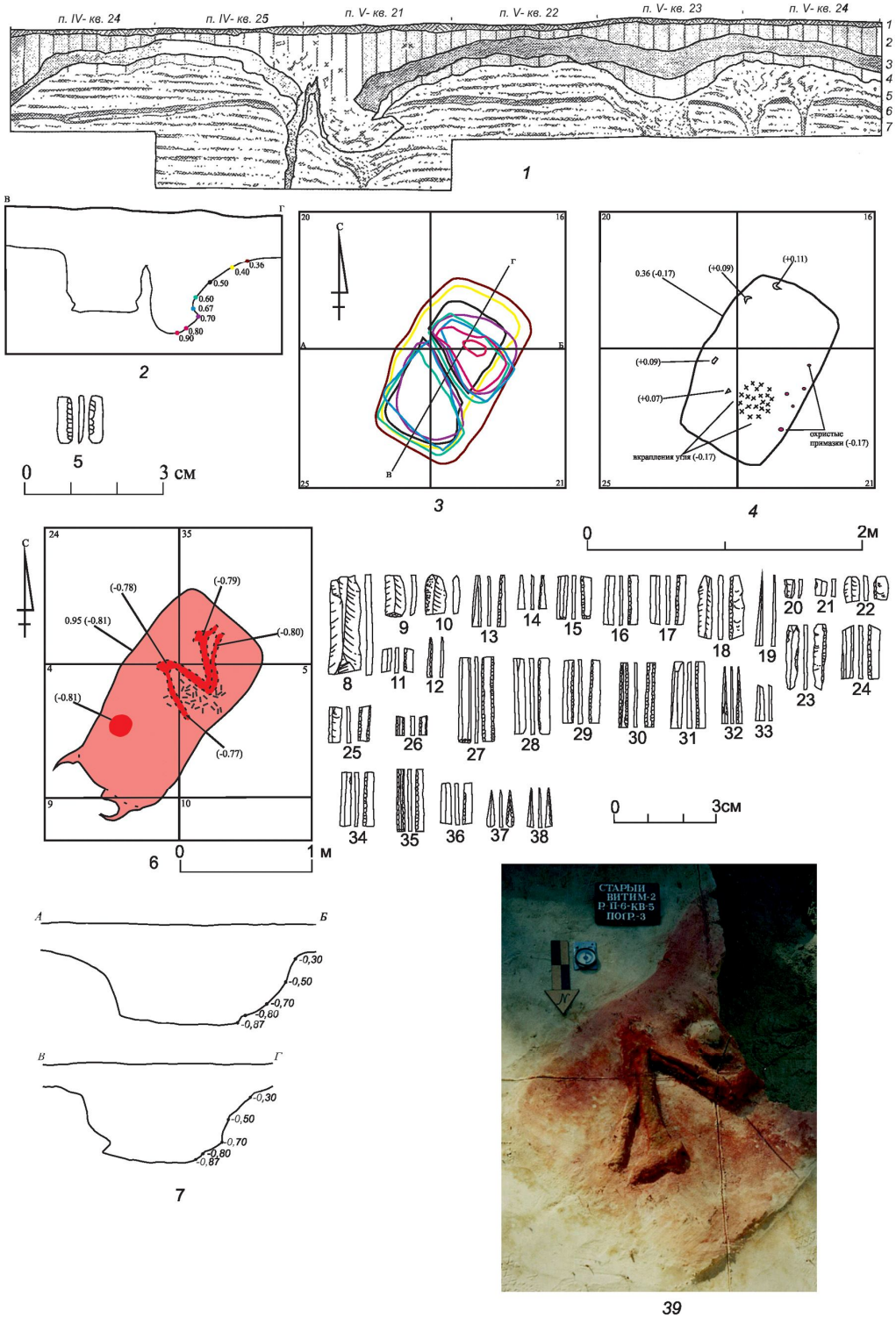

Рис. 7. Погребение 2: *1 – стратиграфия раскопа с разрезом погребальной ямы; 2 – профиль погребальной ямы; 3 – контуры погребальной ямы на разных уровнях фиксации – разборки; 4 – верхний уровень фиксации погребальной ямы; 5 – микропластина-вкладыш.* ***Погребение 3:*** *6 – план погребения (нижний уровень ямы); 7 – профили погребальной ямы; 8–38 – пластины-вкладыши; 39 – фото части костяка в процессе расчистки*
Fig. 7. Burial 2: *1 – stratigraphy of the excavation with a section of the burial pit; 2 – profile of the burial pit; 3 – contours of the burial pit at different levels of fixation – disassembly; 4 – upper level of fixation of the burial pit; 5 – insert microblade.* ***Burial 3:*** *6 – plan of the burial (lower level of the pit); 7 – profiles of the burial pit; 8–38 – inserts; 39 – photo of part of the skeleton during clearing*

крывающей дно ямы. На глубине 0,67–0,70 м в этой части ямы фиксировались фрагменты коронок коренных зубов человека, фрагмент крышки черепной коробки, фрагмент кости, пластинка-вкладыш из прозрачного халцедона (рис. 7.5). С уровня 0,70 м могильная яма в юго-западной её части более не прослеживалась. Северо-восточная часть оказалась на 0,10–0,20 м ниже, что было видно по охристому заполнению небольшой ложбинки неправильной формы овала. Такое понижение следует отнести за счёт поднятия – опускания блоков при морозобойном растрескивании.

Погребение № 3. Имело неправильную форму овала 2,78 × 1,90 м по линии ЮЗ – СВ, фиксировалась с глубины 0,30 м от дневной поверхности (рис. 7.6–7). Начиная с кровли, яма в плане по окружности делилась на три части, разные по заполнению. Внешняя часть представляла коричневый песок, средняя – желтовато-коричневый с примесью серого, центральная – полихромный песок с сажистыми примазками и вкраплениями угля. На этом уровне в северо-восточной части центрального заполнения обнаружены 4 фрагментированных пластины (рис. 7.8–11). Ещё одна пластина (концевой вкладыш) (рис. 7.12) обнаружена в центральной части ямы на глубине 0,50 м. С глубины 0,70 м кроме вкраплений угля и сажистых примазок стали фиксироваться пятна охры. На глубине 0,87 м в юго-западной части ямы обозначилось плотное по отношению к остальному грунту пятно, заполненное разложившимся костным материалом (рис. 7.6). Здесь же были обнаружены фрагмент крышки черепной коробки человека и обломки коронок коренных зубов. Как остатки черепа, так и окружающая его поверхность засыпаны чистой охрой. Примерно на уровне черепа в северо-восточной половине посредством раздува охры пульверизатором были оконтурены остатки нижних конечностей и, возможно, остатки рук (рис. 7. 39). К юго-востоку от полученных очертаний между согнутыми ногами и, предположительно, рукой найдено 26 пластин-вкладышей (рис. 7.13–38).

Восточная часть погребения № 3 сочленялась с ямой, получившей наименование «яма № 9» (рис. 2). На глубине 0,50 м стало ясно, что яма № 9 была заложена позже ямы № 3 и частично прорезала последнюю. С глубины 0,60–0,70 м ямы разделялись. Дно ямы № 9, имеющее форму неправильного овала 0,70 х 0,50 м, достигало глубины 0,87 м от дневной поверхности.

Погребение № 4. Овальная в плане яма 1,90 × 1,50 м, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ – СВ, прослеживалась с глубины 0,30–0,37 м. (рис. 8.1–3). Как и в других случаях, в плане выделялась периферийная зона в виде коричневого песка, средняя (желтовато-коричневый песок) и центральная, насыщенная сажистыми примазками и углем. Такая ситуация прослеживалась с небольшими изменениями до самого дна. Дно ямы покрывал слой охры мощностью до 0,05 м. В юго-западном углу обнаружено плотное костное вещество в виде пятна округлой формы диаметром 0,18 м, представляющее остатки черепной коробки. Здесь же найдены обломки коренных зубов человека (рис. 8.3). На дне ямы с помощью пульверизатора удалось получить контуры ноги, согнутой в коленях (рис. 8.4). К западу от предполагаемого месторасположения тазовых костей обнаружена группа пластин в количестве 61 шт., расположение которых позволяет определить их как остатки вкладышевых двулезвийных наконечников с полностью истлевшими костяными или роговыми обоймами. На последние обстоятельства указывает нахождение костного вещества между некоторыми пластинами. Артефакты на месте не извлекались, были залиты пропиткой (спирт с клеем БФ) и взяты монолитом вместе с грунтом. Уже в камеральных условиях они были расчищены, поделены на два слоя, зарисованы и в соответствующем порядке закреплены на твердой основе (рис. 9.1–61).

Погребение № 5. Судя по стратиграфическим и планиграфическим наблюдениям, яма имела верхние размеры 2,0 × 1,3 м, нижние – 1,65 × 1,0 м, ориентирована по линии ЮЗ – СВ. Была подвергнута криогенным нарушениям после ее засыпки (рис. 8.5). Отмечалась ситуация, когда южная половина ямы оказалась на 0,20–0,26 м ниже, чем северная (рис. 8.6–7). В то же время южная стенка (граница) прослеживалась уже с глубины 0,10 м по охристой прослойке, обнаружены обломки коронок

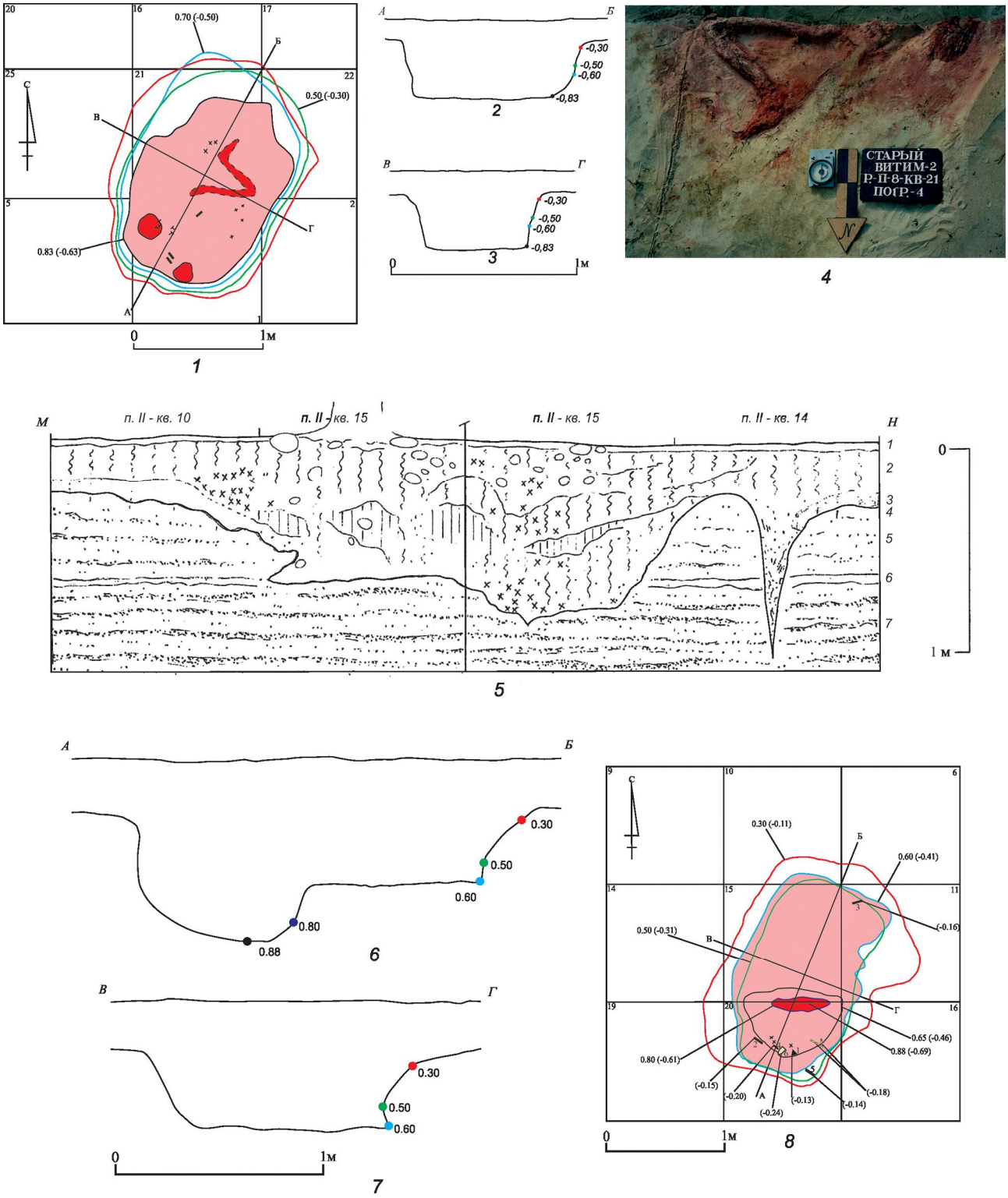

Рис. 8. Погребение 4: *1 – план погребения; 2–3 – профили погребальной ямы; 4 – фото части костяка в процессе расчистки.* ***Погребение 5.:*** *5 – стратиграфия раскопа с разрезом погребальной ямы; 6–7 – профили погребальной ямы; 8 – план погребальной ямы*

Fig. 8. Burial 4: *1 – plan of burial; 2–3 – profiles of the burial pit; 4 – photo of part of the skeleton in the process of clearing.* ***Burial 5:*** *5 – stratigraphy of the excavation with a section of the funeral pit; 6–7 – profiles of the funeral pit; 8 – plan of the funeral pit*

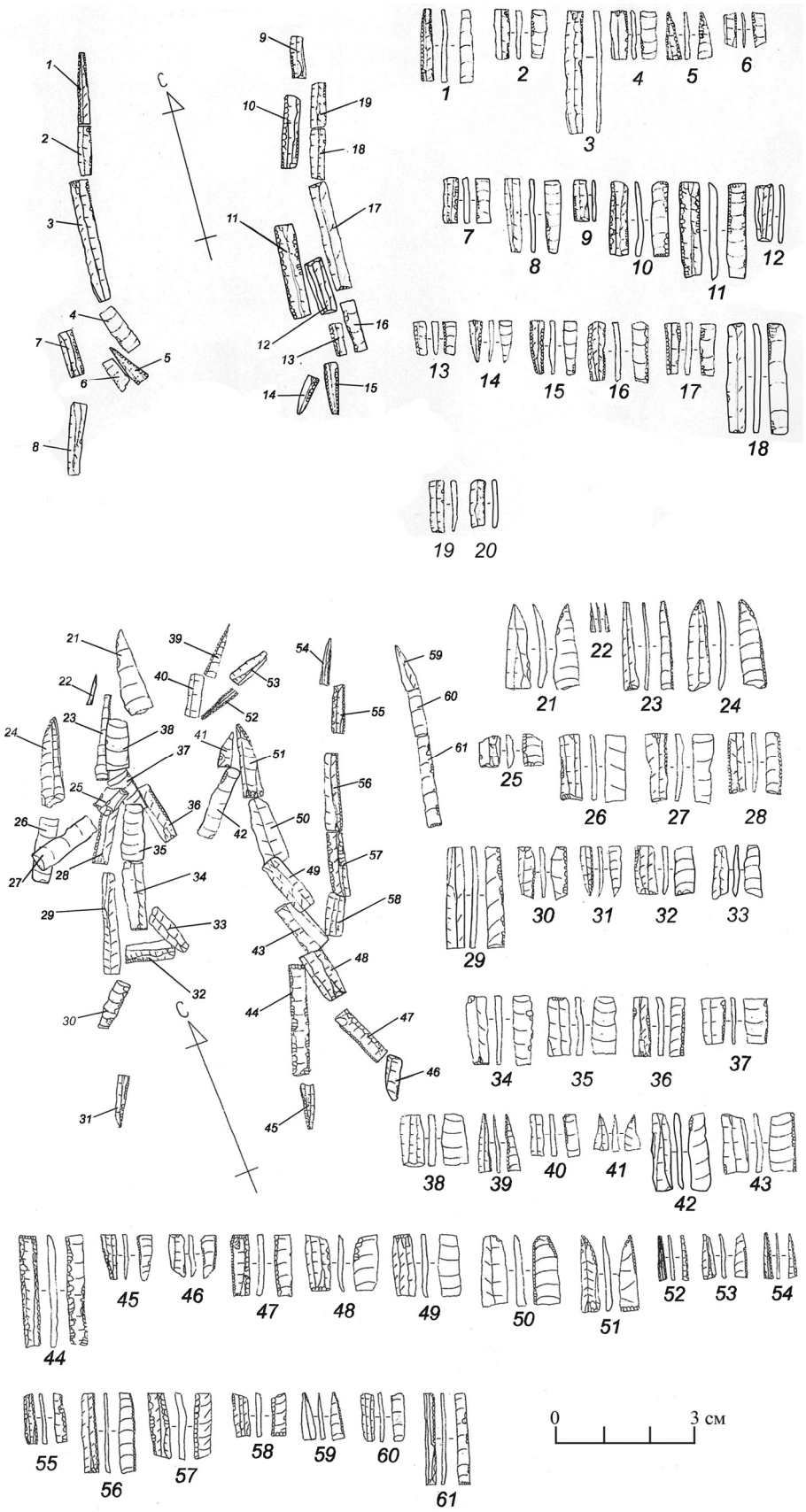

Рис. 9. Погребение 4: *1–61 – пластины вкладыши (даны в плане и по отдельности)*
Fig. 9. Burial 4: *1–61 – blades-inserts (given in plan and separately)*

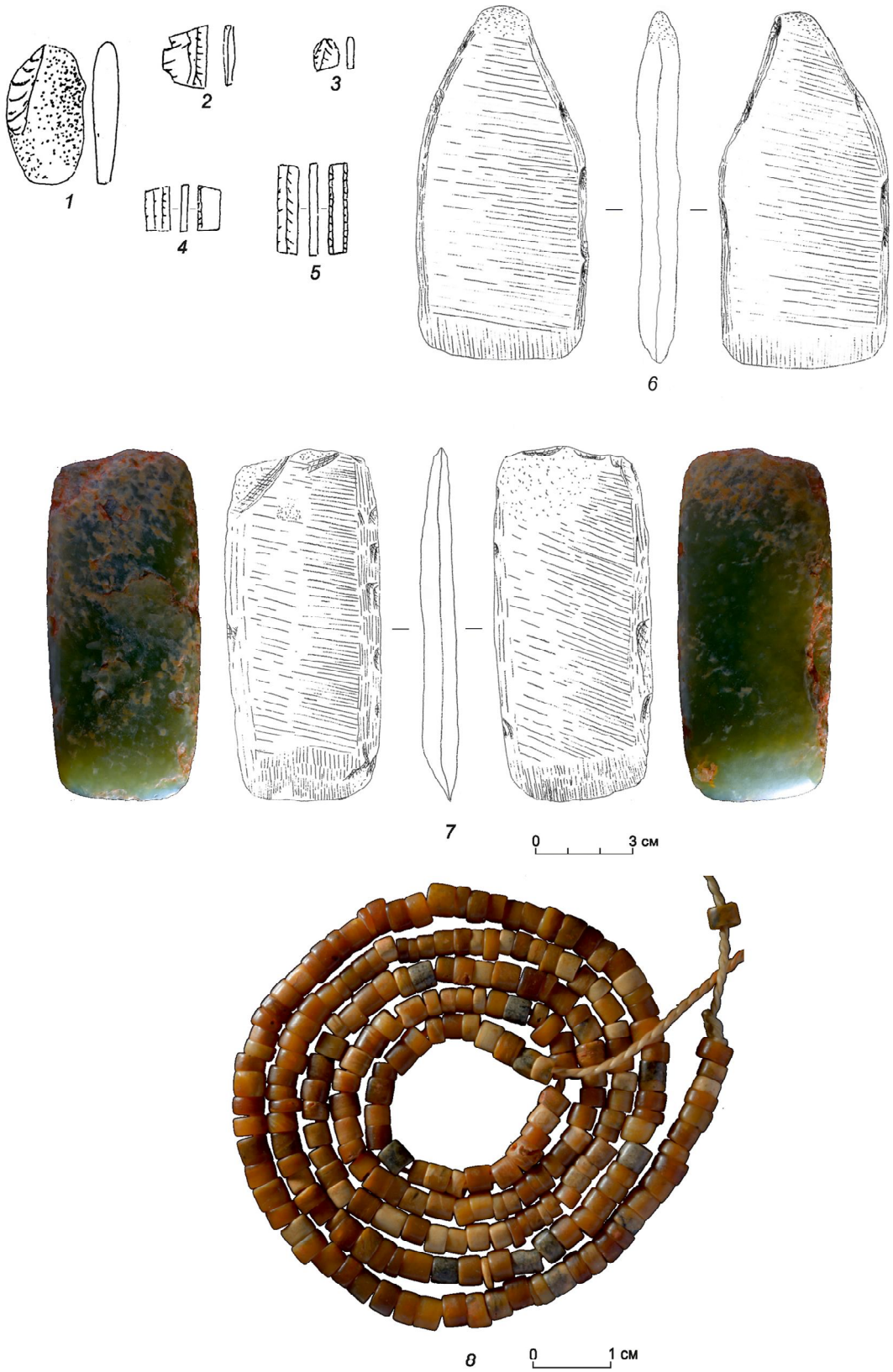

Рис. 10. Погребение 5: *1–5 – артефакты из засыпки ямы, выявленные на разных уровнях; 6–7 – нефритовые шлифованные тесла; 8 – фото бус (6–8 найдены на дне ямы)*
Fig. 10. Burial 5: *1–5 – artifacts from the backfill of the pit revealed at different levels; 6–7 – jade polished adzes; 8 – photo of beads (6–8 were found at the bottom of the pit)*

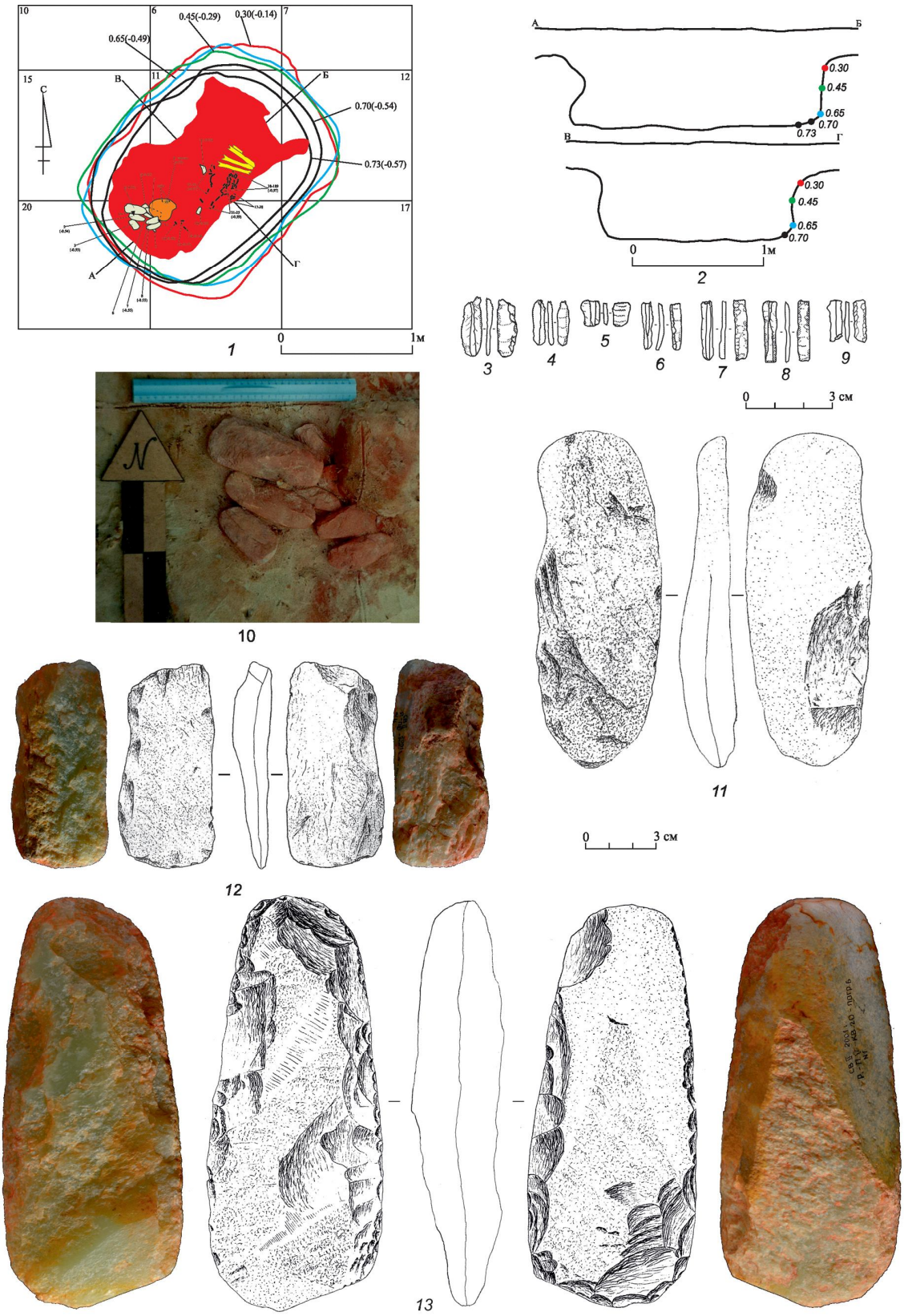

Рис. 11. Погребение 6: *1 – план погребения; 2 – профили погребальной ямы; 3–9 – пластины из засыпки ямы; 10 – фото скопления изделий из нефрита; 11–13 – изделия из нефрита*

Fig. 11. Burial 6: *1 – the burial plan; 2 – profiles of the burial pit; 3–9 – blades from the backfill of the pit; 10 – photo of the accumulation of jade products; 11–13 – jade products*

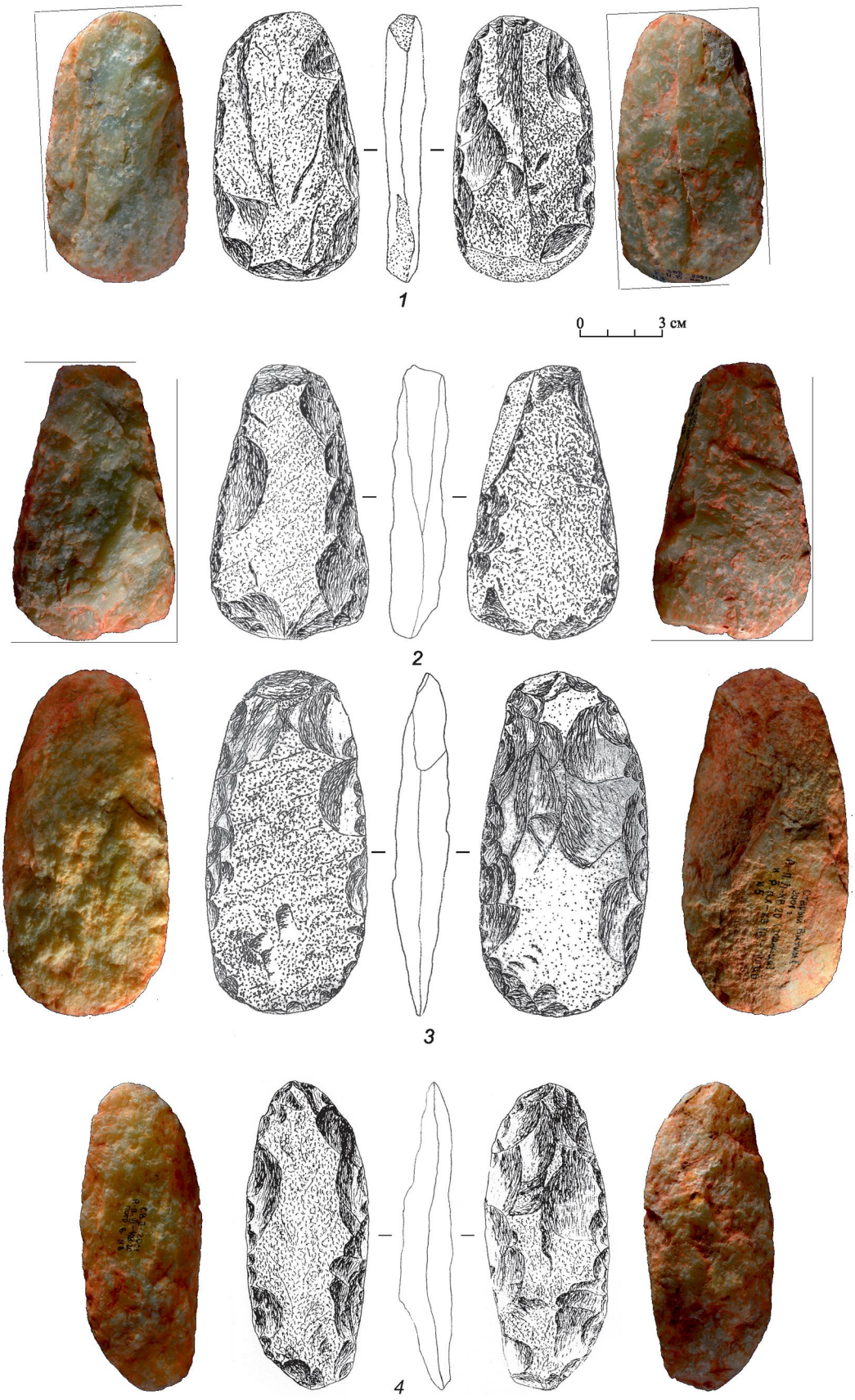

Рис. 12. Погребение 6: *1–4 – изделия из нефрита*
Fig. 12. Burial 6: *1–4 – jade artifacts*

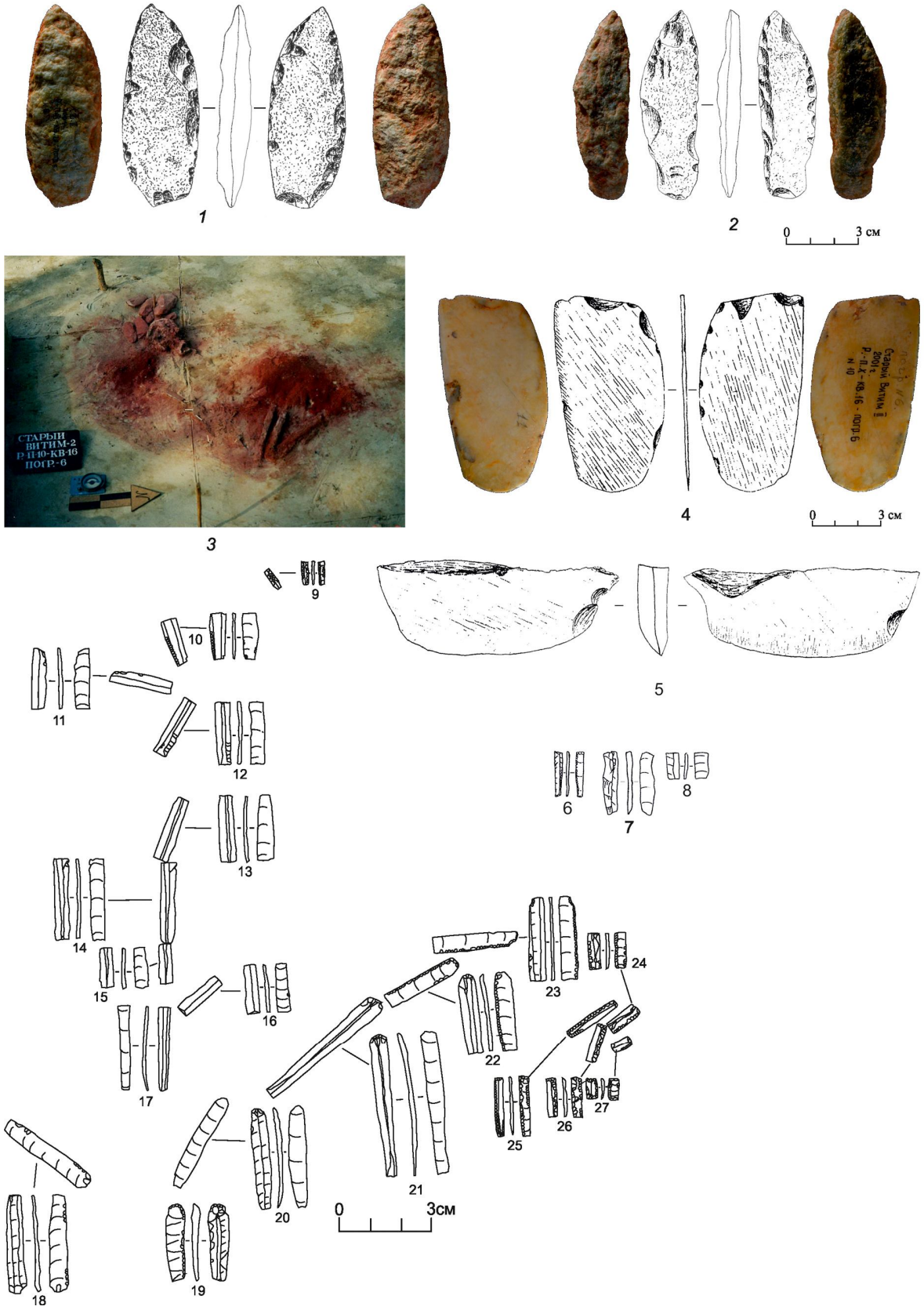

Рис. 13. Погребение 6: *1–2, 4–5 – изделия из нефрита; 3 – фото костяка в процессе расчистки; 6–27 – пластины-вкладыши*

Fig. 13. Burial 6: *1–2, 4–5 – jade artifacts; 3 – photo of the skeleton in the process of clearing; 6–27 – blades-inserts*

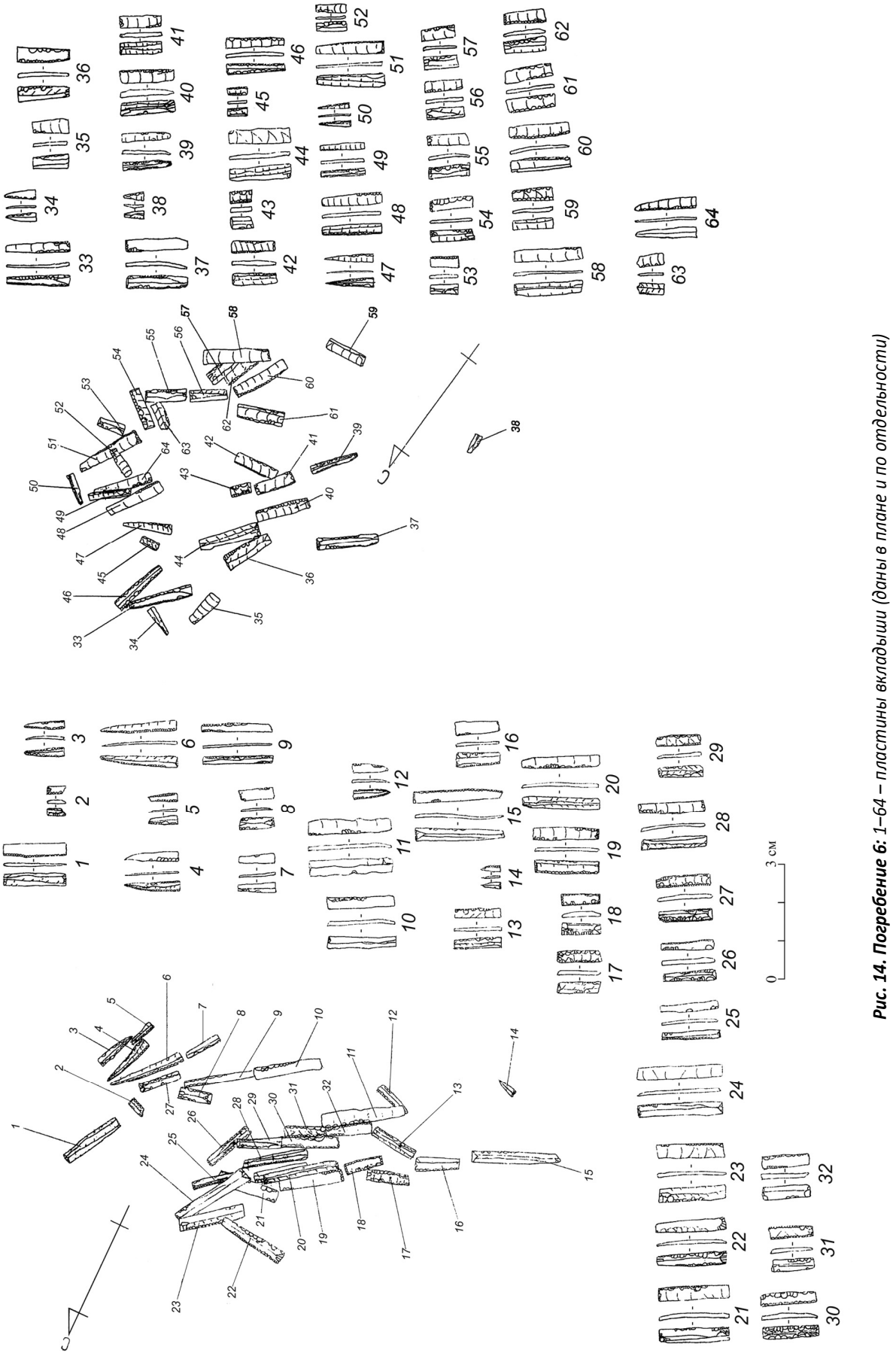

Рис. 14. Погребение 6: *1–64 – пластины вкладыши (даны в плане и по отдельности)*
Fig. 14. Burial 6: *1–64 – blades-insert liners (given in plan and separately)*

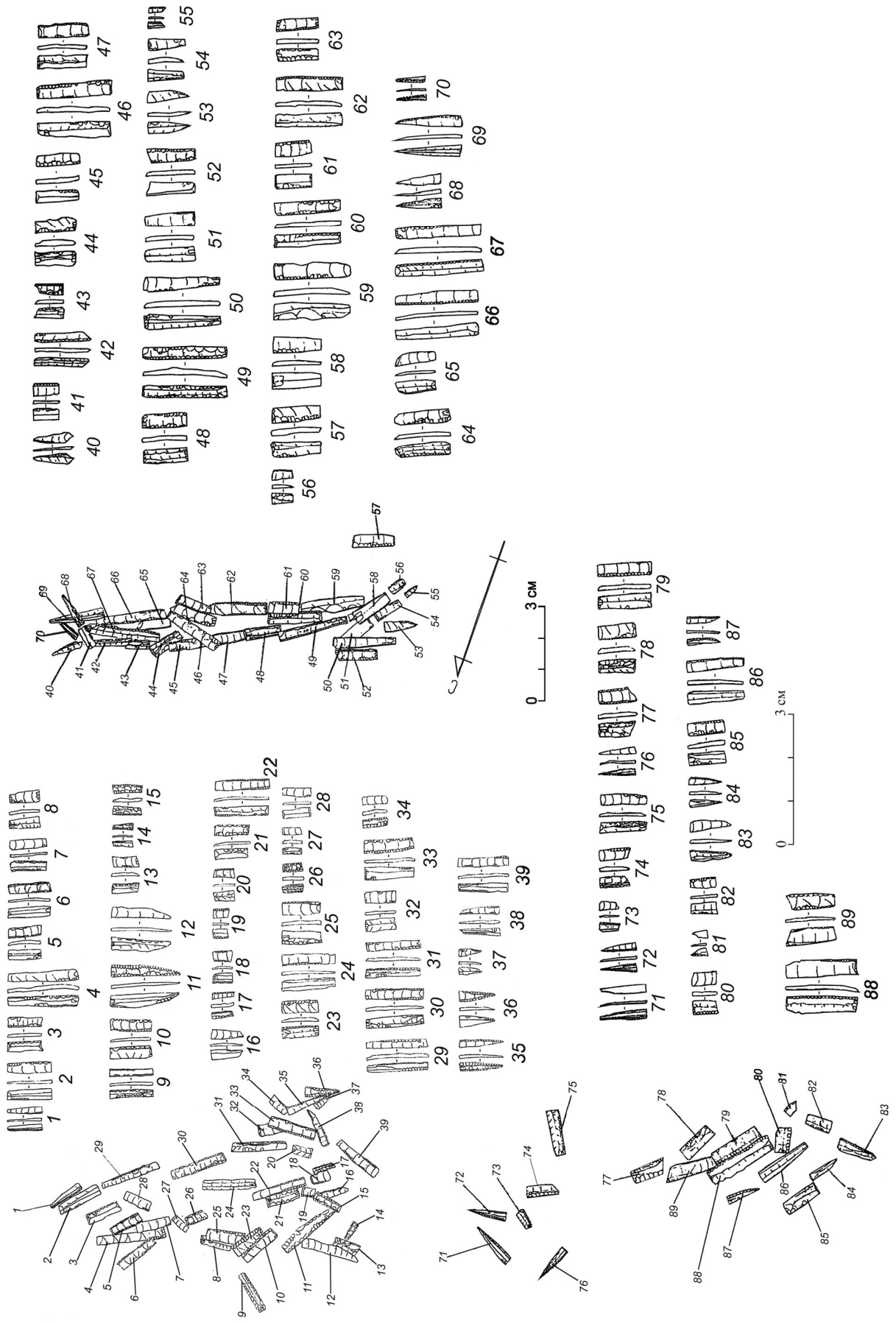

Рис. 15. Погребение 6: *1–89 – пластины вкладыши (даны в плане и по отдельности)*
Fig. 15. Burial 6: *1–89 – blades-insert (given in plan and individually)*

коренных зубов человека (рис. 8.8). На глубине от 0,30 до 0,50 м в засыпке ямы зафиксированы следующие предметы: 1 отщеп (рис. 10.1), 2 фрагмента призматических пластин (рис. 10.2–3), 2 фрагмента ретушированных пластин (рис. 10.4–5). Кроме этого, в южной части ямы найдено тесло (рис. 10.6) из светлоокрашенного нефрита обушком вверх с наклоном 60 градусов. На глубине 0,50 м, как и выше, пятнами прослеживались охра, сажистые примазки, угольки. На дне ямы в охристой прослойке мощностью до 0,06 м найдено тесло из нефрита (рис. 10.7) с наклоном ко дну ямы 27 градусов, а также 230 пирофилитовых цилиндрических бусин (рис. 10.8), располагавшихся в центральной части ямы. Упомянутое выше нахождение обломков зубов человека в юго-западной части ямы, связанных с охрой, а также встречающийся местами костный тлен, позволяют считать данный комплекс погребением человека.

Погребение № 6. Расположено между погребениями № 3 и 10 (рис. 2). Яма имела верхние размеры 1,85 × 1,45 м, нижние – 1,65 × 1,30 м, ориентирована по линии ЮЗ – СВ. Контуры ямы фиксировались на пяти уровнях (рис. 11.1), делались продольные и поперечные профили (рис. 11. 2). Яма прослеживалась с глубины 0,30 м. С этого уровня до глубины 0,45 м в северо-восточной части ямы были обнаружены три призматические пластины (рис. 11.3–5). Еще четыре ретушированных пластины-вкладыша (рис. 11.7–9) фиксировались на глубине 0,45–0,51 м в центральном заполнении ямы. В этом же промежутке начинали прослеживаться пятна охры. На глубине 0,65 м охра проявлялась более четко и в большем количестве. Центральная часть ямы приняла форму неправильного вытянутого овала, что хорошо читалось за счет интенсивного заполнения углем и сажистыми примазками. С выходом на дно ямы на глубине 0,70 м, полностью засыпанном слоем охры мощностью 0,03–0,04 м, в юго-западной части обозначились контуры остатков черепной коробки, к юго-западу от которой и отчасти под ней находилось скопление из девяти оббитых тесловидных и ножевидных изделий из светло-окрашенного нефрита (рис. 11. 10–13; рис. 12.1–4; рис. 13.1–2) и два сердоликовых отщепа. Указанная группа предметов находилась компактно (в районе черепа), что предполагает их первоначальное нахождение в какой-то емкости. При дальнейшей расчистке дна ямы в слое охры были оконтурены кости черепа и ног, согнутых в коленях (рис. 13.3). При расчистке занятое охрой пространство увеличилось, что, должно быть, связано с осыпанием стенок ямы во время погребального процесса и наложением серого песка на охристую прослойку по ее бортам. Кроме уже указанных предметов при расчистке охры были обнаружены шлифованный однолезвийный нож из светло-желтого нефрита (рис. 13.4), обломанное лезвие нефритового тесла (рис. 13.5), три призматических пластины (рис. 13.6–8), располагавшихся группой к юго-востоку от краниального скелета (черепа). Наряду с этим выделено еще несколько групп пластин, которые могли являться вкладышами составных орудий и относиться к отдельным их экземплярам (рис. 13. 9–27; рис. 14.1–64; рис. 15.1–89). Пластины брались в пять приемов, т. е. делились на пять слоев, каждый из которых наносился на план в натуральную величину с соответствующими ориентировкой и расстоянием между пластинами. Такое деление при дальнейшем анализе, учёте числа концевых вкладышей, определении длины и ширины изделий при их двулезвийности и т. п. должно привести к их реконструкции или, хотя бы, к моделированию их размеров, формы и назначения.

(Окончание следует).

Библиографический список

Аксёнов М.П., Ветров В.М. Исследования в горно-таёжных районах долины р. Витим // Археологические открытия 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 185–186.

Базалийский В.И. К проблеме хронологической и пространственной интерпретации погребений эпохи раннего неолита на территории Байкальской Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века

References

Aksenov M.P., Vetrov V.M. (1977) Research in mountain taiga areas of the valley of Vitim River. *Arkheologicheskie otkrytiya 1976 goda* = Archaeological discoveries of 1976. Moscow: Nauka. P. 185–186. (In Russ.)

Bazaliiskii V.I. (1998) On the problem of chronological and spatial interpretation of burials of the Early Neolithic on the territory of Baikal Siberia. *Paleoekologiya pleistotsena i kul'tury kamennogo veka v Severnoi Azii i Sopre-*

в Северной Азии и Сопредельных территорий: материалы международного симпозиума. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. 2. С. 10–18.

Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. Вып. 9. С. 43–101.

Базалийский В.И., Савельев Н.А. Могильник эпохи раннего неолита Локомотив (особенности ритуала захоронений) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. С. 7–27.

Вебер А.В., Линк Д.В. Неолит Прибайкалья: итоги и перспективы изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 1 (5). С. 135–146.

Ветров В.М. Археологические исследования в Муйской котловине (1976–1978) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во Иркутского госуниверситета. 1982. С. 86–100.

Ветров В.М. Археология Витимского плоскогорья: усть-юмурченская культура (5–4,6–3,5 тыс. л. н.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая, 2011 г.) / под общ. ред. А.В. Харинского. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 34–41.

Ветров В.М. Работы Иркутского педуниверситета в Муйской котловине // Археологические открытия 2001 г. М.: Наука, 2002. С. 403–404.

Ветров В.М. Работы Иркутского педуниверситета на местонахождении Старый Витим II в Муйской котловине // Археологические открытия 2002 г. М.: Наука, 2003. С. 345–346.

Ветров В.М. Ритуальный комплекс в устье р. Каренги (долина р. Витим) и некоторые проблемы неолита Восточной Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. Вып. 6. С. 28–43.

Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М. Многослойное местонахождение Нижняя Джилинда (Сивакон I) в Бамбуйской котловине // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1993. С. 98–113.

del'nykh territorii: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma = Paleoecology of the Pleistocene and Stone Age cultures in North Asia and neighboring territories: proceedings of an international symposium. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. Vol. 2. P. 10–18. (In Russ.)

Bazaliiskii V.I. (2012) Burial complexes of the Late Mesolithic – Neolithic of Baikal Siberia: burial traditions, absolute age. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 9. P. 43–101. (In Russ.)

Bazaliiskii V.I., Savel'ev N.A. (2008) The burial site Lokomotiv of the Early Neolithic (features of the burial ritual). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. P. 7–27. (In Russ.)

Veber A.V., Link D.V. (2001) Neolithic of Cisbaikalia: results and prospects of study. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* = Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. No. 1 (5). P. 135–146. (In Russ.)

Vetrov V.M. (1982) Archaeological research in the Muya depression (1976–1978). *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Vostochnoi Sibiri: sb. nauch. tr.* = The material culture of the ancient population of Eastern Siberia: Collection of scientific works. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 86–100. (In Russ.)

Vetrov V.M. (2011) Archeology of the Vitim plateau: Ust-Yumurchen culture (5–4.6–3.5 thousand years ago). *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Irkutsk, 3–7 maya, 2011 g.)* = Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia. International materials. scientific conf. (Irkutsk, May 3–7, 2011). Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 2. P. 34–41. (In Russ.)

Vetrov V.M. (2002) The work of the Irkutsk Pedagogical University in the Muya depression. *Arkheologicheskie otkrytiya 2001 g.* = Archaeological Discoveries 2001. Moscow: Nauka. P. 403–404. (In Russ.)

Vetrov V.M (2003) The work of the Irkutsk Pedagogical University at the site Staryi Vitim II in the Muya depression. *Arkheologicheskie otkrytiya 2002 g.* = Archaeological Discoveries 2001. Moscow: Nauka. P. 345–346. (In Russ.)

Vetrov V.M. (2008) Ritual complex at the mouth of the River Karenga (valley of the Vitim River) and some problems of the Neolithic of Eastern Siberia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 6. P. 28–43. (In Russ.)

Vetrov V.M., Zadonin O.V., Ineshin E.M. (1993) The multilayered site Nizhnyaya Dzhilinda (Sivakon I) in the Bambuyka depression] *Kul'tury i pamyatniki epokhi kamnya i rannego metalla Zabaikal'ya* = Cultures and sites of the Stone and Early Metal Ages of Transbaikalia. Novosibirsk: Nauka. P. 98–113. (In Russ.)

Ветров В.М., Инешин Е.М. Погребения раннего железного века бассейна р. Витим (датировка и культурная принадлежность) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита: Изд-во БГУ, 2002. С. 93–103.

Геология и сейсмичность зоны БАМ. Кайнозойские отложения и геоморфология / А.С. Ендрихинский, С.С. Осадчий, Б.П. Агафонов [и др.]. Новосибирск: Наука, 1983. 171 с.

Геоморфология Северного Прибайкалья и Станового нагорья / Д-ДБ Базаров, И.Н. Резанов, Р.Ц. Будвев [и др.] М.: Наука, 1981. 198 с.

Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2002. 84 с.

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 112 с.

Инешин Е.М. Некоторые аспекты создания модели деятельности человека в плейстоцене в горно-таежной зоне (Байкало-Патомское нагорье, нижнее течение р. Витим) // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск, 1995. С. 187–189.

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2008. 248 с.

Лбова Л.В., Хамзина Е.А. Древности Бурятии. Улан-Удэ, 1999: Изд-во БНЦ СО РАН. 241 с.

Логачёв Н.А., Лопатин Д.В. Материковый рифтогенез и рельеф // Проблемы эндогенного рельефообразования. М.: Наука, 1976. С. 201–245.

Людников В.О. Могильник Старый Витим II в Муйской котловине // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: материалы докладов V(L) Российской (с международным участием) археолого-этнографическая конференция студентов и молодых учёных, Иркутск, 4–9 апреля 2010 г. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 154–155.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по С-14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена //

Vetrov V.M., Ineshin E.M. (2002) Burials of the Early Iron Age of the basin of River Vitim (dating and cultural affiliation). *Tsentral'naya Aziya i Pribaikal'e v drevnosti* = Central Asia and the Baikal region in antiquity. Ulan-Ude; Chita: Buryat State University. P. 93–103. (In Russ.)

Endrikhinskii A.S., Osadchii S.S., Agafonov B.P. (1983) Geology and seismicity of the BAM zone. Cenozoic sediments and geomorphology. Novosibirsk: Nauka. 171 p. (In Russ.)

Bazarov D-DB, Rezanov I.N., Budvev R.Ts. [et al.] (1981) Geomorphology of the northern Baikal region and the High Plateau. Moscow: Nauka. 198 p. (In Russ.)

Goryunova O.I. (2002) Ancient burial sites of the Baikal region (Neolithic – Bronze Age). Irkutsk: Irkutsk State University. 84 p. (In Russ.)

Goryunova O.I. (1997) Serovo burials of Cis-Olkhon Area (Lake Baikal). Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian of the Russian Academy of Siences. 112 p. (In Russ.)

Ineshin E.M. (1995) Some aspects of creating a model of human activity in the Pleistocene in the mountain taiga zone (Baikal-Patom Highlands, the lower reaches of the Vitim River). *Obozrenie rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovanii arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 godu* = Review of the results of field and laboratory studies of archaeologists, ethnographers and anthropologists of Siberia and the Far East in 1993. Novosibirsk. P. 187–189. (In Russ.)

Lbova L.V., Zhambaltarova E.D., Konev V.P. (2008) Burial sites of the Neolithic – Early Bronze Age of Transbaikalia (the formation of archetypes of primitive culture. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian of the Russian Academy of Siences. 248 p. (In Russ.)

Lbova L.V., Khamzina E.A. (1999) Antiquities of Buryatia. Ulan-Ude: Buryatskii nauchnyi tsentr Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akdemii nauk (BNTs SO RAN). 241 p. (In Russ.)

Logachev N.A., Lopatin D.V. (1976) Continental riftogenesis and relief. *Problemy endogennogo rel'efoobrazovaniya* = Problems of endogenous relief formation. Moscow: Nauka. P. 201–245. (In Russ.)

Lyudnikov V.O. (2010) Burial ground site Staryi Vitim II in the Muya Depression. *Evraziiskoe kul'turnoe prostranstvo. Arkheologiya, etnologiya, antropologiya: materialy dokladov V(L) Rossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskaya konferentsiya studentov i molodykh uchenykh, Irkutsk, 4–9 aprelya 2010 g.* = Eurasian cultural space. Archeology, Ethnology, Anthropology: Proceedings of the V (L) Russian (with international participation) Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists, Irkutsk, April 4–9, 2010. Irkutsk: Ottisk. P. 154–155. (In Russ.)

Mamonova N.N., Sulerzhitskii L.D. (1989) The experience of C-14 dating the burials of the Baikal region of the

Советская арехология. 1989. № 1. С. 19–32.

Музис А.И. К вопросу о стратиграфии кайнозойских отложений Северного Забайкалья // Четвертичный период Сибири. М.: Наука, 1966. С. 145–154.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья (МИА № 18). М.; Л.: Изд-во Ан СССР, 1955. Ч. 1–2. 412 с.

Осипов К.И. Луга Северного Прибайкалья и Станового нагорья. Новосибирск: Наука, 1985. 136 с.

Weber A.W., Beukens R.R., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Savel'ev N.A. Radiocarbon dates from Neolithic and bronze age hunter-gatherer cemeteries in Cis-Baikal region of Siberian // Radiocarbon. – 2006. – Vol. 48. – № 1. – P. 127–166.

Критерии авторства

В.М. Ветров, Д.Л. Шергин, А.В. Тетенькин А.В. выполнили исследовательскую работу, Д.Л. Шергин, А.В. Тетенькин на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Ветров Виктор Михайлович,
кандидат исторических наук, доцент, заведующий Лабораторией археологии и этнографии Педагогического института,
Иркутский государственный университет,
664011, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9, Россия
Шергин Дмитрий Леонидович,
старший преподаватель кафедры истории и методики, Лаборатория археологии и этнографии Педагогического института,
Иркутский государственный университет,
664011, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9, Россия,
✉ e-mail: dmitriy-shergin@rambler.ru
Тетенькин Алексей Владимирович,
кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074 г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: altet@list.ru

Holocene. *Sovetskaya arekhologiya* = Soviet Archaeology. No.1. P. 19–32. (In Russ.)

Muzis A.I. (1966) To the question of stratigraphy of the Cenozoic deposits of Northern Transbaikalia. *Chetvertichnyi period Sibiri* = Quaternary Period of Siberia. Moscow: Nauka. P. 145–154. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1955) Neolithic and Bronze Age of Cis-Baikal Region. MIA. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. No. 18. Pt. 1–2. 412 p. (In Russ.)

Osipov K.I. (1985) Meadows of Northern Baikal and Stanovoye Highlands. Novosibirsk: Nauka. 136 p. (In Russ.)

Weber A.W., Beukens R.R., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Savel'ev N.A. Radiocarbon dates from Neolithic and bronze age hunter-gatherer cemeteries in Cis-Baikal region of Siberian // Radiocarbon. – 2006. – Vol. 48. – № 1. – P. 127–166.

Attribution criteria

V.M. Vetrov, D.L. Shergin, A.V. Tetenkin made the research work, D.L. Shergin, A.V. Tetenkin on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Information about the authors

Victor M. Vetrov,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Director of the Laboratory of Archaeology and Ethnography of Pedagogical Institute,
Irkutsk State University,
9 Sukhbaatar street, Irkutsk 664011, Russia
Dmitry L. Shergin,
Senior Lecturer of the Department of History and Methods, Laboratory of Archaeology and Ethnography of Pedagogical Institute,
Irkutsk State University,
9 Sukhbaatar street, Irkutsk 664011, Russia,
✉ e-mail: dmitriy-shergin@rambler.ru
Aleksey V. Tetenkin,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Researcher, Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Systems of Life of peoples of Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: altet@list.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.27+004.932.2
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-35-52

Наскальные рисунки на западе хребта Цаган-Дабан в Западном Забайкалье

© В.И. Ташак

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: В статье вводятся в научный оборот данные об археологическом местонахождении с наскальными рисунками, расположенном на западе горного хребта Цаган-Дабан в Западном Забайкалье. Все наскальные изображения местонахождения сделаны красной минеральной краской (охрой) и относятся к рисункам селенгинского типа, датируемым поздним бронзовым – ранним железным веками. Скала с древними рисунками представляет собой уникальный природный объект – скальную стену со сквозными отверстиями. Это могло послужить причиной выбора скалы для размещения здесь рисунков. Часть наскальных рисунков плохой сохранности. Метод цифровой коррекции фотографий ряда древних изображений плохой сохранности позволил выявить неразличимые или плохо различимые элементы этих рисунков. Выделено шесть групп наскальных рисунков, названных композиции. Основную часть древних изображений составляют рисунки, типичные для наскального искусства селенгинского типа: изображения людей, птиц, точек. Антропоморфные изображения представлены двух типов – с плавными очертаниями рук и ног и с угловатыми очертаниями рук и ног. Антропоморфные рисунки с угловатыми очертаниями концентрируются в рамках композиции 3, что может указывать на разное время нанесения рисунков различных композиций на скалы. Исходя из плохой сохранности многих рисунков, планируется продолжение исследований данного местонахождения.

Ключевые слова: наскальные рисунки, древнее искусство, искусство древних кочевников, бронзовый век, Западное Забайкалье, наскальные рисунки селенгинского типа, древние культовые объекты, реконструкция наскальных рисунков, цифровая обработка фотографий

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках государственного задания (XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4).

Информация о статье: Дата поступления 27 августа 2019 г.; дата принятия к печати 23 сентября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Ташак В.И. Наскальные рисунки на западе хребта Цаган-Дабан в Западном Забайкалье // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 35–52. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-35-52

The rock art on the West of mountain ridge Tsagan-Daban in Western-Transbaikalia

© Vasily I. Tashak

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

Abstract: The article introduces the data about a new archaeological site with the rock art into scientific discourse. The site is located on the west of mountain ridge Tsagan-Daban in Western-Transbaikal region. All pictures on the rock are made by mineral color (ochre) and belong to the pictures of Selenga type, which are dated back to the late Bronze Age – Early Iron Age. The rock with the rock arts presents a unique natural feature – a rocky wall with several reach-through holes. It could be the reason of choosing this rock for placing rock art images here. The part of the rock arts has bad preservation. The method of digital correction used for photos of poor-preserved images allows to reveal some not visible or poor perceptible to the eye elements of this rock arts. Figures of rock arts were combined into six groups named compositions. The main part of ancient images consists of the pictures typical for the rock art of the Selenga type: pictures of mans' figures, birds, points. There are two types of anthropomorphic pictures: the first one characterized with smooth contours of arms and legs, the second – with angular con-

tours. Anthropomorphic figures of the second type are concentrated in the frames of the composition 3. This fact can indicate the asynchronous creation time of figures from different compositions. Bad preservation and constant fading of the most pictures at this rock demand detailed description and documentation and further investigations are planned for this purpose.

Keywords: Rock Art, ancient art, art of ancient nomads, Bronze Age, Western Transbaikal region, Selenga type rock art, ancient cult objects, rock art reconstruction, digital processing of photos

Acknowledgements: The research was carried out within the state assignment (project XII.191.1.2. «Intercultural relationships, ethnic and sociopolitical processes in Central Asia», № АААА-А17-117021310264-4).

Article info: Received August 27, 2019; accepted for publication September 23, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Tashak V.I. (2019) The rock art on the West of mountain ridge Tsagan-Daban in Western-Transbaikalia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 35–52. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-35-52

Введение

Систематическое изучение наскальных рисунков и петроглифов Забайкалья разворачивается с конца первой половины XX в. (Диков, 1958; Окладников, 1964; Окладников, 1981 и др.). После издания обобщающего исследования по петроглифам и наскальным рисункам Забайкалья (Окладников, Запорожская, 1969; Окладников, Запорожская, 1970) на этой территории продолжались открытия новых свидетельств наскального искусства древнего населения (Тиваненко, 1984; Тиваненко, 1989; Тиваненко, 1990; Окладников, Молодин, Конопацкий, 1980). В то же время часть из тех рисунков, что были опубликованы в обобщающей работе, оказалась утраченной. Исчезновению наскальных рисунков Забайкалья способствуют различные факторы, в первую очередь, это антропогенное воздействие как прямое, так и опосредованное различными процессами. Прямое воздействие наиболее разрушительное. К такому воздействию относятся: хозяйственное освоение территории, разжигание костров под скалами и пр. Одной из распространенных форм разрушающего воздействия становится массовое посещение людьми скал с последующим нанесением на них различных надписей и рисунков, что очень быстро приводит к полной утрате древних наскальных изображений.

Кроме антропогенного воздействия на утрату наскальных рисунков оказывают влияние природные процессы, в частности, постепенное разрушение поверхности скал или покрытие поверхности солевыми натёками. В связи с этим фиксация и ввод в научный оборот неизвестных ранее местонахождений с наскальными рисунками имеет первостепенное значение как для понимания процессов развития духовной культуры и формирования религиозного мировоззрения древнего населения, так и для документированного сохранения культурного наследия в регионе.

Данной статьей вводится в научный оборот новое местонахождение с наскальными рисунками, ставшее известным археологам только в 2018 г., но уже со следами современных гравировок на поверхности скал. Кроме этого, серия рисунков этого местонахождения подверглась повреждениям из-за естественных процессов. Некоторые рисунки «угасают» и почти невидимые на поверхности скал, их исследования становятся возможными только при использовании новейших методов. В том числе, с использованием цифровых технологий.

Объект и методы его исследования

Археологический объект расположен в юго-западных отрогах хребта Цаган-Дабан (Западное Забайкалье, Республика Бурятия), в 10,5 км на северо-запад от с. Барыкино и в 7 км на северо-восток от д. Харитоново. В целом местность, где находится скала с наскальными рисунками, лесистая, что обеспечивало «неизвестность» этого местонахождения. По словам местных жителей, об этой скале мало кто знал до лесного пожара. Сильный лесной пожар, случившийся в конце 1990-х гг., привел к тому, что в настоящее время скалу окру-

жает открытое пространство. Морфологически участок с местонахождением представляет зону вершин отрогов с одиночными скальными останцами. Одна из таких скал – типичная дайка, ориентированная в пространстве продольной осью по линии север – юг, несет на своей западной плоскости основную массу наскальных рисунков. Одна композиция с единичными остатками рисунков находится с восточной стороны утёса.

Скала с наскальными рисунками сама по себе является замечательным природным объектом (рис. 1). Как было указано, объект представляет собой дайку – одиночную, вертикально возвышающуюся на горном склоне скалистую стену протяженностью 85 м. В южной части утеса его ширина наибольшая – 35 м при измерении по подножию. В северной части и выше середины высоты ширина стены варьирует от 6,5 до 10 м. Высота утеса от южного подножия около 20 м и около 5 м от северного подножия. При этом по форме скала «горбатая», т. е. выше в центре, в связи с чем её общая высота над южным подножием превышает 40 м. Наиболее примечательная черта скалистой стены – это сквозные естественные отверстия-дыры (рис. 1, 2), пронизывающие её в поперечном сечении (с различными вариациями основного направления восток – запад). Отверстий несколько десятков, но большинство из них мелкие, два крупных. Не все отверстия сквозные. Одно из крупных отверстий высотой около метра. Второе – высотой более двух метров в центре. Это отверстие пронзает утёс диагонально, по линии юго-восток – северо-запад и расширяется в восточном направлении. Внешне отверстие напоминает огромную трубу, а размерами – грот, тем более, что часть его внутреннего пространства огорожена массивными скальными блоками.

Тем жителям ближайших населенных пунктов, которым известно о скале, неизвестно её название или предлагаются различные варианты названий. В

Рис. 1. Вид на восточную сторону утёса. Стрелкой указано положение композиции 6
Fig. 1. View of the east side of the cliff. The arrow indicates the position of the composition 6

Рис. 2. Вид на западную сторону утёса. Стрелками и цифрами указаны отдельные композиции
Fig. 2. View of the west side of the cliff. Arrows and numbers indicate the position of the separate compositions

связи с этим предлагается название для нового объекта – Утёс Решето.

Наскальные рисунки расположены на разной высоте от поверхности склона горы. Наиболее низко расположены рисунки в северной части скалы – около 4 м, а высота наскальных изображений южной группы над склоном горы превышает 10 м. Над скальным уступом, на котором может стоять человек, высота рисунков варьирует от нескольких сантиметров до полутора метров.

Работа на местонахождении проводилась в несколько этапов. Первый этап включал в себя визуальный осмотр и обнаружение самих рисунков. Второй этап – группирование рисунков для упорядочения их фиксации и описания. Третий этап – фотофиксация рисунков. Первоначально апробировался традиционный метод копирования рисунков на кальку, применявшийся длительное время при изучении наскальных рисунков (Окладников, 1966. С. 4, 5). Данный метод показал свою низкую эффективность при работе с большинством рисунков нового местонахождения, что обусловлено их плохой сохранностью. Плохому восприятию изображений на поверхности камня способствует порода, из которой сложена скала, – это сиениты с преобладанием полевого шпата. Наскальные рисунки, выполненные красным красящим пигментом, хорошо просматриваются при хорошей сохранности, как, например, композиция № 2. В тех случаях, когда участок с изображениями покрыт солевыми натеками или поверхность скалы частично выкрошилась, рисунки просматриваются значительно хуже. Кроме этого, сам краситель некоторых изображений потускнел и стал плохо просматриваться на красноватой скале. Такие изображения плохо просматриваются без каких-либо препятствий, например, кальки. После накладывания кальки на поверхность камня изображения просматриваются еще хуже, что затрудняет его ко-

пирование. Часть рисунков только «угадывается» в виде размытых пятен.

Второй метод фиксации, активно применяющийся в настоящее время исследователями, основывался на фотографировании древних рисунков с последующей их обработкой методом цифровой коррекции изображения для получения качественного изображения самого рисунка (Миклашевич, Солодейников, 2013; Миклашевич, Бове, 2014). Цифровая обработка фотографий применяется как для работы с нарисованными рисунками, так и для работы с петроглифами. В данном исследовании использовался фотоаппарат Nikon. Режим съемки, расстояние до объекта съемки, освещение были сменными. Полученные снимки после отбора оптимальных кадров, подвергались компьютерной обработке, направленной на усиление контрастности и насыщенности цвета рисунков. В результате коррекции фотографий изображения становились пригодными для качественного копирования рисунков. Для достижения поставленной цели оказалась достаточной коррекция фотографий при использовании программы FSViewer (рис. 3). Соблюдение масштаба контролировалось использованием масштабной линейки в процессе фотографирования. В большинстве случаев, корректировка с помощью данной программы позволила получить приемлемые по качеству изображения для прорисовки копий. Применение плагинов DStretch показало, что часть рисунков может быть доступна для просмотра, только после более детальной цифровой обработки фотографий.

Кроме работы с рисунками проведена работа для создания 3D модели всего утёса, для чего проводилась его съемка с использованием квадрокоптера. В данной статье результаты 3D моделирования местонахождения не рассматриваются.

Наскальные рисунки

Все наскальные рисунки Утёса Решето группируются в отдельные композиции – группы одноэлементных рисунков. При разделении на композиции в первую очередь учитывалась их локализация. Локальные композиции могут быть представлены одним рисунком, состоящим из нескольких элементов, или более обширной группировкой, в которой выделяются отдельные многокомпонентные рисунки. Следует заметить, что выделенные композиции как таковые формировались в древности, а не только результат современных умозаключений. Во-первых, как было указано, почти все композиции занимают отдельные участки поверхности скалы. На примере композиции 3 видно, что они могут иметь стилистические особенности. Композиции различаются по содержанию и сочетанию элементов.

Всего на местонахождении выделено 6 композиций с рисунками разной степени сохранности – композиции 1 – 6. Композиции 1 – 5 располагаются на западной вертикальной поверхности утёса

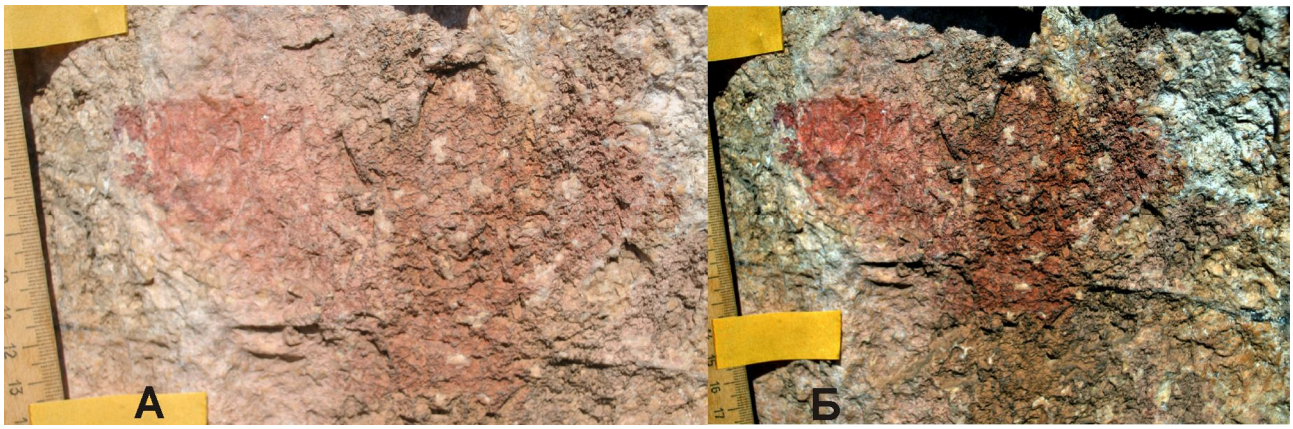

Рис. 3. Пример корректирования изображения с наскальным рисунком. Слева фотография наскального рисунка. Справа фотография после корректировки цвета
Fig. 3. Example of correcting the image with rock art. Left part– a photo of rock art. Right part – a photo after updating colors

(рис. 2). Композиция 6 расположена в южной части большого (южного) сквозного грота, на поверхности скалы, обращенной на восток (рис. 1).

Крайнюю северную позицию на западной поверхности утёса занимает **композиция 1** (рис. 4), находящаяся в одном метре севернее (левее) и чуть выше меньшего, из двух крупных, отверстий. Композиция состоит из двух типов самостоятельных рисунков – антропоморфное изображение и группа из 9 точек, расположенных справа от него (начинается ряд точек под левой рукой изображения человека). Рисунок просматривается очень плохо – красящий пигмент потемнел и на поверхности скалы едва виден. При первичном осмотре рисунка был сделан вывод о том, что в композиции представлено одно, полностью просматривающееся орнитоморфное изображение и два поврежденных. Как оказалось, вывод неверный. Выявить и прорисовать реальные контуры каждого отдельного элемента композиции удалось только с использованием цветовой коррекции фотографий.

Композиция 2 расположена в 2 м южнее композиции 1, прямо над правым краем меньшего из двух крупных отверстий. Сохранность композиции 2 наилучшая во всем комплексе. Она представлена одним антропоморфным изображением, окруженным 36 точками (рис. 5). Точки сгруппированы по 12. Первая группа из двух подгрупп располагается по 6 с двух сторон от головы рисунка человека. Каждые 6 точек расположены в двух рядах, по три в каждом. Вторая группа из 12 точек расположена по правую руку (ниже руки) антропоморфного изображения, вплотную прилегая к нему, вдоль тела. Третья группа «леворукая» – две точки из этой группы расположены над «ладонью», остальные под рукой. Композиция 2 не окружена прорисованной оградкой, но можно предположить, что роль оградки здесь выполняет естественная граница «микро-ниши» – на поверхности скалы из-за отслоившегося пласта образовалось небольшое углубление овальной формы с ровным «дном». Границы этой микро-ниши формируют границы прорисованной композиции.

Следует заметить, для данного местонахождения характерно размещение рисунков в местах отслоившихся пластов или отколовшихся кусков камня. Нередко рисунок «вписывался» в неровности, образованные отколовшимися кусками камня.

Композиция 3 расположена в 5 м южнее композиции 2, на участке скалы, нависающем над уступом. Данный участок крайний на плоскости скалы, обращенной на запад. Далее поверхность скалы переходит в поверхность, формируемую крупным отверстием. Композиция состоит из отдель-

Рис. 4. Композиция 1, прорисовка
Fig. 4. Composition 1, trace drawing

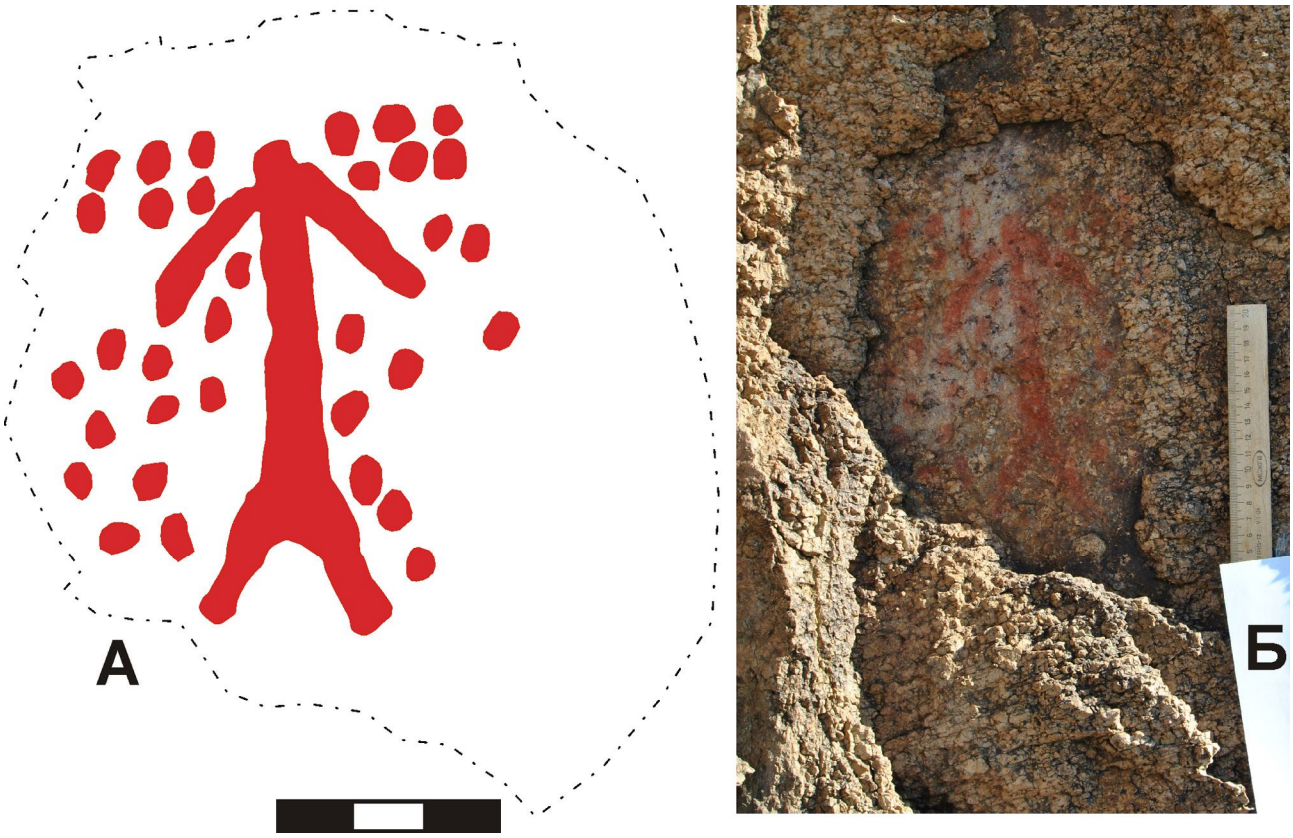

Рис. 5. Композиция 2: *А – прорисовка, В – фотография*
Fig. 5. Composition 2*: A – trace drawing, B – photo*

ных рисунков, рассредоточенных на площади около 1,5 м^2, представленных орнитоморфными и антропоморфными изображениями, а также различными точками как нанесенными намеренно, так и остатками поврежденных изображений (рис. 6). По высоте отдельные элементы композиции фиксируются от нескольких сантиметров до 1,5 м над скалистым уступом.

В верхней части композиции выделяется рисунок (вероятно, может являться отдельной композицией), в составе которого – крупная птица с плавно отклоненными назад крыльями и ровно срезанным хвостом (рис. 7.1). Сразу под птицей группа из 4-х антропоморфных фигур, расположенных в ряд – своеобразный хоровод. Справа от хоровода точки, большая часть из которых не просматривается визуально и почти неразличимы после цифровой обработки фотографий. Это связано с плотным слоем солевых натёков в данном месте. Из 4-х антропоморфных фигур, левая различима визуально, фигура правее плохо различима, но становится видна после цифровой обработки фотографии. Две фигуры ещё правее, просматриваются в виде расплывчатых контуров даже после длительной цифровой обработки фотографии. В нижней части композиции расположена вторая группа, которая видна как группа, но после обработки. Визуально видна одна антропоморфная фигурка и несколько точек. В целом группа состоит из двух антропоморфных фигур и большого количества точек под ними. Всё это заключено в «оградку» (рис. 7.2), от которой визуально виден только короткий отрезок над головой человеческой фигурки. Всё остальное просматривается после обработки фотографий. Все антропоморфные фигуры композиции 3 отличаются угловатыми очертаниями плеч и ног, согнутых в коленях.

Композиция 4 расположена в непосредственной близости от композиции 3, но большая её часть находится на плоскости, обращённой на юго-запад (рис. 8). Центр композиции представлен «хороводом» из шести антропоморфных фигурок

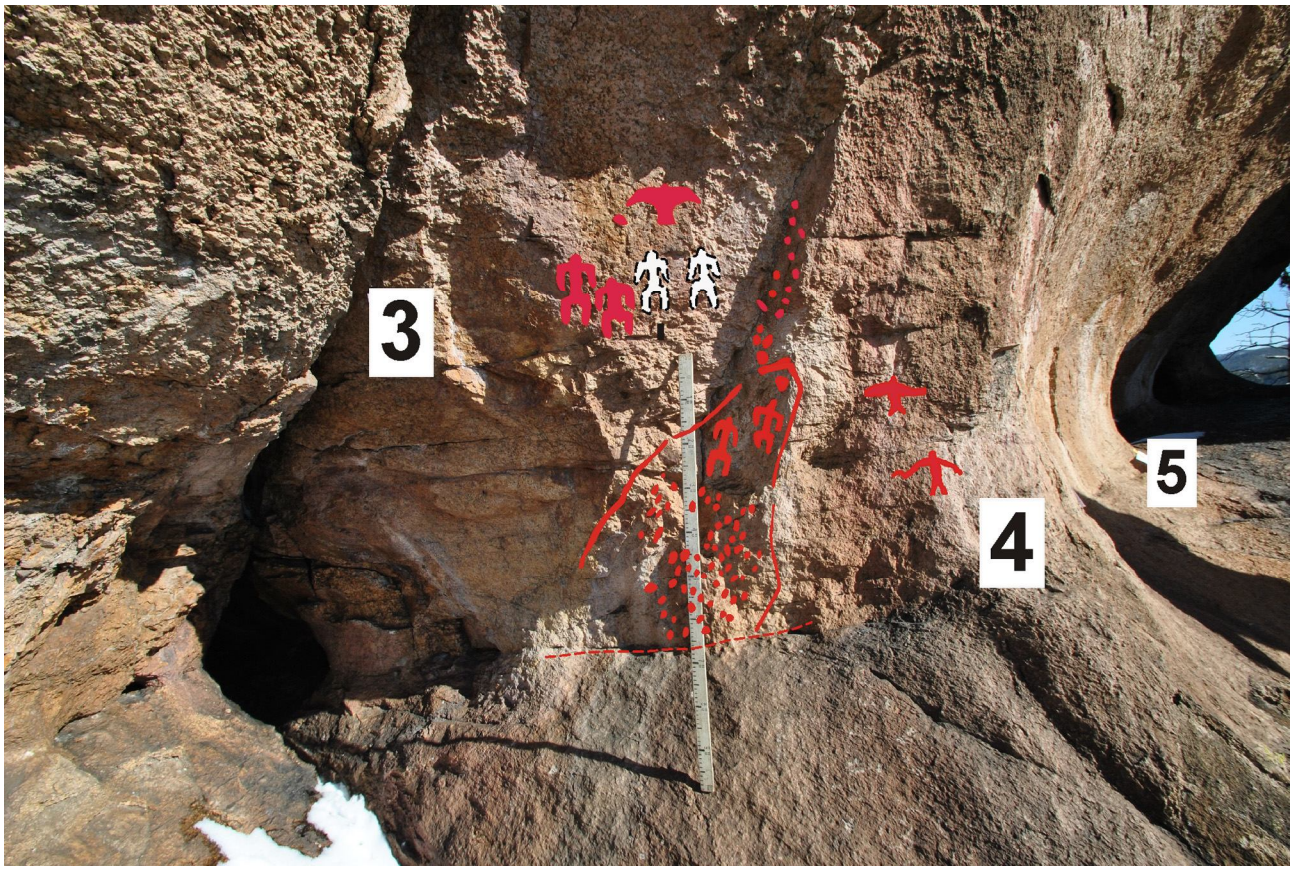

Рис. 6. Композиция 3, общий вид. Два рисунка справа относятся к композиции 4. Нижняя группа точек прорисована на поверхности масштабной линейки
Fig. 6. Composition 3, general view. Two figures in the right part refer to the composition 4. The lower group of points is drawn on the surface of the scale ruler

(рис. 9.5), которые уменьшаются в размерах с севера на юг. Возможно, таким образом передана перспектива. Первая с севера фигурка хоровода расположена на промежуточной грани, срезающей угловой выступ скалы и разделяющей композиции 3 и 4, т. е. за углом по отношению к основной части композиции 4. Южнее хоровода, продолжая общую с ним линию нарисованы 14 точек, расположенных в двух параллельных рядах. Под первой фигуркой хоровода, на той же разделяющей две композиции грани, размещены два рисунка, расположенные один над другим (рис. 6). Верхний рисунок – изображение птицы с распластанными крыльями и раздвоенным на конце хвостом, что характерно для коршуна (рис. 9.1). Ниже находится фигурка человека с широко расставленными руками, длинным телом и короткими ногами (рис. 9.2). Голова у изображения прорисована крупной. Данное изображение интересно тем, что в правой руке человек держит какой-то угловатый предмет. С другой стороны, можно предположить, что это не предмет, а фрагмент антропоморфного изображения, т. е. рука другого изображения человека, которое не видно даже после многочисленных манипуляций по обработке фотографий. На данном участке очень плотный солевой натёк. Это же можно сказать и про всю нижнюю часть композиции 3 – плотные натёки солей первоначально не позволили рассмотреть здесь никаких изображений. Только дополнительная полевая работа и новая серия работ с фотографиями позволила установить, что в нижней части композиции был нарисован ещё один хоровод антропоморфных фигур, но полностью его рисунок не восстанавливается (рис. 8, нижняя часть).

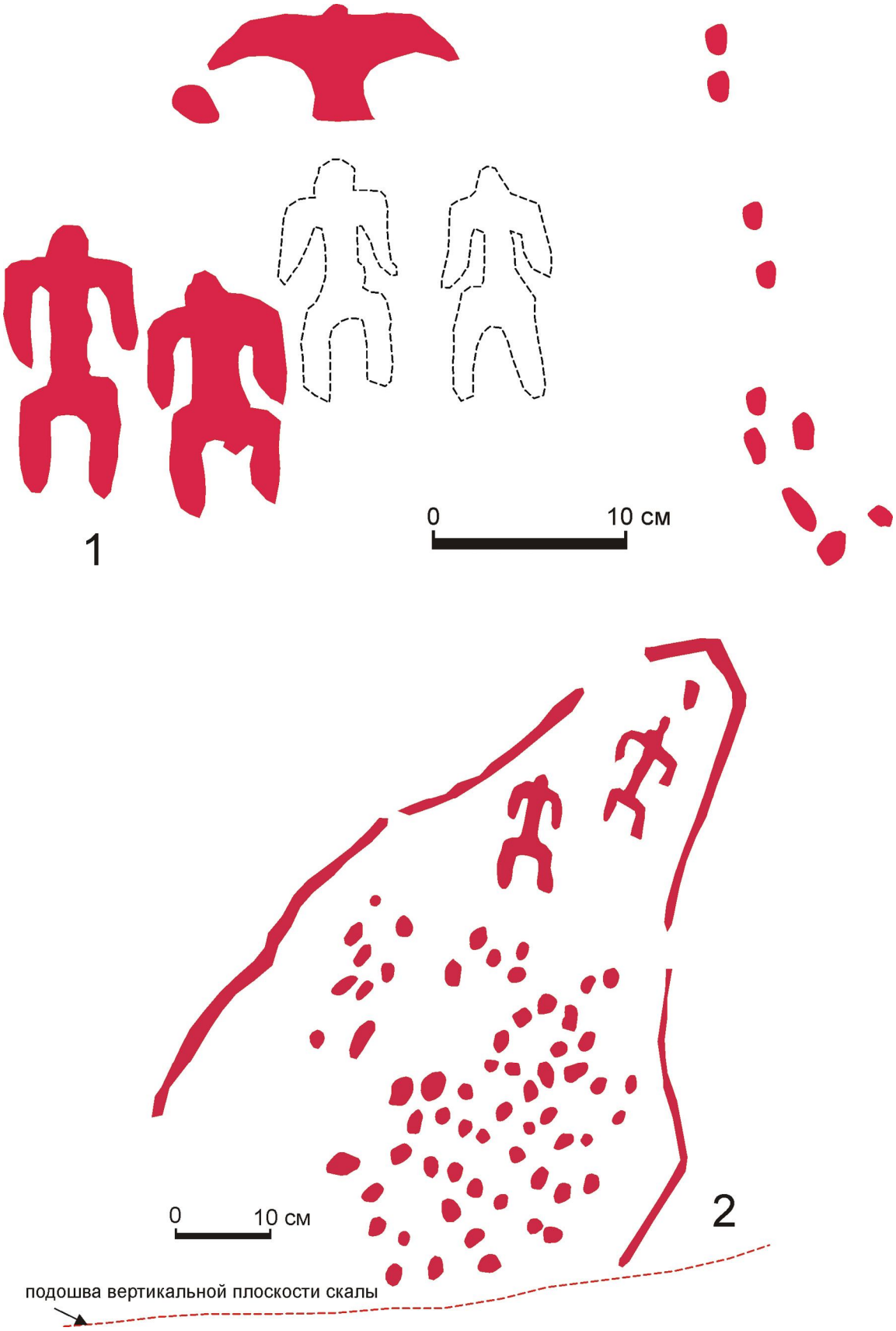

Рис. 7. Основные рисунки композиции 3
Fig. 7. Main figures of the composition 3

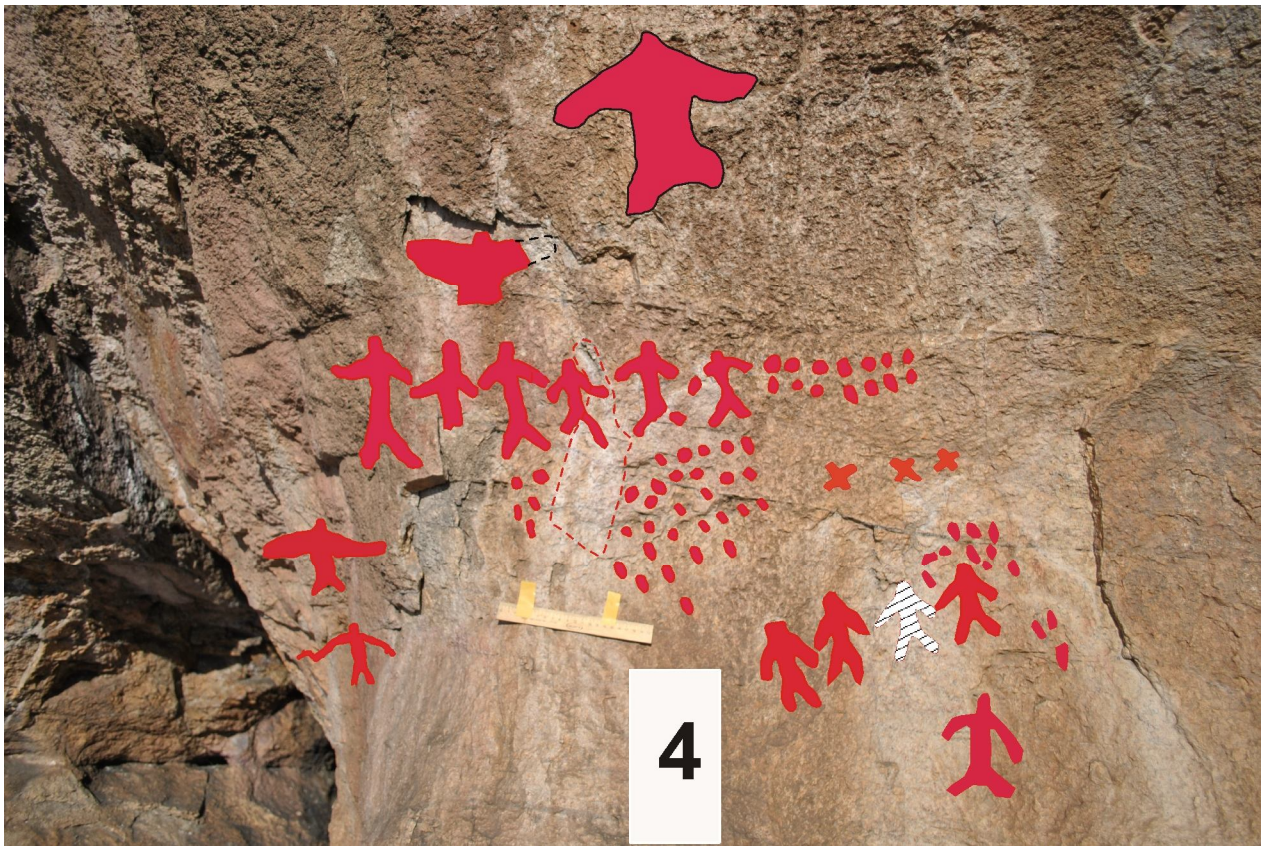

Рис. 8. Общий вид композиции 4, схема. *Рисунки даны в развернутом виде без учёта изгибов поверхности скалы*
Fig. 8. General view of the composition 4, scheme. *The figures are given in expanded form without taking into account curves of rock surface*

Таким образом, композиция 4 состоит: из двух хороводов антропоморфных изображений; орнитоморфных фигур, точек, трёх косых крестиков и одной отдельной антропоморфной фигуры. Над верхним хороводом размещены два изображения. Одно из них орнитоморфное – крупная птица с распластанными крыльями, вероятно, орла или ястреба (рис. 9.4). Второе изображение однозначно определить сложно (рис. 9.3). Оно напоминает и птицу, и человека – тело широкое, что характерно для рисунков птиц, нижняя часть прорисована как раздвоенный хвост коршуна, а крылья прорисованы как руки на антропоморфных изображениях. Ниже хоровода различимы 19 точек. Надо отметить, что второй с севера рисунок человека в хороводе поврежден – отслоилась поверхность скалы, у него отсутствуют ноги, могли быть утрачены и точки под этой фигурой. У четвертой с севера фигурки солевым натёком скрадываются очертания левых руки и ноги. Ниже фигурки натёк расширяется и усиливается его плотность, в связи с чем, контуры точек, изображенных здесь, не видны. Таким образом, количество точек, помещенных под хороводом, изначально было большим. Правее и ниже 14-ти точек расположены три косых креста.

Нижний хоровод, как было указано, удалось различить только после цифровой обработки фотографий. С правого края реконструируется 4 антропоморфных изображения (рис. 8), одно из них прослеживается по слабо различимому контуру (на рисунках 8 и 9 показано контуром). Нижний хоровод продолжался до антропоморфной фигуры «с предметом в руке», но на участке, разделяющем эту фигуру с 4-мя фигурами на правом краю, изображения крайне фрагментарны и восстановить их облик на данном этапе исследований не представляется возможным. Ниже правой части нижнего хоровода не полностью просматривается ещё одна антропоморфная фигура (рис. 9.6).

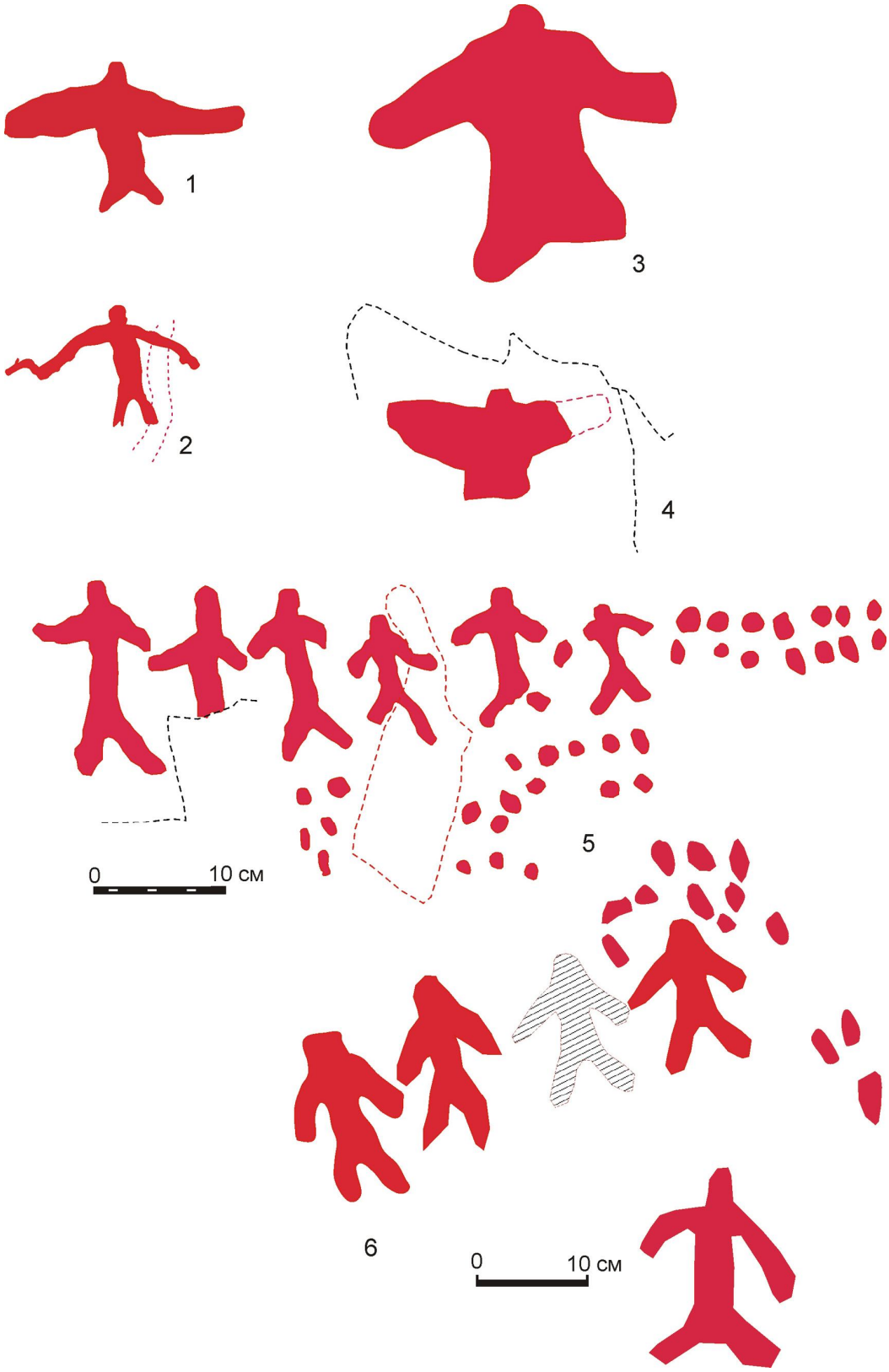

Рис. 9. Рисунки композиции 4. *Черным пунктиром показаны повреждения скалы. Красным пунктиром показаны зоны плотных солевых натеков на поверхности скалы*

Fig. 9. Figures of the composition 4. *The black dashed line shows the damage to the rock. The red dashed line shows the areas of dense salt sodium on the surface of the rock*

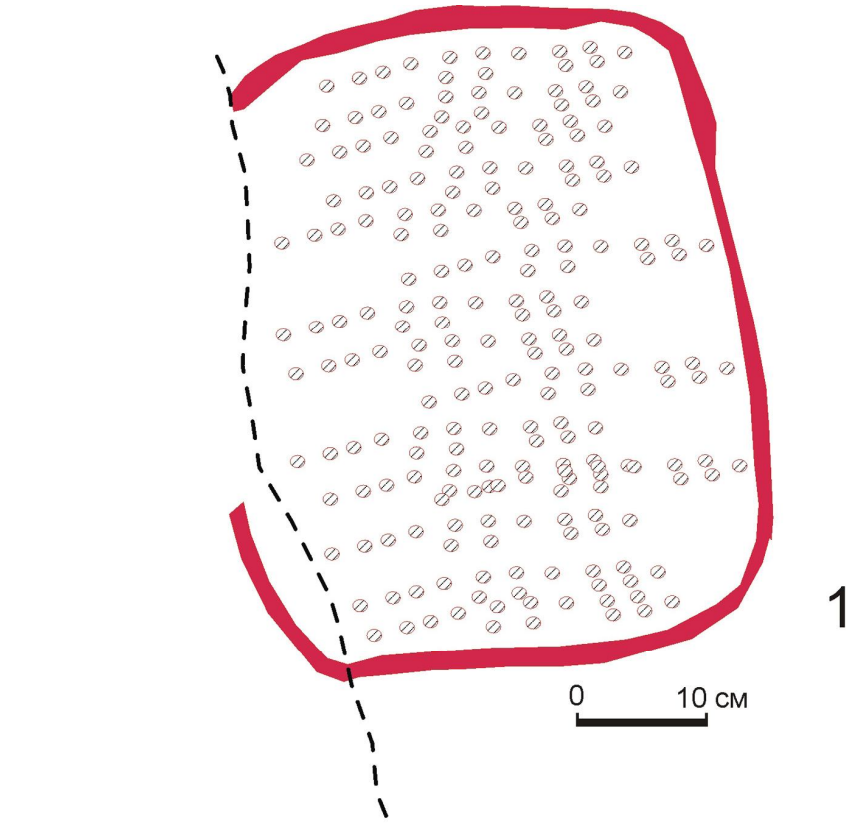
Композиция 5 расположена от 50 до 100 см южнее композиции 4. Между двумя композициями визуально наблюдался участок без наскальных рисунков, что и послужило поводом для разделения двух композиций. Как оказалось, «пустое пространство» между композициями тоже заполнено рисунками. Точнее, одним основным рисунком. Используя цветовую коррекцию фотографий, удалось на этом участке определить контуры крупной «оградки», левая (северная) граница которой повреждена в результате отслаивания фрагмента поверхности скалы. Внутри контура оградки угадываются точки и полоски, но реконструировать рисунок в полном объёме на данном этапе исследований не удалось (рис. 10.1, 2; рис. 11). Ниже оградки наблюдаются отдельные пятна и полоски.

Поверхность скалы на участке композиции 5 покрыта солевыми натёками, что делает рисунки плохо различимыми. От некоторых рисунков остались только фрагменты. Тем не менее часть рисунков просматривается, другие рисунки реконструируются после обработки их фотографий (рис. 11). В составе композиции различимы: два орнитоморфных и три антропоморфных изображения. Верхнюю позицию (около 130 см выше уступа скалы) занимает антропоморфное изображение, помещенное под «микро-карнизом», образованным в результате отслаивания куска поверхности скалы. Именно из-под этого карниза распространяется солевой натёк, который значительно перекрыл рисунок таким образом, что полностью тело антропоморфа едва различимо. Прямо вниз расположено одно изображение крупной птицы (орёл, судя по округлому концу хвоста), большая часть которой также находится под солевыми натёками. Несколько ниже, по линии сверху вниз, расположены два изображения, одно из которых изображение птицы, второе – изображение человека. Правее верхнего рисунка – человечка «под карнизом», нарисовано антропоморфное изображение, ниже него орнитоморфное изображение (коршун, судя по раздвоенному хвосту). Справа вверху над каждым нижним рисунком человека и птицы расположено по одной хорошо различимой точке. Кроме этого, над ними располагаются плохо различимые точки и полоски.

Композиция 6 расположена на восточной стороне скалы, внутри сквозного грота, пронизывающего скальную стену с запада на восток (см. рис. 1). Рисунки локализуются в верхней части с южной стороны сквозного грота. Все они обращены на восток. В составе композиции 6 фиксируется один чётко различимый рисунок – это косой крест на высоте около 1,5 м от «пола» сквозного грота (рис. 12). В трех сантиметрах ниже креста остаток рисунка угловатой формы, правее небольшая вертикальная черточка. В 50 см выше креста небольшая красная черта. В 30 см правее и ниже креста крупное пятно неясных очертаний. На удалении до метра от креста наблюдаются две мелкие наклонные черты, вероятно, остатки таких же косых крестов. Все рисунки рассредоточены на площади около 2 х 2 м.

Обсуждение

В целом рисунки Утёса Решето полностью вписываются в рамки селенгинской группы наскальных рисунков Забайкалья, выделенной А.П. Окладниковым (Окладников, Запорожская, 1969; Окладников, Запорожская, 1970). Наскальные рисунки селенгинского типа встречаются в Восточном Забайкалье (Мазин, 1994), распространены в Монголии (Новгородова, 1984; Новгородова, 1989). Ряд элементов наскальных рисунков селенгинского типа можно проследить и в Северо-Восточном Китае (Ван Цзяньлинь, Забияко, 2012), что говорит о широком территориальном распространении традиции или её элементов. Новое местонахождение наскальных рисунков Утёс Решето следует рассматривать как крупный археологический объект с наскальными рисунками, сравнимый с крупнейшими местонахождениями подобного типа в Западном Забайкалье. Здесь представлены почти все наиболее часто встречающиеся типы рисунков, традиционно относимых к селенгинской группе писаниц. Среди рисунков, формирующих композиции местонахождения, отмечены следующие изображения: антропоморфные; орнитоморфные; отдельные и сгруппированные точки; косой крест;

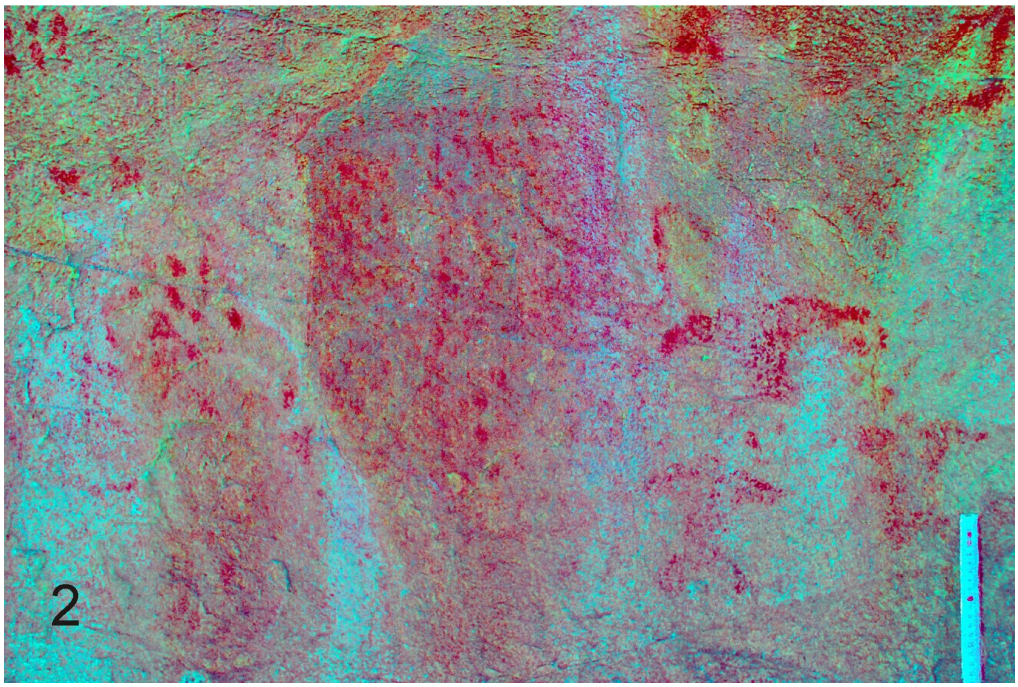

Рис. 10. Оградка между композициями 4 и 5: *1 – рисунок, точки внутри оградки нарисованы условно; 2 – один из этапов цифровой обработки фотографии*

Fig. 10. Enclosure between the compositions 4 and 5*: 1 – Trace drawing, points inside the enclosure are drawn apparently. 2 – One of the stages during the digital correcting the photo*

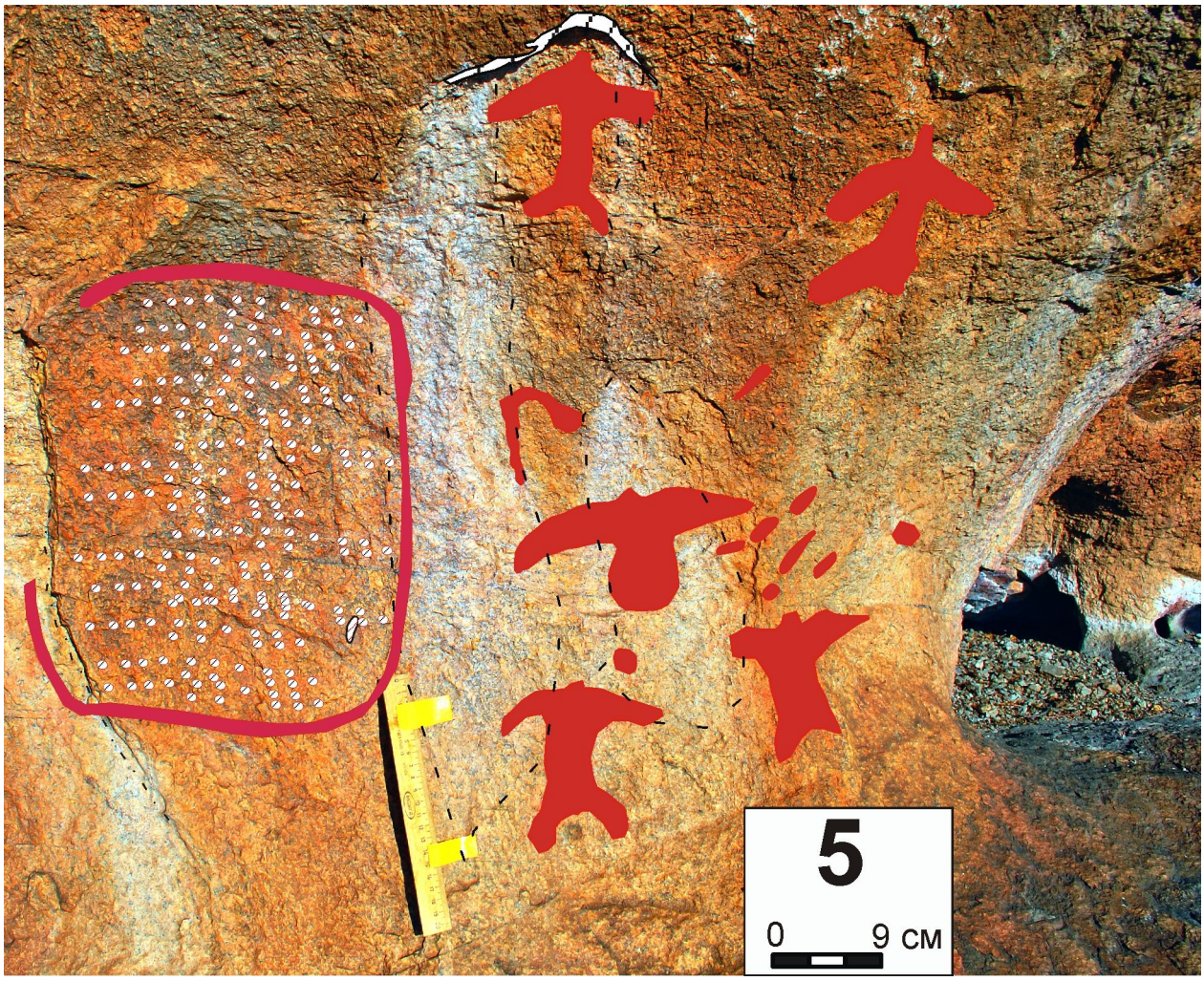

Рис. 11. Композиция 5, схема
Fig. 11. Composition 5, scheme

группа рисунков в «оградках». Типы группирования рисунков также характерны для селенгинских наскальных рисунков. Среди них наиболее часто встречаются группировки из антропоморфных изображений и различных точек: округлых и овальных. Это именно запланированные и воплощенные группировки, а не случайное соседство отдельных типов рисунков на скальной поверхности. Об этом можно судить по тому как расположены точки по отношению к отдельным антропоморфным изображениям: рядом с головой, над рукой, под рукой, вдоль тела, полностью заполняя пространство вокруг изображения человека. В рассматриваемом местонахождении такие группировки с большим количеством точек выделяются в композициях 1–4. Вероятнее всего большая оградка с точками должна быть отнесена к композиции 5, поскольку основу композиции 4 составляют хороводы из антропоморфных фигур. Подобные «хороводы» обычны для наскальных рисунков селенгинского типа. Сочетание антропоморфных и орнитоморфных изображений может указывать на их группирование по задуманному плану. На примере хоровода из композиции 3 и верхнего хоровода из композиции 4 видно, что над ними обязательно располагаются изображения птиц. Судя по всему, с нижним хороводом композиции 4 связано изображение птицы, расположенное на левом краю композиции.

Все изображения на местонахождении типичны для наскальных рисунков селенгинского типа. Датирование рисунков этого типа эпохой финального бронзового века – началом железного века

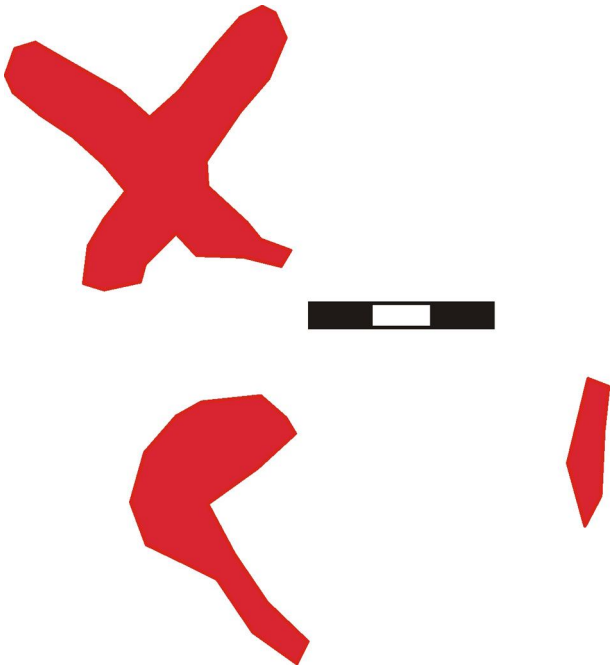

Рис. 12. Рисунок в центральной части композиции 6
Fig. 12. Figure at the center of composition 6

осуществлялось на основании анализа сюжетов, стиля и техники нанесения изображений на скалы (Окладников, Запорожская, 1970. С. 89). Непосредственно на местонахождении выделяются рисунки различного стиля и различной сохранности, что может быть объяснено разным временем нанесения рисунков на скалу в пределах указанного хронологического периода. Некоторое разнообразие в стиле наблюдаются в первую очередь среди антропоморфных изображений. Например, антропоморфные рисунки композиции 3 резко отличаются от других изображений такого типа своей угловатостью. Большинство остальных антропоморфных изображений выполнено в единой манере – продолговатое тело, расставленные под углом ноги, расставленные под углом руки, направленные вниз. Очертания плеч плавные, локтевые изгибы прорисовываются редко, и если прорисовываются, то их очертания плавные.

В композиции 4 нижний левый рисунок человека подобен большинству других, но у изображенного человека непропорционально длинные руки. Косые кресты зафиксированы только в композициях 4 и 6, последняя расположена в южной части местонахождения, на скальной поверхности восточной экспозиции.

О поэтапном нанесении рисунков на поверхность скалы свидетельствует и их различная сохранность. Например, композиции 1 и 2 расположены близко друг к другу, на скальной поверхности, обращенной на запад, но сохранность каждой композиции сильно отличается. Чётко различимые контуры и цвет каждой детали в композиции 2, и едва видные на поверхности, сильно потемневшие, элементы композиции 1. Оградка между композициями 4 и 5 большей частью не затронута солевыми натёками, но её детали сильно «угасли». В композиции 6 большинство деталей неразличимы, при этом рисунки на этом участке наиболее защищены от внешнего воздействия, поскольку они прикрыты сводом сквозного грота. Плохая сохранность рисунков композиции 6 при их закрытости от внешнего воздействия позволяет предполагать, что эта композиция наиболее древняя во всем комплексе рисунков.

Значительный интерес представляет само расположение местонахождения с наскальными рисунками на местности. Утёс расположен в привершинной части отрогов хребта, удаленной как от берега реки Хилок – кратчайшее расстояние 4 км, так и от Тугнуйско-Сухаринской долины, где сосредоточено большинство археологических объектов бронзового и раннего железного веков – кратчайшее расстояние 15 км. Подступы к скале с наскальными рисунками затруднительны – местность испещрена ложбинками и склоновыми жёлобами. Как указывалось ранее, долгое время утёс был скрыт густым лесом. В настоящее время вокруг него открытое пространство, образовавшееся в результате сильного лесного пожара в конце 1990-х годов. Надо полагать, в финале бронзового века здесь также была открытая местность, что сделало привлекательным утёс для размещения на нём наскальных рисунков, отождествляемых в первую очередь со степными кочевническими культурами (Окладников, Запорожская, 1970. С. 89).

Исследование местности вокруг утёса показало, что люди приходили сюда, как минимум, с конца верхнего палеолита – найдены единичные ка-

менные артефакты рядом со скалой. Вероятно, уже в это время утёс нёс некоторую сакральную нагрузку, но прямых свидетельств этого не сохранилось или пока не найдено. Во всяком случае, местность вокруг скалы, характеристики которой даны ранее, не была привлекательной для долговременного проживания. Сырьё, из которого изготавливались каменные артефакты, было приносным и, вероятнее всего, добывалось на берегу Хилка. Посещение людьми этого места как в каменном веке, так и в бронзовом веке, скорее всего, обуславливалось необычным видом самой скалы, что и придавало ей притягательность. Хотя можно предположить другой вариант – в 500 м восточнее скалы расположен распадок с небольшим родником, который, в случае его функционирования в древности, мог обеспечивать проживание здесь людей. Если рассматривать утёс как культовое место с наскальными рисунками, то следует считать, что основой этого культового места была именно скала со сквозными отверстиями. Иными словами, данное местонахождение с наскальными рисунками можно рассматривать как древнее святилище ландшафтного типа (Антонова, Ташак, 2014; Tashak, Antonova, 2019). Здесь пока не найдено материальных следов осуществления обрядов, например, оставление каких-либо жертвенных предметов или рукотворных элементов, выделяющих сакральное пространство. Тем не менее наскальные рисунки, расположенные с западной и восточной сторон скалы, а также находящиеся во внутреннем пространстве сквозного грота, указывают на включение обширной территории в рамки этого местонахождения.

Заключение

Рассмотренный в статье археологический объект дополняет корпус известных археологических местонахождений с наскальными рисунками селенгинского типа в Забайкалье и является одним из крупнейших среди себе подобных. Местоположение местонахождения в глубине горных отрогов указывает на то, что именно необычный вид скалы со сквозными отверстиями послужил основным критерием выбора для нанесения на её поверхности наскальных рисунков в эпоху бронзового века. Утёс со сквозными отверстиями, напоминающими гроты и пещеры, стал привлекателен для человека в той же мере, что и сами гроты и пещеры, которые, обычно служили основой для организации культовых мест (Константинов М.В., Константинов А.В., Васильев С.Г., Екимова Л.Г., Разгильдеева И.И., 2003; Антонова, Ташак, 2013). Необычная форма скалы привлекала человека ещё со времени финального палеолита, чему есть доказательства в виде артефактов каменного века, найденных рядом. Перспективными представляются исследования, направленные на поиски материальных свидетельств проведения здесь культовых обрядов и временных стоянок древнего человека.

Исследования наскальных рисунков Утёса Решето следует продолжить с расширением технических методов, поскольку плохая сохранность большинства рисунков местонахождения не позволила восстановить их полный облик на основе применённых технических решений. Вероятно, варьирование освещенности в ходе фотографирования отдельных изображений позволит добиться лучших результатов по восстановлению облика рисунков уже изучавшихся и выявлению отдельных периферийных рисунков.

Библиографический список

Антонова Ю.Е., Ташак В.И. Барун-Ламхэ – древнее святилище в Западном Забайкалье // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2013. Т. 2. С. 232–235.

Антонова Ю.Е., Ташак В.И. Древние святилища Западного Забайкалья: вопросы дефиниций и типологии // Вестник бурятского научного центра Сибирского отде-

References

Antonova Yu.E., Tashak V.I. (2013) Barun-Lamkhe – ancient sanctuary in Western Transbaikalia. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii* = Integration of archaeological and ethnographical investigations. Irkutsk: Irkutsk state technical university. Vol. 2. P. 232–235. (In Russ.)

Antonova Yu.E., Tashak V.I. (2014) Ancient sanctuaries of Western Transbaikalia: questions of definitions and typology. *Vestnik buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo*

ления Российской академии наук. 2014. № 4 (16). С. 191–200.

Ван Цзяньлинь, Забияко А.П. Петроглифы Северо-Восточного Китая в контексте социальной и религиозной истории региона // Религиоведение. 2012. № 4. С. 3–19.

Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Бурятский комплексный научно-исследовательский институт, 1958. 139 с.

Константинов М.В., Константинов А.В., Васильев С.Г., Екимова Л.Г., Разгильдеева И.И. Под покровительством Большого шамана: археологическое путешествие по Забайкалью. Чита: Экспресс-типография, 2003. 53 с.

Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1994. 241 с.

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Гравировки на скалах Хакасии: новые технологии документирования // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань: Отечество, 2014. С. 75–79.

Миклашевич Е.А., Солодейников А.К. Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере кавказской писаницы в минусинской котловине) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 176–191.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия: (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). Москва: Наука, 1989. 381 с.

Окладников А.П. Олень золотые рога. Л.-М.: Искусство, 1964. 240 с.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М.-Л.: Наука, 1966. 322 с.

Окладников А.П. Петроглифы Монголии. Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1981. 228 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ленинград: Наука, 1969. 218 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ленинград: Наука, 1970. 263 с.

Окладников А.П., Молодин В.И., Конопацкий А.К. Новые петроглифы Прибайкалья и Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1980. 40 с.

Тиваненко А.В. Новые памятники древнего наскального искусства Западного Забайкалья (каталог, дополнение). Улан-Удэ, 1984. 22 с.

Тиваненко А.В. Новые средневековые петроглифы Байкала и Западного Забайкалья // Этнокультурные процессы Сибири в средние века. Новосибирск: Наука, 1989. С. 79–84.

Тиваненко А.В. Древнее наскальное искусство Бу-

otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk = The Bulletin of the Buriat Science Centre of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences. No. 4 (16). P. 191–200. (In Russ.)

Wang Jianlin, Zabiyako A.P. (2012) Rock Paintings of Northeast China in the Context of Social and Religious History of the Region. *Religiovedenie* = Study of Religion. No. 4. P. 3–19. (In Russ.)

Dikov N.N. (1958) Bronze Age of Transbaikal region. Ulan-Ude: Buryatskii kompleksnyi nauchno-issledovatel'skii institut. 139 p. (In Russ.)

Konstantinov M.V., Konstantinov A.V., Vasil'ev S.G., Ekimova L.G., Razgil'deeva I.I. (2003) Under protection of Big Shaman. Archaeological trip to Transbaikalia. Chita: Ekspress-tipografiya. 53 p. (In Russ.)

Mazin A.I. (1994) Ancient sanctuaries of Amur River region. Novosibirsk: Nauka. 241 p. (In Russ.)

Miklashevich E.A., Bove L.L. (2014) Engraving on the rocks of Khakassia: new technologies of documentation. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda* = Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress. Kazan': Otechestvo. P. 75–79. (In Russ.)

Miklashevich E.A., Solodeinikov A.K. (2013) New opportunities for recording the rock paintings made by paint (on the example of the Caucasian Pisanitsa in the Minusinsk trough). *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* = Scientific review of Sayan-Altai. No. 1 (5). P. 176–191. (In Russ.)

Novgorodova E.A. (1984) The World of Mongolian Petroglyphs. Moscow: Nauka. 168 p. (In Russ.)

Novgorodova E.A. (1989) Ancient Mongolia: some problems of chronology and ethnocultural history. Moscow: Nauka. 381 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1964) The deer golden antlers. Leningrad – Moscow: Iskusstvo. 240 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1966) Petroglyphs of the Angara River basin. Moscow – Leningrad: Nauka. 322 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1981) Petroglyphs of Mongolia. Leningrad: Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics. 228 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. (1969) Petroglyphs of Transbaikalia. Leningrad: Nauka. 218 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. (1970) Petroglyphs of Transbaikalia. Leningrad: Nauka. 263 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Molodin V.I., Konopatskii A.K. (1980) New Petroglyphs of the Baikal Region and Transbaikalia. Novosibirsk: Nauka. 40 p. (In Russ.)

Tivanenko A.V. (1984) New sites with ancient Rock Art in Western Transbaikalia (catalogue, supplement). Ulan-Ude. 22 p. (In Russ.)

Tivanenko A.V. (1989) New Middle Age petroglyphs of Baikal and Western Transbaikal region. *Etnokul'turnye protsessy Sibiri v srednie veka* = Ethnocultural processes in Middle Age Siberia. Novosibirsk: Nauka. P. 79–84. (In Russ.)

Tivanenko A.V. (1990) Ancient Rock Art of Buryatia:

рятии: новые памятники. Новосибирск: Наука, 1990. 208 с.

Tashak V. I., Antonova Yu. E. Ancient 'sanctuaries' of West Transbaikalia, Siberia // Rock Art Research. 2019 – Volume 36, Number 1, pp. 94–107.

Критерии авторства

В.И. Ташак выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись, документы и иллюстрации к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Ташак Василий Иванович,
кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия,
✉ e-mail: tvi1960@mail.ru

new sites. Novosibirsk: Nauka. 208 p. (In Russ.)

Tashak V. I., Antonova Yu. E. Ancient 'sanctuaries' of West Transbaikalia, Siberia // Rock Art Research. 2019 – Volume 36, Number 1, pp. 94–107.

Attribution criteria

V.I. Tashak made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication, he own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Vasily I. Tashak
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Leading Researcher,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanova Street, Ulan-Ude 670047, Russia,
✉ e-mail: tvi1960@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 902/904 (571.5)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-53-65

К исторической географии народонаселения Байкальской Сибири (северно-евразийские связи в эпоху бронзы и раннего железа)

© П.Б. Коновалов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: Байкальский регион, находящийся на стыке Центральной и Северной Азии или Сибири, зачастую именуют Байкальской Сибирью. Один из наиболее известных его исследователей А.П. Окладников рассматривал Байкальский регион как своеобразную в историко-культурном отношении область, где в силу природно-географических условий имело место необычайно интенсивное историческое развитие, происходили встречи и скрещивание культур. Основная часть статьи посвящена обзору и анализу исследований академиком А.П. Окладниковым петроглифов Байкала, Ангары и Верхней Лены – тех сюжетов из них, которые имеют несомненные параллели в петроглифах Карелии и Скандинавии, указывают на трансконтинентальные культурные связи в эпоху бронзы и раннего железа. Среди сюжетов, встречающихся в разных частях Северной Евразии, прежде всего, обращают на себя внимание изображения хвостатых человечков с рогами на голове, лебедей и лодок с гребцами. Помимо петрографических параллелей, на территории Предбайкалья отмечается целый пласт уралоязычной топонимики, которая предшествует распространенной в регионе топонимике алтаеязычной. В свете этих разработок можно предполагать, что Байкальская Сибирь в период бронзы – раннего железа находилась не только в зоне алтайской языковой общности, но и в пограничной зоне контактов с уральской общностью, что подкрепляет позицию сторонников реальности урало-алтайской лингвистической теории.

Ключевые слова: Байкальская Сибирь, Приуралье, Карелия, Скандинавия, бронзовый век, петроглифы, перекличка сюжетов, этнокультурные ареалы, урало-алтайская общность

Благодарности: Публикация выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00082 «Внутренняя Азия в исторической картографии – реконструкция ее историко-культурного прошлого».

Информация о статье: Дата поступления 18 сентября 2019 г.; дата принятия к печати 21 октября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Коновалов П.Б. К исторической географии народонаселения Байкальской Сибири (северно-евразийские связи в эпоху бронзы и раннего железа) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 53–65. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-53-65

Towards the historical geography of the population of Baikal Siberia (Northern-Eurasian Relations in the Bronze and Early Iron Age)

© Prokopiy B. Konovalov

Institute of Mongolian, Buddist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

Abstract: The Baikal region is located at the junction of Central and North Asia or Siberia, it is often known as Baikal Siberia. One of its most famous researchers, A.P. Okladnikov regarded the Baikal region as a region historically and culturally peculiar, where, due to natural and geographical conditions, an unusually intensive historical development took place as well as meetings and crossing of cultures took place. The main part of the article is devoted to the review and analysis of research of petroglyphs of Baikal, Angara and Upper Lena by Academician A.P. Okladnikov – the scenes that have undoubted parallels in the petroglyphs of Karelia and Scandinavia, indicate transcontinental cultural connections in the Bronze Age and Early Iron Age.

Within the meaning of these researches, Baikal Siberia of this era was located not only in the area of the Altai linguistic community, but also in the border zone of contacts with the Ural community, which reinforces the position of supporters of the Ural-Altai linguistics theory.

Keywords: Baikal Siberia, Ural, Karelia, Scandinavia, bronze age, petroglyphs, plot roll call, ethnic-cultural areas, Ural-Altaic community

Acknowledgements: The publication was supported by the RFBR grant No. 19-09-00082 "Inner Asia in historical cartography, the reconstruction of its historical and cultural past".

Article info: Received September 18, 2019; accepted for publication October 21, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Konovalov P.B. (2019) Towards the historical geography of the population of Baikal Siberia (Northern-Eurasian Relations in the Bronze and Early Iron Age). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 53–65. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-53-65

Из энциклопедического определения понятия историческая география видно, насколько многоаспектна эта комплексная научная дисциплина, образовавшаяся на стыке истории и географии, изучающая «физическую, социально-экономическую, культурную, политическую географию прошлых эпох в исторической динамике» (БРЭ. Т. 12. С. 114)[1].

В предмете изучения исторической географии можно выделить два взаимосвязанных аспекта, как «две стороны одной медали»: 1. – история определенной географической территории в исторической динамике её народонаселения (заселение, контакты, взаимодействия, смены этносов и этнических общностей); 2. – предыстория народов данной территории «в лице» этносов-предков в их географическом распространении, миграциях и освоении заселяемых земель. Обобщая предмет исследования, его можно определить как географию народонаселения в его историческом движении по времени и пространству. Значит, изучение этой дисциплины связано и с этнической историей народов, с ранними и поздними, дальними и близкими культурными связями.

В качестве объекта исследования автор рассматривает Байкальский регион, находящийся на стыке Северной и Центральной Азии и потому называемый либо Байкальской Сибирью, либо Байкальской Азией. Двоякое наименование, используемое в изучении древних культур этого региона, объясняется пограничным между Восточной Сибирью (Северная Азия) и Монголией (Центральная / Внутренняя Азия) положением, обуславливающим как природно-климатическую характеристику региона (сочетание лесной и степной зон в виде взаимопроникающих клиньев горно-таежных хребтов и лесостепных и степных межгорных долин), так и его культурно-исторический облик с археологическими памятниками, типологически тяготеющими: одни – к сибирским таежным культурам, другие – к центральноазиатским горно-степным.

В плане историографии изучения данного региона нет большего по значимости вклада, чем работы академика А.П. Окладникова, оставившего труды не только с историческими построениями, но и большое количество публикаций археологических материалов, которые требуют дальнейшего осмысления и на которые могут опираться современные и будущие исследователи.

Прибайкалье рассматривалось А.П. Окладниковым как своеобразная в историко-культурном отношении область, где были выявлены яркие древние культуры эпох камня и раннего металла, в особенности, неолита и бронзового века, где в силу природно-географических условий имело место необычайно интенсивное историческое развитие, происходили встречи и скрещивание культур. Прошлое Байкальского региона, включая Приангарье, верховье Лены и всё Забайкалье до Аргуни (верховье Амура), ученый рассматривал на широком фоне археологической панорамы общеазиатского охвата, крупномасштабного историко-

[1] Большая Российская энциклопедия. Т. 12.

культурного и историко-этнографического районирования.

Особую значимость в этой связи имеют петроглифические исследования А.П. Окладникова (Окладников, 1966; Окладников, 1969; Окладников, 1974; Окладников, Запорожская, 1959; Окладников, Запорожская, 1969; Окладников, Запорожская, 1970), осуществленные им целенаправленно по регионам Сибири, Дальнего Востока и Центральной Азии и показывающие, какую роль играет изучение петроглифов в деле районирования древних культур. Главным образом по ним, но естественно, с учетом известной к тому времени общеархеологической панорамы Северной, Средней и Центральной Азии, А.П. Окладников представляет следующий опыт районирования памятников или, как он называет, видения этногенетических ареалов.

1. Петроглифы Западной Сибири и Урала принадлежат, по его мнению, предкам финно-угорских и самодийских племен.

2. Петроглифы Восточной Сибири принадлежат предкам тунгусов и отчасти палеоазиатов.

3. Петроглифы Амура, Уссури и Приморья принадлежат рыболовам и ранним земледельцам Дальнего Востока – предкам палеоазиатов и тунгус-маньчжуров.

4. Петроглифы степей и гористых лесостепей Забайкалья, Тувы, Алтая и Монголии принадлежат «охотникам на лошадей и куланов Центральной Азии». Эту группу А.П. Окладников называет центрально-азиатской, и здесь, по его мнению, «естественно искать предков алтайских народностей, в первую очередь тюрко-язычных, сначала гуннов, а после них тюрков и собственно монголов, начиная с киданей» (Окладников, 1969. С. 17–18).

Для сравнения приведем видение этнокультурных ареалов эпохи неолита на территории Сибири крупнейшего исследователя В.Н. Чернецова, который считал возможным говорить о трех основных ареалах.

1. Урало-Сибирский: от северо-востока Европы до Енисея и Саян, совместимый с финно-угро-самодийской языковой общностью.

2. Байкало-Ленский: от Прибайкалья до Охотского побережья, Чукотки и Камчатки включительно, гипотетически связываемый с предками палеоазиатских народов (что было подтверждено антропологом М.Г. Левиным)

3. Верховье Иртыша, Алтай, Забайкалье, Приамурье, Приморье, Маньчжурия, т. е. окраина степей Центральной и Восточной Азии, – сопоставима отчасти с территориями расселения алтайской языковой семьи – тюрко-монголов на западе и тунгусо-маньчжуров на востоке (Чернецов, 1973).

Районирования этнокультурных ареалов А.П. Окладниковым и В.Н. Чернецовым, отличаясь друг от друга в некоторых деталях географических номинаций, в общих чертах совпадают полностью между собой и с современной этнической картой Сибири и Центральной Азии, а главное – проецируются (имеют выходы) на проблемы изучения древнейших языковых ареалов – в данном случае уральской и алтайской языковых семей.

Вместе с тем за этими этноязыковыми ареалами, с нашей точки зрения, встает вопрос о более крупной языковой общности, объединяющей обе семьи в одну общую – урало-алтайскую, реальность которой подвергается сомнению, самими лингвистами признается проблематичной. А проблемы изучения языковых семей известны: какова историческая география, каковы исторические пути их образования – путем ли расхождения генетически единого праязыка или путем контактов и схождения/сближения разных языковых групп. Об этом достаточно сослаться на обстоятельные труды таких лингвистов как Б.А. Серебренников (Серебренников, 1982) и Т.С. Шарадзенидзе (Шарадзенидзе, 1982), обсуждающих как раз такие вопросы (в рамках коллективной монографии «Теоретические основы классификации языков мира»).

Между тем в рамках выше приведенных этнокультурных ареалов, очерченных А.П. Окладниковым, в его же исследованиях петроглифов Байкала, Ангары и Верхней Лены, обнаруживаются следы древнейших трансконтинентальных связей населения этого региона с Уралом и далее к западу до Балтики. Именно эти данные подвигли меня обратиться к историографическому наследию академика из области петроглифоведения, проливающего свет на направления и масштабы культурных свя-

зей древнего Байкальского региона, к его идеям, обращенным к северно-евразийским культурным связям.

Итак, в дальнейшем изложении нашей темы особое место занимают петроглифы Байкала, Ангары и Верхней Лены, те сюжеты из них, которые маркируют именно северо-азиатскую (байкальско-сибирскую) ипостась древней культуры региона (в отличие от упомянутого выше байкальско-центральноазиатского направления связей). В названных петроглифах А.П. Окладниковым выделены рисунки-сюжеты, демонстрирующие интересные и неожиданные параллели с памятниками отдаленных от Прибайкалья древних культур Сибири и Европейского Севера.

По технике исполнения, сюжетам и идейному содержанию это в первую очередь писаницы в бухтах Саган-Заба и Ая (Айа) (Агапитов, 1881; Черский, 1895; Петри, 1914; Т.С. (Тимофей Савенков), 1925[2]; Хороших, 1924; Хороших, 1928; Хороших, 1954[3]; Хороших, 1960; Хороших, 1971; Окладников, 1974; Горюнова, Ткачева, 1989; Агеева, Дэвлет, Ребрикова, 1996), нанесенные на отвесных, уходящих в глубину Байкала, беломраморных плоскостях береговых скал, а также рисунки на горе Сахюрта (Кремнистая) (Петри, 1914; Хороших, 1928; Хороших, 1954; Хороших, 1960; Хороших, 1971; Окладников, 1974; Агеева, Дэвлет, Ребрикова, 1996) и на скале около улуса Елгазур (Окладников, 1974; Агеева, Дэвлет, Ребрикова, 1996), датируемые по разнообразию сюжетов от неолита до бронзового и раннежелезного веков.

По интерпретации Окладникова наскальные рисунки в бухтах Саган-Заба и Ая отличны от подавляющей массы забайкальских писаниц как по технике выполнения, так и по содержанию и стилю[4]. Это, прежде всего, крупные антропоморфные фигуры – изображения людей или духов в человеческом облике. По комплекции широкоплечих и узкобедрых мужских тел с пропорционально короткими, но характерно переданными ногами, они напоминают танцующие фигуры. На головах или вместо головы у некоторых торчат рожки в виде развилки, а на теле изображены прямые или зигзагом полосы, напоминающие змею. Все это явно напоминает шаманские наряды изображенных людей, а их танцующие позы – ритуальные священнодействия шаманов (рис. 1) (по: Окладников, 1974. С. 73. Табл. 7). Змеи изображены и на главной фигуре шамана-танцора в бухте Ая (рис. 2: 1) (по Окладникову, 1974. Табл. 26).

Огромный интерес представляет география сопоставимых с байкальскими рисунками памятников. Рисунки Саган-Заба сближаются с писаницами на скалах Братская (Большая) Када в устье р. Оки близ г. Братска (Среднее Приангарье) (Окладников, 1966. Табл. 155: 1, 2) и вместе с ними демонстрируют совпадения с аналогичными памятниками Западной Сибири, Северного Приуралья и далее до Скандинавии. В свою очередь, антропоморфные фигуры из Братской Кады совпадают с изображениями на глиняных сосудах из раскопок поселения Самусь IV в низовьях р. Томи, относящихся к одному времени с литейными формами сейминско-турбинских (р. Кама и Ока за Уралом) бронзовых топоров-кельтов и наконечников копий (Окладников, 1974. С. 72)[5].

О змеях мрачной страны Похьёлы говорится в рунах Калевалы, надо полагать, что их изображения и представлены на петроглифах Карелии. Образ космического змея – олицетворения преисподней, владыки морских глубин – важнейший мифологический сюжет скандинавских наскальных рисунков. О нем, мировом змее, повествуется в «Младшей Эдде», где в яростной схватке с ним поражает его бог-громовик Тор своим волшебным Молотом, и он же изображался на петроглифах Скандинавии (Там же, 1974. С. 94–95).

[2] Т.С. (Тимофей Савенков) Байкал. Сибирь, Николаевск, 1925. № 4. С. 16–17.

[3] Хороших П.П. Отчет об обнаруженных рисунках на скалах оз. Байкал в 1953 г. // Архив ИА АН СССР; Р-1, № 852. 20 с. (Иркутск, 1954).

[4] Они разновременны, ранние из них датируются (округленно) II тыс. до н. э., поскольку материалы из поселения в этой бухте датируются археологическими аналогиями и радиоуглеродным анализом угля в рамках глазковской культуры XVIII–XII вв. до н. э., представители которой, по мнению А.П. Окладникова, и оставили эти произведения искусства (Окладников, 1974. С. 72–75).

[5] Со ссылкой на: Матющенко, 1961.

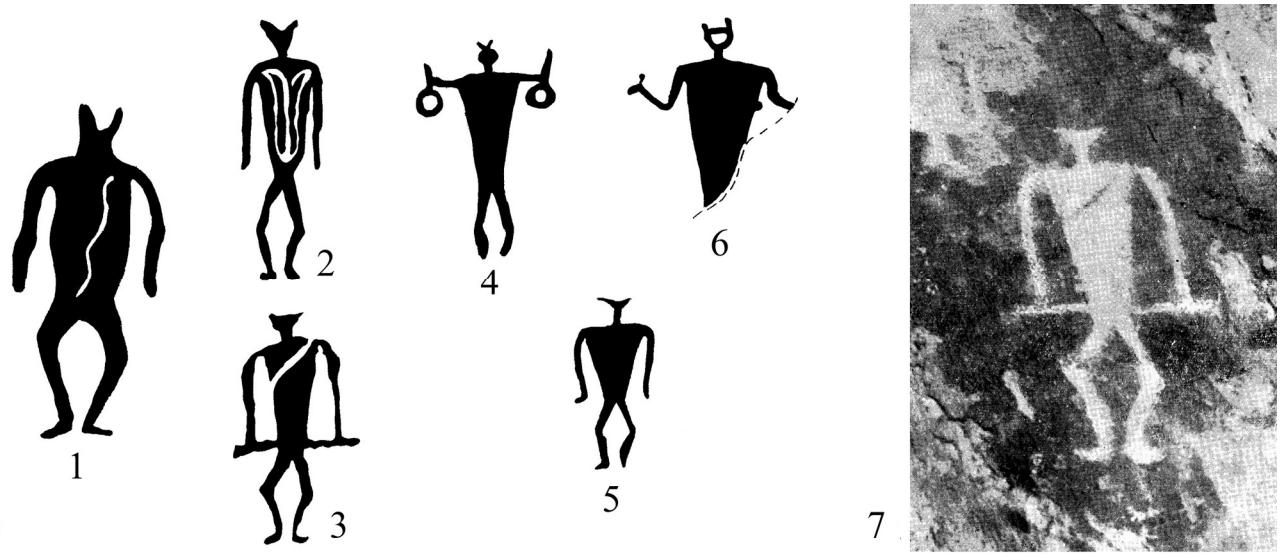

Рис. 1. Антропоморфные фигуры на скале Саган-Заба (по: Окладникову, 1974. С. 73, 98)
Fig. 1. Anthropomorphic figures on the Sagan-Zaba rock (in: Okladnikov, 1974. P. 73, 78)

Вполне возможно, что таково же значение молота или секиры в руках шамана-божества на скале Саган-Заба (рис. 1 (2) (по: Окладникову, 1974. С. 98. Табл. 8). Не исключено, что в этом образе до Байкала дошли отзвуки скандинавского мифа, следы которого отмечены и в фольклоре сибирских народов, например, в якутском мифе о «Сыне Неба» Халлан-Уола, полагает Окладников (Окладников, 1974. С. 97).

Кроме того, о связях таежных племен Восточной Сибири с Западной Сибирью и далее с Западным Приуральем можно судить и по находкам бронзовых вещей – таких как бронзовые кельты сейминско-турбинского типа из верховьев р. Лены (Горемыки, Верхоленск – это тоже Прибайкалье), а также наконечники копий с длинной втулкой и листовидным пером, известных даже из Якутии. В этой связи нельзя не вспомнить свидетельство о культе змеи, отраженном в художественном оформлении бронзовых изделий сейминской культуры, например, фигуры змеи на кинжале и образе змеи на бронзовом навершии – знаке вождя из Шиверского могильника на Ангаре (Окладников, 1974. С. 96).

Кроме бронзовых изделий сейминско-турбинских форм о наличии культурно-исторических связей, на этот раз направленных встречно, с востока на запад, свидетельствует появление на Урале и в Поволжье белонефритовых колец глазковско-шиверского типа (Там же. С. 75)[6].

Не менее отчетливо просматривается в байкальских петроглифах бронзового века комплекс идей, связанных с культом плодородия, воспроизводства человеческого рода. Это антропоморфная фигура в позе рожающей женщины, имеющая ближайшую аналогию в изображении на скале в Большой Каде в Приангарье (рис. 3: 1, 2) (по Окладникову, 1974. Табл. 15: верхний; Окладников, 1966. Табл. 156: 3), а дальняя аналогия ей известна из работы В.И. Равдоникаса по материалам онежских петроглифов (Равдоникас, 1936. Табл. XX: 4). Или изображения мужчины и женщины в позе совокупления также имеют параллель в рисунках Большой Кады (Окладников, 1966. Табл. 152, 184: 3). Аналогичный сюжет имеется на петроглифах Оленьего острова в Карелии, известен он и в Скандинавии (Равдоникас, 1936.Табл. XII: 82, 83).

Еще один сюжет байкальских петроглифов – изображения гусей или лебедей. Образы таких птиц в бухтах Саган-Заба и Ая, притом расположенных группами, явно неслучайны (рис. 4) (по: Окладникову, 1974. С. 90. Табл. 16, 17). В первую очередь они ассоциируются с фольклорным мифом о

[6]Со ссылкой на В.А. Гордцова и С.В. Киселева, которые писали о прибайкальском происхождении нефритовых колец в европейской части России.

происхождении хоринских бурят, согласно которому легендарный предок Хоридой-Мэргэн сочетался браком на берегу Байкала с небесной женщиной-лебедицей. Однако в основе хоринской легенды лежит широко распространенный странствующий мировой сюжет, потому и важны изображения этих птиц в контексте нашей темы – для характеристики западных связей байкальских петроглифов. Лебедь или гусь, изображенный на скале Братской Кады в Приангарье, выполнен «в чисто карельской петроглифической манере», что видно из многочисленных изображений лебедей в петроглифах Онежского озера, о которых В.И. Равдоникас писал, что они выделяются среди других элементами космической семантики (Равдоникас, 1937. С. 20–21). Значение промежуточного звена между изображениями лебедей в Восточной Сибири и Карелии, приобретает фигура птицы, сходной с лебедем, вырезанная на глиняном сосуде, найденном В.И. Матющенко в раскопках поселения эпохи ранней бронзы в Самуськах на р. Томи (Окладников, 1974. С. 93).

В аспекте дальних культурных связей значительный интерес представляют писаницы на горе Сахюрта. Они неодновременны, начиная от неолитических, демонстрируют своеобразие стилистики и семантики сюжетов.

Представляет интересен рисунок на Сахюртинской скале, где изображены антропоморфные фигуры, занятые борьбой. К сожалению, в монографии А.П. Окладникова этот рисунок отсутствует, но автор о нем пишет немало: что изображенные фигуры ассоциируются с ритуальной борьбой на якутском празднике Ысыах, олицетворяющей борьбу зимы и лета, света и тьмы; что изображения борьбы обычны на петроглифах Скандинавии, где они представлены в виде фигур борцов и воинов на фоне остальных сюжетов.

Сцены ритуальной борьбы-состязания представлены на ангарских петроглифах Большой Кады (рис. 5), где два человечка схватились руками, на другом рисунке два существа стоят рядом с протянутыми друг другу руками, одно из них имеет птичью голову, под ними еще пара человечков, возможно, тоже борющихся. О птицеголовой фигуре

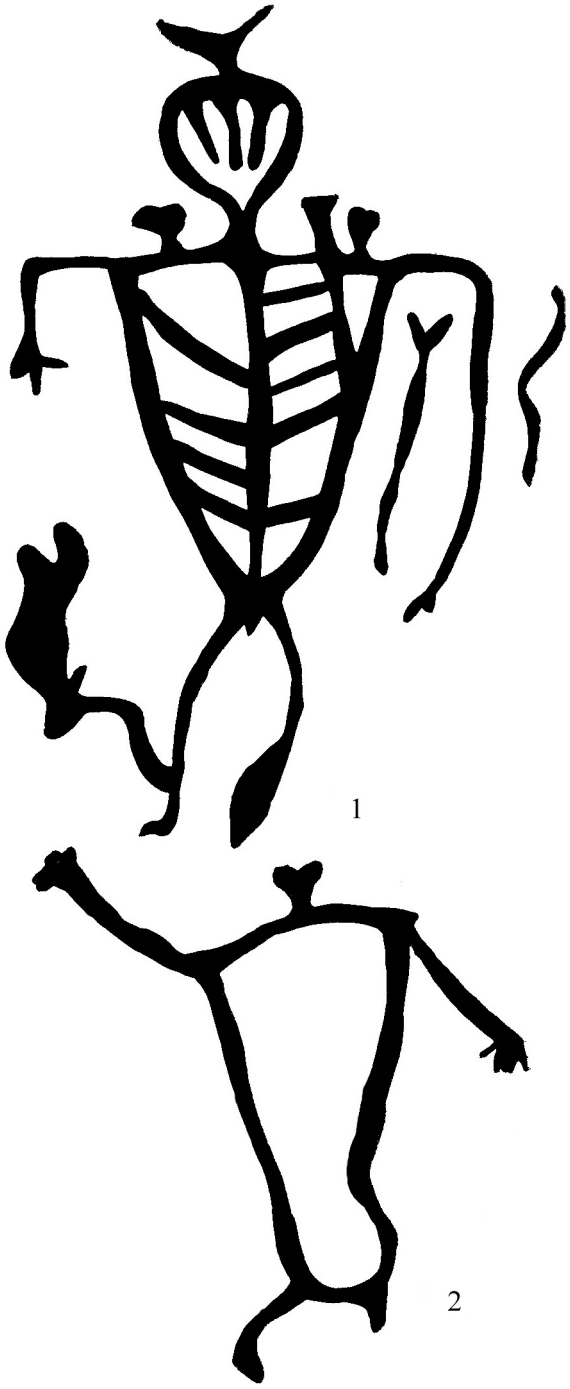

Рис. 2. Антропоморфные фигуры на скалах в бухте Ая (по: Окладникову, 1974. Табл. 26)
Fig. 2. Anthropomorphic figures on the rocks in Aya Bay (in: Okladnikov, 1974. T. 26)

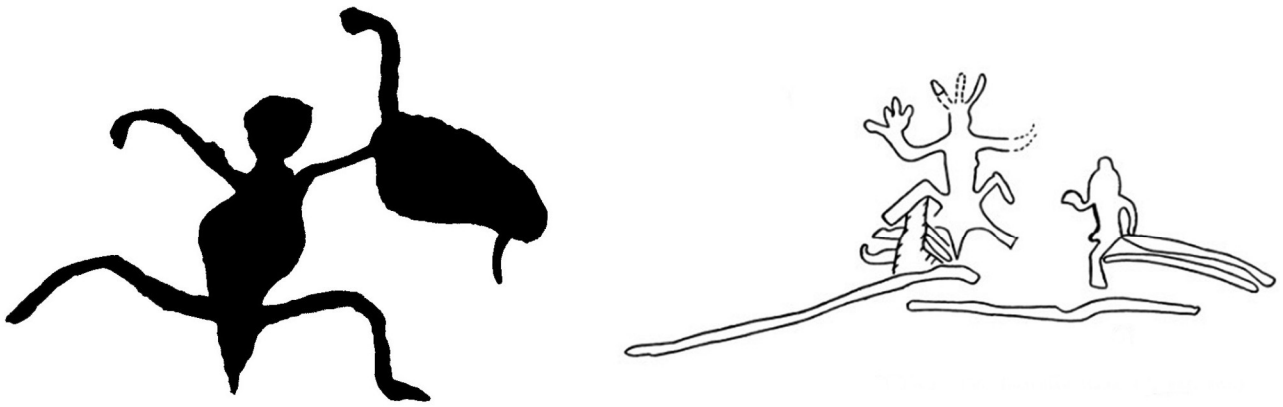

Рис. 3. Антропоморфные фигуры в позе рожающей женщины: *1 – петроглифы Саган-Заба (по: Окладникову, 1974. Табл. 15); 2 – Большая Када (по: Окладникову, 1966)*
Fig. 3. Anthropomorphic figures in the pose of a woman giving birth: *1 – Sagan-Zaba petroglyphs (in: Okladnikov, 1974. T. 15); 2 – Bol'shaya Kada (in: Okladnikov, 1966)*

на этом рисунке Окладников пишет, что такие имеются на скандинавских петроглифах в Ришеде, Богуслене (Окладников, 1974. С. 110)[7].

И еще: на рисунке из Варлеса (Танум) голова одного из двух персонажей, сочетающихся друг с другом, тоже птичья как на изображении в Ришеде, Большой Каде и на горе Сахюрта. Не исключено, что птицеголовые фигуры горы Сахюрта, Большой Кады и Скандинавии, по мнению Окладникова, представляют демоническое начало, силы тьмы и зла, противоположные силам света и добра древней дуалистической мифологии. В этой связи вполне уместно сопоставление птичьего клюва у сражающихся фигур на рисунках горы Сахюрта и скалы Большая Када с фольклорным образом демона-птицы «муушубуун» бурятского фольклора. Сам по себе факт наличия столь сходных друг с другом явлений, притом не изолированных, а комплексных, дает основание думать, что здесь имела место не конвергенция, а взаимодействие культур, конкретно – влияние Запада на Восток, – считает Окладников (Там же. С. 110–111).

Наконец, еще одно свидетельство дальних западных связей культуры бронзового века мы имеем в наскальных рисунках около д. Шишкино в верховье р. Лены. Среди писаниц Шишкинских скал, принадлежащих не только древнейшим обитателям этого края, но и ближайшим предкам современных якутского и бурятского народов, самыми интересными в контексте западных дальних связей Прибайкалья являются вереницы плывущих лодок с сидящими и стоящими в них антропоморфными фигурами (Окладников, Запорожская, 1959. С. 99–101. Рис. 36, 37. Табл. XXV (600)) (рис. 6). У фигур на головах развилки, изображающие головной убор с рогами, руки у всех согнуты и воздеты кверху в молитвенном ритуальном жесте. Изображения рядом с лодкой человеческой фигуры с такой же «рогатой головой» и руками, как у сидящих в лодках, но с ногами в позе ритуального танца и торчащими на бок хвостами как у фигур на скале Саган-Заба на Байкале, а также некоторые другие стилистические детали объединяют ленские и байкальские рисунки, позволяют считать их однокультурными, в рамках бронзового века.

Датировка этой композиции из лодок с человеческими фигурами в них и вне их подкрепляется далекими и близкими аналогиями с запада. Одинаковые процессии лодок с сидящими в них человеческими фигурами известны на Енисее[8], такие же лодки отмечаются как наиболее характерные в

[7]Ссылка на: Almgren O. Nordische Felszeichnungen als religiose Urkunden, Frankfurt am Main, 1934, S. 183, 397, Tabl. 163, 79.

[8]Ссылка на И.Т. Савенкова, 1908; К.В. Вяткину, 1949.

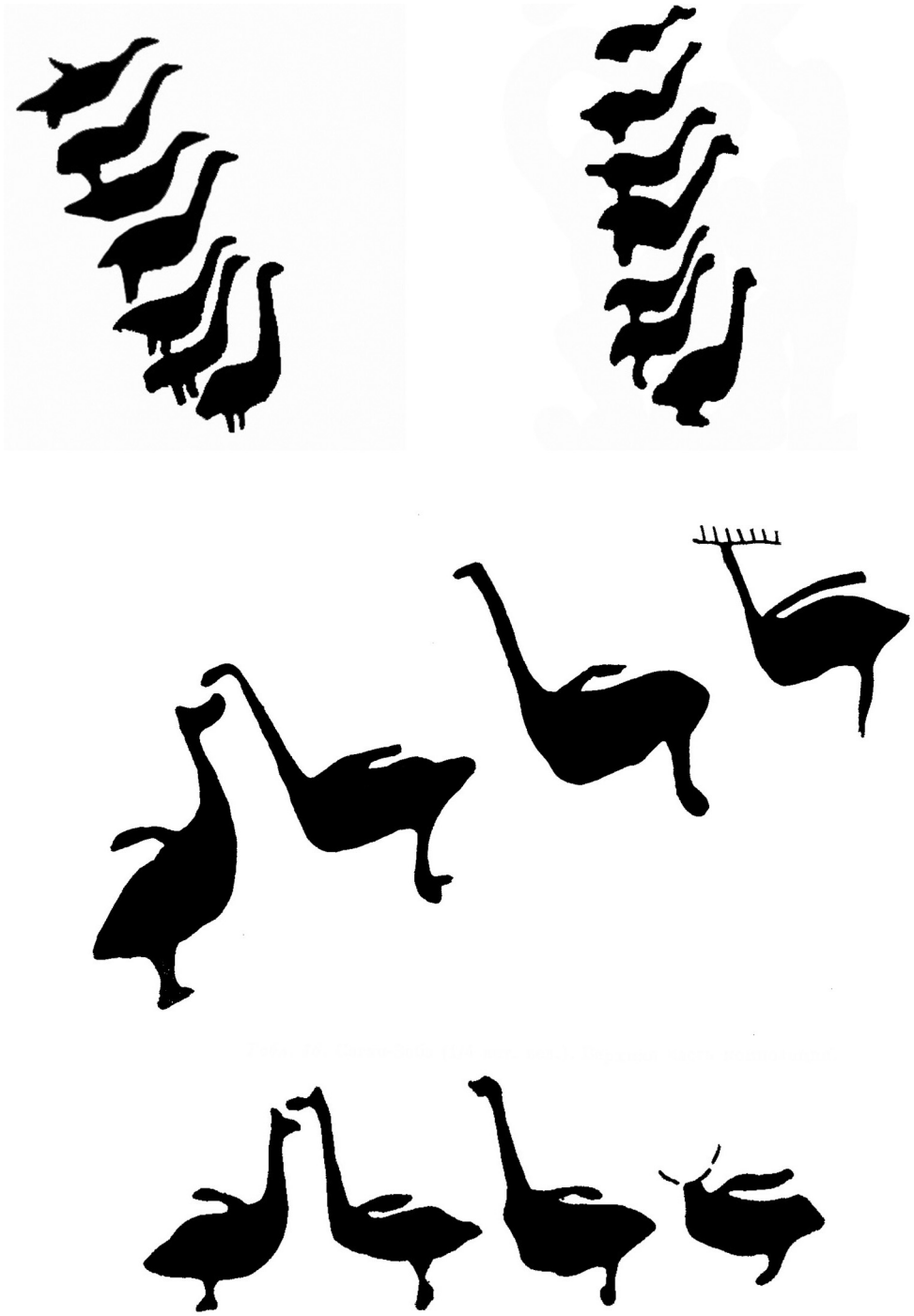

Рис. 4. Изображения гусей или лебедей на скале Саган-Заба (по: Окладникову, 1974. Табл. 16, 17)
Fig. 4. Images of geese or swans on the Sagan-Zaba rock (in: Okladnikov, 1974. T. 16, 17)

петроглифах Карелии и Скандинавии[9]. Сходство в них не просто сюжетами, но и некоторыми специфическими деталями: на скандинавских петроглифах показано, как сидящие в лодках люди точно также воздевают руки к небу, головы тоже двурогие, более того у них видны сбоку аналогичные хвосты[10] (Окладников, Запорожская, 1959. С. 102–103).

[9]Ссылка на В.И. Равдоникаса, 1936.

[10]Ссылкана: O. Almgren, 1934.

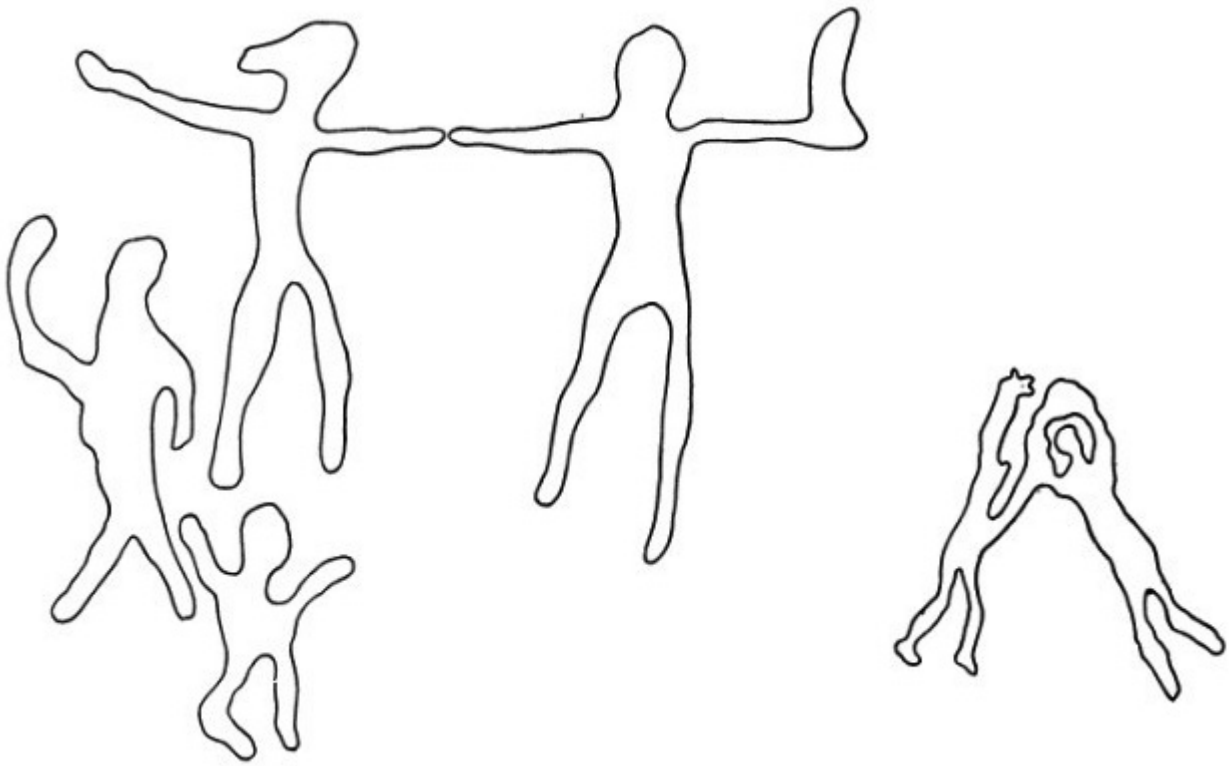

Рис. 5. Сцены ритуальной борьбы-состязания, Большая Када (по: Окладникову, 1966)
Fig. 5. Scenes of ritual struggle-contest, Bol'shaya Kada (in: Okladnikov, 1966)

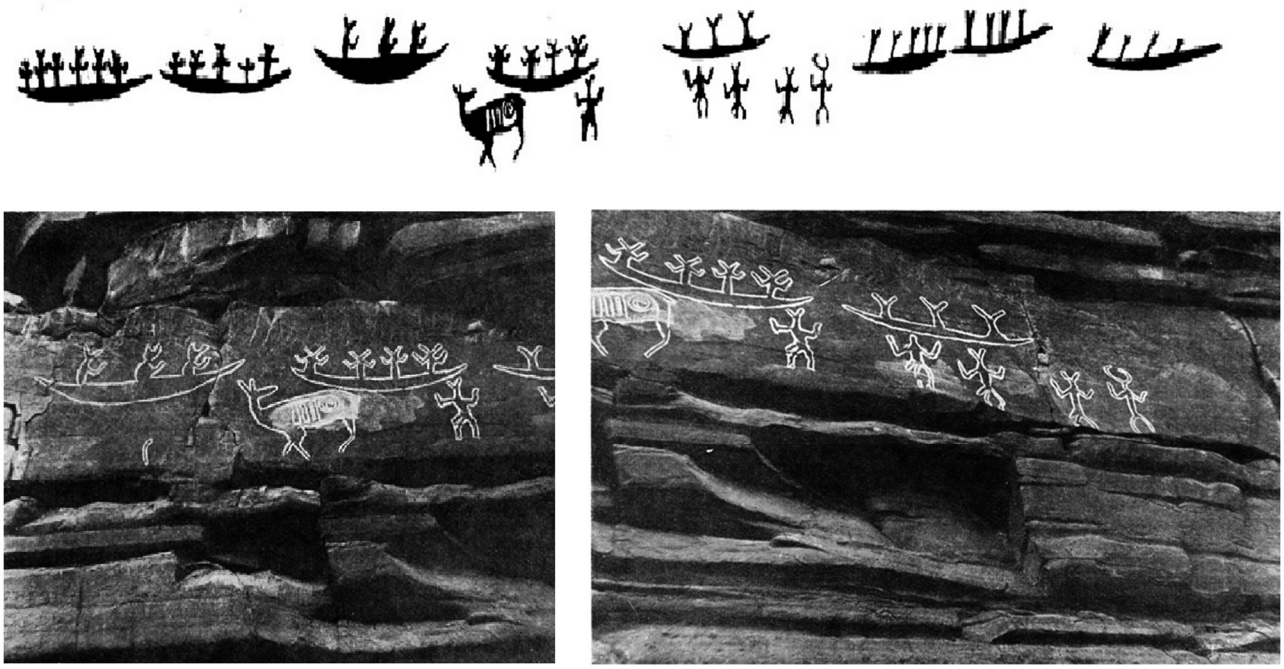

Рис. 6. Изображения плывущих лодок, Шишкинские скалы, р. Лена
(по: Окладникову, Запорожской, 1959. Рис. 36. 37. Табл. XXV (600))
Fig. 6. Images of floating boats, Shishkino Rocks, Lena River (in: Okladnikov, Zaporozhskaya, 1959. Fig. 36, 37.T. XXV (600))

Согласно прочтению А.П. Окладникова, это лодки мертвых в их плавании по реке смерти, их сопровождают образы лося или оленя с повернутыми назад головами – тема известная в шаманском фольклоре народов Сибири. «Следует думать, что такие шаманские идеи и мифы, которые могут показаться на первый взгляд целиком автохтонными, возникли не на одной лишь только местной основе, но и на почве идей, которые существовали сначала далеко на западе, а затем распространились на восток, к берегам Байкала и Лены» (Окладников, Запорожская, 1959. С. 104).

Такова загадочная, на первый взгляд, археологическая перекличка между петроглифами Байкала, Ангары и Верхней Лены, с одной стороны, Карелии и Скандинавии – с другой. Они, безусловно, неожиданны, ввиду их большой удаленности друг от друга, а также очень разных физико-географических условий дислокации культур. Однако вот что пишет исследователь этого феномена академик А.П. Окладников: «Эти примеры совпадений между петроглифами байкальского побережья и наскальными изображениями, обнаруженными далеко к западу от Байкала, взятые в целом, показывают, что сходство здесь выходит за пределы простых случайных совпадений. Нет оснований искать здесь и пример конвергентного развития, потому что никакой конвергенцией не объяснить, почему в Скандинавии и на Лене примерно в одно и то же время появляются хвостатые человечки с рожками на голове, а в Карелии и на Байкале – одинаково трактованные лебеди. И точно так же невозможно найти причины для конвергентного возникновения таких сюжетов, как лодки с гребцами в них… Тем более трудно обнаружить конвергенцию, когда одновременно появляется серия сходных сюжетов и одинаковых стилевых признаков в столь отдаленных друг от друга местах, как Карелия, Богуслен – на Западе, берега Байкала или Ангары – на Востоке… Ими представлена определенная система сходных стилевых особенностей и одновременно идеологических мотивов, наличие которых не зависит ни от сходного уровня хозяйственного развития, ни от одинаковых ландшафтных условий… Налицо не простая конвергенция, а определенная культурно-историческая общность, такая ситуация, которая сложилась в условиях взаимодействия определенных человеческих коллективов, в результате их обмена культурными элементами в ходе культурных связей» (Окладников, 1974. С. 97–99).

Говоря о глубинных факторах, социально-экономических предпосылках, для таких широких культурно-этнических контактов как в лесных областях Евразии между Балтикой и Байкалом, так, впрочем, и в соседних степях Южной Сибири и Центральной Азии, таковыми факторами ученый считает культурно-историческую ситуацию, возникшую в Евразии с переходом от камня к металлу. Такие контакты стимулировались двумя принципиально важными факторами: обменом металлом и металлическими изделиями между центрами древней металлургии, а также возникновением скотоводства, приручением лошади, позволившим воинам и торговцам широко осваивать широкие пространства, совершать по ним далекие путешествия (Там же. С. 101).

По вопросу о племенах-посредниках, при содействии которых могли достигать берегов Лены и Байкала, идеи и воплотившие их художественно-стилистические приемы, возникшие где-то на севере Европы, а может быть, и южнее…, А.П. Окладников излагает следующие соображения. В таежной полосе и в лесостепях Западной Сибири и Приуралья наше внимание приковывают, прежде всего, те племена, которым принадлежала сейминско-турбинская культура, а также их территориальные и хронологические соседи в Восточной Европе, балановцы или фатьяновцы Средней России. Культуры боевых сверленых топоров типа фатьяновской и балановской, вероятно, принадлежали не только древним индоевропейцам, но и древним финнам. По соседству с ними обитали, очевидно, угорские племена. Древним уграм должны принадлежать древнейшие очаги металлургии на Урале и в Западной Сибири, на Алтае и на Оби. Следовательно, именно от древних индоевропейцев и финнов, находившихся в живых связях с племенами Европы, Кавказа, Средней Азии, должны были распространяться к Уралу и далее на восток – в Приобье и в

Восточную Сибирь, те элементы искусства и мифологии, о которых свидетельствуют образцы искусства бронзового века на Оби, петроглифы Ангары, Байкала и Верхней Лены (Окладников, 1974. С. 102).

В результате нашего обзора и анализа, представленных здесь материалов, мы приходим к мысли об интересной, если не сказать уникальной, позиции Байкальского региона с точки зрения его места в исторической географии древних культур Азии. Мы имели возможность рассмотреть эту позицию через призму памятников наскального изобразительного искусства древних насельников, в которых обнаруживаются неожиданно далекие сюжетные и художественно-стилистические параллели с петроглифами Карелии и Скандинавии. Но академик А.П. Окладников с убедительной силой и страстью первоисследователя доказывает реальность таких связей. А это, по нашему мнению, маркирует трансконтинентальные северо-евразийские культурные связи в эпоху бронзы и раннего железа. В свете этого феномена хорошо видно, что Байкальская Сибирь указанной эпохи находилась не только близко к центру алтайской языковой общности, но и в зоне непосредственного контакта с уральской общностью.

Сам А.П. Окладников не затрагивает вопросы языковых взаимоотношений в использованных нами работах. Но, как отмечено мной выше, результаты его изучения петроглифов проецируются на этноязыковую картину эпохи создателей наскального искусства на упоминаемых территориях. Дело в том, что акцентируемые мной северо-евразийские связи простираются через такие исторические этноязыковые ареалы как тунгусско-монгольско-тюркский Восточной Сибири, самодийско-кетско-тюркский Средней Сибири, угорско-кетско-тюркский Западной Сибири и Приуралья и угорско-финнский Зауралья и Балтики. Эта мозаичная картина исторических контактов раскладывается, как известно, на народы алтайской языковой группы (тюрки, монголы и тунгусо-маньчжуры), вписывающиеся сюда в своем историческом движении с юго-востока, и уральской языковой группы (финны, карелы, угры, самодийцы), занимающие северную полосу этой общей картины.

Однако о том, что самодийские этнические группы в древности обитали до восточных пределов означенного ряда этноязыковых ареалов, определенно свидетельствует, прежде всего, топонимика. Достаточно сослаться на работы выдающегося географа, топонимиста, М.Н. Мельхеева. Одна из его монографий посвящена топонимике Бурятии (Мельхеев, 1969), другая – топонимике Приенисейской Сибири (Мельхеев, 1986). В каждой из них выделены главы с характерным названием «племена и народы, на языках которых формировалась топонимика…» исследованного района. Из них хорошо видно не просто сочетание алтаеязычных и уралоязычных географических наименований, но и прослежена в целом их стратификация (хронология), из чего видна первичность уралоязычной топонимии.

Таким образом, одно из направлений, в частности, североазиатский сектор исторической географии Байкальского историко-этнографического региона, рассмотренное нами по археологическим памятникам изобразительного искусства, может быть дополнено лингвистическими данными. Оба вида источников показывают, что западная предбайкальская часть региона в древности находилась в зоне уральского ареала, во всяком случае, раньше, чем она оказалась в зоне тюрко-монгольских этносов, т. е. в алтаеязычном ареале. Эта ситуация свидетельствует в пользу реальности иногда оспариваемой крупной урало-алтайской языковой общности.

Библиографический список

Агапитов Н.Н. Прибайкальские древности // Известия Восточно-сибирского отделения Русского географического общества. Иркутск, 1881. Т. 12. № 4–5. С. 1–23.

Агеева Э.Н., Дэвлет Е.Г., Ребрикова Н.Л. Результаты

References

Agapitov N.N. (1881) Antiquities of Cis-Baikalia. *Izvestiya Vostochno-sibirskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva* = Bulletin of the East Siberian Branch of the Russian Geographical Society. Irkutsk. Vol. 12. No. 4–5. P. 1–23. (In Russ.)

Ageeva E.N., Devlet E.G., Rebrikova N.L. (1996) Survey

обследования, перспективы сохранения и использования памятников наскального искусства озера Байкал // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 1996. Вып. 1. С. 111–115.

Горюнова О.И., Ткачева О.Е. Памятники бронзового века Ольхонского района Иркутской области: (к археологической карте региона) // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1989. С. 12–26.

Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ, 1969. 185 с.

Мельхеев М.Н. Географические названия Приенисейской Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1986. 144 с.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М.; Л., 1966. 322 с.

Окладников А.П. Петроглифы Сибири и Дальнего Востока как источник по этнической истории Северной Азии // Этногенез народов Северной Азии: материалы конференции. Новосибирск,1969. Вып. 1. С. 3–27.

Окладников А.П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука; СО АН СССР, 1974. 124 с.

Окладников А.П. Петроглифы Верхней Лены. Л.: Наука, 1977. 287 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Ленские писаницы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 144 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, 1969. Ч. 1. 217 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, 1970. Ч. 2. 262 с.

Петри Б.Э. Вторая поездка в Предбайкалье // Известия русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1914. Сер. 2. № 3. С. 89–106.

Равдоникас В.И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. М.; Л., 1936. Ч. I. Наскальные изображения Онежского озера. 200 с.

Равдоникас В.И. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений // Советская археология. 1937. № 4. С. 11–32.

Серебренников Б.А. Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1982. С. 6–62.

Хороших П.П. Исследования каменного и железного века Иркутского края: (о. Ольхон) // Известия Биолого-географического института при Иркутском госуниверresults, prospects for the conservation and use of rock art of Lake Baikal. *Arkheologicheskoe nasledie Baikal'skoi Sibiri: izuchenie, okhrana i ispol'zovanie* = The archaeological heritage of Baikal Siberia: study, protection and use. Irkutsk. Iss. 1. P. 111–115. (In Russ.)

Goryunova O.I., Tkacheva O.E. (1989) Bronze Age Sites of Olkhonsky District, Irkutsk Region: (to the archaeological map of the region). *Pamyatniki istorii, arkheologii i arkhitektury Sibiri* = Sites of history, archeology and architecture of Siberia. Novosibirsk. P. 12–26. (In Russ.)

Melkheev M.N. (1969) Toponymy of Buryatia. Ulan-Ude.185 p. (In Russ.)

Melkheev M.N. (1986) Geographic nominations of Yenisei Siberia. Irkutsk: Irkutsk state university. 144 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1966) Petroglyphs of the Angara River. Moscow – Leningrad. 322 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1969) Petroglyphs of Siberia and the Far East as a source on the ethnic history of North Asia. *Etnogenez narodov Severnoy Azii. Materialy konferentsii* = Ethnogenesis of the peoples of North Asia: conference proceedings. Novosibirsk. Iss. 1. P. 3–27. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1974) Petroglyphs of Lake Baikal – sites of the ancient culture of the peoples of Siberia. Novosibirsk: Nauka SO AN SSSR. 124 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1977) Petroglyphs of Upper Lena. Leningrad: Nauka. 287 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. (1959) Lena petroglyphs. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 144 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. (1969) Petroglyphs of Trans-Baikal Region. Leningrad: Nauka. Pt. 1. 217 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. (1970) Petroglyphs of Trans-Baikal Region. Leningrad: Nauka. Pt. 2. 262 p. (In Russ.)

Petri B.E. (1914) The second trip to the Cis-Baikal region. *Izvestiya russkogo komiteta dlya izucheniya Srednei i Vostochnoi Azii* = Proceedings of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia. Ser. 2. No. 3. P. 89–106. (In Russ.)

Ravdonikas V.I. (1936) Rock paintings of Lake Onega and the White Sea. Moscow – Leningrad. Pt. 1. Rock paintings of Lake Onega. 200 p. (In Russ.)

Ravdonikas V.I. (1937) Elements of cosmic representations in rock images. *Sovetskaya arkheologiya* = Soviet Archaeology. No. 4. P. 11–32. (In Russ.)

Serebrennikov B.A. (1982) The problem of sufficiency of the basis in hypotheses regarding the genetic kinship of languages. *Teoreticheskie osnovy klassiphikatsii jasykov mira* = Theoretical foundations of the classification of world languages. Moscow: Nauka. P. 6–62. (In Russ.)

Khoroshikh P.P. (1924) Research of the Stone and Iron Ages of the Irkutsk Territory: (Olkhon Island) *Izvestiya Biologo-geograficheskogo instituta pri Irkutskom gosuniver-*

ситете. Иркутск, 1924. Т. 1. Вып. 1. 50 с.

Хороших П.П. Доисторический человек на Байкале. Иркутск, 1928. 15 с.

Хороших П.П. Наскальные рисунки на побережье Байкала // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1960. С. 48–68.

Хороших П.П. Петроглифы Байкала // Сибирь. 1971. № 3. С. 106–112.

Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири: сб. статей, посвященный памяти В.Н. Чернецова. М.: Наука, 1973. С. 10–17.

Черский И.Д. О древностях, известных в районе Ольхонского ведомства // Примечание к Землеведению Азии Карла Риттера. География стран, входящих в состав России или пограничных с нею. СПб., 1895. Ч. 2. С. 492–508.

Шарадзенидзе Т.С. Родство языков, процессы дивергенции, конвергенции и сопутствующие им классификации языков // Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1982. С. 63–107.

sitete = Proceedings of the Biological and Geographical Institute at the Irkutsk State University. Irkutsk. Vol. 1. Iss. 1. 50 p. (In Russ.)

Khoroshikh P.P. (1928) Prehistoric man on Baikal. Irkutsk. 15 p. (In Russ.)

Khoroshikh P.P. (1960) Rock paintings on the coast of Lake Baikal. *Etnograficheskii sbornik* = Ethnographic collection. Ulan-Ude. P. 48–68. (In Russ.)

Khoroshikh P.P. (1971) Petroglyphs of Lake Baikal. *Sibir'* = Siberia. No. 3. P. 106-112. (In Russ.)

Chernetsov V.N. (1973) Ethnocultural areas in the forest and subarctic zones of Eurasia in the Neolithic. *Problemy arkheologii Urala I Sibiri. Sb. statey, posvyashchennyy pamyati V.N. Chernetsova* = Problems of archeology of the Urals and Siberia: Collection of articles dedicated to the memory of V.N. Chernetsov. Moscow: Nauka. P. 10–17. (In Russ.)

Cherskii I.D. (1895) About antiquities known in the area of the Olkhon department. *Primechanie k Zemlevedeniyu Azii Karla Rittera. Geografiya stran, vkhodyashchikh v sostav Rossii ili pogranichnykh s neyu* = A Note on the Geography of Asia by Carl Ritter. Geography of countries that are part of Russia or bordering with it. St. Petersburg. Pt. 2. P. 492–508. (In Russ.)

Sharadzenidze T.S. (1982) Kinship of languages, processes of divergence, convergence and related classifications of languages. *Teoreticheskie osnovy klassiphikatsii jazykov mira* = Theoretical foundations of the classification of world languages. Moscow: Nauka. P. 63–107. (In Russ.)

Критерии авторства

П.Б. Коноваловым выполнена работа по историографическому анализу трудов академика А.П. Окладникова по петроглифам Байкала, Приангарья и Верхоленья. П.Б. Коновалов имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

P.B. Konovalov made the research work on the analysis of the historiographical heritage of academician A.P. Okladnikov on petroglyphs of Baikal, Angara and Upper Lena. P.B. Konovalov has copyright on the article and is fully responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Коновалов Прокопий Батюрович,
доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Республика Бурятия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия,
✉ e-mail: konpb@yandex.ru

Information about the author

Prokopiy B. Konovalov,
Dr. Sci. (History), professor, senior researcher,
Institute Of Mongolian, Buddist and Tibetan Studies of Siberian Branch 0f the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanovoi street, Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia, Russia,
✉ e-mail: konpb@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 904(56.562/569)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-66-78

Посткраниальные элементы северного оленя со средневекового поселения Ярте VI (п-ов Ямал)

© Т.Ю. Номоконова[a], Р.Дж. Лозей[b], А.В. Плеханов[c]

[a] Университет Саскатчеван, г. Саскатун, Канада
[b] Университет Альберта, г. Эдмонтон, Канада
[c] ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард, Россия

Аннотация: В статье обсуждается методика работы с посткраниальными элементами скелетов северного оленя (*Rangifer tarandus*) на примере фаунистических материалов со средневекового поселения Ярте VI, расположенного в тундровой зоне полуострова Ямал (Ямало-Ненецкий автономный округ). Приводятся суммированные данные по степени срастания эпифизов длинных костей северного оленя у популяций диких оленей Скандинавии и Гренландии и их возрастные показатели. Обсуждаются этапы реконструкции возраста северных оленей по данным срастания эпифизов на костях этих животных, найденных на поселении Ярте VI, а также возможные неточности применения данного метода. Результаты исследования демонстрируют, что при использовании этой методики можно выделить несколько возрастных категорий оленей, употребляемых на данном поселении: особи в возрасте до шести месяцев, между шестью месяцами до одного года, между 1,5 до 2,5 лет и старше 3,5 лет. Реконструкции возраста северных оленей по посткраниальным элементам позволяют судить не только об относительном возрасте животных, а также могут использоваться в некоторых случаях для определения сезонности гибелей оленей. На Ярте VI установлено, что некоторые особи были употреблены в летне-осеннее время.

Ключевые слова: северный олень, зооархеология, элементы скелета, определение возраста, фаунистические остатки, средневековье, многослойное поселение, п-ов Ямал, Арктика

Благодарности: Исследование осуществлено при поддержке гранта European Research Council, полученного Давидом Андерсоном, № 295458 “Arctic Domus: Humans and Animals across the North” и гранта Social Sciences and Humanities Research Council of Canada, полученного Робертом Лозей, № IG 435-2014-0075 “Long-term history of humans and their dogs in the North”.

Информация о статье: Дата поступления 30 октября 2019 г.; дата принятия к печати 2 декабря 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Номоконова Т.Ю., Лозей Р.Дж., Плеханов А.В. Посткраниальные элементы северного оленя со средневекового поселения Ярте VI (п-ов Ямал) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 66–78. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-66-78

Reindeer postcranial elements from the medieval settlement Iarte VI (Iamal Peninsula)

© Tatiana Nomokonova[a], Robert J. Losey[b], Andrei V. Plekhanov[c]

[a] University of Saskatchewan, Saskatoon, Canada
[b] University of Alberta, Edmonton, Canada
[c] Scientific Center of Arctic Studies, Salekhard, Russia

Abstract: This article is devoted to the methodological aspects of working with postcranial elements of reindeer skeletons (*Rangifer tarandus*) using faunal collections from the medieval settlement Iarte VI, which is located in the tundra zone of the Iamal Peninsula (Iamal-Nenets Autonomous Region of the Russian Federation). This article summarizes data on epiphyseal

fusion sequences of long bones determined by investigations of Scandinavian and Greenland reindeer wild populations and their age characteristics. It describes the stages that must be undertaken to reconstruct age of reindeer by means of epiphyseal fusion data on long bones, using remains of this animal found at Iarte VI settlement, and further discusses limitations in the application of this method. The results of this analysis demonstrate that it is possible to identify a few age categories using such methods at the settlement. These categories are animals up to six months in age, between six months and one year of age, between 1.5 and 2.5 year of age, and older than 3.5 years of age. Age reconstructions of reindeer using their postcranial elements allow one to not only to determine relative animal ages, but in some cases can also be applied to estimate the seasonality of animal use. It is suggested that at least some individuals at Iarte VI were consumed during summer and spring seasons.

Keywords: reindeer, zooarchaeology, skeletal elements, age identification, faunal remains, medieval time, multilayered settlement, Iamal Peninsula, Arctic

Acknowledgements: Funding for this project was provided by grants from the European Research Council to David Anderson (# 295458, “Arctic Domus: Humans and Animals across the North”) and the Social Sciences and Humanities Research Council of Canada to Robert Losey (IG 435-2014-0075: “Long-term history of humans and their dogs in the North”).

Article info: Received October 30, 2019; accepted for publication December 2, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Nomokonova T., Losey R.J., Plekhanov A.V. (2019) Reindeer postcranial elements from the medieval settlement Iarte VI (Iamal Peninsula). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 66–78. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-66-78

Введение

Определение возраста животных является одним из необходимых направлений в зооархеологических исследованиях, позволяющих реконструировать демографические показатели употребляемых видов животных и обсудить предпочтение или доступность тех или иных возрастных категорий особей. Реконструкции возраста по фаунистическим остаткам в основном проводятся по смене зубов с молочных на постоянные, степени стертости их поверхностей, анализам регистрирующих структур в цементе и дентине, метрическим показателям и по степени срастания эпифизов на посткраниальных элементах скелета животных (Клевезаль, 2007; O'Connor, 2000. P. 80–97; Reitz, Wing, 1999. P. 159–168). Среди вышеизложенных подходов, зубы и их регистрирующие структуры используются исследователями намного чаще и рассматриваются как более надежные (O'Connor, 2000. P. 82, 96; Miller, 1972; Reitz, Wing, 1999. P. 184).

Несмотря на такое предпочтение, нахождение целых черепов животных на археологических памятниках осложняется тафономическими факторами, особенно фрагментарностью верхних и нижних челюстей, присутствием только изолированных зубов, а также культурными практиками с черепами животных за пределами изучаемых поселений (Визгалов, Кардаш, Косинцев, Лобанова, 2013. С. 244; Евладов, 1992; Номоконова, МкИнтыре, Лозей, Плеханов, 2017. С. 36; Плеханов, 2015). В то же время, посткраниальные элементы скелетов существенно доминируют среди фаунистических материалов археологических поселений по сравнению с челюстями животных и часто игнорируются исследователями или рассматриваются просто в рамках двух категорий без количественного анализа и непосредственных данных по изучаемым видам животных: наличие несросшихся эпифизов – неполовозрелые или молодые животные, а присутствие сросшихся эпифизов – взрослые особи (Визгалов, Кардаш, Косинцев, Лобанова, 2013. С. 252; Конопацкий, 1982. С. 83–84).

В связи с этим основная цель нашей работы – продемонстрировать необходимость работы с посткраниальными элементами скелета животных, особенно с археологических поселений с большим количеством фаунистических остатков, а также предложить методику количественного подсчета элементов и их фрагментов для определения возраста особей и обсудить возможные недостатки применения данных по срастанию эпифизов костей при зооархеологических реконструкциях. Методи-

ка работы с посткраниальными элементами проводится на примере анализа костей северного оленя (*Rangifer tarandus*) со средневекового поселения Ярте VI, расположенного в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО). На сегодняшний день, в результате многолетних археологических исследований на данном поселении получена одна из самых больших коллекций остатков северных оленей в Сибири, позволяющая проводить междисциплинарные изучения данного вида для реконструкции его роли в хозяйственном укладе и жизни средневекового населения Ямала.

Поселение Ярте VI

Ярте VI расположено в подзоне южной тундры на 20-метровом мысе коренной террасы нижнего течения р. Юрибей на территории полуострова Ямал (Ямальский район ЯНАО). На площадке поселения, ориентированной по линии СЗ – ЮВ, и размерами 30,5 х 20,5 м, были зафиксированы остатки семи жилищ в виде котлованов. С напольной стороны мыс рассекал ров, который, видимо, за ненадобностью со временем превратился в хозяйственную яму, что подтверждается наличием в нем культурных слоев, насыщенных фаунистическими остатками (Плеханов, 2014). Ярте VI использовалось населением средневекового времени в период между 1016–1122 гг. н. э., определимого на основании радиоуглеродного и дендрохронологического датирования костей северного оленя и остатков дерева (Nomokonova, Losey, Plekhanov, McIntyre, 2018).

Средневековое поселение изучалось на протяжении шести полевых сезонов в 1990–1992 гг. и в 1995–1996 гг. экспедициями Тобольского педагогического института под руководством А.В. Соколкова и Ямальскими археологическими экспедициями под руководством Н.В. Федоровой (Плеханов, 2014). В этот период было вскрыто 266 м^2 и найдено 19 793 фаунистических остатка (Визгалов, Кардаш, Косинцев, Лобанова, 2013. С. 252–253. Табл. 25). Исследование Ярте VI возобновилось в 2013 и 2015 гг. экспедициями ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» под руководством А.В. Плеханова, где площадь вскрытия составила 72 м^2 и количество найденных остатков фауны – 20 157 экземпляров (Плеханов, 2014). Таким образом, на сегодняшний день, фаунистическая коллекция Ярте VI представлена 39 950 зубами и костями животных, полученных с 338 м^2 (Номоконова, Лозей, Плеханов, 2017). В то же время нужно отметить, что материалы по остаткам животных, полученные в результате работ 1990-х гг., во многом еще остаются не изученными и не были доступны для исследования, обсуждаемого в данной работе.

Наша статья основана на материалах, полученных только в результате работ 2013 г. (раскоп № 1) и 2015 г. – общей площадью вскрытия 45 м^2. Фаунистические остатки с этих раскопов представлены ˜20 000 экземплярами. В связи с плохой сохранностью и немногочисленностью костей из раскопа № 2 (2013 г.), эта коллекция не использовалась в реконструкции возрастных показателей. Планиграфический анализ показал, что остатки костей и зубов животных располагались относительно равномерно по вскрытой площади раскопов. Самостоятельных скоплений тех или иных элементов скелетов животных не зафиксировано. Фаунистические материалы найдены почти во всех зафиксированных слоях и наиболее многочисленны в слоях костей, органики и темно-коричневой супеси (Номоконова, МкИнтыре, Лозей, Плеханов, 2017. С. 32–33).

Судя по наличию определяемых видов животных и их количественных показателей, наблюдается, что основными видами употребляемых животных у средневекового населения Ярте VI были северный олень, и в меньшей степени, песец. Также добывались волк, тюлень, разные виды водоплавающих птиц (гусь, чернеть, гагара, морянка), куропатки и рыбы (щука и, возможно, таймень). Большинство определимых элементов принадлежит северному оленю, представленному 6 636 экземплярами (Номоконова, Лозей, Плеханов, 2017; Nomokonova, Losey, Plekhanov, McIntyre, 2018). Они представлены элементами всех частей скелета северного оленя, из них черепа и рога находятся в явном меньшинстве. Рога, в основном, представлены отдельными фрагментами, и, в редких случаях, ветвями. Все черепа в раздробленном виде,

большинство из них в виде небольших фрагментов лобных костей с частями рогов. Единичны находки других элементов черепа в виде фрагментов верхних челюстей, носовой, затылочной и височных костей. Части нижних челюстей более многочисленны. Большинство костей северного оленя принадлежит элементам посткраниального скелета, которые и используются в данной работе при реконструкции возрастных категорий.

Срастание эпифизов у северного оленя

Исследования степени срастания эпифизов длинных костей северного оленя проводились по популяциям диких оленей Скандинавии и Гренландии (Beijersbergen, Hufthammer, 2012; Hufthammer, 1995; Pasda, 2009). Работы по оленям из Скандинавии основывались на анализе 51 скелета животных (28 самок и 23 самцов), среди которых пять скелетов были представлены частично. Возраст определялся на основе смены зубов и степени их стертости (Beijersbergen, Hufthammer, 2012; Hufthammer, 1995). Материалы по оленям из Гренландии представлены 266 полными и частичными скелетами животных, возраст которых определялся по смене зубов, а также по регистрирующим структурам в цементе у 78 оленей старше одного года (Pasda, 2009. P. 49).

Данные по обеим коллекциям скелетов дикого оленя показали схожесть в порядке срастания эпифизов в скелете, но в то же время выявили некоторое расхождение по времени срастания эпифизов у отдельных элементов (Pasda, 2009. P. 48–49). В связи с тем что работа Керстин Пасда (Pasda, 2009) по гренландскому северному оленю (*Rangifer tarandus groenlandicus*) основана на более представительной коллекции скелетов животных с учетом всех посткраниальных элементов и с использованием методики определения возраста некоторых этих особей по регистрирующим структурам цемента, то именно она используется для реконструкции возраста северных оленей со средневекового поселения Ярте VI. Насколько данный метод применим к сибирским оленям, остается не совсем ясным, но используется в связи с отсутствием других сравнительных данных.

Среди всех элементов посткраниального скелета северного оленя (рис. 1), эпифизы на лопатке, лучевой кости (проксимальный) и 2-х фаланг (проксимальный) начинают срастаться раньше остальных, в среднем между 6 и 9 месяцами. За ними следуют проксимальный эпифиз 1-х фаланг, происходит срастание частей тазовой кости и часть дистального эпифиза плечевой кости (trochlea), и дистальные эпифизы метаподий и большой берцовой кости. Многие эпифизы срастаются у особей, уже достигших половой зрелости, например, у бедренной и локтевой костей (рис. 1). Срастание позвонков (за исключением атласа и тазовых) происходит с наибольшей вариативностью в возрасте старше 4-х лет и продолжается вплоть до 14 лет (Pasda, 2009. P. 51). Поэтому указание в научных работах, какие элементы и эпифизы посткраниального скелета использовались в реконструкции возраста животных, является необходимым критерием.

Методика подсчета костей северного оленя на поселении Ярте VI

Для реконструкции возраста по данным срастания эпифизов длинных костей скелета северного оленя в данной работе применяются следующие этапы:

1. Подсчет всех найденных посткраниальных элементов скелета и их фрагментов по отдельности с каждого культурного слоя. Например, в слое темно-коричневой супеси на поселении Ярте VI найдены фрагменты от 68 больших берцовых костей (табл. 1);

2. Вычисление минимального количества элементов (МКЕ) и минимального количества особей (МКО) по каждому культурному слою с учетом целых и фрагментов анализируемых элементов (дистальные и проксимальные части), стороны (правая или левая), а также размеры элементов (например, от новорожденного олененка по сравнению с размерами взрослых особей) (Номоконова, Лозей, Горюнова, 2006. С. 169–170; Lyman, 1994; Lyman 2008. P. 218–222). Таким образом, в слое темно-коричневой супеси на Ярте VI найдены минимум 37 больших берцовых костей от 27 особей (табл. 1);

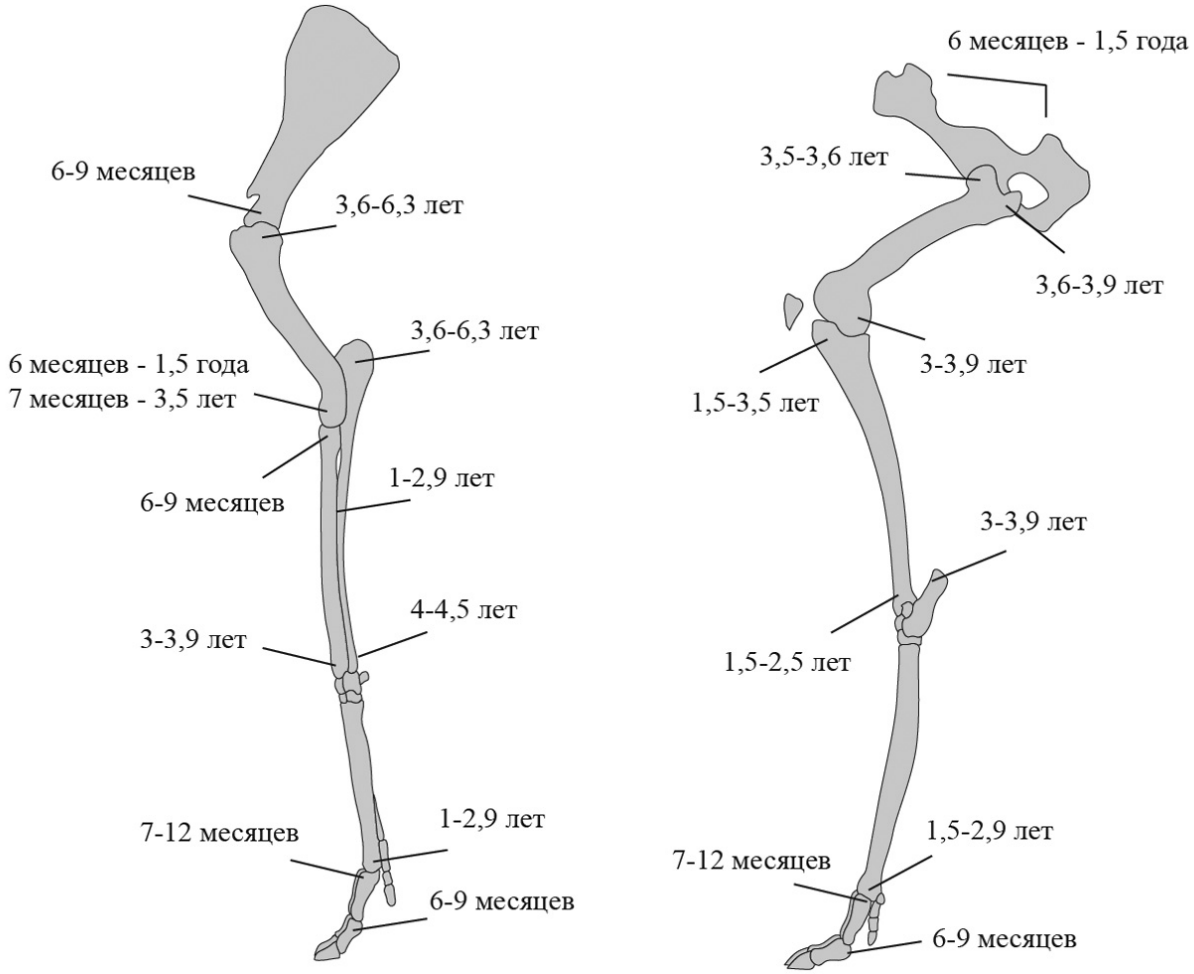

Рис. 1. Данные по срастанию эпифизов костей северного оленя (по Pasda, 2009: 49, табл. 14)
Figure 1. Reindeer epiphyseal fusion data (after Pasda, 2009: 49, table 14)

3. Описание категорий по срастанию проксимальных и дистальных эпифизов по каждому элементу, учитывая данные по минимальному количеству особей: сросшиеся (1), несросшиеся (2), в состоянии сроста (3). Например, в темно-коричневой супеси на Ярте VI найдены фрагменты больших берцовых костей минимум от четырех особей со сросшимся проксимальным и 13 особей со сросшимся дистальным эпифизами, минимум пять оленей с несросшимися проксимальным и 13 с несросшимися дистальным эпифизами, а также по одной особи с проксимальным и дистальным эпифизами в состоянии срастания (табл. 1; рис. 2).

4. Определение относительного возраста по каждому посткраниальному элементу. Например, дистальный эпифиз большой берцовой кости срастается у северного оленя в возрасте от 1,5 до 2,5 лет (рис. 1). В таком случае несросшийся дистальный эпифиз отнесен к особи возрастом до 1,5 лет, сросшийся – к особи старше 1,5 лет, а эпифиз в состоянии срастания – к особи между 1,5–2,5 лет. Таким образом, по данным дистального эпифиза больших берцовых костей северного оленя на Ярте VI в темно-коричневой супеси присутствуют: минимум 13 оленей старше 2,5 лет, 13 особей возрастом до 1,5 года, и одна особь между 1,5 и 2,5 лет.

5. Сравнительный анализ данных по всем элементам и определение возраста, учитывая минимальное количество элементов и особей по каждому культурному слою. Например, на основе анализа данных по срастанию проксимальных и дистальных частей всех длинных костей посткраниального скелета северного оленя из темно-коричневой супеси минимум от 59 особей (табл. 2),

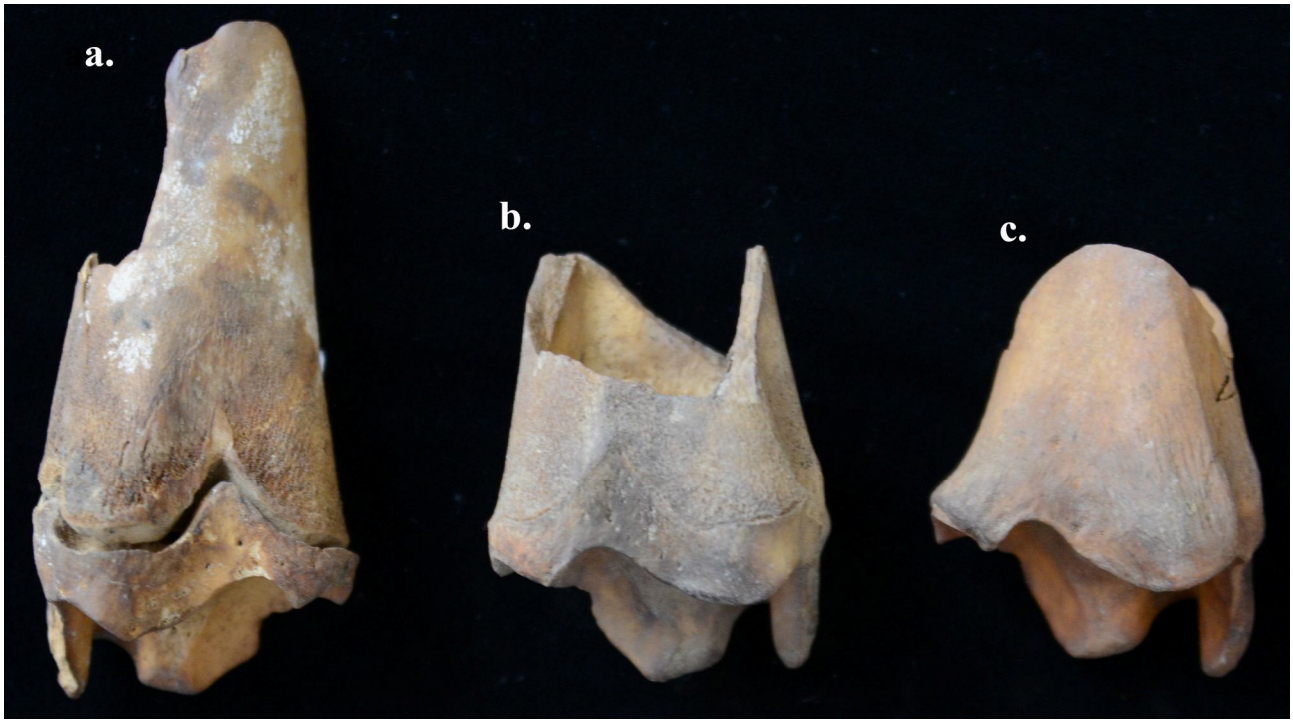

Рис. 2. Стадии срастания дистального эпифиза большой берцовой кости северного оленя: *a) несросшийся эпифиз; b) в стадии срастания, когда линия сроста видна; c) полностью сросшийся*
Fig. 2. Epiphyseal fusion stages of a reindeer distal tibia: *a) unfused epiphysis; b) fusing epiphysis when the visible line of fusion is visible; c) fused epiphysis*

Таблица 1

Остатки больших берцовых костей северного оленя на поселении Ярте VI

Table 1

Reindeer tibiae fragments from the Iarte VI settlement

Слой	Кол-во	МКЕ	МКО	МКО (1) прок.	МКО (1) дист.	МКО (2) прок.	МКО (2) дист.	МКО (3) прок.	МКО (3) дист.
Темно-коричневая супесь	18	13	7		3		3		1
Светло-серая супесь	16	12	7		5	3	2		
Слой костей и органики	69	37	23	3	12	6	10		1
Темно-коричневая супесь	68	37	27	4	13	5	13	1	1
Желто-серая супесь	5	3	3	1	2	1			
На материке	5	5	4		3		1		
Всего	181	107	71	8	38	15	29	1	3

Таблица 2

Данные по возрасту северного оленя на Ярте VI

Table 2

Reindeer age data from Iarte VI

Слой	МКО	Возраст (учитывая МКО показатели)
Темно-серая супесь	15	1 особь – возрастом до 6 месяцев 1 – 7–12 месяцев 1 – до 1,5 лет 1 – 1,5–2,5 лет 11 – старше 3,5 лет (включая 3 особи старше 3,9 лет, 2 особи старше 4,5 лет и 1 особь старше 6,3 лет)
Заполнение рва	1	1 особь – старше 3,5 лет
Светло-серая супесь	17	2 особи – до 6 месяцев 1 – до 1,5 лет 1 – 1,5–2,9 лет 1 – 3–3,9 лет 12 – старше 3,5 лет (включая 2 особи старше 3,9 лет, 3 особи старше 4,5 лет и 2 особи старше 6,3 лет)
Слой костей и органики	74	12 особей – до 6 месяцев 1 – 6–9 месяцев 1 – 1,5–2,5 лет 2 – 3,5–3,6 лет 19 – старше 3,9 года (включая 7 особей старше 6,3 лет) 14 – старше 1,5 года
Светло-желтая супесь	2	1 особь – до 3-х лет 1 – старше 3,5 года
Темно-коричневая супесь	59	9 особей – до 6 месяцев (1 от новорожденного) 1 – 6–9 месяцев 1 – 1,5–2,5 лет 1 – 3,5–3,6 лет 10 – старше 3,5 лет (включая 6 особей старше 4,5 лет и 3 старше 6,3 лет) 9 – старше 1,5 года 1 – старше 2,5 года
Желто-серая супесь	8	2 особи – до 6 месяцев 1 – 6–9 месяцев 5 – старше 3,9 лет (включая одну особь старше 4,5 лет)
На материке	5	1 особь – до 6 месяцев 1 – 7–12 месяцев 3 – старше 2,5 лет (включая одну особь старше 3,9 лет)

удалось реконструировать, что девять из них принадлежали особям возрастом до 6-ти месяцев, одной особи возрастом между 1,5–2,5 лет, одной – 3,5–3,6 лет и 10 индивидуумам старше 3,5 лет.

Возрастные характеристики северных оленей на поселении Ярте VI

Определение возраста северных оленей с поселения Ярте VI по данным срастания эпифизов посткраниального скелета позволило выделить несколько категорий животных (табл. 2). Первая категория – это олени в возрасте до 6-ти месяцев, определимые по несросшимся эпифизам лопатки, дистального trochlea плечевой кости, проксимальных эпифизов лучевой кости и 2-й фаланги, а также по несросшимся частям тазовой кости (рис. 1). Остатки от особей до 6-ти месяцев были найдены в каждом культурном слое на поселении и наиболее часто встречались в слоях с наибольшим количеством фаунистических материалов, такие как слой костей и органики и темно-коричневая супесь (табл. 2).

Сроки рождения домашних северных оленей происходят весной, с середины апреля по начало июня, с небольшими отклонениями по полуострову Ямал (Подкорытов, 1995. С. 28), а у диких оленей немного позже домашних, в июне (Баскин, 2009. С. 147; Хомич, 1966. С. 62). Оленята рождаются с массой от 4,5 до 6 кг, вес у самок несколько меньше чем у самцов. В возрасте 6-ти месяцев самцы весят в среднем 56 кг, а самки – около 50 кг. Молочный период продолжается до конца октября. В это время происходит наиболее интенсивное развитие животных (Подкорытов, 1995. С. 16–17). К 5-месячному возрасту оленята составляют 55–60 % от веса и 85–90 % промеров тел взрослых оленей (Друри, Митюшев, 1963. С. 21).

Северные олени в возрасте до 6-ти месяцев также интересны в том плане, что они позволяют судить о сезонности гибели этих животных. Если взять середину мая как средний месяц отела, то животные в возрасте до 6-ти месяцев указывают на лето – осень поимки данных особей, т. е. с середины мая вплоть до ноября. Также нужно отметить, что большинство костей с несросшимися эпифизами, используемые в реконструкции возраста животных до 6-ти месяцев, не принадлежали новорожденным оленятам (рис. 3), за исключением одного метакарпала из темно-коричневой супеси (рис. 4). В связи с этим можно несколько укоротить

Рис. 3. Сравнение плечевой кости современного новорожденного олененка с самыми маленькими плечевыми костями с Ярте VI
Figure 3. Comparison of modern newborn reindeer humerus with the smallest humerii found at Iarte VI

Рис. 4. Метакарпалы новорожденных олененков (современный и из слоя темно-коричневой супеси с Ярте VI)
Figure 4. Metacarpals of newborn reindeer (modern and those found in the dark-brown sandy loam at Iarte VI)

возраст оленей на Ярте VI с двух до 6-ти месяцев и с примерным сезоном гибели этих особей с середины июня до ноября для всех слоев, кроме темно-коричневой супеси.

Вторая категория возраста северных оленей на Ярте VI – это животные старше 6-ти месяцев, но до одного года. Животных в данной категории немного и определены они исключительно по состоянию эпифизов в стадии срастания. Среди них две особи между 6 и 9 месяцами из слоев костей и органики и желто-серой супеси (табл. 2) со срастающимся проксимальным эпифизом 2-й фаланги (рис. 1). Также две особи возрастом между 7 и 12 месяцами из слоев темной-серой супеси и на материке (табл. 2), судя по проксимальным эпифизам 1-х фаланг, находящимися в стадии срастания (рис. 1). Если данные по срастанию вышеупомянутых эпифизов достоверны, то сезон гибели этих особей попадает в промежутки между серединой ноября по февраль и с середины декабря по май.

У северных оленей в среднем самки считаются половозрелые в возрасте с 1,5 лет, а самцы с 2,5 лет. В то же время оба пола могут начать размножаться и раньше, особенно некоторые самки – сразу по окончанию молочного периода (Подкорытов, 1995. С. 19). Гон обычно происходит в сентябре – октябре (Баскин, 2009. С. 19). В возрасте 1,5 – 2,5 лет, самцы в среднем весят 78–91 кг, а самки – 71–81 кг (Подкорытов, 1995. С. 20). Среди остатков северного оленя на Ярте VI, удалось выделить четыре особи, обозначенные как третья категория животных возрастом 1,5–2,5 (2,9) лет. Эта категория обозначена по дистальным эпифизам большой берцовой кости и метатарсала, находящихся в стадии срастания (рис. 1). Остатки особи в возрасте 1,5–2,9 лет найдены в слое светло-серой супеси, остальные три – в слоях темно-серой и темно-коричневой супеси, а также в слое костей и органики (табл. 2).

Четвертая категория животных представлена наибольшим количеством особей возрастом старше 3,5 (3,9) лет. Вес северных оленей после 3,5 лет варьируется в среднем от 101 до 140 кг среди самцов и с 85 до 92 кг среди самок (Подкорытов, 1995. С. 20, 37). Воспроизводительная способность оленей снижается после 9,5 лет у самцов и в возрасте 10–12 лет у самок (Жигунов, Терентьев, 1948. С. 193; Подкорытов, 1995. С. 22–23), хотя некоторые самки могут приносить потомство вплоть до 15-летнего возраста. Остатки оленей этой группы были найдены во всех культурных слоях поселения, включая несколько особей старше 6,3 лет (табл. 2). Большинство костей отнесены к данной категории по завершению срастания некоторых эпифизов. Например, возраст старше 6,3 лет соответствует оленям со сросшимися проксимальными эпифизами плечевой и локтевой костей (рис. 1). В этой категории также выделены – особь возрастом между 3 и 3,9 лет (дистальный эпифиз лучевой кости в состоянии срастания) из слоя светло-серой супеси и три оленя между 3,5–3,6 лет из слоев костей и органики и темно-коричневой супеси. Последние определены по головке бедренной кости, находящейся в состоянии срастания, что согласно исследованиям Керстин Пасда (Pasda, 2009. P. 47) происходит в очень узкий промежуток, но, вероятно, требует дополнительных подтверждений. Если учитывать этот возраст, то возможный сезон гибели данных особей попадает в промежуток с середины октября по середину ноября.

Таким образом, реконструкция возраста северных оленей на основе применения метода срастания эпифизов длинных костей посткраниального скелета позволяет судить об относительном возрасте животных, употребляемых населением, проживавшем на поселении Ярте VI. Судя по полученным результатам, на Ярте VI употреблялись животные возрастом до 6-ти месяцев, остатки которых найдены в каждом культурном слое и в наибольшем количестве в слое костей и органики и темно-коричневой супеси. В пищу также использовались и туши взрослых оленей (старше 3,5 (3,9) и 6,3 лет), найденные в каждом слое поселения, но особенно интересно их преобладание в слоях темно-серой и светло-серой супесях, где их количество значительно превышает особей возрастом до одного года (табл. 2). Так или иначе, но можно говорить о том, что некоторое количество оленей было употреблено в летне-осенний период времени.

Заключение

Цель нашей работы заключалась в описании методики работы с большим количеством посткраниальных элементов скелета для определения возраста животных по степени срастания эпифизов на длинных костях. Несмотря на необходимость использования данного метода, нужно учитывать, что он является относительным способом определения возраста животных с некоторой степенью отклонений и должен рассматриваться как усредненный. Во-первых, это связано с тем, что эпифизы срастаются у животных одного вида с определенной долей вариативности внутри одной популяций, например, в зависимости от пола особи и ее индивидуального развития (Клевезаль, 2007. С. 37). Во-вторых, нужно также помнить на примере северного оленя, что данные по срастанию эпифизов проводились по популяциям диких животных Скандинавии и Гренландии, скелеты которых были собраны с неизвестным точным возрастом, многие из которых до сих пор нуждаются в более тщательном определении возраста, особенно по регистрирующим структурам цемента зубов, анализ которых зависит во многом от опыта исследователя и сохранности самих зубов (Miller, 1974. P. 11; Pasda, 2006).

Далее, есть тафономические проблемы археологического контекста, при которых удается зафиксировать только три категории состояния эпифизов (сросшиеся, несросшиеся и в процессе срастания только когда линия срастания еще видна), так как хрящевые соединения не сохраняются и поэтому трудно проследить более точно степень срастания тех или иных эпифизов. Нужно также учитывать, что метод срастания эпифизов в основном позволяет выделить возрастные группы животных с несросшимися эпифизами или в их полном срастании. Например, у северного оленя чаще всего удается выделить группу растущих особей, особенно в возрасте до 6-ти месяцев и взрослых животных старше 3,5 лет. При этом особи, попадающие в категории молодых или неполовозрелых животных старше 6-ти месяцев, но моложе 3,5 лет, редко могут быть определены по состоянию срастания эпифизов посткраниального скелета. В любом случае всегда рекомендуется использовать данные по срастанию эпифизов совместно с другими показателями возраста животных с археологических поселений.

Библиографический список

Баскин Л.М. Северный олень. Управление поведением и популяциями. Оленеводство. Охота. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2009. 284 с.

Визгалов Г.П., Кардаш О.В., Косинцев П.А., Лобанова Т.Б. Историческая экология населения севера Западной Сибири. Нефтюганск – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. 374 с.

Друри И.В., Митюшев П.В. Оленеводство. М.-Л.; Сельхозиздат, 1963. 244 с.

Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 1992. 281 с.

Жигунов П.С., Терентьев Ф.А. Северное оленеводство. М.: Сельхозгиз, 1948. 367 с.

Клевезаль Г.А. Принципы и методы определения возраста млекопитающих. М: Товарищество научных изданий КМК, 2007. 279 с.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. Новосибирск: Наука, 1982. 176 с.

Номоконова Т.Ю., Лозей Р.Дж., Горюнова О.И. Предварительный анализ фаунистических материалов с

References

Baskin L.M. (2009) Management of behaviour and populations. Reindeer herding. Hunting. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdanii KMK. 284 p. (In Russ.)

Vizgalov G.P., Kardash O.V., Kosintsev P.A., Lobanova T.B. (2013) Historical ecology of population of the north of Western Siberia. Neftyugansk – Ekaterinburg: Izd-vo AMB. 374 p. (In Russ.)

Druri I.V., Mityushev P.V. (1963) Reindeer herding. Moscow – Leningrad: Sel'khozizdat. 244 p. (In Russ.)

Evladov V.P. (1992) Tundra from Iamal to White Islands. Expedition to the northern edge of the Iamal Peninsula in 1928–1929. Tyumen': Institut problem osvoeniya Severa SO RAN. 281 p. (In Russ.)

Zhigunov P.S., Terent'ev F.A. (1948) Northern reindeer herding. Moscow: Sel'khozgiz. 367 p. (In Russ.)

Klevezal' G.A. (2007) Principles and methods of age determinations in mammals. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdanii KMK. 279 p. (In Russ.)

Konopatskii A.K. (1982) Ancient cultures of Lake Baikal. Novosibirsk: Nauka. 176 p. (In Russ.)

Nomokonova T.Yu., Lozei R.Dzh., Goryunova O.I. (2006) Preliminary analysis of faunal remains from the

многослойной стоянки Итырхей (Малое море, озеро Байкал) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск. 2006. Вып. 4. С. 166–177.

Номоконова Т.Ю., Лозей Р.Дж., Плеханов А.В. Видовой и количественный анализ фаунистических материалов со средневекового городища Ярте VI (п-ов Ямал) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2017. № 6. С. 320–328.

Номоконова Т.Ю., МкИнтыре Х.Дж., Лозей Р.Дж., Плеханов А.В. Остатки животных со средневекового поселения Ярте VI, полуострова Ямал (по материалам раскопа 2013 г.) // Известия лаборатории древних технологий, 2017. №13 (3). С. 30–43.

Плеханов А.В. Ярте 6 – средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал). Каталог коллекций. Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. 124 с.

Плеханов А.В. Святилища острова Белый // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2015. Вып. 1 (86). С. 31–33.

Подкорытов Ф.М. Оленеводство Ямала. Л.: Типография ленинградской атомной электростанции, 1995. 274 с.

Хомич Л.В. Ненцы: историко-этнографические очерки. М.-Л.: Наука, 1966. 329 с.

Beijersbergen L.M.T., Hufthammer A.K. Age determination of reindeer (*Rangifer tarandus*) based on postcranial elements // A bouquet of archaeozoological studies: essays in honour of Wietske Prummel, edited by Raemaekers D.C.M., Esser E., Lauwerier R.C.G.M., Zeiler J.T. Groningen: Barkhuis, 2012. Pp. 11–20.

Hufthammer A.K. Age determination of reindeer (*Rangifer tarandus* L.) // Archaeozoologia. 1995. № VII/2. P. 32–42.

Lyman R.L. Vertebrate taphonomy. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1994. 524 p.

Lyman R.L. Quantitative paleozoology. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 374 p.

Miller F.L. Eruption and attrition of mandibular teeth in barren-ground caribou // Journal of Wildlife Management, 1972. № 36(2). Pp. 606–612.

Miller F.L. Biology of the Kaminuriak population of barren-ground caribou. Ottawa: Canadian wildlife service report series 31, 1974. Part 2 (dentition as an indicator of age and sex; composition and socialization of the population). 88 p.

Nomokonova T., Losey R.J., Plekhanov A.V., McIntyre H.J. Iarte VI and Late Holocene reindeer remains from the Iamal Peninsula of Arctic Siberia // Arctic Anthropology, 2018. № 55(2). Pp. 54–73.

O'Connor T. The archaeology of animal bones. Texas: Texas University Press, 2000. 206 p.

Pasda K. Assessment of age and season of death of

multilayered site Ityrkhei (Little Sea, Lake Baikal). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Irkutsk. Iss. 4. P. 166–177. (In Russ.)

Nomokonova T.Yu., Lozei R.Dzh., Plekhanov A.V. (2017) Species composition and quantitative analysis of faunal remains from the medieval fortified site Iarte VI (Iamal Peninsula). *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* = Eurasia in Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures. Irkutsk. No. 6. P. 320–328. (In Russ.)

Nomokonova T.Yu., MkIntyre Kh.Dzh., Lozei R.Dzh., Plekhanov A.V. (2017) Animal remains from the medieval settlement Iarte VI, Iamal peninsula (excavation 2013). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of Ancient Technology Laboratory. No. 13 (3). P. 30–43. (In Russ.)

Plekhanov A.V. (2014) Iarte 6 – medieval "fortified site" on the Iuribei River (Iamal peninsula). Catalog of collections. Ekaterinburg: Delovaya pressa. 124 p. (In Russ.)

Plekhanov A.V. (2015) Sacrificed sites of Belyi Island. *Nauchnyi vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* = Scientific volume of Iamal-Nenets autonomous district. Iss. 1 (86). P. 31–33. (In Russ.)

Podkorytov F.M. (1995) Iamal reindeer herding. Leningrad: Tipografiya leningradskoi atomnoi elektrostantsii. 274 p. (In Russ.)

Khomich L.V. (1966) Nenets: historic-ethnographic essays. Moscow – Leningrad: Nauka. 329 p. (In Russ.)

Beijersbergen L.M.T., Hufthammer A.K. Age determination of reindeer (*Rangifer tarandus*) based on postcranial elements // A bouquet of archaeozoological studies: essays in honour of Wietske Prummel, edited by Raemaekers D.C.M., Esser E., Lauwerier R.C.G.M., Zeiler J.T. Groningen: Barkhuis, 2012. Pp. 11–20.

Hufthammer A.K. Age determination of reindeer (*Rangifer tarandus* L.) // Archaeozoologia. 1995. № VII/2. P. 32–42.

Lyman R.L. Vertebrate taphonomy. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1994. 524 p.

Lyman R.L. Quantitative paleozoology. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 374 p.

Miller F.L. Eruption and attrition of mandibular teeth in barren-ground caribou // Journal of Wildlife Management, 1972. № 36(2). Pp. 606–612.

Miller F.L. Biology of the Kaminuriak population of barren-ground caribou. Ottawa: Canadian wildlife service report series 31, 1974. Part 2 (dentition as an indicator of age and sex; composition and socialization of the population). 88 p.

Nomokonova T., Losey R.J., Plekhanov A.V., McIntyre H.J. Iarte VI and Late Holocene reindeer remains from the Iamal Peninsula of Arctic Siberia // Arctic Anthropology, 2018. № 55(2). Pp. 54–73.

O'Connor T. The archaeology of animal bones. Texas: Texas University Press, 2000. 206 p.

Pasda K. Assessment of age and season of death of

West Greenland reindeer by counting cementum increments in molars // Documenta Archaeobiologiae, 2006. № 4. Pp. 125–140.

Pasda K. Osteometry, and osteological age and sex determination of the Sisimiut reindeer population (Rangifer tarandus groenlandicus). Oxford: BAR International Series 1947, 2009. 279 p.

Reitz E.J., Wing E.S. Zooarchaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 455 p.

Критерии авторства

Т.Ю. Номоконова, Р.Дж. Лозей и А.В. Плеханов выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Номоконова Татьяна Юрьевна,
PhD, профессор начальной стадии,
Отделение археологии и антропологии,
Университет Саскатчеван,
55 Campus Drive, Saskatoon, SK, S7N 5B1, Canada,
✉ e-mail: tan204@usask.ca
Роберт Дж. Losey,
PhD, профессор,
Отделение Антропологии,
Университет Альберта,
Tory Building 13-15 HM, Edmonton, AB, T6G 2H4, Canada,
✉ e-mail: robert.losey@ualberta.ca
Плеханов Андрей Владимирович,
старший научный сотрудник,
ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»
Ямало-Ненецкий АО, 629008, г. Салехард, ул. Республики, 20, Россия,
✉ e-mail: andrei_plehanov@mail.ru

West Greenland reindeer by counting cementum increments in molars // Documenta Archaeobiologiae, 2006. № 4. Pp. 125–140.

Pasda K. Osteometry, and osteological age and sex determination of the Sisimiut reindeer population (Rangifer tarandus groenlandicus). Oxford: BAR International Series 1947, 2009. 279 p.

Reitz E.J., Wing E.S. Zooarchaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 455 p.

Attribution criteria

T. Nomokonova, R.J. Losey, and A.V. Plekhanov conducted the research, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, and they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

All authors have read and aproved the final variant of manuscript.

Information about the authors

Tatiana Nomokonova,
PhD, Assistant Professor,
Department of Archaeology and Anthropology,
University of Saskatchewan,
55 Campus Drive, Saskatoon, SK, S7N 5B1, Canada,
✉ e-mail: tan204@usask.ca
Robert J. Losey,
PhD, Professor,
Department of Anthropology,
University of Alberta,
Tory Building 13-15 HM, Edmonton, AB, T6G 2H4, Canada,
✉ e-mail: robert.losey@ualberta.ca
Andrei V. Plekhanov,
Scientific Researcher,
Scientific Center of Arctic Studies,
20 Respublika street, Salekhard 629008, Iamal-Nenets Autonomous Region, Russia,
✉ e-mail: andrei_plehanov@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 39(571.54)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-79-87

О названиях бурят, которыми они себя никогда не называли

© Б.Р. Зориктуев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: В статье впервые поднята никогда не изучавшаяся ранее проблема экзоэтнонимов у бурят. Эти имена были даны им соседними народами, но самими бурятами они никогда не использовались. Экзоэтноним *даур* был дан бурятам в XVII в. эвенками, *баргу-бурат* – в это же время степными племенами Монголии. С первым именем связано появление в Восточном Забайкалье и на юге современной Бурятии двух топонимических названий *Даурия* и *Селенгинская Даурия.* Исконной родиной подлинных дауров был южный берег Амура, восточнее Большого Хинганского хребта. Сложный экзоэтноним *баргу-бурат* был образован путем объединения этнического прозвища *баргут* и этнонима *бурат* (архетип самоназвания *бурят*, его семантика – «лесные»). Монголы степи с XIII в. прозывали лесные племена в районе Байкала (Баргуджин-Токум) *баргутами*, вкладывая в это слово отчетливо заниженный в оценочном плане смысл. Имя *бурат* с середины XVI в. было общим названием племенного объединения на Ангаре и Лене, на основе которого на рубеже XVII–XVIII вв. началось сложение бурятской народности. Оба экзоэтнонима прекратили свое существование после 80-х гг. XVIII в. в связи с выходом из употребления топонима *Баргуджин-Токум*.

Ключевые слова: экзоэтнонимы *даур* и *баргу-бурат*, эвенки, степные монголы, бурятская народность, Витим, Селенга, Байкал, Баргуджин-Токум

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4).

Информация о статье: Дата поступления 31 октября 2019 г.; дата принятия к печати 2 декабря 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Зориктуев Б.Р. О названиях бурят, которыми они себя никогда не называли // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 79–87. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-79-87

On Buryat names which they never called themselves by

© Bulat R. Zoriktuev

The Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

Abstract: The problem of exoethnonyms of the Buryats have never studied before and first raised in the article. Neighboring peoples gave these names to them, which have never been used by the Buryats themselves. The exoethnonym *Daur* was given to the Buryats in the 17th century, *Evenki, Bargu-Burat* – at the same time by the steppe tribes of Mongolia. The first name is associated with the appearance in East Transbaikalia and in the south of modern Buryatia of two toponymic names: *Dauria* and *Selenginskaya Dauria*. The southern coast of the Amur River, east of the Greater Khingan Range, was the original homeland of authentic Daurians. The composite exo-ethnonym *bargu-burat* was compiled by combining the ethnic nickname of *bargut* and the ethnonym *burat* (the archetype of Buryat's self-name, its semantics are “forest”). Mongols of the steppe from the 13th century named the forest tribes in the Baikal region (Bargujin-Tokum) the Barguts, putting in this word a clearly underestimated evaluative meaning. The name *burat* from the middle of the 16th century was the common name of the tribal association on the Angara and Lena Rivers, on which basis at the turn of the 17th and 18th centuries began the formation of the Buryat nation-

ality. Both exoethnonyms had disappeared after the 80s of the 18th century due to the disappearance of the toponym *Bargujin-Tokum*.

Keywords: exoethnonyms of *Daur* and *Bargu-Burat*, the Evenki, steppe Mongols, the Buryat people, Vitim River, Selenga River, Baikal Lake, Bargujin-Tokum

Acknowledgements: This work was carried out as part of a state assignment (project XII.191.1.2. Intercultural interaction, ethnic and socio-political processes in Central Asia, No. AAAA-A17-117021310264-4).

Article info: Received October 31, 2019; accepted for publication December 2, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Zoriktuev B.R. (2019) On Buryat names which they never called themselves by. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 79–87. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-79-87

Как известно, к числу главных этнических признаков этноса относится этноним (самоназвание). Он является внешним выражением этнического самосознания, благодаря чему люди осознают свою принадлежность к определенной этнической общности. Каждый этноним тесно связан с историей обозначаемого им этноса, в связи с чем он представляет собой важнейший и незаменимый источник для раскрытия его этногенеза и этнической истории. В прошлом наряду с этнонимами существовали экзоэтнонимы, дававшиеся этносам другими народами. Будучи данными со стороны, они с их самоназваниями, как правило, не совпадали, а потому отторгались. По этой причине экзоэтнонимы по отношению к аборигенным этносам использовались лишь теми народами, которые эти названия давали (Свод этнографических понятий и терминов, 1995. С. 151)[1]. Важно подчеркнуть, что экзоэтноним, часто повторяя название другой этнической группы, может ввести исследователя в заблуждение, уведя его в поисках далеко в сторону от истинного направления. Чтобы такое не случилось, автору путем квалифицированного анализа необходимо отделять экзоэтноним от этнонима. Поэтому изучение экзоэтнонимов чрезвычайно актуально для специалистов, занимающихся вопросами этногенеза и этнической истории народов, сравнительно-сопоставительной лингвистики, фольклора и другими подобными проблемами.

В Сибири был ряд больших и некрупных по численности этносов, приобретших известность не только по этнонимам, но и по экзоэтнонимам. К ним относились алтайцы, имевшие полученное со стороны имя *калмаки*, тувинцы – сойоны, тофалары – карагасы, эвенки – *хамниганы*, ханты – *остяки*, манси – *вогулы* и др. Наречение экзоэтнонимами происходило, как мне представляется, в период становления этносов, когда вследствие отсутствия четкой информации возникала потребность отличать их друг от друга по данным со стороны именам и за счет этого определять каждому его место на этнической карте того или иного региона. Поэтому, к примеру, появление большей части экзоэтнонимов на юге Сибири и в соседней Монголии относится, на мой взгляд, к периоду не раньше XVI в., когда шло сложение этнических основ живущих в данном регионе народов и у них еще окончательно не закрепились функционирующие сейчас самоназвания. Распространено мнение, что не все этносы имели экзоэтнонимы. В частности, подобная точка зрения бытует в отношении бурят. Однако в настоящее время, когда с историей этнонима *бурят* сложилась достаточно ясная картина, осуществлена его подробная этимологизация, выяснилось, что это далеко не так. У бурят был не один, а два экзоэтнонима: *даур* и *баргу-бурат*, данных им со стороны на начальном этапе сложения бурятской народности.

В 1641 г. поднимавшиеся по Витиму русские казаки во главе с Максимкой Перфильевым узнали от тунгусов, что «живет, де, государь, вверх по Витиму реке даурский князец именем Ботога с това-

[1] Свод этнографических понятий и терминов. Этнические и этно-социальные категории / отв. ред. д-р истор. наук, проф. В.И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. Вып. 6. 163 с.

рищами, а ходу, де государь, до того князя Ботоги от усть Котомары реки водяным путем по Витиму реке месяц, а живет де он, Ботога, на Витиме реке на усть Карги реки, на одном месте улусами, а юрты де, государь, у того князца Ботоги рубленые, и скота де, государь, у того князца Ботоги всякого и соболя много, и серебро де у него Ботоги есть, а то, де, государь, он серебро Ботога и камни покупает на Шилке реке у князя Ловкоя; а от Ботоги, де, государь, вверх по Витиму реке и до Яравни озера по обе стороны Витима реки, даурские конные многие люди, а бой де у них лучной, а язык, де государь, у них свой, с якутским и тунгуским языком не сходится» (Сборник документов по истории Бурятии, 1960. С. 38)[2].

Приведенное сообщение тунгусов послужило Г.Н. Румянцеву основанием для создания гипотезы, что в начале XVII в. монголоязычные дауры занимали все Забайкалье вплоть до Амура. Они жили на р. Карге, притоке Витима, в районе Еравнинских озер, вблизи Нерчинска по рекам Ингода, Шилка, Онон и далее по притоку Амура р. Ур. Дауры в 40-х гг. XVII в. были первым достаточно крупным народом, с которым встретились передовые отряды русских казаков (Румянцев, 1962. С. 205, 214–215).

Д.Д. Нимаев также считал, что дауры в начале XVII в. жили в Забайкалье. Но они занимали более узкую территорию по долине Витима и вблизи Еравнинских озер. В качестве аргумента в пользу своего мнения автор привел взятый из труда Б.И. Панкратова отрывок старинной, как он пишет, даурской песни, в которой упоминается оз. Байкал, вблизи которого якобы жили предки дауров (Нимаев, 2000. С. 137; Нимаев, 2010. С. 123).

Должен заметить, что в свое время в беседе со мной о древней прародине монголов и дауров известный китайский ученый-исследователь летописного памятника «Тайная история монголов» Ардаажав, даур по национальности, поделился информацией, что в даурском фольклоре распространен мотив обитания далеких предков дауров на берегу одного большого безымянного озера. Прожив там много времени, они выбрались оттуда и стали существующим ныне даурским этносом. Где находилось это озеро никто не знает, поэтому местонахождение его не выяснено (Полевые материалы автора. Сообщил Ардаажав, даур, 1936 г. р. Запись 2000 г., г. Хайлар).

По всей видимости, это предание дауров, данные о котором мне любезно предоставил Ардаажав, в форме песни оказалось в работе Б.И. Панкратова, а из нее – попало в распоряжение Д.Д. Нимаева. В таком случае надо признать, что в данной песне гидроним Байкал несомненно является позднейшим в нее включением. По этой причине, что вполне понятно, текст этой песни как источник для реконструкции давно минувших эпох даурской истории особой научной ценности не представляет.

В.А. Михайлов пишет, что источник XVII в. «Чертеж земли Иркуцкого города» сообщает, что «в истоках Лены живут даурские люди», «даурские люди конные, а язык у них брацкий». Опираясь на эти данные, он предположил, что на западном побережье Байкала, на верхней Лене, жили дауры (Михайлов, 2005. С. 178).

Лингвист Л.Б. Бадмаева утверждает, что в топонимии и антропонимии Забайкалья и Прибайкалья можно обнаружить субстратные явления даурского языка. Например, железнодорожная станция *Даурия*, ареал *Даурия* < этноним *даур*; *Геннадий Дагуров* < геноним *даур*; *Роман Мэрдыгеев* < геноним *мэрди* (в род. пад.). Эти лексические параллели в языке бурят и дауров свидетельствуют, с одной стороны, о наличии в них общих черт, образовавшихся в результате древних контактов их носителей, с другой стороны, – об общности формирования этих языков в районе Байкала (Бадмаева, 2009. С. 32, 33).

На мой взгляд, названным выше авторам при выполнении своей работы стоило заинтересоваться, если буряты и такой крупный этнос, как дауры, жили по соседству вблизи Байкала, то почему о последних нет никаких сведений в бурятском фольклоре, ведь речь идет о не таком уж далеком времени, XVII в. Думается, последовавшие после

[2] Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / сост. Г.Н. Румянцев и С.Б. Окунь. Улан-Удэ: Тип. Министерства культуры Бурятской АССР, 1960. 493 с.

постановки этого вопроса поиски непременно привели бы авторов к пониманию того, что в XVII в. никаких дауров около Байкала не было, а под упоминающимися в русских архивных источниках даурскими людьми имеются в виду буряты.

Эта, имевшая место, историческая реальность была установлена участником Первой Академической экспедиции по Сибири Я.И. Линденау, который, работая среди аборигенного населения, подробно интересовался, как именуют друг друга те или иные народы. В 1745 г. он записал, что Братские называются *Burat*. Тогда же им была сделана другая запись, что тунгусы, которые живут на Лене, Братских именуют *Dagur* (так у Я.И. Линденау написано слово *даур*. – *Б.З.*) (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. № 511. Ч. 1. Д. 6. Л. 1–2 об., 16). В последнем сообщении слово *даур* – экзоэтноним, данный тунгусами бурятам. Поэтому дауры на Витиме, о которых тунгусы сообщили Перфильеву, были бурятами, а отнюдь не даурами, как утверждал Г.Н. Румянцев. Эти буряты занимались не земледелием, а скотоводством. Деревянные постройки, которые видели казаки, были не даурскими жилищами, как полагал бурятский ученый, а многостеными бурятскими деревянными юртами (Румянцев, 1962. С. 215). Можно предположить, что на Витиме были те группы бурятского населения, которые со всем домашним скарбом и скотом бежали от казачьих погромов на Ангаре и Лене, сообщениями о которых изобилуют архивные документы первых десятилетий XVII в. Достигнув Витима и возведя там многоугольные деревянные юрты, беженцы устроили свой быт в соответствии с тем привычным укладом, который был у них на местах прежнего обитания в Предбайкалье.

Долгое проживание бурят на Витиме, освоение ими новых земель в районе Еравнинских озер привели к тому, что по их экзоэтнониму *даур* в Восточном Забайкалье закрепился хорошо сохранившийся до наших дней топоним *Даурия.* Подобным же образом объясняется появление совершенно неожиданного для Южного Забайкалья топонима *Селенгинская Даурия*. Автор исходит из того, что имеющийся там топоним *Даурия* является свидетельством того, что забайкальские тунгусы, подобно ленским да и вообще всем тунгусоязычным группам Восточной Сибири, бурят также называли *даурами*. Бесспорные и убедительные данные на этот счет приведены В.В.Птицыным. Он пишет, что «край, чьим именем озаглавлена эта книга (Забайкальский край. – *Б.З.*) … называется Даурией; по имени коренных ея обитателей, бурят, называемых и поныне Даурами от своих соседей, тунгусов и орочон (название оленных эвенков в Забайкалье. – *Б.З.*). От русских она получила официальное название Забайкалья или Забайкальской области» (Птицын, 1896. С. 1).

Приход в конце 20-х гг. XVII в. русских казачьих отрядов на левобережье Ангары, продвижение их на Верхнюю Лену, сопровождавшееся систематическим погромом и разорением буратских улусов, вынуждали большие группы коренного населения покидать насиженные места. Они бежали не только на восток, к Витиму, но и за Байкал «в мунгалы»: вверх по Селенге под защиту монголов. Этих беженцев, которых особенно много скопилось по р. Чикой, забайкальские тунгусы тоже называли *даурами*, а ареал их обитания – *Даурией*. Она занимала территорию на юге современной Бурятии по обе стороны Селенги, занятой родами монгольского происхождения. Именно среди них западнобурятские беженцы находили пристанище в XVII в. Позже топониму *Даурия* во избежание путаницы с похожим термином в Восточном Забайкалье, была придана форма *Селенгинская Даурия*.

Я.И. Линденау, сообразуясь с уровнем знаний об амурских народах его времени, дауров называл тунгусами. Он писал, что тунгусы, которые живут от Нерчинска и далее к востоку по Амуру, тоже называются *Dagur* (РГАДА. Ф. 199. № 511. Ч. 1. Д. 6. Л. 20–21 об.). К настоящему времени твердо установлено, что дауры и их предки относятся к числу монголоязычных народов на Амуре. В середине XVII в., ко времени первых встреч с русскими, они обитали в верхнем течении этой реки. Западнее их, от слияния Шилки и Аргуни вверх по Шилке жили нерчинские тунгусы-нелюды (лелюли). Рубежом между двумя этносами был район устьев рек Амазара и Урки на Ве**р**хнем Амуре (Долгих, 1960.

С. 581). Однако нижнее течение Шилки, по всей видимости, контролировалось даурами. Это позволяло их князцу Ловкою регулярно наведываться туда для продажи серебра и драгоценных камней жившим на Витиме бурятам, как сказывали казаку Перфильеву тунгусы.

Исконная родина «настоящих» дауров, по китайским источникам, находилась на северо-востоке Китая в долине р. Нонни (Нуньцзян), с VI в. входившей в ареал расселения шивэйских племен. В эпохи Суй и Тан в составе южных шивэйцев, живших восточнее Большого Хинганского хребта, упоминается имевшая киданьское происхождение общность дагоу-шивэй, которую, на мой взгляд, можно считать прямыми предками современных дауров. По данным «Бэй ши», при Тан киданьский род дахэ завоевал земли южных шивэйцев. Итогом этой, успешно проведенной кампании, явилось то, что территория дахэ расширилась на 2000 с лишним ли. С этого времени влияние киданей на Северную Маньчжурию было настолько велико, что в ряде источников (Суй шу, Цзю Тан шу, Синь Тан шу) южные шивэйцы называются не только своим именем *шивэй*, но и *киданями* (Дауры, 1965. С. 667; Е Лун-ли, 1979. С. 493). На мой взгляд, вполне возможно, что со временем кидани-дахэсцы и консолидировавшиеся вокруг них шивэйские этногруппы составили единое этническое образование, которое стало основой будущей даурской народности.

Что касается экзоэтнонима *баргу-бурят*, то он имеет долгую и непростую предысторию. В XIII в. степные монголы группу племен, преимущественно населявшую западную сторону Байкала, называли *баргут*. Рашид-ад-дин этот феномен раскрыл так: «Племена баргут, кори и тулас; племя тумат также ответвилось от них. Эти племена близки друг с другом. Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища (находятся) на той стороне реки Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум» (Рашид-ад-Дин, 1952. С. 121).

В процитированном тексте источника важно уяснить, что слово *баргут* использовано не как этноним (как самоназвание оно сопряжено с обитавшим в Забайкалье племенным этносом баргут. – *Б.З.*), а как этническое прозвище некоторой части (главным образом, предбайкальского населения), данное ей по названию той территории, какую она занимала – *Баргуджин-Токум*, кратко – *Барга*. Семантика его прозрачна: «жители Баргуджин-Токума или Барги». В дальнейшем произошло расширение функции прозвища. Оно стало обозначением не узкой группы племен, а всего аборигенного населения у Байкала.

Буквальное значение топонима *Баргуджин-Токум* – «Баргузинская низина». Так называется местность по р. Баргузин на восточном берегу Байкала, где ориентировочно до середины XVI в. обитало крупное племя баргут. К XIII в. *Баргуджин-Токумом* стала именоваться территория по обе стороны озера, которую освоили лесные монголы. Баргузинская долина, находясь посередине этого обширного региона, стала его историческим центром (Подробно об этом: Зориктуев, 1993). Увеличение площади и численности населения, разность его этнического состава и др. факторы не могли не наложить свой отпечаток на содержание сложившегося понятия *Баргуджин-Токум.* Монголы степи, игравшие доминирующую роль в монгольском мире, за счет наполнения его этническим смыслом с явно тенденциозной направленностью, придали ему значительно занижающий достоинство местного населения оттенок. Они в соответствии с естественным противопоставлением своей группы другим («мы» – «они»), лежавшим в основе этнической идентификации, Баргуджин-Токум стали понимать как глухой, холодный по климату, малокультурный уголок на далекой окраине их державы. Жившие там племена, по их мнению, не имели палаток и шатров, быков и баранов и никогда не выходили из своих лесов. Они не причислялись прежде к монголам, а стали именоваться таковыми лишь недавно (Рашид-ад-Дин, 1952. С. 92, 123, 124). Эти характеристики (географические условия, уровень культуры населения, отношение к жизни, этногенез), при помощи которых степными монголами был сконструирован образ Баргуджин-Токума, в сжатом виде составили содержание прозвища *баргут*. Оно в оценочном плане мало отли-

чалось от негативно окрашенной семантики этнонима *баргут* – «грубый, некультурный, отсталый» (Монгольско-русско-французский словарь, 1846. С. 1108[3]; Буряад-ород словарь, 1957. С. 63[4]). Это имя также было получено в свое время его носителями (жившим в долине Баргузина племенем баргут) от степняков юга.

Соседи со стороны монгольских степей прозвище *баргут* прилагали и к отдельным этническим группам Баргуджин-Токума. Оно чаще всего использовалось по отношению к хоринцам, которые, находясь в даннической зависимости от монгольского Цэцэн-хана (Залкинд, 1958. С. 17) и выставляя для него вспомогательное войско, подолгу находились в Восточной Халхе. Во второй половине XVII в. до 40 % хоринцев обычно пребывало в этой части Монголии (всех хоринцев в то время – около 5800 чел. Рассчитано по: Долгих, 1960. С. 331, 334). К 1670 г. хоринцы после зачисления в знаменное войско и получения от маньчжуров за военные заслуги наименования *новые* назывались *новыми баргутами* (Путешествие через Сибирь…, 1882. С. 157). Поэтому вполне закономерно, что данное монголами баргуджин-токумовцам прозвище *баргут* наиболее прочно прикрепилось именно к хоринскому племени.

В XVII в. баргутами стали называть хоринцев маньчжуры. Это видно из документа Лифаньюаня от 1646 г., в котором упоминается битва между вторгшимися в Халху маньчжурами и объединенным войском Тушету-хана и Цэцэн-хана. В сражении, состоявшемся в Центральной Халхе западнее р. Толы, в составе войска последнего были хоринцы, названные в маньчжурском документе *баргутами* (Buyandelger, 2002. Т. 30).

Традиция давать северным соседям прозвище *баргут* имела у монголов характер долговременной тенденции и не утратила своего значения много позже. Предположительно в середине XVI в. на западной стороне Байкала в верховьях Ангары и Лены беспрецедентные по глубине, силе и размаху консолидационные процессы привели к сложению племенного объединения, вначале называвшегося *бурат*, а на рубеже XVII–XVIII вв. – *бурэт* (buræ:d). На базе этого союза с дальнейшим перекидыванием объединительных тенденций в Забайкалье и возникновением там имени *бурят* (значение всех трех форм – «лесные») в конце XVIII в. образовалась бурятская народность (Зориктуев, 2011. С. 70–79). Оставаясь верными своему обычаю, степняки-монголы племена, вошедшие в состав объединения бурат, также нарекли прозвищем *баргут*, автоматически перенеся на них все характеристики, дававшихся ими населению Баргуджин-Токума. Возник сложный экзоэтноним *баргут-бурат*, который в слегка усеченной форме *баргу-бурат* встречается в ойратских памятниках XVIII – начала XIX в. (Баатар увш туурвисан, 2006. С. 34, 65). Во всех других источниках, которых к настоящему времени выявлено большое количество, в качестве архетипа общеизвестного ныне имени *бурят* фигурирует одно слово *бурат*, что говорит о том, что изначально двойного названия *баргут-бурат* никогда не существовало. Следовательно, в ойратских источниках в термине *баргу-бурат* слово *баргу* (*баргут*) однозначно использовано как дополнительно введенное прозвище, а не как этническое наименование.

То, что в экзоэтнониме *баргу-бурат* слово *баргу* употреблено в значении прозвища, сомнений ни у кого и никогда не вызывало. К примеру, именно так трактовал его известный монголовед А.М. Позднеев. Касаясь названия *баргу-бурат*, он заметил, что буряты (так им написано слово *буряты*) подразделяются на две части: забайкальских и северных, т. е. западных. Последние заметно разнятся от тех, которые живут за Байкалом, верованием, образом жизни, обычаями и особенно языком, отличающимся от наречий всех монголов «доходящей до крайних размеров грубостью». «Утверждают, – подчеркивал А.М. Позднеев, – что это наречие и было поводом, почему северобайкальские Буряты получили от своих соплеменников прозвание Баргу-Бурятов, т. е. грубых, неотесанных Бурятов» (Позднеев, 1880. С. 180).

[3] Монгольско-русско-французский словарь, составленный профессором О. Ковалевским. Казань: Университетская типография, 1846. Т. 2. 595–1545 с.

[4] Буряад-ород словарь. К.М. Черемисов зохёобо. М.: «Советская энциклопедия» хэблэл, 1973. 804 х.

С высоты сегодняшнего дня не все замечания А.М. Позднеева об образе жизни, культуре и языке северных (западных) бурят можно принять, но его главный вывод, что в экзоэтнониме *баргу-бурят* компонент *баргу* является прозвищем, безусловно, верен, потому что он соответствует содержанию приводившегося сообщения Рашид-ад-дина, почему степные монголы население Баргуджин-Токума называют *баргут.*

Выход из обращения у тунгусов и степных монголов экзоэтнонимов *даур* и *баргу-бурат* был обусловлен общим ростом их культуры и лучшим узнаванием живших западнее Байкала буратов. Можно полагать, что с названием *даур* дело так и обстояло. Что касается экзоэтнонима *баргу-бурат*, то на его исчезновение большое влияние оказали также развивавшиеся в регионе этнические процессы. Тут надо сделать существенную оговорку. Под исчезновением из лексикона монголов экзоэтнонима *баргу-бурат* имеется в виду выход у них из активного пользования первой части данного термина – слова *баргут* как давнего с пренебрежительным оттенком прозвища их северных соседей. Начало этого процесса скорее всего относится к рубежу XVII–XVIII вв. В это время на западной стороне Байкала имя *бурат* сменилось этнонимом *бурэт*, что сильно ослабило позиции прозвания *баргут.* Окончательно это прозвище вышло из массового употребления монголами вместе с канувшим в Лету топонимом Баргуджин-Токум. Это произошло после 80-х гг. XVIII в., когда в основе нового названия региона *Буряад* или *Буряад орон* (т. е. Бурятия) закрепилось наименование образовавшейся бурятской народности.

Что касается слова *бурат*, то оно, как отмечено выше, было названием племенного союза западнее Байкала, ориентировочно сформировавшегося в середине XVI в. вне всякой связи с прозвищем *баргут*. Это доказывается тем, что имя *бурат* как обозначение живущего на берегах Байкала современного бурятского населения сохранилось и используется до настоящего времени за пределами Бурятии в отдельных аймаках Халхи, монголами Внутренней Монголии, ойратами Куку-нора и Синьцзяня, казахами, кыргызами и некоторыми другими народами.

Подводя итоги отмечу, что буряты, вопреки распространенному в научной литературе мнению, в прошлом имели два данных им другими народами экзоэтнонима – *даур* и *баргу-бурат*. Имя *даур* было дано бурятам в XVII в. тунгусами. Этим же именем ими были названы места обитания двух локальных групп бурят, живших на некотором удалении от Предбайкалья, где в середине XVI в. возникло племенное объединение *бурат*, на основе которого к концу XVIII в. сложилась бурятская народность (*бурат* – архетип имени *бурят*, его знач. – «лесные»). В результате по экзоэтнониму *даур* на востоке Забайкалья появился топоним *Даурия*, в Южном Забайкалье, по обе стороны от Селенги – *Селенгинская Даурия.* Они до сих вводят в заблуждение часть исследователей, считающих, что район Байкала является первоначальной родиной живущей сейчас на северо-востоке Китая даурской народности. Исконной родиной «настоящих» дауров был южный берег Амура восточнее Большого Хинганского хребта. Сложный экзоэтноним *баргу-бурат* также был дан в XVII в. племенам западнее Байкала степными монголами. Он был образован путем прибавления к их общему имени *бурат* этнического прозвища *баргут*, которым степняки юга с XIII в. называли вначале племена преимущественно Предбайкалья, а затем все население по обе стороны озера по названию той территории, какую оно занимало – Баргуджин-Токум, или Барга. Само аборигенное население у Байкала, которому были даны экзоэтнонимы *даур* и *баргу-бурат*, называло себя соответственно своему самоназванию – *бурат*. Оно не называло себя *даур* и тем более *баргу-бурат*, поскольку в данном имени часть *баргу* имело отчетливо выраженное уничижительное содержание. Выход обоих экзоэтнонимов из употребления у тунгусов и монголов начался с конца XVIII в. по мере лучшего узнавания ими образовавшегося бурятского этноса и закрепления вместо прежнего топонима *Баргуджин-Токум* нового названия региона *Бурятия.*

Библиографический список

Бадмаева Л.Б. Сравнительно-историческое исследование монгольских языков и диалектов Внутренней Азии // Современные проблемы изучения монгольских языков. Научная сессия, посвященная 80-летию проф. И.Д. Бураева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 26–33.

Дауры (Дахуры) // Народы Восточной Азии / под ред. Н.Н. Чебоксарова, С.И. Брука, Р.Ф. Итса, Г.Г. Стратановича. Сер. Народы мира. Этнографические очерки / под общей ред. С.П. Толстова. М.; Л.: Наука, 1965. С. 666–671.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 621 с.

Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / пер. с китайского, введ., коммент. и прил. В.С. Таскина // Памятники письменности Востока. Т. XXXV. М., Наука, 1979. 608 с.

Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958. 318 с.

Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Восточная литература, 2011. 278 с.

Зориктуев Б.Р. К вопросу о местоположении Баргуджин-Токума // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1993. С. 175–179.

Михайлов В.А. Традиционные занятия бурят: животноводство, земледелие (XVII – начало XX века). Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. 276 с.

Нимаев Д.Д. Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ: Изд-во Восточно-Сибирской академии культуры и искусств, 2000. 190 с.

Нимаев Д.Д. Дауры и баргуты: проблемы этнической истории // Археология, этнография и антропология Евразии, 2010. № 2 (42). С. 122–127.

Позднеев А.М. Образцы народной литературы монгольских племен. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1880. Вып. 1. 346 с.

Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. // Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В. Арсеньева. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1882. 214 с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей / пер. с персидского А.А. Хетагурова; ред. и прим. А.А. Семенова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т.1. Кн. 1. 221 с.

Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят.

References

Badmaeva L.B. (2009) The comparative historical study of the Mongolian languages and dialects of Inner Asia. *Sovremennye problemy izucheniya mongol'skikh yazykov. Nauchnaja sessiya, posvyashennaya 80-letiyu professora I.D. Buraeva* = Modern problems of studying the Mongolian languages. Scientific session dedicated to the 80th anniversary of prof. I.D. Buraev. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS. P. 26–33. (In Russ.)

Tolstov S.P. (1965) Dahury. *Narody Vostochnoi Azii. Ser. Narody mira. Etnograficheskie ocherki* = Peoples of East Asia. Ser. The peoples of the world. Ethnographic essays. Moscow – Leningrad: Nauka. P. 666–671. (In Russ.)

Dolgih B.O. (1960) Clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 621 p. (In Russ.)

E Lun-li. (1979) The history of the Kitan state. *Pamyatniki pis'mennosti Vostoka* = Writing Sources of the East. Vol. XXXV. Moscow: Nauka. 608 p. (In Russ.)

Zalkind E.M. (1958) Joining of Buryatia to Russia. Ulan-Udje: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 318 p. (In Russ.)

Zoriktuev B.R. (2011) Actual problems of the ethnic history of the Mongols and Buryats. Moscow: “Vostochnaya literatura” RAN. 278 p. (In Russ.)

Zoriktuev B.R. (1993) On the location of the Bargujin-Tokum. *Etnicheskaya istoriya narodov Yuzhnoi Sibiri i Central'noi Azii* = Ethnic history of the peoples of South Siberia and Central Asia. Novosibirsk: Nauka. P. 175–179.

Mikhaylov V.A. (2005) Traditional activities of Buryats: livestock, agriculture (XVII – beginning of the XX century). Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya. 2005. 276 p. (In Russ.)

Nimaev D.D. (2000) Buryats: ethnogenesis and ethnic history. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture. 190 p. (In Russ.)

Nimaev D.D. (2010) Daurs and Barguts: Problems of ethnic history. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* = Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. No. 2 (42). P. 122–127. (In Russ.)

Pozdneev A.M. (1880) Samples of folk literature of the Mongol tribes. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk. Iss. 1. 346 p. (In Russ.)

(1882) Journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China by the Russian envoy Nikolai Spafariy in 1675. *Dorozhny dnevnik Spafariya s vvedeniem i primechaniyami Yu.V. Arsen'eva* = Travel Diary of Spafarii with introduction and notes by Yu.V. Arsenyev. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma. 214 p. (In Russ.)

Rashid-ad-din. (1952) Selection of annals. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Vol. 1. Book 1. 221 p. (In Russ.)

Rumjantsev G.N. (1962) The origin of the Khori Bury-

Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1962. 264 с.

Птицын В.В. Селенгинская Даурия. Очерки Забайкальского края. В 2-х частях. СПб.: Экономическая Типо-Литография Б. Вульфова, 1896. 306 с.

Баатар увш туурвисан «Дөрвөн ойрадын түүх оршив» / Тайлбар бичсэн Б. Түвшинтөгс, Н. Сүхбаатар. Улаанбаатар: «Соёмбо принтинг» хэвлэх үйлдвэр, 2006. 165 т.

Buyandelger Jiγačidai. Qalq-a baryu-yin egüsül irel // Arkivs ba mongγul teüke sudulul. Qoyadugar emkidgel. Kökeqota: Öbür Mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, 2002. 1–38 t.

ats. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 264 p. (In Russ.)

Ptitsin V.V. (1896) Selenginsaya Dauria. Essays on the Trans-Baikal Territory. In 2 pt. St. Petersburg: Ekonomicheskaya Tipo-Litografiya B. Vul'fova. 306 p. (In Russ.)

Баатар увш туурвисан «Дөрвөн ойрадын түүх оршив» / Тайлбар бичсэн Б. Түвшинтөгс, Н. Сүхбаатар. Улаанбаатар: «Соёмбо принтинг» хэвлэх үйлдвэр, 2006. 165 т. (In Mong.)

Buyandelger Jiγačidai. Qalq-a baryu-yin egüsül irel // Arkivs ba mongγul teüke sudulul. Qoyadugar emkidgel. Kökeqota: Öbür Mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, 2002. 1–38 t. (In Mong.)

Критерии авторства

Б.Р. Зориктуев выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за её оригинальность.

Attribution criteria

B.R. Zoriktuev made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Зориктуев Булат Раднаевич,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия,
✉ e-mail: enhe_z@mail.ru

Information about the author

Bulat R. Zoriktuev,
Dr. Sci. (History), Principal researcher,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanovoi street, Ulan-Ude 670047, Russia,
✉ e-mail: enhe_z@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 39+21/29
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-88-103

Пространство шаманского ритуала у эвенков Нижней Тунгуски (по материалам личного архива П.П. Хороших)

© О.В. Бураева, С.В. Бураева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: Статья вводит в научный оборот уникальные архивные материалы из фондов Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии, связанные с экспедицией 1930 г. к эвенкам Нижней Тунгуски под руководством известного этнографа, исследователя Сибири П.П. Хороших. В личном архивном фонде ученого выявлены фотоматериалы, уникальные рисунки с пояснениями автора, карта-схема маршрута, рукописный и машинописный тексты путевых заметок «Под полярным кругом». Нарративная часть составлена в хронологическом порядке посещения пунктов назначения, содержит многочисленные подробности сложного и многотрудного путешествия. Ввиду обширности объема и мозаичности содержания выявленных документов в статье рассмотрено только «пространство» шаманского ритуала – шаманские чумы и места проведения шаманских обрядов. Самостоятельными источниками являются выполненные П.П. Хороших черно-белые фотографии объектов и локаций, а также рисунки и схемы расположения предметов с указанием размеров, ориентации по сторонам света, местоположения относительно друг друга, эвенкийских названий и перевода на русский язык. Фотографии и рисунки из экспедиции П.П. Хороших представляют «шаманское пространство» эвенков Нижней Тунгуски первой трети XX столетия на примере стойбищ в местностях Ягдок, Инаригда, Тэрнакан, Кулинда, Аппха.

Ключевые слова: фотоархив, изобразительные источники, визуальные источники, эвенки, Нижняя Тунгуска, шаманизм, шаманский чум, ритуальные объекты, П.П. Хороших

Благодарности: Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9; проект XII.187.1.4. Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310267-5.

Информация о статье: Дата поступления 27 августа 2019 г.; дата принятия к печати 23 сентября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Бураева О.В., Бураева С.В. Пространство шаманского ритуала у эвенков Нижней Тунгуски (по материалам личного архива П.П. Хороших) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 88–103. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-88-103

Space of the shamanic ritual among the Evenks of the Nizhnyaya Tunguska River (based on archive materials of P.P. Horoshykh)

© Olga V. Buraeva, Svetlana V. Buraeva

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia

Abstract: The article introduces into scientific circulation unique archival materials from the collections of the Center of Oriental Manuscripts and Woodcuts of IMBT SB RAS associated with the expedition of 1930 to the Evenks of the Lower Tunguska

River under the guidance of the famous ethnographer, researcher of Siberia P.P. Horoshykh. In the personal archival fund of the scientist there were revealed the photographs, unique drawings with the author explanations, a map of the route, handwritten and typewritten texts of travel notes "Under the Arctic circle". The narrative part is composed in chronological order of visiting destinations, contains numerous details of a complex and arduous journey. Due to the volume extensiveness and mosaic content of the identified documents, the article considers only the "space" of the shamanic ritual – shamanic raw-hide tent and places of shamanic rites. Independent sources are made by P.P. Horoshykh and are black and white photographs of objects and locations, as well as drawings and diagrams of the objects location with the size, orientation to the cardinal directions, location relative to each other, Evenk names and translation into Russian. Photos and drawings from the expedition of P.P. Horoshykh represent an idea of "shamanic space" of Evenks of Lower Tunguska in the first third of XX century on the example of camps in the areas of Yagdoc, Inarigda, Ternakan, Kulinda, Appkha.

Keywords: photo archive, graphic sources, visual sources, Evenks , Nizhnyaya Tunguska River, shamanism, shaman's chum, ritual objects, P.P. Horoshykh

Acknowledgements: The research was carried out within the state assignment of FASO Russia (project XII.191.1.1. "The transboundary spaces of Russia, Mongolia and China: history, culture, contemporary society", № АААА-А17-117021310269-9; project XII.187.1.4. "Cultural heritage of the Transbaikalian peoples and contiguous regions of East Asia in the system of spiritual values of Russia", № АААА-А17-117021310267-5.

Article info: Received August 27, 2019; accepted for publication September 23, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Buraeva O.V., Buraeva S.V. (2019) Space of the shamanic ritual among the Evenks of the Nizhnyaya Tunguska River (based on archive materials of P.P. Horoshykh). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 88–103. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-88-103

Изучение традиционных верований коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, в том числе и эвенков, вызывает у современных исследователей непреходящий интерес. Цель данной работы – ввести в научный оборот недостаточно известные в научной литературе архивные материалы из фондов Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (материалы П.П. Хороших), охарактеризовать их источниковый потенциал в области изучения локальных особенностей шаманизма эвенков. Ввиду обширности объема и мозаичности содержания выявленных документов в данной публикации будет рассмотрено только «пространство» шаманского ритуала – шаманские чумы и места проведения шаманских обрядов.

Историография шаманизма весьма обширна, между тем многие вопросы остаются дискуссионными – природа шаманизма, интерпретация пространства и культовых объектов, точность передачи традиции по мере ретроспекции и т. п. Известны серьезные глубокие исследования о шаманизме разных народов, в том числе и эвенков. Особый интерес вызывают культовые сооружения эвенков (шаманские чумы), сооружавшиеся для важных или специальных обрядов; пространство шаманского ритуала воссоздавало «сакральное пространство Вселенной», устанавливая своеобразную связь миров.

Впервые шаманский чум эвенков исследовал сотрудник этнографического отдела Русского музея А.А. Макаренко, в 1907–1908 гг. побывавший в енисейской тайге, а в 1913 г. – в Забайкалье. В его архивном фонде Российского этнографического музея (РЭМ), содержатся описания шаманских чумов эвенков, увиденных на Подкаменной Тунгуске, на берегах рек Панолик, Монокон, в Нерчинском округе на р. Нерче. В фонде также хранятся сделанные А.А. Макаренко зарисовки и фотографии заброшенного шаманского мольбища эвенков в енисейской тайге. Однако материал не был им систематизирован и представляет собой разрозненные полевые записи.

Шаманский чум эвенков описан подробно впервые И.М. Сусловым (Суслов, 1931; Суслов, 1932a; Суслов, 1932b; Суслов, 1932c; Суслов, 1932d). Он приводит сведения о чуме большого шамана Хинкорча из рода Чапогир с правого берега р. Нижней Тунгуски, с которым познакомился в

июле 1927 г., отметив, что в 1908 г. с этим шаманом встречался А.А. Макаренко. И.М. Суслов писал, что «крупные шаманские сеансы у тунгусов сопровождаются постройкой специального шаманского чума, который называется «нымгандяк» (от слова «нымгандем» – шаманить). Под крупными шаманскими сеансами подразумеваются изгнание злых духов шаманом к чужеродцам или иноплеменникам, освящение нового бубна шамана и пр. Обыкновенное же «повседневное» шаманство (гадание, поиски оленей, предсказание дороги, предсказание будущего, предсказание промыслов, «землеустройство» и т. п.) совершается в простом жилом чуме, причем как в собственном чуме шамана, так и в жилище его сородичей» (Суслов, 1932с. С. 15). И.М. Суслов характеризует шаманский чум как «своего рода храм, в котором совершается довольно оригинальный, религиозный обряд» (Суслов, 1931. С. 105). Фотоматериалы экспедиции И.М. Суслова также хранятся в РЭМ.

Во второй половине XX в. исследования пространства шаманского ритуала эвенков были продолжены. Так, шаманский чум енисейских эвенков Подкаменной Тунгуски на основе полевых материалов 1920–1930-х гг. описал А.Ф. Анисимов (Анисимов, 1952; Анисимов, 1958); шаманский чум сымских эвенков исследовала Г.М. Василевич (Василевич, 1957). Информация о шаманских чумах и отдельные фотографии помещены в книге С.В. Иванова «Скульптура народов Севера Сибири» (Иванов, 1970. С. 150–162), в которой он проанализировал материалы А.А. Макаренко, А.Ф. Анисимова, Г.М. Василевич, С.М. Широкогорова. В 1980 и 1982 гг. во время экспедиций Братского городского музея в Катангском районе Иркутской области были исследованы три шаманских чума – чум шамана Сычегира на р. Умотке, чум шамана Салаткина на р. Ике, чум шаманки на р. Дюльчак. В музее имеются планы шаманских комплексов, рисунки скульптур шаманских духов-помощников, фотоматериалы, частично опубликованные (по чуму Сычегира). Особенности шаманского чума у эвенков-оронов Верхнего Амура зафиксировал А.И. Мазин (Мазин, 1984. С. 82–85, 88). Семантику шаманского чума эвенков как модели мира исследовала Ю.А. Ямпольская (Ямпольская, 1990; Ямпольская, 1993).

В постсоветский период появились как углубленные исследования, так и обобщающие работы по теме. Так, материалы А.А. Макаренко были глубоко изучены и опубликованы исследователем Т.Ю. Сем (Сем, 1997; Сем, 2002; Шаманизм народов Сибири.., 2006; Sem, 1997; Sem, 1999). С архивом А.А. Макаренко работал Ю.В. Клиценко[1]. Особо отметим подготовленный в РЭМ альбом «На грани миров: шаманизм народов Сибири» (На грани миров, 2006. С. 188–211), где среди прочего можно ознакомиться с фотографиями различных атрибутов шаманов и шаманских чумов, сделанных А.А. Макаренко, И.М. Сусловым.

Архивные исследования ведутся и в других музеях. Так, в 2006 г. старший научный сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея М.С. Баташев обнаружил в музейных фондах и опубликовал фотоснимки и чертежи с описанием шаманского чума эвенков с изображением реки (Баташев, 2006).

В архиве г. Енисейска имеются материалы об экспедиции Енисейского районного естественно-исторического и бытового музея на р. Большой Пит в августе – сентябре 1929 г.[2] Экспедиция обнаружила заброшенное эвенкийское стойбище, в центре которого находился большой шаманский чум со скульптурами. В отчете за 1929 г. заведующий музеем Н. Кытманов отмечал, что становище тунгусов заснято на фотопластинку и составлен план с зарисовками. Современные исследователи не на-

[1] Клиценко Ю.В. А.А. Макаренко о шаманских чумах витимо-нерчинских эвенков // Сибирская заимка. 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://zaimka.ru/klitsenko-shunman/ (дата обращения 21.02.2019).
Клиценко Ю.В. Шаманские чумы эвенков по материалам катангской экспедиции А.А. Макаренко // Сибирская заимка. 2013. [Электронный ресурс]. URL: fond-tatiana.ru/klitsenko_sib.zaimka (дата обращения 03.02.2019).

[2] Клиценко Ю.В. Записки В.В. Каневского о шаманском чуме эвенков на реке Большой Пит // Сибирская заимка, 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://wetell.online/2018/02/06/zapiski-vv-kanevskogo-o-shamanskom-chume-evenkov-na-reke-bolshoy-pit.html (дата обращения 06.02.2018).

шли ни фотоснимка, ни плана шаманского чума, имеется только описание тунгусского становища.

Об установке шаманского чума у эвенков сымско-кетской группы на празднике *иконипко* и камлания в нем большого шамана Шоркувуля (известного Суслову под именем Майели) сообщали В.А. Дуткина и М.Х. Белянская в своей монографии «Эвенки Верхнекетья» (Дуткина, Белявская, 2014. С. 26–34).

Особое внимание привлекает недавно изданная обобщающая работа Т.Ю. Сем, рассмотревшая шаманизм эвенков на материалах музейных коллекций Российского этнографического музея (Сем, 2017). В монографии введены в научный оборот материалы архива, вещественные и фотоисточники, а также полевые материалы автора из Якутии, Хабаровского края и о. Сахалин. Для нас интерес представляет третья глава монографии, где дано подробное описание шаманского чума и мольбища в целом, его ритуальной скульптуры на основе материалов, привезенных А.А. Макаренко. Т.Ю. Сем детально описала интерьер шаманского чума, который создавался в соответствии с типами камлания, и указала назначение всех частей.

В Байкальском регионе народов Сибири, в том числе бурят и эвенков, изучал П.П. Хороших, им был издан ряд статей о шаманизме бурят. Вызывает недоумение отсутствие публикаций по шаманизму эвенков, несмотря на участие в длительных экспедициях, наличие визуальных материалов и даже подготовленной к печати рукописи. Возможно, причиной послужил арест П.П. Хороших в феврале 1931 г., а в дальнейшем ученый обратился к другим темам. Образовавшуюся лакуну восполнит в какой-то мере данная публикация.

В Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН в личном архивном фонде П.П. Хороших хранятся многочисленные письменные и визуальные материалы. Нами выявлено несколько уникальных архивных дел, связанных с экспедицией 1930 г. к эвенкам Нижней Тунгуски (ЦВРК ИМБТ СО РАН, Ф. 20. Оп. 1. Д. 538, 542, 544, 551).

Известно, что частично аналогичные фотодокументы П.П. Хороших также находятся в Иркутском областном краеведческом музее (фото из его фондов были опубликованы в монографии А. Сириной (Сирина, 2012. С. 445–447). По утверждению А. Сириной, в музее хранится обширная фотоколлекция Нижнетунгусской экспедиции 1930 г., а стеклянные фотопластинки были сканированы в рамках международного проекта. Какая-то часть коллекции поступила в МАЭ и другие центральные музеи.

Что же послужило причиной организации этой экспедиции? Интересна подоплека задуманного и осуществленного проекта. В 1920–1930-е гг. как часть государственной политики рассматривалась «продажа за границу историко-культурных ценностей с целью получения средств для решения задач первой пятилетки» (Вдовин, Китова, Кочкина, Конохов, 2017. С. 30). В 1929 г. Наркомторг организовал в Москве контору «Новоэкспорт» «для выявления новых видов экспортных товаров, организации заготовок таковых и осуществления на монопольных началах экспорта указанных товаров, организации и реализации их на внешних рынках» (Вдовин, Китова, 2010. С. 171). В этом же году сибирское государственное экспортно-импортное торгово-заготовительное акционерное общество «Сибторг» предложило краеведческим организациям опробовать новую статью валютных поступлений. Речь шла о продаже сибирских культурных ценностей за границу. В конце июля 1929 г. к этой работе привлекли широкую сеть краеведческих организаций; одним из первых, включившихся в эту работу, стало Общество изучения производительных сил Сибири (ОИС), находящееся в Новосибирске. В качестве нового вида экспорта предполагалось опробовать продажу вновь выявленных у коренных народов Сибири этнографических коллекций, охватывающих жилище, одежду, пищу, домашнюю утварь, способы передвижения, воспитание ребенка, верования, искусство, кустарную промышленность и т. п.

В начале 1930 г. ОИС подписало соглашение с Государственной конторой по экспорту новых товаров при Наркомторге РСФСР по организации сборов предметов народного быта (этнографических и археологических) для составления экспортных коллекций по народам сибирского края. Пред-

лагалось организовать этнографические экспедиции к тунгусам, алтайцам, хакасам, остякам и остякам-самоедам, в Горную Шорию (Вдовин, Китова, 2010. С. 172). В Сибири к осуществлению проекта были привлечены краеведческие организации, Географическое общество, музеи (в том числе Иркутский). Одна экспедиция должна была вывезти от 600 до 1200 экспонатов, а также сделать 250–300 фотографий этнографической тематики (Сирина, 2013. С. 33).

Именно при содействии ОИС на средства Госторга была организована Тунгусская этнографическая экспедиция (руководитель – этнограф П.П. Хороших, сотрудник – заведующий этнографическим отделом Иркутского музея П.Г. Полтораднев), одной из первых. Тунгусская экспедиция особо выделяется среди экспедиций, снаряженных музеем. В иркутской газете «Власть труда» от 24.08.1930 г. об экспедиции на Нижнюю Тунгуску сообщалось следующее: «Заграничные музеи и университеты предъявляют спрос на научное сырье. Госторг делает первый опыт организованного опыта коллекций, собранных специалистами и сопровождающихся научным описанием» (Сирина, 2013. С. 32). По плану она должна была пройти 5 июня – 1 октября 1930 г., а коллекции в Новосибирск предполагалось доставить к 15 ноября; однако сроки выдержаны не были. Началась поездка с большим запозданием, лишь 24 июня. Экспедиция выехала фактически без снаряжения и средств передвижения, приобретая по возможности все необходимое на месте. В результате участниками экспедиции было собрано более 400 предметов, сделано 275 фотоснимков (население, жилища, оленеводство, средства передвижения, кустарная промышленность, виды местности, предметы обихода). Собранные коллекции были переданы в факторию Госторга, их дальнейшая судьба неизвестна (Сирина, 2013. С. 33–34).

Экспедиция к эвенкам р. Нижней Тунгуски проходила со 2 июля по 22 октября 1930 г. Рассмотрим подробнее состав архивных материалов, ранее не известных исследователям. В них аккумулированы фотоматериалы, рисунки с пояснениями автора, карта-схема маршрута, содержащая подробный перечень посещенных стойбищ и поселков, и в ряде случаев указывающая расстояние между ними. На карте последовательно отмечен путь от Киренска до Туруханска: Киренск – Нижнее Карелино – Завалок – Лиственичное (53 км) – Соснино (107 км) – Логашина (148 км) – Гажина (172 км) – Непа (195 км) – Данилова (244 км) – Потемкина (267 км) – В. Калинино (307 км) – Преображенское (324 км) – Мога (336 км) – Жданово (355 км) – Б. Ерема (397 км) – Лужки (407 км) – Оськина (477 км) – Н. Анкула – Ербогачен (562 км) – Аян (609 км) – Лаврушка (633 км) – Кочема – Уашкит – Огит – Аякан – Анаун (Анавунь) – Накана – Аппха – Кономо (Когномо) – Гулама – Инаригда – порог Хининг – Кулинда – Туруханск (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 544).

Особый интерес представляют путевые заметки «Под полярным кругом», в которых П.П. Хороших подробно описывает все остановочные пункты маршрута (поселки и стойбища), отмечает интересные сакральные места, упоминает о природных явлениях (полярное сияние и пр.), размышляет о предмете текущих полевых исследований (шаманизм у эвенков). Материал представлен как в рукописном, так и в машинописном вариантах. Описательный текст, составленный в хронологическом порядке посещения пунктов назначения, дополнен черно-белыми фотографиями предметов и локаций.

Отметим, что нарратив помещен в одно архивное дело, а визуальные материалы аккумулированы в трех других. Уникальность визуального ряда – в пояснительных заметках и комментариях исследователя, сделанных непосредственно во время исследования. Кроме того, в полевых материалах редко встречаются фото объектов и рисунки с пометками вместе; между тем, в архиве П.П. Хороших экспедиционные фотографии и карандашные рисунки одного объекта, обряда или локации размещены на одном листе самим автором.

Фотографии и рисунки из экспедиции П.П. Хороших достаточно полно представляют «шаманское пространство» эвенков Нижней Тунгуски первой трети XX столетия. Известно, что шаманские ритуалы проводились в специальных местах и при

помощи специальных предметов и сооружений. Шаманские чумы эвенков *(нымгандяк, шэвэгэдэк)* являлись временными сооружениями для особо важных шаманских обрядов, совершаемых с лечебной, промысловой целью, при освящении новой шаманской одежды, бубна, для проводов умерших в мир мертвых. И.М. Суслов привел подробную схему с описанием шаманского чума у эвенков Нижней Тунгуски: «…типичный *нымгандяк* представляет собой обыкновенный чум большого размера, от которого в сторону входного отверстия и в противоположную сторону построены своего рода галереи, укрытые с боков срубленными молодыми лиственницами. Назначение первой галереи (*дарпэ*) – это своеобразный мост из мифических гигантских оленей *калиров* из дерева, которые на своих длинных ногах стоят на дне «шаманской реки», на спины этих оленей положены деревянные души хищной рыбы тайменя *дельбона* в образе рыбы; этот довольно длинный мост укрыт молодыми лиственницами, изображающими траву на дне «шаманской реки», по бокам галереи *дарпэ* расположены две шеренги деревянных изображений людей – это *этаны* – люди-духи, которые

Рис. 1. Шаманское место около Илимпеи, местность Ягдок, 1930 г. (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 551)
Fig. 1. Shamanic place near Ilimpeya, the location Yagdok, 1930 (COMX IMBT SB RAS. F. 20. Op. 1. D. 551)

«держат» всю галерею *дарпэ*, чтобы ее не снесло течением «реки», через этот мост, который соединяет землю *дулю* и островок шаманской земли на земле *хэргу*, то есть, где стоит самый чум *нымгандяк».* Вторая галерея *онанг* изображает дорогу, по которой шаманские души сообщаются с предками; *онанг* охраняется также *этанами* предками» (Суслов, 1931. С. 106).

П.П. Хороших удалось зафиксировать остов чума: в архивных материалах экспедиции сохранилась фотография фрагментов сооружения в лесу (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 551) (рис. 1). Среди других фотоматериалов, аккумулированных в Д. 551, интересны фото шамана (рис. 2) (к сожалению, без атрибуции), мест шаманского мольбища, зооморфных духов, жертвенного флага белого цвета.

Исследователь зафиксировал различные аспекты «пространства шаманского ритуала». Так, им зарисовано расположение людей и предметов во

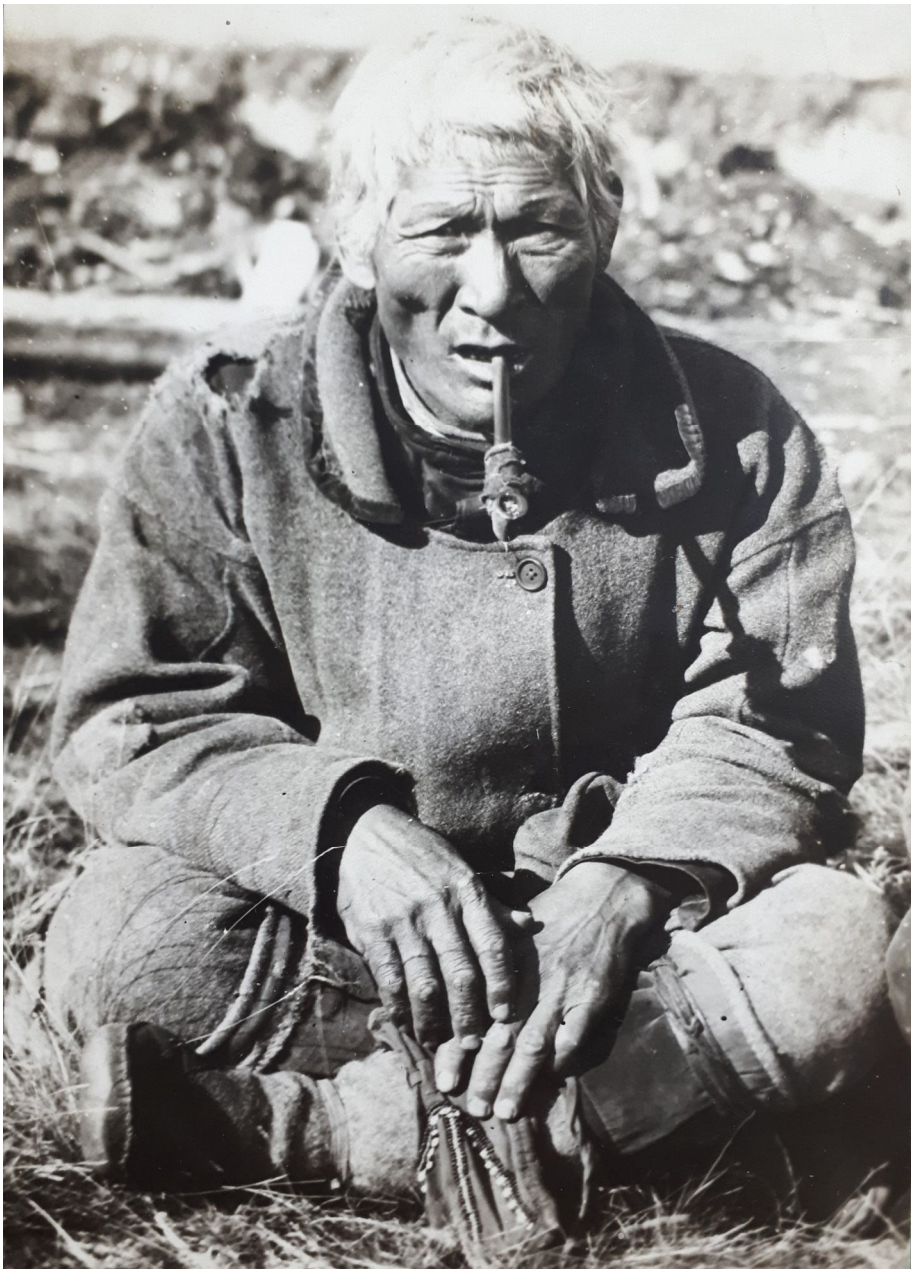

Рис. 2. Эвенкийский шаман (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 551)
Fig. 2. Evenk shaman (COMX IMBT SB RAS. F. 20. Op. 1. D. 551)

время проведения обряда довапдерап – испрашивания шаманом приплода оленей. Ученый указал порядок расположения людей, шамана, чашек, дотуна (рис. 3). В деле 551 среди множества фотографий имеется листок с рисунком этого обряда, выполненный карандашом, и слабо читаемым текстом: «Дотуну делают часто несколько хозяев сразу. Все съезжаются, в котлах варят кашу из муки «чуппа», ставят ее около себя, затем на кумалан ставят дотуна и шаман начинает камлание. Все сидят в ряд, лицом на восток…».

Также П.П. Хороших создал карту-схему расположения атрибутов шамана вокруг чума на стойбище Ягдок в устье Илимпеи (рис. 4) (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 542. Л. 1 об.). В течение экспедиции исследователь сделал десятки фотографий атрибутов шамана (Д. 542. Л. 1 об., 4, 6, 7, 9, 10–10 об.), мест камлания (Д. 542. Л. 4, 6), а также изображения сакральных объектов. На обороте многих фотографий прикреплена идентифицирующая наклейка. На ней содержится указание на принадлежность к материалам Общества изучения производительных сил Восточной Сибири и Тунгусской экспедиции; порядковая нумерация снимка и коллекции, к которой фотография относится; специальные строки выделены для фиксации местности, народности, сюжета; отдельно отмечались время съемки (дата), и автор фото. К сожалению, на подобных наклейках заполненными оказались лишь указания на авторство П.П. Хороших и сокращенная дата (1930 год). Вероятно, исследователю было удобнее все необходимые комментарии по-

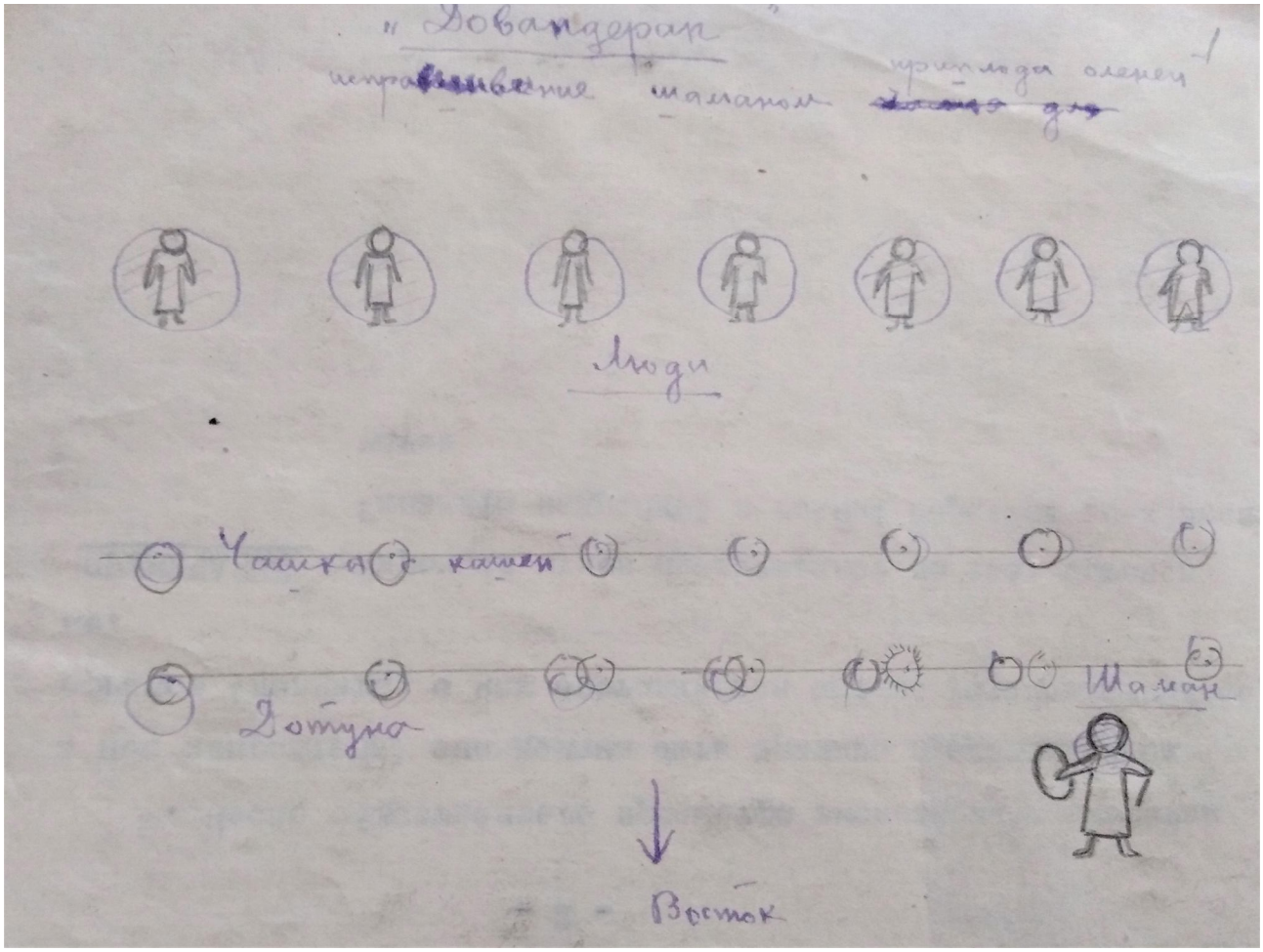

Рис. 3. Расположение атрибутов во время обряда испрашивания приплода оленей. Стойбище Накана (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 538. Л. 1)
Fig. 3. The location of attributes during the rite of asking for the offspring of deer. The camp Nakana (COMX IMBT SB RAS. F. 20. Op. 1. D. 538. L. 1)

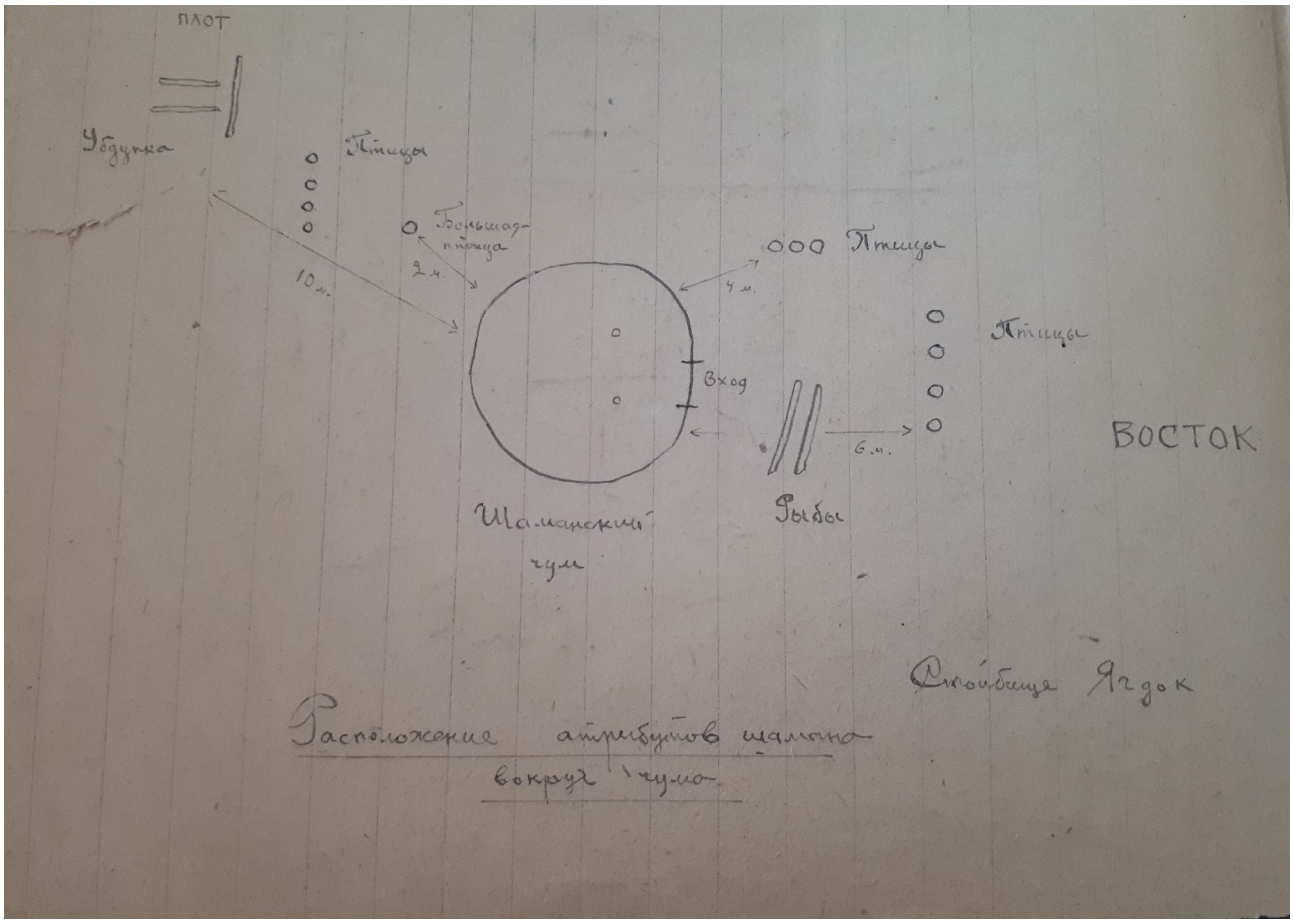

Рис. 4. Расположение атрибутов вокруг шаманского чума. Стойбище Ягдок (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 542. Л. 1 об.)
Fig. 4. The location of attributes around the shaman's raw-hide tent. The camp Yagdoc (COMX IMBT SB RAS. F. 20. Op. 1. D. 542. L. 1 ob.)

мещать непосредственно на изображении или рядом с ним.

Особую ценность фотографиям, как уже отмечалось выше, придают карандашные рисунки этих же мест или ритуальных предметов с пояснениями. В экспликацию входят: указание названий предмета или места в целом и отдельных его частей, их назначение, ориентация расположения предметов относительно сторон света, размеры (длина, ширина, высота, толщина), указание местоположения (стойбище, поселок и т. п.), информант (имя, фамилия, национальность) и в некоторых случаях – авторство фотографий. Четкость рисунков различная, однако и сами изображения, и пометы рядом с ними читаются без сложностей. Важно, что рисунки расположены рядом с фотографией местности и объектов (рис. 5, 6).

Известно, что исцеление от разнообразных болезней считалось одной из основных функций сибирских шаманов. Были широко распространены камлания – ритуальные обряды, фактически жертвоприношения верховным небесным или подземным божествам, в которых жертва выполняла роль посредника по обмену на душу больного. Шаманы оперировали двумя методами: изгнание из тела больного вселившегося злого духа – источника болезни и возвращение души, похищенной злыми духами. По описанию Т.Ю. Сем, шаман с помощью бубна, колотушки, шаманского столба, шаманского чума, мольбища и прочих предметов культа созывал своих духов-помощников. Затем он «вселял духов в себя» и, чтобы выяснить причину болезни, гадал от их имени, бросая колотушку или направляя духов-помощников в тело больного. После это-

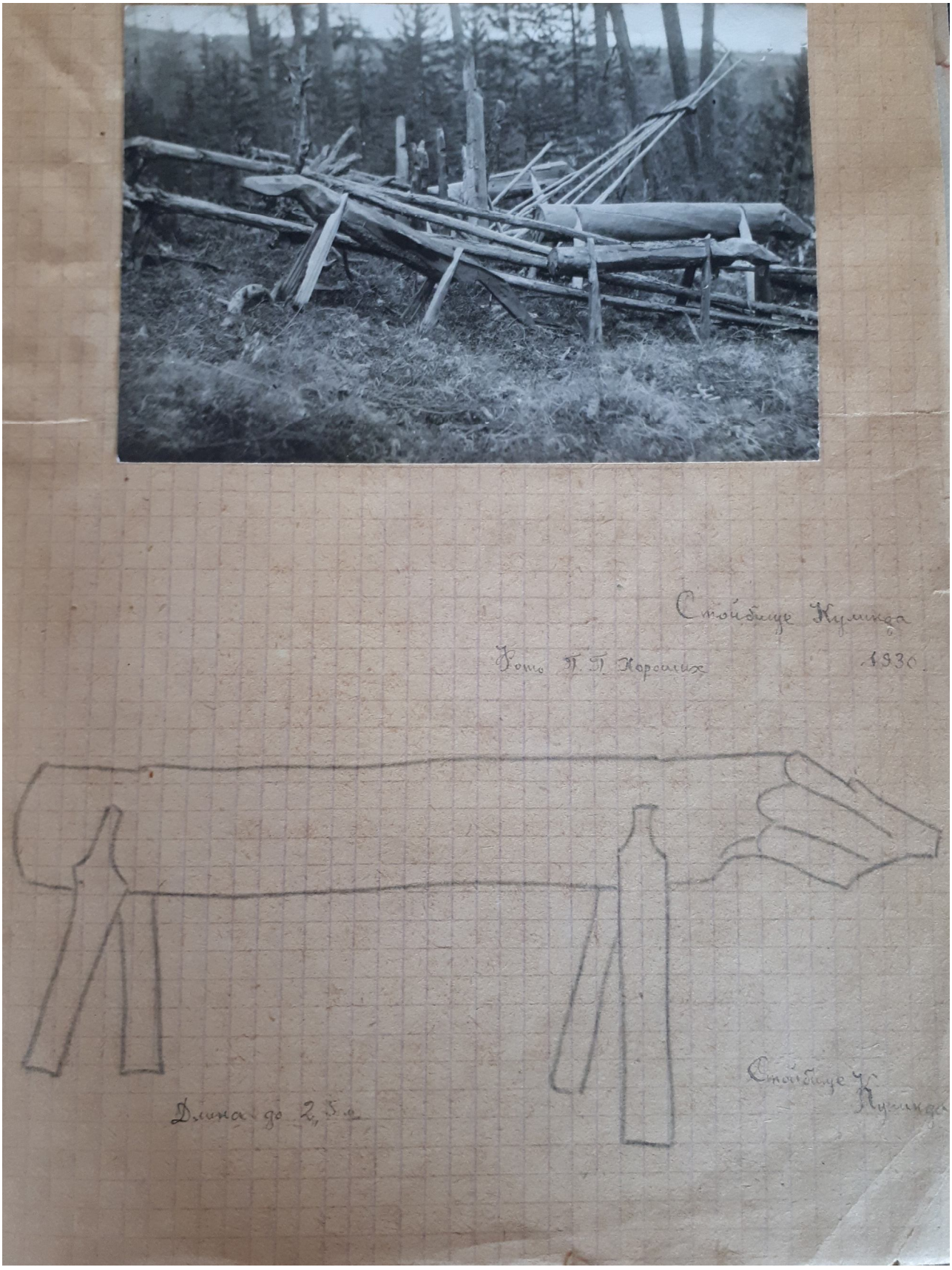

Рис. 5. Атрибуты камлания. Стойбище Кулинда (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 542. Л. 10)
Fig. 5. The attributes of shaman ritual. The camp Kulinda (COMX IMBT SB RAS. F. 20. Op. 1. D. 542. L. 10)

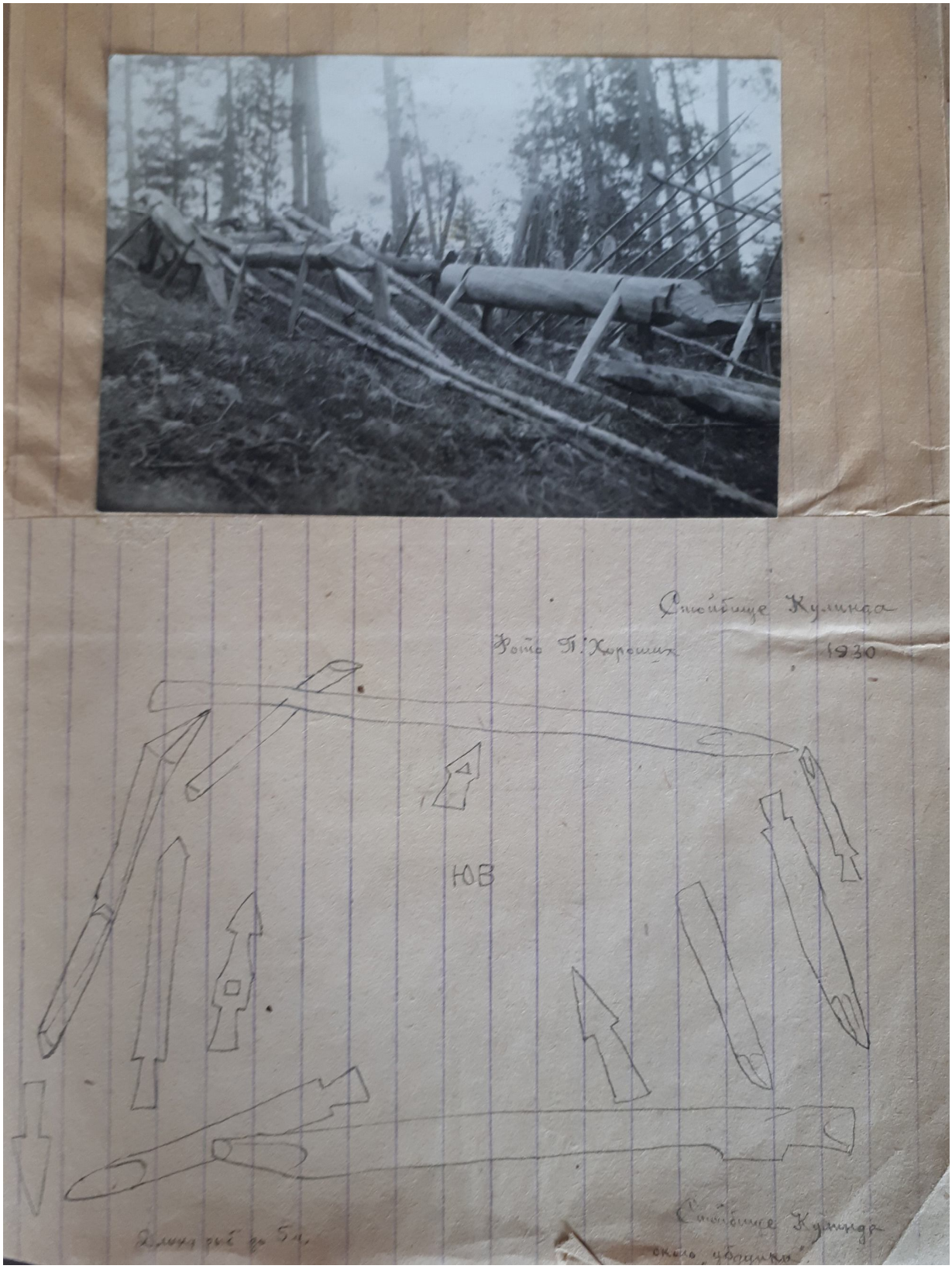

Рис. 6. Атрибуты камлания: схема расположения объектов. Стойбище Кулинда (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 542. Л. 9.)
Fig. 6. The attributes of the rite: schema of the arrangement of the objects. Camp Kulinda (COMX IMBT SB RAS. F. 20. Op. 1. D. 542. L. 9)

го выбиралось средство лечения, выяснялось, кому именно совершать камлание; совершалось благодарственное жертвоприношение. Для лечения использовались деревянные изображения, воплощавшие духов болезней, которых стремились умилостивить, принося им жертву через своих духов-посредников. В числе их могли быть родовые духи, духи дома, очага, места, горы, земли, воды, изображение предка первого шамана, священной птицы первотворения, оленя, лося, мамонта. Или в фигуру-заместитель перемещали болезнь из тела человека (Шаманизм народов Сибири, 2006. С. 13).

П.П. Хороших удалось зафиксировать атрибуты камлания, связанного с врачеванием. Так, один из рисунков представляет предметы для лечения, их расположение относительно друг друга и шамана (рис. 7). Важно, что на обороте рисунка (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 542. Л. 5 об.) П.П. Хороших сделал пояснение о ходе обряда: «Больной садится на водяного быка («калир»), рядом с ним садится шаман с бубном в руках. После камлания больной перелезает через тычки и через рыбу («ольлё»), и затем быстро уходит домой не оглядываясь. Стойбище Инаригда. 1930».

Рисунки шаманских предметов, сделанные ученым, являются уникальным источником для исследователей шаманизма. Им зафиксированы изображения солнца (*деляса*), луны (*вега*), плота, рыб – тайменей (*дели*), двухголовой рыбы (*ольлё*), водяного духа (*такар*), водяного быка носорога (*калир*) (рис. 7), дикого оленя (*боюн*), лошади (*мурчан*), лесного духа Боллей (Боллой), птиц – сороки (*кав*), большого орла (*кирен*), лебедя (*гах, гаге*), журавля (*карав*), орла (*гус*), сокола (*тэрна*), восьмиступенчатой лестницы (*нян нюр*) (рис. 8). Очень важно, что на рисунках дана локализация: указаны

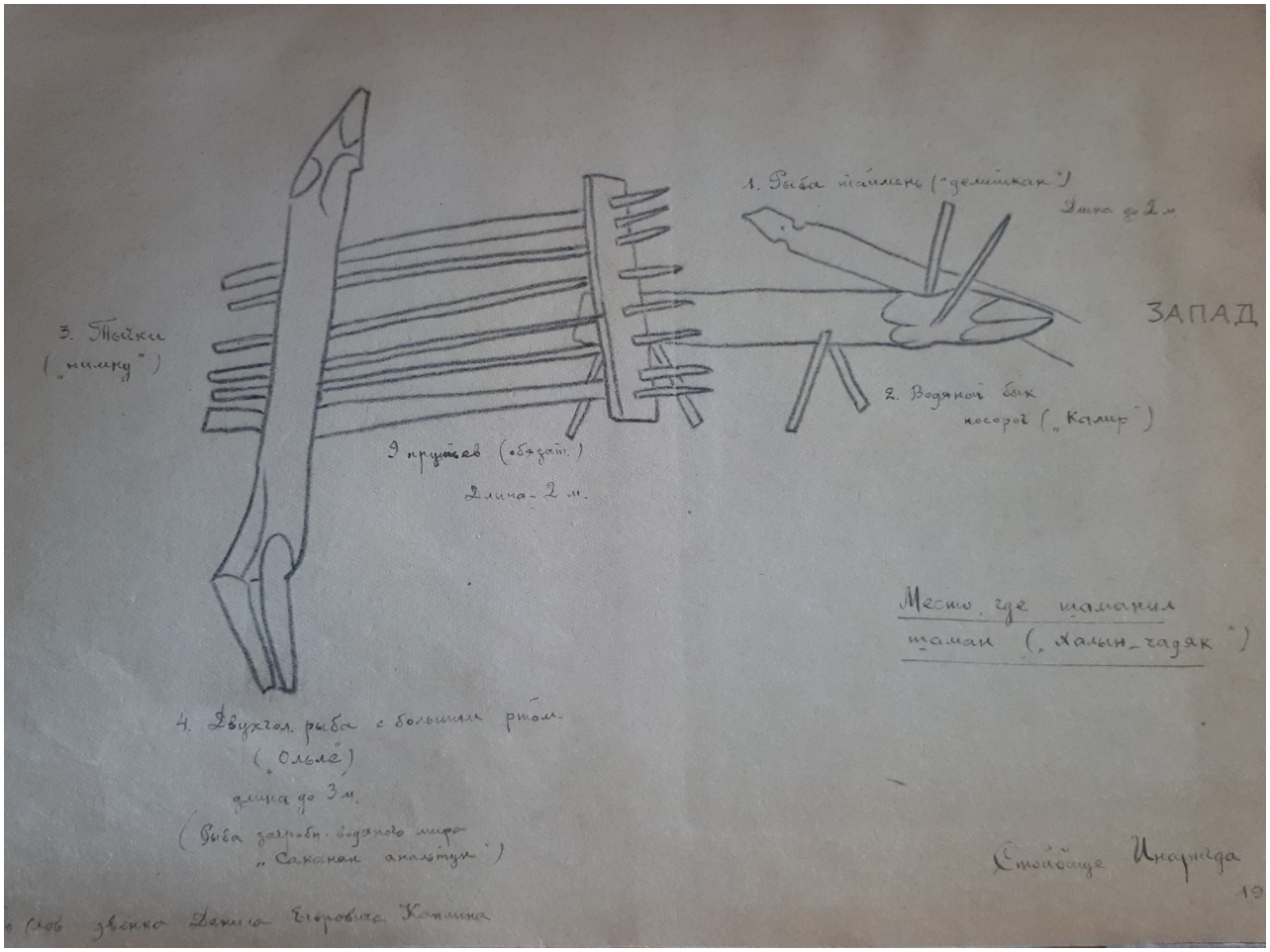

Рис. 7. Изображение атрибутов шамана. Стойбище Инаригда (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 542. Л. 5)
Fig. 7. The image of shaman attributes. The camp Inarigda (COMX IMBT SB RAS. F. 20. Op. 1. D. 542. L. 5)

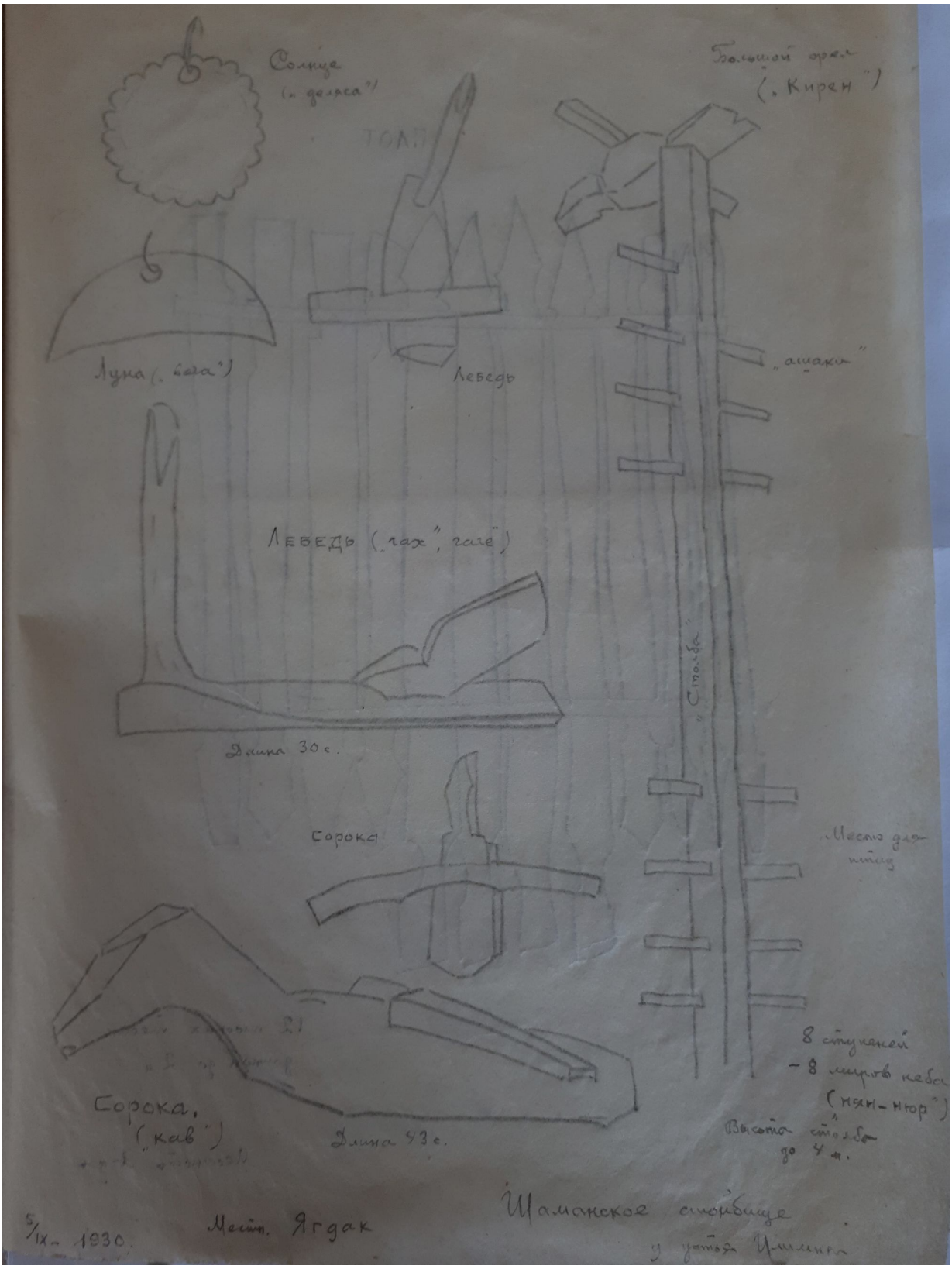

Рис. 8. Изображение атрибутов шамана. Шаманское место у устья Илимпеи, местность Ягдок (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 542. Л. 2)
Fig. 8. The image of shaman attributes. Shamanic place at the mouth of Ilimpeya, the location Yagdoc (COMX IMBT SB RAS. F. 20. Op. 1. D. 542. L. 2)

стойбища в местностях Ягдок, Инаригда, Тэрнакан, Кулинда, Аппха.

Фотографии и подлинные предметы эвенкийских шаманских стойбищ начала XX в. находятся в хранилищах Санкт-Петербурга, Красноярска, Иркутска. Теперь нам известны фотографии и рисунки шаманских мольбищ с Нижней Тунгуски, сделанные сибирским этнографом П.П. Хороших. Значительная часть текстов и фотографий исследователей не была опубликована в советский период. Публикации по материалам из архивного фонда ЦВРК позволят хотя бы частично восполнить этот пробел и восстановить почти утраченное научное знание.

Библиографический список

Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения шаманизма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 235 с.

Анисимов А.Ф. Шаманский чум у эвенков и проблема происхождения шаманского обряда // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1952. Т. 1. С. 199–238.

Баташев М.С. Материалы Красноярского музея по культовым местам эвенков // Енисейская провинция: альманах. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2006. Вып. 2. С. 77–106.

Василевич Г.М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // Сборник Музея антропологии и этнографии (МАЭ). Л.: Наука, 1957. С. 151–186.

Вдовин А.С., Китова Л.Ю. О продаже за границу сибирских археологических и этнографических коллекций в 20–30-е гг. XX в. // Вестник красноярского гос. пед. университета им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2010. № 2. С. 171–182.

Вдовин А.С., Китова Л.Ю., Кочкина Е.И., Конохов В.А. Минусинско-Хакасская экспедиция 1930 г. для «Новоэкспорта» // Вестник кемеровского госуниверситета. 2017. № 4. С. 30–35.

Дуткина В.А., Белянская М.Х. Эвенки Верхнекетья: историко-этнографический очерк. СПб.: Изд-во Алмаз-Граф, 2014. 111 с.

Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970. 296 с.

Мазин А.И. Традиционные верования эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1984. 201 с.

На грани миров. Шаманизм народов Сибири (из собрания Российского этнографического музея: Альбом). М.: Художник и книга, 2006. 296 с.

Павлов А.А. Шаманство у эвенков севера Иркутской области в XX веке (по материалам Братского городского музея) // Русская Америка: Материалы III Междунар. науч. конф. «Русская Америка» (Иркутск, 8–12 августа 2007 г.). Иркутск, 2007. С. 371–374. [Электронный

References

Anisimov A.F. (1958) Religion of Evenki in historical and genetic study and the problems of the origin of shamanism. Moscow – Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 235 p. (In Russ.)

Anisimov A.F. (1952) Evenki shamanic dwelling and the problem of the origin of the shamanistic rite. Moscow – Leningrad. Vol. 1. P. 199–238. (In Russ.)

Batashev M.S. (2006) Materials of the Krasnoyarsk Museum on places of worship of Evenks. *Eniseiskaya provintsiya: al'manakh* = Yenisei Province: almanac. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Iss. 2. P. 77–106. (In Russ.)

Vasilevich G.M. (1957) Ancient Evenk hunting and reindeer herding rites. Collection of articles of Museum of Anthropology and Ethnography. Leningrad: Nauka. P. 151–186. (In Russ.)

Vdovin A.S., Kitova L.Yu. (2010) On the sale abroad of Siberian archaeological and ethnographic collections in the 20-30s XX century. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University. Krasnoyarsk. No. 2. P. 171–182. (In Russ.)

Vdovin A.S., Kitova L.Yu., Kochkina E.I., Konokhov V.A. (2017) 1930 Minusinsk-Khakassia expedition for Novoexport. *Vestnik Kemerovskogo gosuniversiteta* = Bulletin of Kemerovo State University. No. 4. P. 30–35. (In Russ.)

Dutkina V.A., Belyanskaya M.Kh. (2014) Evenks of Verkhneketye: historical and ethnographic essay. St. Petersburg: Almaz-Graf. 111 p. (In Russ.)

Ivanov S.V. (1970) Sculpture of the peoples of the North of Siberia XIX – the first half of XX century. Leningrad. 296 p. (In Russ.)

Mazin A.I. (1984) Traditional beliefs of Evenki-Orochons (end of XIX – beginning of XX century). Novosibirsk: Nauka, Sib. otdelenie, 201 p. (In Russ.)

(2006) On the verge of worlds. Shamanism of the peoples of Siberia (from the collection of the Russian Ethnographic Museum: Album). Moscow: Khudozhnik i kniga. 296 p. (In Russ.)

Pavlov A.A. (2007) Evenki shamanism in the north of the Irkutsk region in the 20th century (based on the materials of the Bratsk City Museum) // *Russkaya Amerika: Materialy III mezhdunar. nauch. konf. "Russkaya Amerika" (Irkutsk, 8–12 avgusta 2007 g.)* = Russian America: Materi-

ресурс]. URL: http://pribaikal.ru/obl-events/article/5011.html (дата обращения 14.01.2019).

Сем Т.Ю. Вклад А.А. Макаренко и его корреспондентов в комплектование шаманских эвенкийских коллекций РЭМ // Музей. Традиция. Современность. XXI в.: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию РЭМ. СПб.; Кишинев: Nestor Historia, 2002. С. 96–100.

Сем Т.Ю. Шаманизм в ритуальной практике народов Сибири и Дальнего Востока // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. Духовная культура. СПб., 1997. Вып. 5. С. 85–122.

Сем Т.Ю. Шаманизм эвенков (по материалам Российского этнографического музея). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Гуманитарная Академия, 2017. 302 с.

Сирина А.А. «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы / сост., авт. вступ. ст. и биобиблиогр. словаря А.А. Сирина. М.; Иркутск, 2013. С. 7–48.

Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Вост. лит., 2012. 604 с.

Суслов И.М. Шаманизм как тормоз социалистического развития // Антирелигиозник. 1932a. № 7–8. С. 16–21.

Суслов И.М. Шаманизм как тормоз социалистического развития // Антирелигиозник. 1932b. № 11–12. С. 24–30.

Суслов И.М. Шаманизм как тормоз социалистического развития // Антирелигиозник. 1932c. № 14. С. 15–23.

Суслов И.М. Шаманизм как тормоз социалистического развития // Антирелигиозник. 1932d. № 17–18. С. 19–24.

Суслов И.М. Шаманство и борьба с ним // Советский Север. М., 1931. № 3–4. С. 89–152.

Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.: Хрестоматия / сост., вступ. ст., исслед., прилож., заключ., подбор илл. Т.Ю. Сем. СПб.: Филол. фак. Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. 664 с.

Ямпольская Ю.А. «Шаманский чум» эвенков: история открытия, результаты исследований, гипотезы // Этносы и этнические процессы. М., 1993. С. 107–118.

Ямпольская Ю.А. Шаманский чум и модель мира в традиционном мировоззрении эвенков // Религиоведческие исследования в этнографических музеях. Л.,

als of the III International Scientific Conf. “Russian America” (Irkutsk, August 8–12, 2007). Irkutsk. P. 371–374. Available from: http://pribaikal.ru/obl-events/article/5011.html [Accessed January 14, 2019] (In Russ.)

Sem T.Yu. (2002) Contribution of A.A. Makarenko and his correspondents in the acquisition of shamanic Evenki collections of REM. *Muzei. Traditsiya. Sovremennost'. XXI v. Materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu REM* = Museum Tradition. Modernity. XXI century. Materials of the Intern. Scientific Conf. 100th anniversary of REM. St. Petersburg; Kishinev: Nestor Historia. P. 96–100. (In Russ.)

Sem T.Yu. (1997) Shamanism in the ritual practice of the peoples of Siberia and the Far East. *Sistemnye issledovaniya vzaimosvyazi drevnikh kul'tur Sibiri i Severnoi Ameriki. Dukhovnaya kul'tura* = Systemic studies of the relationship of ancient cultures of Siberia and North America. Spiritual culture. St. Petersburg. Iss. 5. P. 85–122. (In Russ.)

Sem T.Yu. (2017) Evenki shamanism (based on materials from the Russian Ethnographic Museum). St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya. 302 p. (In Russ.)

Sirina A.A. (2013) “Provincial” science: ethnography in Irkutsk in the 1920s. Moscow; Irkutsk. P. 7–48. (In Russ.)

Sirina A.A. (2012) Evenks and Evens in the modern world: self-awareness, nature management, worldview. Moscow: Vost. lit. 604 p. (In Russ.)

Suslov I.M. (1932a) Shamanism as a brake on socialist development. *Antireligioznik* = Anti-religious. No. 7–8. P. 16–21. (In Russ.)

Suslov I.M. (1932b) Shamanism as a brake on socialist development. *Antireligioznik* = Anti-religious. No. 11–12. P. 24–30. (In Russ.)

Suslov I.M. (1932c) Shamanism as a brake on socialist development. *Antireligioznik* = Anti-religious. No. 14. P. 15–23. (In Russ.)

Suslov I.M. (1932d) Shamanism as a brake on socialist development. *Antireligioznik* = Anti-religious. No. 17–18. P. 19–24. (In Russ.)

Suslov I.M. (1931) Shamanism and the fight against it. *Sovetskii Sever* = Soviet North. Moscow. No. 3–4. P. 89–152. (In Russ.)

Sem T.Yu (2006) Shamanism of the peoples of Siberia. Ethnographic materials of the XVIII–XX centuries. Anthology. St. Petersburg: Filol. fak. Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 664 p. (In Russ.)

Yampol'skaya Yu.A. (1993) “Shamanic dwelling” of Evenks: discovery history, research results, hypotheses. *Etnosy i etnicheskie protsessy* = Ethnic groups and ethnic processes. Moscow. P. 107–118. (In Russ.)

Yampol'skaya Yu.A. (1990) Shamanic dwelling and model of the world in the traditional Evenki worldview. *Religilvedcheskie issledovaniya v etnograficheskikh*

1990. С. 129–136.

Sem T. Het wereldbeeld van de sjaman // Wat bezielt de sjaman? Genezing, extase, kunst. Amsterdam: Koninlijk Instituutvorde Tropen, 1997. P. 33–57.

Sem T. Schamanische symbole und ritual in Sibirien und dem Fernen Osten // Schamanen zwischen mythos und modern. Leipzig: Miletzke Verlag, 1999. S. 11–40.

Критерии авторства

О.В. Бураева, С.В. Бураева выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Бураева Ольга Владимировна,
доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Республика Бурятия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия,
✉ e-mail: olgaburaeva@mail.ru

Бураева Светлана Валерьевна,
доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Республика Бурятия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия,
✉ e-mail: ladys@inbox.ru

muzeyakh = Religious studies in ethnographic museums. Leningrad. P. 129–136. (In Russ.)

Sem T. Het wereldbeeld van de sjaman // Wat bezielt de sjaman? Genezing, extase, kunst. Amsterdam: Koninlijk Instituutvorde Tropen, 1997. P. 33–57.

Sem T. Schamanische symbole und ritual in Sibirien und dem Fernen Osten // Schamanen zwischen mythos und modern. Leipzig: Miletzke Verlag, 1999. S. 11–40.

Attribution criteria

O.V. Buraeva, S.V. Buraeva made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Both authors have read and approved the final manuscript.

Information about the authors

Olga V. Buraeva,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Leading Researcher of the department of history, ethnology and sociology,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanovoi street, Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia, Russia,
✉ e-mail: olgaburaeva@mail.ru

Svetlana V. Buraeva,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Leading Researcher of the Center of Oriental manuscripts and xylographs,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanovoi street, Ulan-Ude, 670047, Republic of Buryatia, Russia,
✉ e-mail: ladys@inbox.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-104-114

Специфика исторического развития России

© Р.Ш. Харунов[a], М.М-Б. Харунова[b]

[a] Улан-Баторский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, г. Улан-Батор, Монголия
[b] Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, г. Кызыл, Россия

Аннотация: География, природно-климатические условия, геополитическая среда, невероятное культурное многообразие, религия, русский национальный характер и многонациональный состав России – эти и другие факторы, безусловно, влияли и продолжают влиять на её историческое развитие, создавая огромные сложности для формирования транспортной сети, структуры управления, системы передачи сообщений, развития торговых связей и быстроту концентрации военной силы. Обширная территория, незащищенная естественными географическими преградами, требовала огромных усилий от государства по концентрации людских и материальных ресурсов в целях обеспечения безопасности. На протяжении своей истории Россия интегрировала совместную деятельность многих народов и создала основы оригинального многонационального единства. Это способствовало складыванию особого мобилизационного типа сознания, которое отличается высочайшим патриотизмом, готовностью жертвовать и прилагать все силы для сохранения своего отечества. В настоящее время позиции России в мировых рейтингах совершенно не отвечают тому производственному, географическому, научному и интеллектуальному потенциалу, которым обладает страна. Сейчас на первое место в государственном развитии выходят человеческие ресурсы, благодаря которым, несмотря на объективно сложные факторы огромного малонаселенного пространства с экстремальным климатом, можно создать образ России как державы, которая успешно решает проблемы.

Ключевые слова: история России, климат, демография, геополитика, этатизм, бюрократия, религия, коллективизм, правовой нигилизм, российская цивилизация

Информация о статье: Дата поступления 8 июля 2019 г.; дата принятия к печати 12 августа 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Харунов Р.Ш., Харунова М.М.-Б. Специфика исторического развития России // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 104–114. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-104-114

Specific nature of historical development of Russia

© Ramil Sh. Kharunov[a], Marianna M.-B. Kharunova[b]

[a] Ulan Bator branch of Plekhanov Russian University of Economics, Ulan Bator, Mongolia
[b] Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract: Geography, natural and climatic conditions, geopolitical environment, unbelievable cultural diversity, religion, Russian national character, multinational make-up of Russia, and other factors, undoubtedly, influenced and continue to have an effect on Russia's historical development, posing great difficulties in the development of transport network, management structure, communication system, logistics of trading communications, and rapidity of concentration of military force. The vast area, unprotected by natural geographical barriers, required enormous efforts from the State to concentrate human and material resources for security. Throughout its history, Russia has integrated the joint activities of many nations and created the foundations of original multinational unity. This contributed to the formation of a special mobilization type of consciousness, which is characterized by the highest patriotism, readiness to sacrifice and exert every effort to preserve its fatherland. Nowadays, Russia 's positions in world ratings do not correspond at all to the production, geographical, scientific and intellectual potential that the country possesses. Human resources are now taking the first place in state development, thanks to which,

despite objectively complex factors of a huge sparsely populated space with an extreme climate, we will be able to create an image of Russia as a power that successfully solves problems.

Keywords: history of Russia, climate, demography, geopolitics, etatism, bureaucracy, religion, collectivism, legal nihilism, Russian civilization

Article info: Received July 8, 2019; accepted for publication August 12, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Kharunov R.S., Kharunova M.M.-B. (2019) Specific nature of historical development of Russia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 104–114. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-104-114

Русское государство имеет то преимущество перед другими, что оно управляется непосредственно Самим Господом Богом. Иначе невозможно представить, как это государство до сих пор существует. Генерал-фельдмаршал Христофор Антонович Миних, 1765 г.

В современном мире существуют сотни государств и ни одно из них не похоже на другое. Каждое развивается по своему собственному пути и исторической траектории. Можно даже образно сравнить любую страну с человеком, у которого уже с момента рождения объективно определены многие жизненные обстоятельства: родители и место рождения, цвет кожи и родной язык, генетические способности и физические параметры, религия по происхождению, в некоторых традиционных обществах и социальный статус на всю жизнь. Так же у любого государства есть объективные факторы, которые определяют его цивилизационное развитие на сотни и тысячи лет.

Во многом история России – это история государства, интегрирующего совместную деятельность многих народов и создающего основы оригинального многонационального единства. Обширная слабозаселенная территория, не защищенная естественными географическими преградами, требовала огромных усилий от государства по концентрации людских и материальных ресурсов в целях обеспечения безопасности. Это способствовало складыванию особого мобилизационного типа сознания, которое отличается высочайшим патриотизмом, готовностью жертвовать и прилагать все силы для сохранения своего отечества. Россияне вправе гордиться своей многовековой российской цивилизацией, но в начале XXI века место России в мировом сообществе совершенно не отвечает тому производственному, географическому, научному и интеллектуальному потенциалу, которым обладает страна. Только трезво оценивая свое прошлое, можно реально определить направления для будущего прорывного социально-экономического развития.

Рассматривая специфику исторического развития России, выделим десять факторов, которые существенно повлияли на наше государство: географический, природно-климатический, геополитический, демографический, а также коллективизм, религия, многонациональность, бюрократия, этатизм и правовой нигилизм. Каждый из них достоин отдельной монографии, но мы осветим их кратко, насколько позволяет объем в жанре научной статьи.

Поэтому, уважаемый читатель, на этих страницах не будет большого количества фактов, таблиц, диаграмм и графиков в подтверждение каждого аргумента. По большому счету, каждый из вышеуказанных факторов достаточно очевиден, но особенность статьи в том, что все они объединены и сжато изложены в рамках одной научной работы. Это позволяет увидеть особенности истории России в цельном и емком, хотя и небесспорном варианте.

Географический фактор

География оказывает значительное влияние на характер и динамику развития любого государства, и это явление определяется как географический детерминизм.

С точки зрения территории Россия – самая большая страна в мире и занимает одну восьмую суши нашей планеты, которую приходится делить на 11 часовых поясов. Значительная часть этой земли не очень комфортна для проживания и покрыта вечной мерзлотой. Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности составляют около 60 % от всей площади. Благодаря территории страна обладает крупнейшим в мире ресурсным потенциалом.

Одним из первых отечественных исследователей, обративших внимание на большую роль географического фактора, был Лев Ильич Мечников. Он точно отметил, что «...основной причиной зарождения и развития цивилизации являются реки. Река во всякой стране является как бы выражением живого синтеза, всей совокупности физико-географических условий: и климата, и почвы, и рельефа земной поверхности, и геологического строения данной области» (Мечников, 1995. С. 355).

Действительно, огромная российская территория, начиная от «пути из варяг в греки», оказалась политически и экономически связана в единую общность большим количеством судоходных рек. Далее, вместе с цивилизационным прогрессом эволюционирует география от бассейнов больших рек к морским побережьям.

Это позволило освоить большое пространство от Балтийского моря до Тихого океана и создать могучее жизнеспособное государство. Но всегда нужно помнить, что обширная территория создает огромные сложности для формирования транспортной сети, структуры управления, системы передачи сообщений, развития торговых связей и быстроты концентрации военной силы.

Природно-климатический фактор

Климат – это статистический режим погодных условий, характерный для данной территории в силу географического положения.

Под влиянием природно-климатического фактора в значительной мере происходит формирование хозяйственно-культурных типов, определяется: земледельческой или кочевой будет цивилизация, материальная и духовная культура, и, в конечном счете, политическая организация общества (Дробышев, 2016. С. 7).

Исследователи выделяют оптимальную полосу развития цивилизации с умеренным климатом и с небольшим колебанием среднесуточных и среднегодовых температур. Сюда с некоторыми ограничениями можно включить только Центральные области России.

При большом разнообразии климатических условий для значительной части территории России свойственны континентальный и резко континентальный климат, который постепенно усиливается с запада на восток. Такой климат характеризуется сильными колебаниями годовых и суточных температур, морозной и продолжительной зимой, коротким жарким летом. Климат России суровей, чем в любой индустриальной стране мира, и это влияет на эффективность любого производства. У нас большие затраты на капитальное строительство из-за глубокого фундамента, толстых стен, системы отопления и освещения, подземных инженерных коммуникаций, прочных крыш, которые должны выдержать огромное количество снега. В зависимости от вида строительства его стоимость выше, чем в Западной Европе, в 2–3 раза. По сравнению с субтропиками – в несколько раз. Производство, да и просто проживание в России требуют большого расхода энергоносителей, поэтому продукция при прочих равных условиях получается более дорогой (Паршев, 2018. С. 33–36).

Ученые Института проблем безопасности развития атомной энергетики РАН в конце XX века рассчитали, что для обеспечения энергопотребления с учетом отопления климатические условия России требуют расходовать 19 т условного топлива на человека, а в Германии достаточно 6-ти т, в Японии – 3,9 т на человека (Козлов, 2019. С. 50).

Россия может конкурировать на мировом уровне либо создавая высокотехнологичную продукцию (военно-промышленный комплекс, космонавтика, энергетика), либо дешево продавая природные ресурсы.

Добавим еще несколько штрихов. Материальная культура формируется как средство адаптации

к природным условиям. Климат во многом определяет тип жилья, культуру одежды и питания и даже трудовой менталитет населения.

На таких географических широтах и в таком климате в других странах люди либо вообще не живут, либо практически не занимаются сельским хозяйством. Значительная территория российской пашни – зона рискованного земледелия с малоплодородной почвой и невысокой сельскохозяйственной продуктивностью. При этом жизнь сельского населения усложняет краткий пятимесячный сельскохозяйственный период, который приводит к большому напряжению сил и формирует привычку к героическому – «стахановскому труду» в ущерб тщательности и аккуратности в работе.

Еще одно важное последствие географического и климатического фактора, как ни странно, – крепостное право. Наличие обширных территорий позволяло вовлекать в оборот все новые природные ресурсы и формировало экстенсивный способ хозяйствования. При усилении налогового бремени это приводило к оттоку земледельческого населения из исторического центра на еще не освоенные окраины. Чтобы не лишаться источников дохода, государство усилило контроль над населением, что привело в XVII в. к полному закрепощению значительной части крестьян вплоть до 1861 г.

Современный российский исследователь Леонид Васильевич Милов пришел к выводу – «в силу более сурового климата… объем прибавочного продукта в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания существенно труднее, чем в большинстве западноевропейских стран. В значительной мере такое положение сохраняется и поныне. Это объективная закономерность, которую человечество пока не в состоянии преодолеть» (Милов, 2003. С. 778).

Геополитический фактор

Геополитика – это наука о взаимодействии пространства и политики в глобальном масштабе. В данном случае пространство оценивается с точки зрения содержащихся в нем ресурсов – биологических, социальных, экономических, культурных и политических (Костров, 2015. С. 13).

Россия как государство изначально строилась в зоне фронтира, на границе леса и степи, в глобальном смысле между Востоком и Западом. В геополитическом смысле российская цивилизация носит континентальный характер, сложившийся за длительное время отсутствия удобных выходов к морям. Это обстоятельство тормозило развитие торговли, обмен экономическим и культурным опытом.

Отсутствие естественных границ (горные хребты, моря), которые могли бы стать удобными рубежами для отражения вражеских нашествий, вынуждало строить многочисленные военные укрепления (полосы, засеки, остроги, крепости и т. д.) и содержать большую армию.

К примеру, в период с 1368 по 1893 гг. 329 лет прошло в войне, т. е. на два года войны приходился лишь один год мира (Алексеев, 2010. С. 7). Войны держали государство в состоянии постоянной боевой готовности, что во многом определило мобилизационный тип социально-экономического развития общества. Огромные средства и в наше время уходят на развитие военно-промышленного комплекса, избыточного в сопоставлении с численностью населения. Это идет в ущерб социальному развитию, но иначе не сохранить контроль над пространством и его ресурсами. К нам много претензий и у соседей, и у довольно далеких стран. Причем претензии предъявляются к самым продуктивным землям, к самым ценным участкам территории, акватории и шельфа, к стратегически важным пунктам.

Демографический фактор

Демография – это наука о закономерностях воспроизводства населения, численности и составе, рождаемости и смертности, миграционных процессах.

Демографические показатели во многом зависят от природных и социальных факторов и являются своеобразным индикатором развития государства, состояния его человеческого потенциала, социального, экономического, духовного и экологического уровня. Демографические процессы в современном виде являются решающим фактором

развития и взаимодействия цивилизаций, соотношения сил на геополитической арене.

Россия, несмотря на стереотипы, для такой обширной территории всегда была малонаселенной. Это часто вызывало проблемы по эффективному освоению неравномерно населенного пространства российской цивилизации, особенно по сравнению с «активными» соседями, странами Западной Европы. Эти проблемы усугублялись постоянными войнами за территорию и суверенитет, сопровождавшиеся большими людскими потерями, суровыми климатическими условиями, приводившими к неурожаям и убыли населения от голодной смерти.

По оценкам историков, в начале XVII века, т. е. во времена Смуты, население России составляло 8 млн чел., в то время как в Речи Посполитой 11 млн чел (Мартьянов, 2008. С. 32). Поэтому для государства всегда была актуальна проблема увеличения населения и прикрепления его к земле для стабильной собираемости налогов, набора в армию, концентрации рабочих рук и т. д.

В новейшей истории России застарелая проблема малочисленности населения приводит даже к угрозе национальной безопасности страны. В начале XXI в. страна длительное время находилась в зоне естественной убыли населения и лишь в последние годы вышла на незначительный прирост (Романов, 2015. С. 55). В 2007 году была разработана Программа «Демографическая политика Российской Федерации на период до 2025 года», направленная на увеличение продолжительности жизни, укрепление здоровья населения, стабилизацию численности населения и создание условий для ее роста (Демографическая политика…)[1].

Отметим несколько причин низкой рождаемости: установка на карьеру и успех в молодежной среде, уменьшение девушек фертильного возраста из-за демографической ямы, высокий уровень бедности населения (наличие детей зачастую приводит домохозяйства к бедности). Приходится констатировать, что тенденции к увеличению населения России в ближайшей перспективе не проглядывается, и страна долгое время будет жить в условиях сокращающегося и стареющего населения.

Многонациональный фактор

Россия – государственное образование на полиэтнической основе. Это сложилось исторически с включением многих народов в состав Древнерусского государства на основе славянского, тюркского и финно-угорского элементов. На современном этапе в стране проживают представители 190 народов, которые во многом сохранили свою культурную самобытность и проживают в межэтническом согласии. Данный фактор приводит к сложному федеративному государственному устройству, которое в настоящее время включает в себя 85 субъектов.

Объединив в своем составе большое количество народов, имеющих собственное историческое прошлое, культурные особенности, язык, религию, традиции, Россия стала государством с колоссальным культурным наследием и богатым генофондом, но, с другой стороны, столкнулась с большим риском межэтнических конфликтов, опасных для сохранения единой страны.

С углублением экономической, информационной, социальной и культурной интеграции постепенно складывается осознанная российская идентичность. Необходимо поддерживать этот процесс современной политикой по воспитанию гражданина в системе образования, принимать меры по выравниванию уровня и качества жизни в регионах, снижать уровень социальной дифференциации, тем самым предупреждая создание поводов для межэтнических конфликтов (Пантин, 2011. С. 50).

Несмотря на все сложности, благодаря многолетнему опыту сосуществования в полиэтничной среде у народов выработался высокий уровень толерантности, который позволяет сохранять и развивать российскую цивилизацию на протяжении веков.

[1] Демографическая политика Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/6 (дата обращения 05.06.2019).

Коллективизм

Для преодоления суровых природно-климатических условий требовалось объединение коллективных усилий, что способствовало формированию общинного образа жизни и уравнительных традиций.

Коллективизм вырабатывался как культурная норма, подразумевающая подчинение мыслей, воли и действий человека требованиям социальной среды. Эта норма складывалась в условиях общинной жизни патриархального быта. Это, с одной стороны, способствовало организации крестьянского труда, а с другой, упрощало управление населением со стороны государства (Вельм, 2003. С. 190).

Община, коллектив – это высшая ценность для населения России на протяжении многих веков, главное условие выживания в экстремальных условиях. Только община могла защитить от внешних врагов и прокормить в неурожайные годы, позволить нести налоговое бремя и непомерные судебные штрафы.

Жизнь в коллективе способствовала сплоченности, взаимопомощи, гостеприимству и самопожертвованию, но выделение личности из корпоративной среды вызывало враждебность. Осуществляя строжайший контроль, община подавляла индивидуальность, забирала у человека личные права и свободы в пользу коллективных ценностей (солидарной ответственности, общественной собственности на землю и пр.).

Религиозный фактор

Несмотря на многоконфессиональный характер государства, консолидирующей основой России является православное христианство. Выбор религии – это выбор цивилизационного развития на тысячи лет. Достаточно только гипотетически представить, что на Руси приняли бы ислам или католическое христианство, и сразу предстает другой вектор развития, другая культура и архитектурный облик, другие враги и союзники, совершенно другая картина мира.

С 988 года православие является традиционной и культурообразующей религией в России, формируя мировоззрение, характер, образ жизни, этические нормы и эстетические идеалы, регулируя человеческие отношения в семье, производстве, в общественных местах, определяя отношение к государству и природе. Религия явилась формообразующей силой, определившей на большей части российской истории как внутреннее развитие, так и внешнюю (изоляционную) политику государства (Ивашковский, 2018. С. 16).

Исследователи приводят различные доводы о противоречивом влиянии религиозного фактора на историю России. Как отмечает протоиерей Николай Флоринский: «Видимо, православная церковь и русский народ несут в себе идеалы, несравнимо более высокие и значимые, чем сиюминутная выгода, материальные ценности и земное бытие» (Флоринский, 2006. С. 131).

Принятие Русью православия способствовало распространению таких несовместимых с «духом капитализма» норм, как нестяжательство, аскетизм, а также специфическое отношение к богатству и частной собственности, которое ярко отображается в библейском посыле – легче верблюду пройти через угольное ушко, чем богачу попасть в рай.

В свою очередь, выросшая из католичества протестантская этика привела к стремительному экономическому и технологическому подъему ряда западноевропейских стран. Не является секретом тот факт, что из всех стран Европы наиболее развиты и успешны протестантские страны, за ними идут католические, и только после них православные (Цуриков, 2013. С. 411).

Этатизм (государственность*)*

Этатизм – идеология, утверждающая ведущую роль государства в политической жизни, включая активное вмешательство государства во все сферы общественной и частной жизни.

Общество, получая от государства защиту, закон и систему управления, предоставляет ему право на легитимное насилие. Таким образом, политическая элита получает почти полный контроль над людьми, в отдельные исторические периоды переходящий в тоталитаризм.

Население России всегда было заинтересовано в сильных государственных институтах, способных защитить экономические и политические интересы от посягательств других государств. В суровых климатических условиях при такой огромной территории с многочисленными воинственными соседями только сильная и жесткая государственная власть могла обеспечить защиту своим подданным. При этом в обществе культивировался коллективизм с мобилизационным сознанием жизни в «осажденной крепости». Его основа – готовность сконцентрировать все имеющиеся ресурсы – материальные, духовные, физические – на достижение поставленной цели, прежде всего, отстаивание суверенитета страны. Взамен на покровительство и минимальную заботу о повседневных потребностях людей верховная власть, как община, игнорировала индивидуальные права граждан и требовала безропотного «служения державе».

Геополитическое давление и внутренние социально-экономические факторы объективно способствовали концентрации власти и ресурсов в руках государства, которое централизовалось в XV–XVI вв. не на экономической основе (как в западноевропейских странах), а на почве жесткого противостояния власти Орды. Это приводило к вере в непогрешимость высшей государственной власти и ориентации на патернализм государственной политики.

В связи с данными обстоятельствами в России сложился особый тип взаимоотношений государства и человека на синтезе этатизма и патернализма, который характеризуется представлением о человеке как о незначительном винтике в механизме государственного управления, с разнообразием форм тотального контроля и отрицанием высшей социальной ценности прав и свобод человека (Лубский, 2012. С. 157).

Бюрократизм

В структуре каждого государства важное место занимают чиновники – прослойка профессиональных администраторов, занятых в аппарате органов государственного и хозяйственного управления. Они цементируют эту структуру и обеспечивают принятие и исполнение государственных задач. В идеале своей деятельностью чиновники должны способствовать развитию экономики и культуры страны, укреплению обороноспособности, прокладывать путь для прогресса и одновременно служить стабильности режима.

В связи с вековой традицией этатизма государственный аппарат всегда принимал решения авторитарно, пренебрегая правовыми нормами и не снисходя для объяснения логики своих постановлений до населения, или делая это исключительно формально. Стержень государственности составляет служилая корпорация (номенклатура), которая оказывает все большое влияние на политическое и экономическое развитие России.

Неэффективность современной российской бюрократии очевидна, это видно по частому применению режима «ручного управления» социально-экономической сферой государства, особенно при чрезвычайных происшествиях.

Российское чиновничество на данный период представляет собой в целом изолированную от общества группу работников, которая развивается по своим собственным законам и не может рассматриваться в качестве нанятых обществом сотрудников для выполнения функций государственного управления и фактически действует в своих интересах (Смирнов, 2009. С. 132).

В настоящее время вертикали и горизонтали власти, выстроенные по принципу единоначалия и унификации, являются больше питательной средой для коррупции, чем опорой для модернизации России.

Правовой нигилизм

Под правосознанием понимается система представлений, взглядов, убеждений, идей и теорий по отношению к праву.

Для российского общества в правосознании характерен правовой нигилизм – неверие, незнание и неприменение норм права. Это отрицание существующей правовой системы и неверие в правосудие, в возможность отстоять свои права юридическим путем. Немало этому способствовало всесильное централизованное государство, кото-

рое зачастую манипулировало правом и судебной системой в свою пользу.

Для того чтобы искоренить правовой нигилизм, надо обеспечить верховенство закона, выполнение его требований всеми субъектами права – как властями, так и народом, чтобы не было манипулирования законами и неподсудности некоторых неприкосновенных лиц (Толмачев, 2015. С. 62).

В противном случае отсутствие легальных способов выразить оппозиционное мнение приводит к накоплению критической массы общественного недовольства, которая может привести к «бессмысленному и беспощадному» русскому бунту. Как не раз показывала российская история, в условиях подавления любого, даже самого безобидного инакомыслия, народное недовольство государственной политикой, в конечном счете, находит выход в смуте, восстании, революции и отбрасывает на некоторое время социально-экономическое развитие страны. Преодоление правового нигилизма должно привести к осознанию преимуществ эволюционного, мирного, реформаторского пути модернизации общества.

Россия – новая роль в мире

Место России в мировом сообществе совершенно не отвечает тому геополитическому, научному, интеллектуальному, экономическому потенциалу, которым обладает страна. Развитие разных видов пространства (социального, культурного, политического) ведет к тому, что мера географической обусловленности развития человечества начинает уменьшаться. В наше время на первое место в развитии передовых стран выходит человеческий потенциал.

В заключение несколькими штрихами нарисуем картину преобразования изначально неблагоприятных природно-климатических факторов в полезные факторы.

Геополитическое евразийское положение на стыке Востока и Запада позволяет России активно участвовать в различных союзах и коалициях государств. Этому способствует членство в Шанхайской организации сотрудничества (2001 г.) и Евразийском экономическом сотрудничестве (2015 г.), благодаря которым происходит широкий обмен товаров, услуг, рабочей силы и капитала. Страны ШОС и их потенциальные партнеры сегодня составляют более половины мировой экономики.

Россия полностью суверенна и надежно защищена, что позволяет ей на равных участвовать в решении мировых вопросов. Большая и современная армия дает возможность создать коллективную безопасность для союзников и защиту территории стран Евразии, которые взамен могут предоставить экономические льготы и преференции. Функция поддержания порядка может лечь на коллективный орган – ШОС, где Россия с ее дипломатическим и военным опытом является ключевым игроком.

На российской территории невозможно выращивать по два-три урожая в год, как в странах, располагающихся в зоне оптимального развития, но природные ресурсы, пахотные земли, чистая вода и воздух могут пойти на создание и развитие экологически чистой продукции, изготовленной из натурального сырья по современным технологиям без посторонних включений и модификаций.

Огромная территория становится преимуществом России и позволяет создать защищенные транзитные пути между Европой и Азией по суше и воздуху не только с Запада на Восток, но и с Севера на Юг – дорог, трубопроводов, информационных кабелей и электрических сетей.

В результате потепления климата и таяния льдов все доступнее для судоходства становится масштабный северный морской путь, который позволит на 40 % сократить путь из Роттердама в Шанхай и открывает заманчивые перспективы для транспортировки грузов между Европой и Азии, что делает его потенциальным конкурентом для перегруженного Суэцкого канала (Кенель. Северный морской путь…)[2].

При всех восторгах никогда не надо забывать об опасности трансформации современной экономики России, главным предназначением которой

[2] Бенжамен Кенель. Северный морской путь – Шелковый путь России. [Электронный ресурс] URL: http://asiarussia.ru/articles/21926/ (дата обращения 05.06.2019).

может стать функция инфраструктурного обеспечения переброса стратегического сырья в Европу и Азию (Хасбулатов, 2017. С. 1006). Превратившись в транзитный коридор для «северных» и «южных» потоков, Россия становится слишком зависимой от капризов международной политики.

Благодаря значительному заделу еще советской фундаментальной науки и промышленности Россия имеет преимущество в развитии ядерных технологий, космической техники и военно-промышленного комплекса. Специализация на высокотехнологичной продукции должна стать конечной целью при определении места России в международном разделении труда (Скобелева, Шаламов, 2005. С. 201).

В XXI веке именно Россия будет обладать потенциалом для привлечения талантов и инвестиций, поскольку способна создать безопасное пространство в наполненном угрозами мире (Безруков, 2017). В связи с этим в условиях демографического спада можно привлечь миграционные потоки образованной и профессиональной рабочей силы.

Сейчас география, погода и «происки Запада» не играют определяющей роли для социально-экономического развития России. В большей степени реализация наших возможностей зависит от качества государственного управления, которое в настоящее время неэффективно. Это во многом связано с коррупцией, которая является следствием избыточного и нерегламентированного государственного регулирования.

Для преодоления коррупции потребуется кадровое обновление современной российской бюрократии путем вербовки сотрудников из экспертного сообщества. Только таким образом можно в полной мере использовать человеческий потенциал, и Россия займет достойное место в мировом сообществе.

Библиографический список

Алексеев В.В. Российская цивилизация (признаки, этапы развития, итоги и уроки) // Уральский исторический вестник. 2010. № 3 (28). С. 4–14.

Безруков А. Спасти и сохранить. Россия как экспортер безопасности // Россия в глобальной политике. 2017. № 1 / [Электронный ресурс] https://globalaffairs.ru/number/Spasti-i-sokhranit-18557 (дата обращения 05.06.2019).

Вельм И.М. Роль природно-климатических и социально-исторических факторов в формировании национального менталитета // Регионология. 2003–2004. № 4–1 (45–46). С. 183–196.

Дробышев Ю.И. Климат и ханы: Роль климатического фактора в политической истории Центральной Азии: монография. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. 216 с.

Ивашковский С.Н. Истоки русской культуры и горизонты общественно-экономического развития страны // Горизонты экономики. 2018. № 5(45). С. 15–26.

Козлов Н.Д. Отечественная историография о природно-климатических факторах в повседневной жизни населения России // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 марта 2019 г.). СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. Т. 1. С. 45–52.

References

Alekseev V.V. (2010) Russian civilization (signs, stages of development, results and lessons). *Ural'skii istoricheskii vestnik* = Ural historical Bulletin. No. 3 (28). P. 4–14. (In Russ.)

Bezrukov A. (2017) Save and protect. Russia as a security exporter. *Rossiya v global'noi politike* = Russia in global affairs. No. 1. Available at: https://globalaffairs.ru/number/Spasti-i-sokhranit-18557 [accessed June 05, 2019]. (In Russ.).

Vel'm I.M. (2003–2004) The role of natural-climatic and socio-historical factors in the formation of the national mentality. *Regionologiya* = Regionology. No. 4–1 (45–46). P. 183–196. (In Russ.)

Drobyshev Yu.I. (2016) Climate and khans: the Role of climate in the political history of Central Asia. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. 216 p. (In Russ.)

Ivashkovskii S.N. (2018) The origins of Russian culture and socio-economic development of the country. *Gorizonty ekonomiki* = Economic horizons. No. 5(45). P. 15–26. (In Russ.)

Kozlov N.D. (2019) Russian historiography on natural and climatic factors in the daily life of the Russian population. *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 14–16 marta 2019 g.)* = Natural and geographical factors in the daily life of the population of Russia: history and modernity. Materials of the international scientific conference (Saint-Petersburg, from 14 to 16 March 2019). St. Peters-

Костров А.В. Геополитика. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2015. 119 с.

Лубский Р.А. Этатизм как принцип взаимодействия человека и государства в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6 (16). С. 156–157.

Мартьянов В.С. Политизированная демография, или сколько населения нужно России // Россия и мир в 21 веке. 2008. № 1 (58). С. 26–45.

Мечников Л.И. Цивилизации и великие исторические реки. Статьи. М.: Прогресс; Пангея, 1995. 461 с.

Милов Л.В. Особенности исторического процесса в России // Вестник РАН. 2003. Т. 73. № 9. С. 771–778.

Пантин В.И. Национально-цивилизационная идентичность: специфика России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т.7. № 2. С. 42–51.

Паршев А.П. Почему Россия не Америка: монография. М.: Алгоритм, 2018. 352 с.

Романов М.Т. О демографическом потенциале России как факторе экономического роста // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 2(71). С. 54–64.

Скобелева О.А., Шаламов А.В. Россия в международном разделении труда: анализ и перспективы развития // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 3. С. 187–202.

Смирнов С.Н. Российская бюрократия и ее роль в процессах модернизации // Мир России. 2009. № 4. С. 115–139.

Толмачев Н.А. О русском правосознании, правовом нигилизме и построении правового государства // Право и современные государства. 2015. № 4. С. 55–63.

Флоринский Н. Влияние Русской Православной церкви на культуру народа // Русин. 2006. № 2. С. 130–135.

Хасбулатов Р.И. Россия между двумя субконтинентами Евразии: преимущества и новые угрозы // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 4. С. 1005–1015. DOI 10.17059/2017-4-3

Цуриков В.И. О неоднозначном характере влияния православия на русскую ментальность // Российский гуманитарный журнал. 2013. № 5. Т.2. С. 411–425.

Kostrov A.V. (2015) Geopolitics. Irkutsk: Irkutsk State University. 119 p. (In Russ.)

Lubskii R.A. (2012) Etatism as a principle of interaction of the person and the state in Russia. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* = Historical and socio-educational thought. No. 6 (16). P. 156–157. (In Russ.)

Mart'yanov V.S. (2008) Politicized demography, or much of the population of Russia. *Rossiya i mir v 21 veke* = Russia and the world in the 21st century. No. 1 (58). P. 26–45. (In Russ.)

Mechnikov L.I. (1995) Civilization and the great historical rivers. Articles. Moscow: Progress; Pangeya. 461 p. (In Russ.)

Milov L.V. (2003) Features of the historical process in Russia. *Vestnik RAN* = Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Vol. 73. No. 9. P. 771–778. (In Russ.)

Pantin V.I. (2011) National-civilizational identity: the specifics of Russia. *Politicheskaya ekspertiza POLITEKS* = Political expertise: POLITEKS. Vol. 7. No. 2. P. 42–51. (In Russ.)

Parshev A.P. (2018) Why Russia is not America. Moscow: Algoritm. 352 p. (In Russ.)

Romanov M.T. (2015) Demographic potential of Russia as a factor of economic growth. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke* = The customs policy of Russia in the far East. No. 2(71). P. 54–64. (In Russ.)

Skobeleva O.A., Shalamov A.V. (2005) Russia in the international division of labor: the analysis and prospective of development. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* = Bulletin of Udmurt University. No. 3. P. 187–202. (In Russ.)

Smirnov S.N. (2009) Russian bureaucracy and its role in modernization processes. *Mir Rossii* = World of Russia. No. 4. P. 115–139. (In Russ.)

Tolmachev N.A. (2015). On Russian legal consciousness, legal nihilism and the construction of the rule of law. *Pravo i sovremennye gosudarstva* = Law and modern States. No. 4. P. 55–63. (In Russ.)

Florinskii N. (2006) Influence of the Russian Orthodox Church on the culture of the people. Rusin. No. 2. P. 130–135. (In Russ.)

Khasbulatov R.I. (2017) Russia between two subcontinents of Eurasia: advantages and new threats. *Ekonomika regiona* = Regional economy. Vol. 13. Iss. 4. P. 1005–1015. (In Russ.) https://doi.org/10.17059/2017-4-3

Tsurikov V.I. (2013) On the ambiguous nature of the influence of Orthodoxy on the Russian mentality. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal* = Liberal arts in Russia. No. 5. Vol. 2. P. 411–425. (In Russ.)

Критерии авторства

Р.Ш. Харунов, М.М.-Б. Харунова выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к пе-

Attribution criteria

R.S. Kharunov, M.M.-B. Kharunova made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication,

чати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Харунов Рамиль Шатмуратович,
кандидат исторических наук, доцент междисциплинарной кафедры,
Улан-Баторский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова,
210351, г. Улан-Батор, проспект Мира, 131, Монголия,
✉ e-mail: ramar33@mail.ru

Харунова Марианна Монге-Байыровна,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории математического моделирования,
Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН,
667007, г. Кызыл, ул. Интернациональная, 117 А, Россия,
✉ e-mail: ondar18@mail.ru

Information about the authors

Ramil Sh. Kharunov,
Cand. Sci. (History), Associate Professor,
Ulan Bator branch of Plekhanov Russian University of Economics,
131 Peace Avenue, Ulan Bator 210351, Mongolia,
✉ e-mail: ramar33@mail.ru

Marianna M.-B. Kharunova,
Cand. Sci. (History), Leading research fellow, Laboratory of mathematical modeling,
Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
117A Internatsionalnaya street, Kyzyl 667010, Russia,
✉ e-mail: ondar18@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-115-130

Роль местных войск Восточной Сибири в пополнении личным составом действующей армии в годы Первой мировой войны

© М.Ю. Кузнецов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Статья посвящена подразделениям Иркутской местной бригады в годы Первой мировой войны. Подразделения бригады находились в Восточной Сибири (Иркутской и Енисейской губерниях, а также в Якутской и Забайкальской областях). К задачам местных войск относились: обеспечение мобилизационных мероприятий; организация гарнизонной, внутренней и караульной службы; организация конвойной службы по сопровождению воинского транспорта и партий военнопленных (арестантов, депортированных и др.). Мобилизация в России была объявлена 17 июля 1914 г., а через день по всей империи были открыты призывные пункты. Основная нагрузка по призыву мобилизационных ресурсов легла на плечи Управлений уездных воинских начальников. Война вызвала патриотические настроения. На начальном этапе войны офицеры и нижние чины бригады просились на фронт. Идя навстречу подобным желаниям, руководство местных войск и конвойной стражи не ставило этому препятствий. Чуть позже направление военнослужащих местных и конвойных команд в Сибирские стрелковые запасные батальоны носило плановый характер. На смену убывающим, прибывали вновь призванные молодые солдаты. Местные войска данными мероприятиями оказали реальную помощь действующей армии, усилив строевые части подготовленным, грамотным, морально и физически здоровым контингентом. Данное решение, значительно ослабило местные и конвойные команды, но это было необходимо.

Ключевые слова: мобилизация, Первая мировая война, призывной пункт, Иркутская местная бригада, уездный воинский начальник, местная команда, Сретенский дисциплинарный батальон, конвойная команда, Сибирский стрелковый запасной батальон, военнопленные

Информация о статье: Дата поступления 21 октября 2019 г.; дата принятия к печати 18 ноября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Кузнецов М.Ю. Роль местных войск Восточной Сибири в пополнении личным составом действующей армии в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 115–130. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-115-130

The role of local troops in Eastern Siberia in replenishment army personnel during the First World War

© Mikhail Yu. Kuznetsov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article is devoted to the units of the Irkutsk local brigade during the First World War. The brigade units were located in Eastern Siberia (Irkutsk and Yenisei provinces, as well as in the Yakut and Transbaikal regions). The tasks of the local troops included: ensuring mobilization activities; organization of garrison, internal and guard service; the organization of convoy services to accompany military transports and parties of prisoners of war (prisoners, deportees, etc.). Mobilization in Russia was announced on July 17, 1914, and a day later, call points were opened throughout the empire. The main burden of summoning mobilization resources fell on the shoulders of the Departments of district military commanders. The war caused a patriotic mood. At the initial stage of the war, officers and lower ranks of the brigade requested the front. Going towards such desires, the leadership of the local troops and guards did not put obstacles to this. A little later, the deployment of local and

convoy troops to the Siberian rifle reserve battalions was planned. In place of the waning, the newly recruited young soldiers arrived. The local troops with these measures provided real assistance to the army, reinforcing the combat units with a trained, competent, morally and physically healthy contingent. This decision significantly weakened local and convoy teams, but it was necessary.

Keywords: mobilization, World War I, recruiting station, Irkutsk local brigade, district military commander, local command, Sretensky disciplinary battalion, convoy team, Siberian infantry reserve battalion, prisoners of war

Article info: Received October 21, 2019; accepted for publication November 18, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Kuznetsov M.Yu. (2019) The role of local troops in Eastern Siberia in replenishment army personnel during the First World War. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 115–130. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-115-130

После войны 1904–1905 гг. Русская императорская армия была реформирована. Военное ведомство, предчувствуя новый военный конфликт, активно готовилась к нему. Было переработано очередное мобилизационное расписание: местным войскам Восточной Сибири, как и в предыдущих планах, отводилась роль частей, предназначенных для оказания помощи мобилизационным органам в данной работе. Мобилизационные планы постоянно уточнялись и проходили доработку.

Давно ожидаемый общеевропейский кризис стал реальностью в июне 1914 г., после убийства в Сараево наследника австрийского престола эрцгерцога Франц-Фердинанда. В результате чего резко обострились отношения между Сербией и Австро-Венгрией. Австрия выдвинула Сербии ультиматум (Хейстингс, 2014. С. 79). 13 июля 1914 г.[1] Сербия объявила всеобщую мобилизацию, и в тот же день Австро-Венгрия приступила к частичной мобилизации.

На основании данных событий Главное управление Генерального штаба русской армии объявило о введении в Российской империи подготовительного периода «предмобилизационное положение» к войне. К 14 июля армия затребовала все недостающее по штатам. Была усилена охрана железных дорог, мостов и прочих стратегических объектов (Безугольный, Ковалевский, Ковалев, 2012. С. 356). 17 июля была объявлена частичная мобилизация против Австро-Венгрии западных военных округов России, но уже 18 июля император повелел начать всеобщую мобилизацию. 20 июля Николай II издал Манифест об объявлении России войны, а 26 июля – Манифест о вступлении России в военные действия (Комарова, 2007. С. 10).

Структура местного военного управления Российской империи в период с 1889–1914 гг. практически не поменялась. В годы Первой мировой войны также как и в предвоенные годы не имели централизованного управления, а входили в состав 20 местных бригад, подчиняясь через начальника местной бригады Командующему войсками военного округа.

К задачам местных войск в первую очередь относились:

1. В районе бригады:

- обеспечение мобилизационных мероприятий;

- организация гарнизонной, внутренней и караульной службы.

2. В районе бригады и за её приделами:

- организация конвойной службы по сопровождению воинских транспортов и партий военнопленных (арестантов, депортированных и др.).

На 1 августа 1914 г. в состав Иркутской местной бригады входило: Управление бригады, расположенное в Иркутске, 7 Управлений уездных воинских начальников (Читинского, Верхнеудинского, Иркутского, Красноярского, Нижнеудинского, Киренского, Ачинского); 7 местных команд (Александровская, Киренская, Бодайбинская, Балаганская, Енисейская, Минусинская, Якутская); 9 конвойных команд (Иркутская, Нижнеудинская, Красноярская, Ачинская, Енисейская, Шелопугинская, Нерчинская, Читинская, Верхнеудинская), Сретенский дисцип-

[1] Все даты в тексте приводятся по старому стилю.

линарный батальон, Иркутская дисциплинарная рота и 2 местных лазарета (Ачинский и Канский).

Мобилизация

Мобилизация в Восточной Сибири была начата на основании телеграмм, поступивших в органы местного управления и Управления уездных воинских начальников 17 июля 1914 г., о начале мобилизации и призыве чинов запаса (Батюшкин, 2018. С. 8). Днями позже поступила вторая телеграмма о призыве ратников ополчения (НАРБ[2]. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1070. Л. 20).

По прибытию первой телеграммы в адреса сельских старост были разосланы в красных конвертах (ГАИО[3]. Ф. 330. Оп. 1 Д. 84. Л. 117) приказы «По мобилизационному расписанию 1910 г.» с вложением ***красных*** объявлений «о мобилизации» и ***белых*** «о ценах».

В приказе было сказано: *«Прибить или наклеить **красные** и **белые** объявления в сельской управе снаружи и внутри, на перекрестках улиц, школ, церкви и прочих видных местах.*

Срочно организовать сбор всех запасных в сельской управе. По прибытии в управу запасных, объявить им, что они обязаны явится к уездному воинскому начальнику в срок, указанный в пункте 1 красного объявления.

Всем прибывшим к уездному воинскому начальнику с собой необходимо иметь увольнительный билет, если такого нет, то вид на жительство или удостоверение личности. Иметь с собой верхнюю одежду и обувь для следования в воинскую часть. Сундуков и лишних вещей не пригодных в поход не брать. Предупредить запасных, что провожающие их семейства не будут допущены ни на воинские поезда ни на подводы перевозящих запасных на сборный пункт воинского начальника.

Снарядить своевременно и выслать к волостному правлению к 7-ми часам утра указанном в данном списке количество лошадей для отправки нижних чинов с подводами и извозчиком в правление.

Явно уклоняющихся и пьяных арестовывать и препровождать в волостное правление. О запасных которые больны на дому и не могут выступать и о всех не оказавшихся на лицо составить список для представления в волостное правление. Выписанные из больницы, больные на дому и вообще все запасные не отправившиеся в назначенный срок своевременно, как можно скорее должны явиться в волостное правление» (ГАИО. Ф. 330. Оп. 1 Д. 84. Л. 117).

В **белом** объявлении были указаны сроки поставки по конской повинности лошадей и определены цены для их выкупа с указанием конкретного района губернии (рис. 1).

Призывные пункты начали открываться 18 июля, прием запасных был организован на сборных пунктах с 19 июля. Мобилизация во всех населенных пунктах проходила по единым правилам, при призыве на каждого оформлялся приемный формулярный список (рис. 2).

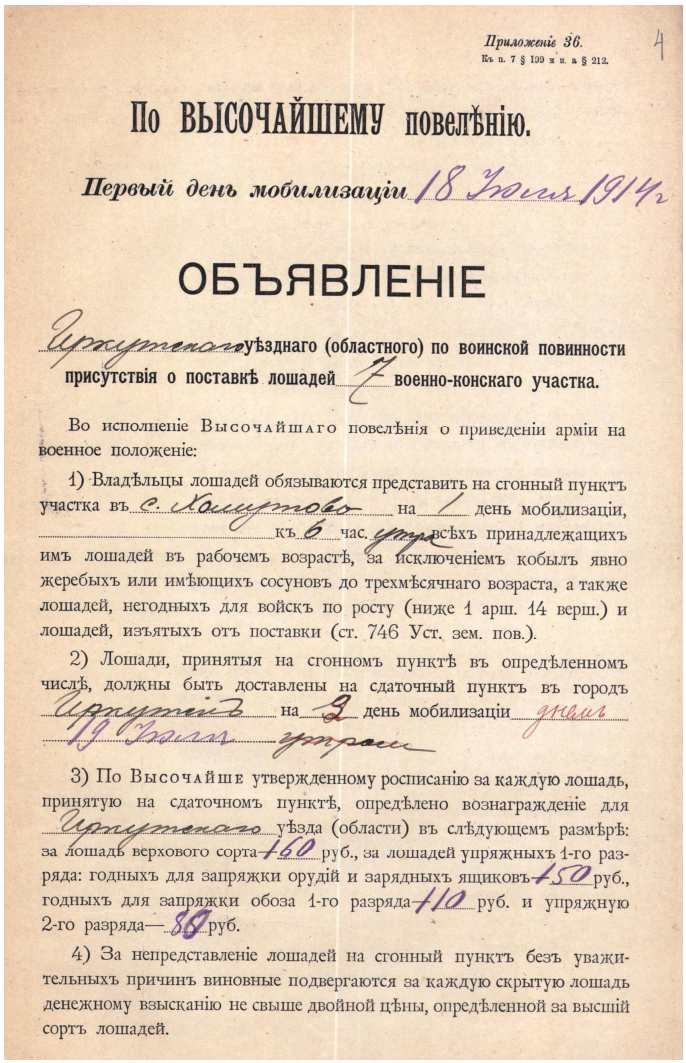
Иркутский уездный воинский начальник отозвал всех офицеров Александровской местной команды для организации мобилизационной работы в Иркутске, руководство службой в команде было возложено на фельдфебеля подразделения (ГАИО. Ф. 524. Оп. 1 Д. 1162. Л. 114).

Сборным пунктом Красноярского уездного воинского начальника за период с 19 июля по 16 августа 1914 г. было призвано по мобилизации и отправлено в войска 7114 человек (ГАКК[4]. Ф. 791. Оп. 1. Д. 104. Л. 148).

В Якутии было открыто два призывных пункта: первый в Якутске, а второй в городе Олекминске. В первые дни мобилизации Якутский сборный пункт направил в Иркутск в общем 230 запасных нижних чинов на формирование 9-го, 10-го, 11-го и 12-го Сибирских стрелковых запасных батальонов. Призывной пункт в городе Олекминске за две недели работы принял 128 человек (Батюшкин, 2018. С. 11).

В ходе мобилизации на начальника Бодайбинской местной команды был возложен контроль по призыву мобилизационных ресурсов Витимско-

[2] Национальный архив Республики Бурятия.
[3] Государственный архив Иркутской области.
[4] Государственный архив Красноярского края.

Приложеніе 36.
Къ п. 7 § 199 и п. а § 212.

4

По ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

Первый день мобилизаціи 18 Іюля 1914 г.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Иркутскаго уѣзднаго (областного) по воинской повинности присутствія о поставкѣ лошадей 7 военно-конскаго участка.

Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія о приведеніи арміи на военное положеніе:

1) Владѣльцы лошадей обязываются представить на сгонный пунктъ участка въ с. Хомутово на 1 день мобилизаціи, къ 6 час. утра всѣхъ принадлежащихъ имъ лошадей въ рабочемъ возрастѣ, за исключеніемъ кобылъ явно жеребыхъ или имѣющихъ сосуновъ до трехмѣсячнаго возраста, а также лошадей, негодныхъ для войскъ по росту (ниже 1 арш. 14 верш.) и лошадей, изъятыхъ отъ поставки (ст. 746 Уст. зем. пов.).

2) Лошади, принятыя на сгонномъ пунктѣ въ опредѣленномъ числѣ, должны быть доставлены на сдаточный пунктъ въ городъ Иркутскъ на 2 день мобилизаціи 19 Іюля утромъ.

3) По Высочайше утвержденному росписанію за каждую лошадь, принятую на сдаточномъ пунктѣ, опредѣлено вознагражденіе для Иркутскаго уѣзда (области) въ слѣдующемъ размѣрѣ: за лошадь верхового сорта 160 руб., за лошадей упряжныхъ 1-го разряда: годныхъ для запряжки орудій и зарядныхъ ящиковъ 150 руб., годныхъ для запряжки обоза 1-го разряда 110 руб. и упряжную 2-го разряда— 80 руб.

4) За непредставленіе лошадей на сгонный пунктъ безъ уважительныхъ причинъ виновные подвергаются за каждую скрытую лошадь денежному взысканію не свыше двойной цѣны, опредѣленной за высшій сортъ лошадей.

Рис. 1. Объявление о поставке лошадей
Fig. 1. Horse delivery announcement

го и Ленского горных округов Иркутской губернии (Екабсонс, 2015. С. 98).

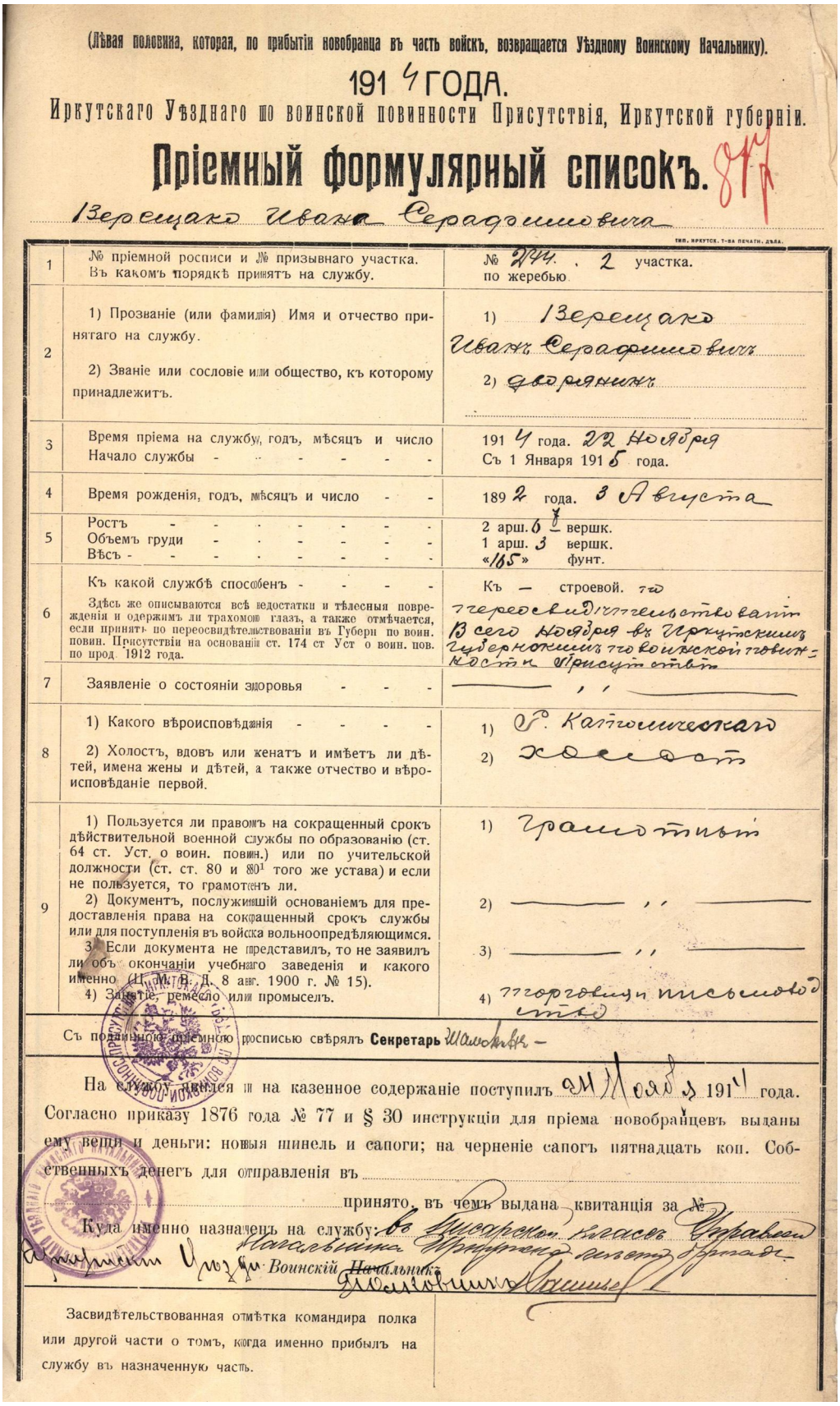
Постоянный мониторинг мобилизационной работы выявлял нарушения графика поставки мобилизационных ресурсов. В таком случае губернские власти быстро реагировали, в адрес волостных старшин и сельских старост поступали письма со следующим содержанием:

«*Начальник местной бригады сообщил господину Иркутскому губернатору, что из числа подлежащих призыву на действительную службу запасных нижних чинов очень мало, впоследствии сего Его Превосходительство распорядился немедленно через полицейских властей выслать в город Иркутск в Управление Иркутского уездного воинского начальника по каким бы то ни было причинам оставшихся дома, о чем для немедленного исполнения сообщаю Вам староста*» (ГАИО. Ф. 217. Оп. 1 Д. 89. Л. 6.).

Мобилизационная работа контролировалась на каждом звеновом уровне.

Волнения призывников

Несмотря на подъем патриотического настроения у запасных, в ходе мобилизации возникали значимые проблемы, создавшие тяжелые условия при выполнении своих обязанностей уездным воинским начальникам. Наиболее существенной проблемой в этом отношении явилась волна различного рода волнений (Марценюк, Климов и др.,

(Лѣвая половина, которая, по прибытіи новобранца въ часть войскъ, возвращается Уѣздному Воинскому Начальнику).

191 4 ГОДА.

Иркутскаго Уѣзднаго по воинской повинности Присутствія, Иркутской губерніи.

Пріемный формулярный списокъ. 847

Верещако Ивана Серафимовича

ТИП. ИРКУТСК. Т-ВА ПЕЧАТН. ДѢЛА.

1	№ пріемной росписи и № призывнаго участка. Въ какомъ порядкѣ принятъ на службу.	№ 244. 2 участка. по жеребью
2	1) Прозваніе (или фамилія) Имя и отчество принятаго на службу. 2) Званіе или сословіе или общество, къ которому принадлежитъ.	1) Верещако Иванъ Серафимовичъ 2) дворянинъ
3	Время пріема на службу, годъ, мѣсяцъ и число Начало службы	191 4 года. 22 Ноября Съ 1 Января 191 5 года.
4	Время рожденія, годъ, мѣсяцъ и число	189 2 года. 3 Августа
5	Ростъ Объемъ груди Вѣсъ	2 арш. 6 7/8 вершк. 1 арш. 3 вершк. «165» фунт.
6	Къ какой службѣ способенъ Здѣсь же описываются всѣ недостатки и тѣлесныя поврежденія и одержимъ ли трахомою глазъ, а также отмѣчается, если принятъ по переосвидѣтельствованіи въ Губерн по воин. повин. Присутствіи на основаніи ст. 174 ст Уст о воин. пов. по прод. 1912 года.	Къ — строевой. по переосвидѣтельствованію Всего Ноября въ Иркутскомъ губернскомъ по воинской повинности Присутствіи
7	Заявленіе о состояніи здоровья	—— ,, ——
8	1) Какого вѣроисповѣданія 2) Холостъ, вдовъ или женатъ и имѣетъ ли дѣтей, имена жены и дѣтей, а также отчество и вѣроисповѣданіе первой.	1) Р. Католическаго 2) холостъ
9	1) Пользуется ли правомъ на сокращенный срокъ дѣйствительной военной службы по образованію (ст. 64 ст. Уст. о воин. повин.) или по учительской должности (ст. ст. 80 и 80[1] того же устава) и если не пользуется, то грамотенъ ли. 2) Документъ, послужившій основаніемъ для предоставленія права на сокращенный срокъ службы или для поступленія въ войска вольноопредѣляющимся. 3) Если документа не представилъ, то не заявилъ ли объ окончаніи учебнаго заведенія и какого именно (Ц. М. Б. Д. 8 авг. 1900 г. № 15). 4) Занятіе, ремесло или промыселъ.	1) Грамотный 2) —— ,, —— 3) —— ,, —— 4) Торговый письмоводитель

Съ подлинною пріемною росписью свѣрялъ **Секретарь** Шамонинъ —

На службу явился и на казенное содержаніе поступилъ 9 Ноября 191 1 года. Согласно приказу 1876 года № 77 и § 30 инструкціи для пріема новобранцевъ выданы ему вещи и деньги: новыя шинель и сапоги; на черненіе сапогъ пятнадцать коп. Собственныхъ денегъ для отправленія въ ..... принято, въ чемъ выдана квитанція за № .....

Куда именно назначенъ на службу: Въ Енисейскій казачій Управленія Начальника Иркутскаго Конно-Артиллерійскаго Дивизіона

Воинскій Начальникъ Члены Присутствія

Засвидѣтельствованная отмѣтка командира полка или другой части о томъ, когда именно прибылъ на службу въ назначенную часть.

Рис. 2. Приемный формулярный список на призывного И.С. Верещако
Fig. 2. Reception formulary for recruiting I.S. Vereshchako

2017. С. 152). Произошли они в наиболее крупных сельских поселениях и волостных центрах. В Иркутской губернии беспорядки имели место в семи селах Нижнеудинского и Киренского уездов. В Енисейской губернии – в 11 селениях Ачинского, Красноярского и Минусинского уездов. Недовольство народа было в отношении должностных лиц крестьянского самоуправления (волостных и сельских старост), но большая часть была направлена на погром винных и торговых лавок (Шиловский, 2015. С. 16). Для наведения порядка администрация привлекла крупные силы полиции и войсковых подразделений, но в целом, по многочисленным свидетельствам, мобилизация проходила организованно, без срывов.

В воспоминаниях бывшего генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Ю.Н. Данилова отражено, что *«народ наш оказался законопослушным и на призыв явилось до 96 % всех призванных, более чем по расчетам мирного времени ожидалось»* (Данилов, 1924. С. 108, 109).

На основании циркуляров Министерства внутренних дел всем волостным правлениям и местным властям в срочном порядке было разослано распоряжение: *«Немедленно принять меры к прекращению всякой торговли спиртным на весь срок с момента объявления мобилизации и до закрытия сборных пунктов, как на местах сборов, так и на всех пунктах следования запасных в войска и частей войск в район сосредоточения»* (НАРБ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1070. Л. 17).

В целях ужесточения контроля за соблюдением общественного порядка и поддержания воинской дисциплины 19 сентября 1914 г. Главноначальствующим Иркутской и Енисейской губерниями, Забайкальской и Якутской областями генералом от артиллерии А.Н. Нищенковым было подписано постановление об ограничении употребления и продажи крепких напитков на улицах, дорогах, площадях и в других открытых местах городов и селений Восточной Сибири.

Данным распоряжением также накладывались ограничения на домовладельцев по вопросам хранения и контроля за употреблением населением крепких напитков. Лица, совершившие или допустившие данные нарушения, привлекались в административном порядке к аресту от 3-х до 6-ти месяцев и штрафу до 500 рублей (Иркутские губернские ведомости, 1914. № 5846. 1 октября).

Вторая волна мобилизации

В первый период войны потери в личном составе были очень большие, нехватка живой силы требовала дополнительных «вливаний». Из Военного ведомства по регионам Империи приходили циркуляры с указаниями о том, к какому сроку какое количество ратников, запасных или призывников подготовить к призыву. *«Все новые и новые пополнения уходили в Завод. Там безусых новобранцев и бородатых ратников сажали в красные теплушки, везли в Верхнеудинск – на Березовку, в Иркутск, в Омск… Надо было срочно латать фронтовые бреши, кидать в них тысячи на скорую руку обученных людей»* (Чернев, 1988. С. 107). Фундаментальные исследования в этом вопросе в конце 30-х гг. прошлого столетия провел Н.Н. Головин, разобрав, в какой период, какое количество, какой категории, из какого региона было призвано (Головин, 1939. С. 81).

В декабре 1914 г. в волостях Верхнеудинского уезда были очередной раз развешены объявления о призыве (Болонев, 2005. С. 203).

Наряду с призывом запасных и ратников ополчения в конце 1914 г., начался очередной призыв новобранцев.

На 1 января 1915 г. Якутская область направила в армию 68 новобранцев, все они были определены для одиночного обучения в Якутскую местную команду, где и проходили подготовку до весны 1915 г.

В Восточной Сибири в 1915 г., как и во всей империи, прошло три досрочных призыва. Первый набор прошел до 15 января, к 15 мая закончился второй и 7 августа 1915 г. был завершен третий досрочный призыв.

Задачи подразделений местных войск

При объявлении мобилизации на местные войска в первую очередь были возложены задачи

по обеспечению плановых мобилизационных мероприятий в районе бригады. Но, кроме этого, подразделения бригады продолжали выполнять свои основные обязанности при Управлениях уездных воинских начальников: несению гарнизонной и караульной службы по месту дислокации, охране железных дорог, конвоированию арестованных, а также выполнению иных задач по указанию штаба Иркутского военного округа. С началом военных действий уездные воинские начальники, согласно своим обязанностям, принимали все меры для скорейшего освобождения строевых частей от караульной службы. Для организации полноценной гарнизонной службы при Управлениях уездных воинских начальников Восточной Сибири были сформированы караульные команды численностью до 5 рот (практически полноценные батальоны) в Чите, Верхнеудинске, Красноярске и Иркутске (ГАИО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 8. Л. 1) (рис. 3).

Формировались они из запасных нижних чинов, а также из поступавших в распоряжение уездных воинских начальников военнослужащих.

Постепенно нагрузка на подразделения местных войск увеличивалась: активно стали назначаться караулы для сопровождения военных грузов на фронт (Бунин, 2014. С. 14); перевозка военнопленных и иностранных подданных. Несмотря на увеличение объема задач, выполняемых конвойной стражей, ее штатная численность не была увеличена.

Приведем несколько примеров:

В приказах по Иркутскому артиллерийскому

Рис. 3. Нижние чины в карауле
Fig. 3. Soldiers on guard

складу было отмечено, что караулы от конвойных команд Иркутской местной бригады периодически прибывали для сдачи транспортов и получения оружия (РГВИА[5]. Ф. 1496. Оп.1. Д. 1. Л. 255).

В приказах по Александровской местной команде отражено:

- предписаниями Иркутского уездного воинского начальника для сопровождения арестантских партий в Приленский край и Якутскую область в 1916 г. назначались конвои для охраны арестантов (ГАИО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 413. Л. 60 об.) (рис. 4).

- нижние чины местной команды производили в 1916 г. охрану Кругобайкальской железной дороги (ГАИО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 413. Л. 135) (рис. 5).

На Нерчинскую конвойную команду были возложены обязанности по надзору за лагерями военнопленных, находившиеся в Нерчинском гарнизоне (ГАИО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 404. Л. 9).

В целом можно отметить, что личный состав Иркутской местной бригады со своими основными задачами справился, многие отличились, ряд офицеров был представлен к наградам с формулировкой в представлении: «За отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны».

В 1917 году нагрузка на местные войска с учетом постоянного откомандирования (перевода) личного состава в строевые части стала очень тяжелой. Ряд подразделений физически не мог выполнять поставленные задачи, к примеру:

«В штаб Иркутского военного округа

На 1 июля 1917 г. в Бодайбинской местной команде по штату положено 140 человек, а по списку состояло чуть более 40 человек, кроме того, конвоя для сопровождения арестованных по трактам вызывает расход людей 15–20 человек, а потому для охраны почты наличных людей в команде не хватает и необходимо к ней прикомандировать минимум 40 человек из других частей ввиду же того, что в других командах вверенной мне бригады число людей ограничено, прошу распоряжения прикомандировать к Бодайбинской местной команде из запасных частей округа.

Начальник Иркутской местной бригады генерал майор Наперстков» (ГАИО. Ф. 559. Оп. 1. Д. 169. Л. 107).

Рис. 4. Сопровождение конвоем арестантской партии
Fig. 4. Convoy of an arresting party

[5] Российский государственный военно-исторический архив.

Рис. 5. Охрана солдатами Александровской местной команды тоннеля Кругобайкальской железной дороги
Fig. 5. Protection by soldiers of the Alexander local team of the Krugobaykal'skoy Railway Tunnel

Отправка на фронт личного состава

Война вызвала патриотические настроения в подразделениях Иркутской местной бригады. На начальном этапе войны офицеры и нижние чины просились на фронт (Внутренняя и конвойная стража России 1811–1917, 2002. С. 35).

Идя навстречу подобным желаниям, руководство местных войск и конвойной стражи не ставило этому препятствий. Для восполнения убыли личного состава Главное управление Генерального штаба разрешило переводить в конвойные команды солдат из запасных частей. Офицеры и большое количество нижних чинов в качестве добровольцев переходили в действующую армию. Многие из них погибли на полях сражений (РГВИА. Ф. 400. Оп. 8. Д. 698. Л. 5) (рис. 6).

С согласия Военного министерства от 18 сентября 1914 г. и во исполнении предписания Главного военно-судебного управления № 10023/1672 от 23 сентября 1914 г. Сретенский дисциплинарный батальон со станции Сретенской, Забайкальской области был переведен в г. Иркутск (ГАИО. Ф. 558. Он. 6. Д. 130. Л. 6), а к 16 марта 1915 г. был расформирован (ЦГШ[6]. № 52 от 1915 г.).

Есть предположение, что большая часть заключенных попала под амнистию и была направлена в свои, убывающие на фронт, части. Остав-

Рис. 6. Нижние чины перед отправкой на фронт
Fig. 6. Soldiers before being sent to the front

[6] Циркуляры Генерального штаба.

шиеся заключенные были переведены в Иркутскую часть. В связи с тем что Иркутская дисциплинарная рота со своей прежней штатно-должностной структурой не в состоянии была содержать такое количество нижних чинов, было решено роту расформировать (ПВВ[7] № 778 от 1914 г.), а на её базе создать Иркутский дисциплинарный батальон (ЦГШ № 33 от 1915 г.). Многие офицеры и кадровые нижние чины роты и батальона убыли на пополнение частей и подразделений в действующую армию.

Местные войска Восточной Сибири оказали реальную помощь действующей армии в вопросах подготовки личного состава непосредственно отправкой нижних чинов и офицеров на фронт. Согласно распоряжению Генерального штаба, нижние чины местных войск старших возрастов, поступивших в 1912, 1913, 1914 гг. и выслуживших срок действительной службы, по условиям военного времени не увольнялись в запас армии и не оставались в штатах команд, а передавались в запасные батальоны по распоряжениям штаба Иркутского военного округа. В командах оставался контингент 1915 г. призыва и молодых новобранцев (РГВИА. Ф. 400. Оп. 8. Д. 698. Л. 4 об.). Местные войска данными мероприятиями оказали реальную помощь действующей армии, усилив строевые части подготовленным, грамотным, морально и физически здоровым контингентом. Данное решение значительно ослабило местные и конвойные команды, но это было необходимо (Штутман, 2000. С. 319).

13 января 1915 г. Мобилизационным отделом Генерального штаба была направленна ведомость заведующему этапно-пересыльной частью Главного штаба о порядке замены практически во всех конвойных командах Русской армии «старослужащих» нижних чинов новобранцами. Согласно этому документу, во все конвойные команды Иркутской местной бригады в начале 1915 г. должно было поступить 30 % молодых солдат. Исключением явились конвойные команды, расположенные в Чите и Красноярске, у них ожидалось поступление молодежи 60 %. Все старослужащие конвойцы по прибытию молодых солдат и ввода их в строй подлежали переводу в строевые части и убывали на пополнение в Сибирские запасные подразделения (РГВИА. Ф. 400. Оп. 8. Д. 689. Л. 49–49 об.).

Согласно распоряжению начальника штаба Иркутского военного округа в июне 1915 г. 86 рядовых (60 % от штатной численности нижних чинов) Бодайбинской местной команды были переданы в 9-й Сибирский стрелковый запасной батальон (ГАИО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 870. Л. 2).

11 июля 1915 г. Исполняющим должность начальника Иркутской местной бригады полковником Д.Д. Кашкаровым было передано распоряжение за № 3466 в адрес Иркутского уездного воинского начальника «*…вследствие телефонограммы № 798 и сношения начальника штаба округа с. г. за № 107 /секретно/, мною телеграфно предписано из Александровской и Балаганской местных команд передать в 11-й запасной батальон 150* [30 % от общего числа команды] *и 112* [90 % от общего числа команды] *нижних чинов и начальнику Красноярского гарнизона 31* [100 % от общего числа унтер-офицеров команды] *и 9* [90 % от общего числа] *унтер-офицеров для отправки на Западный фронт*» (ГАИО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 108. Л. 58).

Практика направления нижних чинов в действующую армию сохранялась до конца войны. В приказе по Иркутской конвойной команде от 15 июля 1917 г. № 196 было отражено, «*что 86 нижних чинов команды переданы в распоряжение Иркутского уездного воинского начальника для сформирования ударной маршевой роты с последующей отправкой на фронт*» (РГВИА. Ф. 1528. Оп. 1. Д. 29б. Л. 139 об., 140).

Обязательную проверку маршевых рот по боевой подготовке командование округа и командиры запасных частей осуществляли посредством проведения строевых смотров, тактических полевых занятий и учений с боевой стрельбой (Коняев, 2019. С. 17)[8].

[7] Приказ по военному ведомству.

[8] Коняев Р.В. Подготовка резервов для действующей армии в Омском военном округе в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2019. 26 с.

Нижние чины, отслужившие два года в местных и конвойных командах, направлялись на пополнение в действующую армию, на смену им приходили молодые солдаты. Таким образом, личный состав местных войск явился дополнительным резервом для пополнения строевых частей действующей армии и выполнял роль «резервуара» для пополнения новых бойцов грозных Сибирских полков, наводящих ужас на врагов в Польше и Восточной Пруссии.

Офицеры и нижние чины не раз демонстрировали мужество и отвагу, храбро сражались на фронтах Первой мировой войны.

Несколько примеров:

- Н.Н. Соболевский, капитан, старший адъютант Иркутской местной бригады в августе 1914 г. добровольцем переведен командиром роты 25-го Сибирского стрелкового полка (Тимербулатов, 2015. С. 301).

Осенью 1914 г. тяжело ранен, 6 декабря 1914 г. ему пожалован орден Святого Владимира 4-й ст. и произведен в чин подполковника, в 1916 г. – полковник;

- Г.Т. Бернис, штабс-капитан, младший офицер Читинской конвойной команды в августе 1914 г. переведен в 283-й пехотный Павлоградский полк. В 1916 г. получил чин подполковника и стал кавалером ордена Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевского оружия, в 1917 г.– полковник.

- Н.И. Цедровский, капитан, командир 3-й роты Сретенского дисциплинарного батальона, осенью 1914 г. добровольцем убыл на фронт. В 1916 г. получил чин подполковника и стал кавалером Георгиевского оружия;

- А.Е. Козин, поручик, заведующий нижними чинами Иркутской дисциплинарной роты, подал рапорт в действующую армию и 18 октября 1914 г. убыл в Минский военный округ с назначением в 14-й Сибирский пехотный полк. За время Первой мировой войны был награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (рис. 7).

Начальник Иркутской местной бригады 22 сентября 1916 г. направил начальника Иркутской конвойной команды с целью провести смотр и опрос претензий нижних чинов самого крупного подразделения местной бригады – Александровской местной команды (около 500 нижних чинов). По итогам осмотра, на имя начальника Иркутской местной бригады был представлен рапорт, в котором было сказано, что в команде обнаружена безукоризненная чистота и порядок, с нижними чинами проводятся плановые занятия, пища приготовлена отлично, форма одежды в хорошем состоянии. В команде пять нижних чинов 1912 г. призыва, остальные 1914 и досрочных призывов 1915, 1916 и 1917 гг.

Рис. 7. Заведующий нижними чинами Иркутской дисциплинарной роты поручик А.Е. Козин
Fig. 7. Lieutenant A.E. Kozin, commander of the soldiers of the Irkutsk disciplinary company

Хотелось обратить внимание, что в район боевых действий направлялись не только военнослужащие, но и военные чиновники и священнослужители. Среди них был протоиерей Иркутского дисциплинарного батальона А.А. Алякринский. В начале войны он был откомандирован в действующую армию, на ноябрь 1917 г. находился еще на фронте.

Офицеры местных войск также, по предписаниям начальника штаба округа, назначались для исполнения обязанностей в других подразделениях Иркутского военного округа: полковник Д.Д. Кашкаров, дежурный штаб-офицер Управления Иркутской местной бригады с 17 ноября 1915 г. переведен начальником 113-й бригады государственного ополчения (г. Чита), штабс-капитан Александровской местной команды И.Н. Рябинин с 30 мая 1916 г. для временного исполнения должности заведующего командой нижних чинов прикомандирован к Иркутскому артиллерийскому складу, расположенному в районе 3051 версты Томской железной дороги (ГАИО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 413. Л. 105; РГВИА. Ф. 1496. Оп. 1. Д. 12. Л. 184).

Учебные подразделения

В подразделениях Иркутской местной бригады были развернуты учебные команды. При местных лазаретах были открыты фельдшерские курсы. Выпускники данных учебных заведений убывали на фронт в действующие части для оказания медицинской помощи в полевых условиях – в госпиталях, лазаретах и на перевязочных пунктах.

При Управлении Иркутской местной бригады, как и при других местных бригадах, была организована учебная команда для подготовки унтерофицерского состава из солдат конвойных подразделений. Учебная команда состояла из 30 нижних чинов, учебный курс был рассчитан на четыре месяца. Начало занятий – с 15 февраля 1915 г. (РГВИА. Ф. 400. Оп. 8. Д. 687. Л. 16–17 об.).

В 1915 г. на базе Иркутской конвойной команды была сформирована учебная команда для подготовки молодых солдат Якутской, Киренской и Александровской местных команд. Для обеспечения боевой подготовки Управление бригады поставило задачу начальнику Александровской местной команды передать 20 винтовок Арисака в Иркутскую конвойную команду (ГАИО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 15. Л. 52).

Начальник Иркутской местной бригады генерал-майор Н.П. Наперстков в 1915–1916 гг. совмещал основные обязанности с должностью заведующего школами прапорщиков пехоты Иркутского военного округа (рис. 8). При Управлениях уездных воинских начальников, как и в мирное время, шла подготовка писарей (ГАИО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 8. Л. 17).

Февральская революция

Влияние революционных событий 1917 г. на местные войска заслуживает отдельного пристального рассмотрения. Вот лишь несколько свидетельств.

Февральская революция, ставшая неожиданностью для подразделений, дислоцировавшихся в Восточной Сибири, в самое короткое время привела к коренной трансформации российского обще-

Рис. 8. Начальник Иркутской местной бригады генерал-майор Н.П. Наперстков
Fig. 8. Head of Irkutsk Local Brigade, Major General N.P. Naperstkov

ства, его государственных и военных структур.

Положение командиров в армии с марта 1917 г. начало осложняться. Офицер в это время представлял собой весьма жалкое зрелище, ибо он в этом водовороте всяких страстей очень плохо разбирался и не мог понять, что ему делать (Семенов, 1988. С. 243).

От армии требовали присягнуть Временному правительству. В итоге началась почти полная неразбериха.

Революционную радикализацию солдатских масс повысил приказ № 1. Хотя он касался Петроградского гарнизона, тем не менее менял уклад во всей армии. В Иркутском гарнизоне офицерам удалось удержать в повиновении солдатские массы, не допустить вступления в силу этого приказа (Иркутск накануне и в 1917 году…, 2017. С. 430).

Повсеместно полицейские участки и жандармские управления закрывалась. Нижние чины и офицеры данных учреждений увольнялись. В отдельных местностях возбужденный народ начал громить полицейские участки и жандармские управления. Погромы зданий сыскной полиции и охранных отделений «революционные массы» начали с тех, где хранились картотеки уголовных преступников и дела секретной агентуры (Гиляровский, 2017. С. 310). Вместо полиции, создавались подразделения народной милиции. Для охраны общественного порядка в населенных пунктах назначались патрули и караулы от местных войск.

В частях местных войск Иркутского гарнизона начали создаваться комитеты, решения новых органов в виде протоколов закреплялись приказами по данным подразделениям. Особенностью комитетов подразделений Иркутской местной бригады было то, что данные комитеты возглавляли офицеры (ГАИО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 12. Л. 586).

Выписка из протокола № 3 от 17 марта 1917 г. общего собрания Иркутского дисциплинарного батальона:

«Почти все мы кадровые солдаты Иркутского дисциплинарного батальона, призваны не Иркутским военным округом, а большая часть из нас уроженцы Европейской России, ввиду приказа по Военному ведомству за № 151 все мы должны быть призваны в ряды действующей армии и стать на защиту своей грудью дорогой свободной Родины; почти все из нас были призваны на военную службу за долго до начала текущей войны, давно уже не были у своих родственников от чего у каждого из нас желание повидаться и быть может последний раз перед смертью со своими родителями и семьями, почему отпуска на родину казалось законным, желание каждого из нас мы полагаем, что начальство как батальона так и выше, пойдут навстречу нашему стремлению повидаться с родными; мы будем отпущены на родину в отпуск, по окончании отпуска, что бы не терять времени на обратное возвращение в Иркутск что бы не обременять железные дороги лишнем грузом мы полагаем остаться на родине у своего Воинского начальника.

Ввиду изложенного мы просим ходатайства пред Командующим войсками Иркутского военного округа об увольнении нас в отпуск на родину и по окончании отпуска о передачи нас всех в распоряжении ближайшего воинских начальников которыми мы были зачислены на военную службу, а уже сами воинские начальники назначать нас в ближайшие полки и ближайшие маршевые роты» (РГВИА. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 10. Л. 7).

Протокол № 1 от 30 марта 1917 г. общего собрания 2-й роты Иркутской караульной команды при Управлении Иркутского уездного воинского начальника: *«...постановил – не допускать в роте пьянства и бесчинства и азартных игр. Провинившихся в этом первый раз подвергнуть строгому выговору от роты, на второй раз – дисциплинарному взысканию, за дальнейшие повторения неоднократного проступка провинившегося – ходатайствовать об откомандировании на фронт»* (ГАИО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 12. Л. 586).

В рапорте начальника Минусинской местной команды от 5 мая 1917 г. была предоставлена следующая информация: «*15 бывших полицейских были избиты толпой, конвой не в силах был их спасти от побоев, бывшие полицейские доставлены в местную команду»* (Нагорных, 2017. С. 5).

В неспокойные ноябрьские дни 1917 г. личный состав конвойной стражи в основе своей продол-

жал выполнять воинский долг, оставаясь преданным присяге. Иркутская конвойная команда сопровождала партии до г. Читы.

Читинская конвойная команда – от г. Читы до ст. Манчжурия и обратно и от г. Читы до г. Благовещенска (РГВИА. Ф. 1528. Оп. 1. Д. 145. Л. 3, 7).

Приход к власти Советов

С приходом к власти Советов сложившаяся система управления Военного ведомства подверглась коренным преобразованиям. Декретом II Всероссийского съезда Советов от 8 ноября 1917 г. был создан первый советский Центральный орган военного управления – Народный комиссариат по военным делам. Старая армия была реформирована декретами декабря 1917 г. «О выборном начале и об организации власти в армии» и «Об уравнении всех военнослужащих в правах», отменившими воинские чины, звания, знаки различия и преимущества и передавшими власть в армии солдатским комитетам и советам. В связи с этими событиями в подразделениях местных войск происходит хаос. В Минусинской местной команде солдаты продолжают нести службу в домашнем наряде и городском карауле, но, получив последние известия о возможности увольнения, массово уходят. В ноябре уволилось 73 солдата, 5 декабря уволилось 39 и к концу месяца еще 14. Хотелось отметить, что в декабре 44 из них вернулись (РГВИА. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–15).

В Иркутске во время попытки захвата власти произошли уличные бои. Городу был нанесён очень серьёзный ущерб (Новиков, 2005. С. 34). Были частично разрушены артиллерией и пострадали от пожаров многие каменные и деревянные дома, разрушена городская инфраструктура, расхищен оружейный цейхгауз Иркутской конвойной команды (РГВИА. Ф. 1528. Оп. 1. Д. 30. Л. 49 об.).

В январе 1918 г. были приняты декреты Совета народных комиссаров об организации Рабоче-Крестьянской Красной армии и о создании Рабоче-Крестьянского Красного флота. Постановлением Народного комиссара по внутренним делам от 20 января 1918 г. военно-окружные советы военных округов подлежали упразднению.

Приказом Народного Комиссариата по военным делам РСФСР от 25 января 1918 г. «О расформировании управлений местных бригад и о включении Управлений уездных воинских начальников в состав уездных Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов» (Газета Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 19 (64). 27 января) был разрушен старый военный аппарат. На местах губернские и уездные по воинским делам присутствия упразднились. Однако в связи с тем, что Управления уездных воинских начальников обладали наиболее полными сведениями мобилизационного и военно-хозяйственного характера, держали всю информацию низового военного управления в своих руках, приказом Наркома по военным делам от 25 января 1918 г. Управления уездных воинских начальников были включены в состав уездных Советов и переименованы в Учетные отделы Советов.

В начале января 1918 г. судьба России и старой российской армии в Восточной Сибири была окончательно не ясна. Охвативший ее кризис еще не привел к бегству солдат, оставались на своих местах командиры. Но в феврале – марте 1918 г. происходит ликвидация дореволюционных органов военного управления, воинских частей и подразделений.

К середине апреля Иркутская местная бригада со своими подразделениями была расформирована и прекратила своё существование (РГВА[9]. Ф. 39861. Оп. 1. Д. 129. Л. 71).

Личный состав расформированных команд подлежал увольнению или переводился во вновь сформированные подразделения. К примеру, солдаты Александровской местной команды передавались в Иркутский караульный батальон, сформированный на базе караульной команды при Управлении Иркутского уездного воинского начальника. При каждом подразделении создавались ликвидационные комиссии, которые занимались передачей военного имущества на склады. Часть имуще-

[9] Российский государственный военный архив.

ства, а также здания и сооружения подлежали реализации (продаже с открытых торгов) (ГАИО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 15. Л. 36).

Основная масса офицеров местных войск подала рапорта в отставку, но были и такие, кто остался служить новой власти.

История местных войск Восточной Сибири на этом не закончилась. Началась гражданская война. Выступление Чехословацкого корпуса весной 1918 г. явилось поворотным пунктом для белой борьбы в Сибири, позволив противникам большевиков установить контроль над огромными территориями страны (Дерябин, 1998. С. 42). После выступления антибольшевистских сил в 1918 г. в Сибири началось строительство альтернативной государственности и собственной армии (Захарова, 2011. С. 58).

Накопленный опыт местных войск (управлений уездных воинских начальников, местных и конвойных команд, дисциплинарных подразделений) активно использовался как Белыми армиями, так и Красной армией. Позже, после победы Советской власти, полученные знания были обобщены и нашли своё отражение в организации службы подразделений Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Библиографический список

Батюшкин П.Д. Мобилизация 1914–1915 гг. в Якутской области (источниковедческий очерк). Якутск: Смик-мастер, 2018. 52 с.

Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. История военно-окружной системы в России, 1862–1918: монография. М.: ЗАО Центрполиграф, 2012. 463 с.

Болонев Ф.Ф. Пахари и ратники русских волостей Западного Забайкалья в XIX – начале XX в.: монография. Новосибирск: Книжица, 2005. 204 с.

Бунин С.В. «Во имя присяги и верности долгу…». Конвойная стража в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 10. С. 14–17.

Внутренняя и конвойная стража России 1811–1917. Документы и материалы / под общей редакцией В.Ф. Некрасова. М.: Экзамен, 2002. 576 с.

Гиляровский А.А. Будочники, жандармы, «фараоны». История уголовного сыска в России. М.: Дом Печати Издательства Книготорговли «Капитал», 2017. 320 с.

Головин Н.Н. Военные усилия в мировой войне. Париж: Товарищество объединённых издателей, 1939. 211 с.

Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924. 400 с.

Дерябин А.И. Гражданская война в России 1917–1922: Национальные армии. М.: АСТ, 1998. 48 с.

Екабсонс Э. Этнические латыши в командном составе Русской армии. 1907–1914 гг. // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX – 1-я половина XX в.: сборник статей. М.: Институт всеобщей истории Российской академии наук, 2015. С. 61–122.

Захарова Т.В. Якутская местная команда в 1918–1919 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 6. С. 54–58.

Иркутск накануне и в 1917 году: Очерки политической истории губернского центра / под ред. Л.М. Дамешек. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 2017. 1000 с.

References

Batyushkin P.D. (2018) Mobilization of 1914–1915 in the Yakutsk region (source study). Yakutsk: Smik-master 52 p. (In Russ.)

Bezugol'nyi A.Yu., Kovalevskii N.F., Kovalev V.E. (2012) The history of the military district system in Russia, 1862–1918. Moscow: Tsentrpoligraf. 463 p. (In Russ.)

Bolonev F.F. (2005) Plowmen and warriors of Russian volosts of Western Transbaikalia in the XIX – early XX centuriy. Novosibirsk: Knizhitsa, 204 p. (In Russ.)

Bunin S.V. (2014) “In the name of the oath and fidelity a to duty...”. Convoy guards in the First World War. *Voenno-istoricheskii zhurnal* = Military History Journal. No.10. P. 14–17. (In Russ.)

Nekrasova V.F. (2002) Internal and convoy guard of Russia 1811–1917. Documents and materials. Moscow: Ekzamen. 576 p. (In Russ.)

Gilyarovskii A.A. (2017) Watchmen, gendarmes, “pharaohs”. The history of criminal investigation in Russia. Moscow: Dom pechati Knitorgovli “Kapital”. 320 p. (In Russ.)

Golovin N.N. (1939) Military efforts in the World War. Parizh: Tovarishchestvo ob"edinennykh izdatelei. 211 p. (In Russ.)

Danilov Yu.N. (1924) Russia in the World War 1914–1915. Berlin. 400 p. (In Russ.)

Deryabin A.I. (1998) Civil War in Russia 1917–1922: National Armies. Moscow: AST. 48 p. (In Russ.)

Ekabsons E. (2015) Ethnic Latvians in the command of the Russian Army. 1907–1914 Russia and Latvia in the stream of history. 2nd half of the XIXth – 1st half of the XX century. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. P. 61–122. (In Russ.)

Zakharova T.V. (2011) Yakutsk local team in 1918–1919. *Voenno-istoricheskii zhurnal* = Military History Journal. No. 6. P. 54–58. (In Russ.)

Dameshek L.M. (2017) Irkutsk on the eve and in 1917: Essays on the political history of the provincial center. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo universiteta. 1000 p. (In Russ.)

шека. Иркутск: Оттиск, 2017. 544 с.

Комарова Т.С. Тем, кто в забвенье брошен судьбой… Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск: Сибирский печатный двор, 2007. 120 с.

Марценюк Ю.А., Климов А.А. и др. Местные войска и конвойная стража в Первой мировой войне: военно-исторический труд. М.: Редакция журнала «На боевом посту», 2017. 256 с.

Нагорных В.В. Город Минусинск и Минусинский уезд в 1917–1918 гг. Взгляд через столетие (март 1917 – сентябрь 1918 г.). Минусинск: Архив города Минусинска. 2017. 81 с.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 415 с.

Семенов С.Н. Генерал Брусилов: Документальное повествование. М.: Воениздат, 1988. 318 с.

Тимербулатов Д.Р. Главный инспектор по пересылке арестантов при «белых» правительствах в Сибири генерал-майор Н.Н. Соболевский. История белой Сибири: новые подходы и результаты // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 6. № 2. С. 299–303.

Хейстингс М. Первая мировая война: Катастрофа 1914 года / пер с англ. Макса Хейстингса М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 604 с.

Чернев И. Семейщина. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1988. 672 с.

Шиловский М.В. Первая мировая 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.

Штутман С.М. На страже тишины и спокойствия: из истории внутренних войск России (1811–1917 гг.). М.: Газоил пресс, 2000. 360 с.

Критерии авторства

М.Ю. Кузнецов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Кузнецов Михаил Юрьевич,
соискатель кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: arina_2001@mail.ru

Irkutsk: Ottisk. 544 p. (In Russ.)

Komarova T.S. (2007) Those who are forgotten in oblivion... Yenisei province during the First World War. Krasnoyarsk: Sibirskii pechatnyi dvor. 120 p. (In Russ.)

Martsenyuk Yu.A., Klimov A.A. et al. (2017) Local troops and convoy guards in the First World War: military-historical work. Moscow: Redaktsiya zhurnala “Na boevom postu”. 256 p. (In Russ.)

Nagornykh V.V. (2017) Minusinsk city and Minusinsk district in 1917–1918. A look through a century (March 1917 – September 1918). Minusinsk: Arkhiv goroda Minusinska. 81 p. (In Russ.)

Novikov P.A. (2005) Civil War in Eastern Siberia. Moscow: Tsentrpoligraf. 415 p. (In Russ.)

Semenov S.N. (1988) General Brusilov: Documentary narration. Moscow: Voenizdat. 318 p. (In Russ.)

Timerbulatov D.R. (2015) Chief Inspector for the Transfer of Prisoners under the “White” Governments in Siberia Major-General N.N. Sobolevsky. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Kemerovo State University.Vol. 6. No. 2. P. 299–303. (In Russ.)

Kheistings M. (2014) World War I: The Catastrophe of 1914. Moscow: Al'pina non-fiks. 604 p. (In Russ.)

Chernev I. (1988) Family. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 672 p. (In Russ.)

Shilovskii M.V. (2015) The First World War of 1914–1918 and Siberia. Novosibirsk: Avtograf. 330 p. (In Russ.)

Shtutman S.M. (2000) On guard of peace and tranquility: from the history of the internal troops of Russia (1811–1917). Moscow: Gazoil press. 360 p. (In Russ.)

Attribution criteria

M.Yu. Kuznetsov made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Mikhail Yu. Kuznetsov,
PhD candidate of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: arina_2001@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 398.21; 398.91; 908; 930.85
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-131-140

Историческое и культурное наследие казенного раввина Иркутска Соломона Бейлина

© Е.А. Берман[a], А.Г. Кержнер[b]

[a] Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия
[b] Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, г. Киев, Украина

Аннотация: Статья посвящена наследию Соломона Хаимовича Бейлина – исследователю еврейского фольклора и казенному (общественному) раввину Иркутска 1901–1920 гг. Умный, образованный и авторитетный, он оставил свой след не только как глава еврейской общины, но и как общественный деятель, талантливый писатель, публицист и этнограф. На протяжении многих лет Соломон Бейлин собирал, обрабатывал и публиковал еврейский фольклор (сказки, пословицы, поговорки, анекдоты, шутки, загадки и т. п.) и материалы по еврейской истории на нескольких языках – немецком, русском и идиш. Среди существующих на сегодняшний день публикаций нет указаний на то, что еврейский фольклор издавался кем-либо на территории России раньше С.Х. Бейлина. Благодаря С.Х. Бейлину в первые десятилетия XX в. в Иркутске расцвела еврейская национально-культурная жизнь. В 1909 г. он становится членом только что образованного в Санкт-Петербурге Еврейского историко-этнографического общества, в 1914 г. по его инициативе в Иркутске открывается филиал Общества для распространения просвещения между евреями в России, в 1917 г. под председательством С.Х. Бейлина в Иркутске работает отделение Еврейского литературно-художественного общества им. Л. Переца. Рукописи Соломона Бейлина на идиш, связанные с еврейским фольклором, сохранились в архивах Нью-Йорка, Киева, Минска, Иерусалима и др. Многие из них до сих пор не переведены и не опубликованы.

Ключевые слова: иркутские евреи, казенный раввин, общественный раввин, еврейское просвещение, еврейский фольклор, еврейская культура, кантонисты, николаевские солдаты, еврейские писатели, писатели на идиш

Информация о статье: Дата поступления 2 сентября 2019 г.; дата принятия к печати 7 октября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Берман Е.А., Кержнер А.Г. Историческое и культурное наследие казенного раввина Иркутска Соломона Бейлина // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 131–140. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-131-140

Historical and cultural heritage of the official rabbi of Irkutsk Solomon Beilin

© Elena A. Berman[a], Anatoliy G.Kerzhner[b]

[a] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia
[b] V.I. Vernadsky Taurida National University, Kyiv, Ukraine

Abstract: The article is dedicated to the heritage of Solomon Khaimovich Beilin, a researcher of Jewish folklore and the official (public) rabbi of Irkutsk 1901–1920. Smart, educated and authoritative, he left his mark not only as the head of the Jewish community, but also as a public figure, talented writer, publicist and ethnographer. For many years, Solomon Beilin collected, processed and published Jewish folklore (fairy tales, proverbs, sayings, jokes, jokes, riddles, etc.) and materials on Jewish history in several languages – German, Russian and Yiddish. Among the publications that exist today, there is no indication that Jewish folklore was published by anyone in Russia before S.Kh. Beilin. Thanks to S. Kh. Beilin in the first decades of the XX century Jewish national cultural life flourished in Irkutsk. In 1909 he became a member of the Jewish Historical and Ethnographic Society, which had just been formed in St. Petersburg; in 1914, on his initiative, a branch of the Society was opened in Irkutsk to disseminate education among Jews in Russia, in 1917 under the chairmanship of S. Kh. Beilin in Irkutsk operates a branch of

the Jewish literary and artistic society named after L. Pepper. Manuscripts of Solomon Beilin in Yiddish related to Jewish folklore have been preserved in archives throughout – in New York, Kiev, Minsk, Jerusalem, etc. Many of them have not yet been translated and unpublished.

Keywords: Irkutsk Jews, official rabbi, public rabbi, Jewish enlightenment, Jewish folklore, Jewish culture, cantonists, Nikolay's soldiers, Jewish writers, Yiddish writers

Article info: Received September 2, 2019; accepted for publication October 7, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Berman E.A., Kerzhner A.G. (2019) Historical and cultural heritage of the official rabbi of Irkutsk Solomon Beilin. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 131–140. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-131-140

Должность казенного раввина при МВД Российской империи

Еврейское население вошло в состав Российской Империи в конце XVIII в., после трех, последовавших один за другим, разделов Речи Посполитой. Следствием этих присоединений стал ряд законов, регулирующих взаимоотношения Российского государства и еврейских общин, вошедших в ее состав. На самом раннем этапе российско-еврейской истории таким общинам была разрешена только религиозная самостоятельность, касающаяся богослужения и обрядов веры. По административно-гражданским вопросам еврейское население обращалось в различные государственные структуры напрямую, что было затруднительно, поскольку бывшее польско-литовское еврейство практически не владело русским языком (Леванда, 1874. С. 38).

В 1835 г. на раввинов – духовных глав еврейских общин, было возложено ведение метрических записей – обязанность, которую в христианских вероисповедных сообществах выполняло духовенство (Леванда, 1874. С. 371–372), а в 1857 г. новое «Положение о порядке избрания раввинов» (Леванда, 1874. С. 880) окончательно утвердило должность казенного раввина при Министерстве Внутренних Дел Российской Империи. Оно обязывало еврейские общины выбирать на эту должность лиц с высоким уровнем образования и владения русским языком. Казенные (общественные) раввины, в отличие от раввинов «духовных», большей частью своей не знавших русского языка, официально представляли общину в правительственных учреждениях разного уровня. В их обязанности входило принимать присягу у евреев-новобранцев, вести книги записи рождений, бракосочетаний, разводов и смертей, разъяснять государственные законы и заниматься просветительской деятельностью. Должность казенного раввина ограничивалась трехлетним сроком с установленным жалованием от общины. Избранный общиной раввин утверждался губернскими властями (генерал-губернатором), от которых он получал свидетельство на звание раввина.

В различных еврейских общинах сложилось два противоположных мнения относительно казенных раввинов. Первое мнение предполагало, что на эту должность назначаются люди, достойные чести быть главой общины. Они могли не быть раввинами как таковыми, но пользовались известностью и уважением в обществе. Однако большинство общин стремилось назначить на эту должность людей не только далеких от определения «раввин», но и просто неуважаемых людей (Берман, 2019).

Еврейский писатель и драматург, один из основоположников художественной литературы на идиш, Шолом-Алейхем в 1881–1883 гг. служил казенным раввином в уездном городе Лубны Лубенского уезда Полтавской губернии. В своем рассказе «Слово за слово» он очень точно, со свойственным ему юмором, описал статус казенного раввина еврейской общины: «Во время оно был я казенным раввином. То есть вроде как бы и раввин, но казенный. Что представляет собой казенный раввин, незачем перед нашими людьми особенно распространяться. Они по личному опыту знают, что это за зверь такой. Выдать метрику, за-

регистрировать брак или развод, записать новорожденного – это его прямая обязанность. У него твердая такса для живых и мертвых. В синагоге ему отведено самое почетное место, на положении раввина. При молитве за царя он встает первый. По большим праздникам, в табельные дни он появляется в синагоге в новом цилиндре и обращается к прихожанам с речью на русском языке: «Господа прихожане и благочестивые братья!». Сказать, что у нас очень любят казенного раввина, было бы сильным преувеличением – его терпят! Примерно, как пристава или другой полицейский чин! И все же он каждые три года избирается на этот пост, как своего рода президент. И выбирает его, представьте, народ, то есть в адрес общины приходит такая бумага: «На основании предписания Его превосходительства Господина губернатора… приказываю…». После этого начинаются «выборы» – кандидаты, ругань, водка и взятки… За этим следуют ябеды, доносы в губернское правление. Выборы аннулируют и велят устроить новые, и опять «на основании предписания Его превосходительства», и опять кандидаты, склоки, партии, вино и взятки… Живем, не тужим!» (Шолом-Алейхем, 1957).

Среди достойных людей, занимавших этот пост, нужно отметить общественных деятелей и публицистов Шломо Залмана Минора – казенного раввина Минска (1859–1869), а затем Москвы (1869–1892); Якова Мазе, казенного раввина Москвы (1893–1917); журналиста, д-ра Иегуду-Лейба Кантора – казенного раввина Либавы (1890–1904), Вильны (1905–1908) и Риги (1909–1915), а также и некоторых других, внедрявших просвещение в еврейские массы (Краткая еврейская энциклопедия, 1988. Кол. 34)[1]. Одним из таких образованных и уважаемых казенных раввинов был Соломон Хаимович Бейлин – сначала казенный раввин Рогачева (1891–1901), а затем Иркутска (1901–1917).

Иркутская еврейская община сформировалась к середине XIX в., в 1881 г. на средства общины была построена двухэтажная каменная синагога, но только в 1891 г. по приказу генерал-губернатора А.Д. Горемыкина община избрала первого казенного раввина (Войтинский, Горнштейн, 1915). Им стал постоянно проживающий в Иркутске витебский мещанин Дон Хаимов Медведников, бывший учитель еврейского казенного училища г. Симферополя, занимавший этот пост два трехлетних срока. Затем на эту должность был избран сын иркутского старожила, агроном, окончивший высшее учебное заведение, Павел Маркович Хоммер. Однако, ни Д.Х. Медведников, ни П.М. Хоммер, будучи людьми глубоко порядочными и честными, не оставили заметного следа в общественной и культурно-просветительской деятельности общины.

И наконец, в 1901 г., по приглашению иркутских купцов, возглавить общину прибыл из Рогачева Могилевской губернии Соломон Хаимович Бейлин – писатель, публицист и этнограф, исследователь еврейского фольклора, вошедший в историю общины как один из самых образованных и авторитетных руководителей и ярких общественных деятелей, при котором в первые десятилетия XX в. в Иркутске расцвела еврейская национально-культурная жизнь.

Биография Соломона Хаимовича Бейлина

Соломон Хаимович Бейлин родился 13 июня 1858 г. в г. Новогрудок Минской губернии в семье купца 2-й гильдии Хаима Бейлина. Эту дату он указывает в 1912 г. в дошедшем до настоящего времени «Формулярном списке о службе Иркутского казенного раввина Соломона (Шолома) Бейлина» (ГАИО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2. Л. 431–432). В автобиографии, составленной для Еврейского научного института в Вильно в 1924 г., С.Х. Бейлин указывает другую дату – 18 октября 1857 г. (The Edward Blank YIVO Vilna Collections Project. YIVO Archives. RG3 F1817). Отец держал единственную в Новогрудке почтовую станцию, а мать – Ципа Симоновна Бейлин (урожденная Духон) занималась воспитанием десятерых детей.

Закончив частную начальную религиозную школу (хедер) и параллельно получив светское домашнее образование, заключающееся в изучении русского и немецкого языков, а также математики, С.Х. Бейлин, затем заканчивает Пинское реальное училище (аттестат № 222 от 07.06.1880). Живет в

[1] Казенные раввины // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1988. Т. 4. Кол. 34.

Полтаве, Харькове, Варшаве, Царском Селе (ныне город Пушкин в пригороде Санкт-Петербурга) и в самом Петербурге. Работает учителем в Царскосельской талмуд-торе (общественное начальное еврейское религиозное учебное заведение), в торговой конторе. В 1891–1901 гг. служит казенным раввином г. Рогачев Могилевской губернии. С 1901 и до 1917 г. – казенный раввин Иркутска; а после Октябрьской революции, до 1921 г. исполняет обязанности главы еврейской общины Иркутска, но уже неофициально.

Первая жена С.Х. Бейлина, предположительно, умерла в Рогачеве при родах или в первый год после них, оставив мужа с грудным сыном Малкиэлем, родившимся в мае 1892 г. В 1893 г. Соломон Хаимович женился во второй раз на Розе Исааковне Фромберг, которая вырастила Малкиэля как родного сына. В июне 1894 г. у них рождается первый совместный ребенок – Анна, а в 1895 г. и 1897 г. еще две дочери – Зинаида (Зельда) и Любовь (Либе). Уже в Иркутске в 1902 г. у супругов родились сын Исаак и в 1905 г. дочь Ципора (Ципа, Цицилия) (ГАИО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2. Л. 431–432). В первые годы проживания в Иркутске, Роза Исааковна давала частные уроки, готовя детей к поступлению в гимназию и обучая их немецкому и французскому языкам (Восточное обозрение, 1904. 7 июля)[2], а в 1912 г. она открыла в Иркутске частное двухклассное еврейское училище для детей обоего пола с преподаванием немецкого и французского языков (ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 173. Л. 77), получив разрешение Министерства народного просвещения. Соломон Бейлин и его старший сын Малкиэль были в этом училище вероучителями. Училище Р. Бейлин существовало до 1917 г. и после революции было закрыто, как и многие другие частные учебные заведения.

После Октябрьской революции должность казенного раввина упраздняется (Декрет ВЦИК, СНК РСФСР, 1917. Ст. 160)[3], однако, еще до середины 1921 г. С.Х. Бейлин неофициально ведет все еврейские метрические книги (ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 103) и выполняет другие обязанности главы общины. В мае 1923 г. на общем собрании община поддерживает постановление правления выдавать С.Х. Бейлину ежемесячно пенсию тридцать рублей золотом по курсу Финотдела (ГАИО. Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 58. Л. 13–13 об.), и вплоть до 1927 г. фамилия Бейлина фигурирует в протоколах ежегодных собраний Погребального братства (ГАИО. Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 58. Л. 178–178 об.).

В конце 1920-х гг., перешагнув свой 70-летний рубеж, он вместе с семьей переезжает из Иркутска в Москву (Берман, 2018).

Сразу после начала Великой Отечественной войны, 01.07.1941 г., Соломон Бейлин в возрасте 83-х лет был эвакуирован из Москвы в г. Тулун Иркутской области (данные Архива Центра розыска и информации Российского Красного Креста).

До сегодня не знали даже точную дату смерти великого ученого и раввина. Но теперь она известна точно: согласно документам, 31 июля 1942 г., отдел ЗАГС г. Тулун и Тулунского района Иркутской области официально регистрирует его смерть.

Общественно-просветительская деятельность С.Х. Бейлина

Как раввин и общественный деятель С.Бейлин оказал большое влияние на статус еврейской общины в городе, много занимался делами не только евреев-горожан, но и солдат расквартированных в Иркутске воинских частей, и заключенными Александровского централа. Дом Бейлина, по воспоминаниям его внука, Д. Киржница, был одним из культурных центров дореволюционного Иркутска, где собиралась интеллигенция, ссыльные, местные жители – субботники[4]; частым гостем там был известный исследователь Азии этнограф Г.Н. Потанин (Интернат. Метлино. Война…)[5].

[2] Домашняя учительница Р.И. Бейлин // Восточное обозрение. Иркутск. 1904. № 160 (7 июля). С. 1.

[3] Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18.12.1917 «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160.

[4] Субботники – русские люди, соблюдавшие иудаизм.

[5] Интернат. Метлино. Война. Сборник воспоминаний // Сетевой портал «Заметки еврейской истории» [Электронный ресурс]. URL: http://www.berkovich-

В 1908 г., уже живя в Иркутске, Соломон Бейлин становится членом только что образованного в Санкт-Петербурге Еврейского историко-этнографического общества (Отчет «Еврейского историко-этнографического общества», 1910)[6]. Многие иркутские евреи, последовав его примеру, также вступали в члены этого Общества и к 1914 г. его иркутские представители составляли 44 человека и оказались третьими по численности после Петрограда и Екатеринослава (общее количество членов в 1914 г. – 774 человека). Для сравнения: членов из Одессы – 29, Вильно – 9, Витебска – 6. Кроме С.Х. Бейлина и в списках присутствуют такие известные активисты иркутского национально-культурного движения, как Я.Д. Фризер, М.Я. Лейбович, И.Л. Нейман, З.И. Помус, Ф.Ф. Шиллингер, Ф.Л. Юдалевич, М.А. Кроль, М. Козьмин и др. (Отчет «Еврейского историко-этнографического общества», 1915)[7].

В середине XIX в. в Санкт-Петербурге для развития просвещения в еврейской среде было создано «Общество для распространения просвещения между евреями в России» (ОПЕ), ставшее к началу XX в. самой крупной культурной организацией российского еврейства. Общество занималось издательской деятельностью, подготовкой еврейских учителей, оказывало материальную помощь еврейским начальным школам. С началом Первой мировой войны (1914) одной из задач ОПЕ стала помощь в вопросах образования высланным и беженцам из черты постоянной еврейской оседлости в глубину России.

Стараниями раввина С.Х. Бейлина и иркутского золотопромышленника, купца 1-й гильдии, председателя Хозяйственного правления синагоги, Я.Д. Фризера в январе 1914 г. было открыто Иркутское отделение (ИО) ОПЕ. Председателем комитета ИО ОПЕ был избран Я.Д. Фризер, С. Бейлин стал товарищем председателя. В работе комитета активное участие также принимали ссыльные члены РСДРП – этнограф и юрист М.А. Кроль, еврейский публицист А.Д. Киржниц, литературовед и историк А.Д. Юдицкий, публицист Б.И. Гольдман, биолог Ф.Ф. Шиллингер. Достаточно полную картину работы этой организации в Иркутске дает сохранившаяся в ГАИО «Протокольная книга комитета общества просвещения между евреями» (ГАИО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 7). В 1915 г. усилиями членов комитета ИО ОПЕ совместно с Хозяйственным правлением синагоги был собран материал и издана книга «Евреи в Иркутске» (Войтинский, Горнштейн, 1915), восстанавливающая историю еврейской общины с 1850-х до 1915 гг. Это уникальное издание в настоящее время является одним из ценнейших источников о жизни иркутской еврейской общины середины XIX – начала XX вв.

В 1917 г. С.Х. Бейлин становится председателем иркутского отделения, созданного в Петрограде в 1916 г., Еврейского литературно-художественного общества им. Л. Переца (Иркутский еврейский юбилейный календарь на 5679 г. 1918)[8], главной задачей которого стало содействие в изучении и развитии литературы на древнееврейском (иврите) и разговорно-еврейском (идише) языках. К сожалению, Общество в Иркутске просуществовало недолго и было закрыто в конце 1917 г.

Литературная и научная деятельность С.Х. Бейлина

Среди существующих на сегодняшний день публикаций нет указаний на то, что еврейский фольклор издавался кем-либо на территории России раньше С.Х. Бейлина. Записывать еврейский фольклор Соломон Бейлин начинает еще в восьмидесятые годы XIX в., а в последнее десятилетие XIX в. (с 1895) он публикует его на немецком языке в Германии (журнал «Mitteilungen zur jüdischen Volkskunde», Hamburg-Wien, Общества еврейского фольклора – единственного на Западе органа, посвященного вопросам еврейской этнографии и

zametki.com/2010/Zametki/Nomer7/Merzon1.php#Давид%20Киржниц (Дата обращения 30.08.2019).

[6] Отчет «Еврейского историко-этнографического общества» за 1909 г. // Еврейская старина. СПб., 1910. 34 с.

[7] Отчет «Еврейского историко-этнографического общества» за 1914 // Еврейская старина. Петроград, 1915. 39 с.

[8] Иркутский еврейский юбилейный календарь на 5679 г. (1918–1919), Иркутск: Тип. М.П. Окунева, 1918.

фольклора; его редактором-издателем был раввин, историк и фольклорист Макс Грунвальд) и на русском языке в России.

Американский исследователь истории евреев Восточной Европы Д. Вейдлингер говоря о С. Бейлине в своей книге «Jewish Public Culture in the Late Russian Empire» («Еврейская общественная культура в последние годы Российской империи»), подчеркивает, что он записывал фольклор прямо из уст народа, а не брал его из литературы, как его предшественники (Veidlinger, 2009).

В 1898 г. в Одессе (Бейлин, 1898a) и Вильне (Бейлин, 1898b) выходят два сборника записанных им еврейских сказок на русском языке. В предисловии к сборникам он пишет: «Воскрешают в памяти моей сказки, слышанные мною в родном городе Новогрудке, Минской губернии, из уст мамаши в длинные зимние вечера, когда она, бывало, сидит у изразцовой печи в «первой комнате» нашей, т. е. в столовой, на своем обычном месте и при этом вяжет чулок, а мы, дети, столпившись вокруг нее, как цыплята вокруг наседки, затаив дыхание, замираем от страха и сладостного волнения. Дрожа всем телом, боимся оглядываться по сторонам, подозревая в каждой тени по углам страшные приведения...» (Бейлин, 1898a. С. 3). В созданной Соломоном Бейлиным легкости и поэтики волшебной сказки прочитывается личное мироощущение писателя, в котором духовная составляющая не менее важна, чем материальная.

В защиту первенства С. Бейлина публикаций еврейского фольклора, стоит заметить, что «Сборник еврейских народных песен» (под редакцией и с введением С.М. Гинзбурга и П.С. Марека), считающийся многими исследователями первым изданием еврейского фольклора на территории России, вышел только в 1901 г. (Еврейские народные песни в России, 1901), а статьи С. Ан-ского (С. Раппопорта) с материалами о еврейском фольклоре и этнографии также появляются лишь в начале XX в. (Ан-ский, 1909) – уже после того, как Бейлин начал публиковать свои работы.

В 1907–1910 гг. в приложении к журналу «Юный Израиль» (Луганск) публикуется серия рассказов Бейлина: «В ешиботе», «Ссылка к ребе на поселение», «Летняя прогулка», «Тайные проводники», «Старый Шмуклер», из которых можно узнать о некоторых эпизодах детства автора.

Будучи учеником и последователем академика А.Н. Веселовского, С.Х. Бейлин публикует ряд статей (1895–1906), касающихся историко-сравнительного анализа фольклора, включая в свои работы исследование древних еврейских текстов и доказывая, что устное народное творчество евреев является неотъемлемой частью общемирового культурного наследия. К таким статьям можно отнести «Талмудический элемент в русской народной сказке «Судома» (1895) (The Edward Blank YIVO Vilna Collections Project. YIVO Archives. RG3 F1817), «Сказания о гордом Аггее и его источники» (Бейлин, 1899), «Евангельская мораль в сравнении с талмудическою» (1905) (The Edward Blank YIVO Vilna Collections Project. YIVO Archives. RG3 F1817). В 1905 г. в рамках цикла благотворительных общедоступных лекций, организованных Иркутской духовной семинарией в помещении Общественного Собрания, прошла его лекция «О странствующих (всемирных) повестях и рассказах в древнераввинской письменности» (Восточное обозрение, 1904. 19 дек.)[9]. В 1907 г. эти исследования С.Х. Бейлина вошли в его книгу «Странствующие, или всемирные повести и сказания в Древне-раввинской письменности», опубликованную в Иркутске (Бейлин, 1907).

В 1909 г. имя Соломона Бейлина, как исследователя еврейского фольклора, входит в «Еврейскую энциклопедию» – известный 16-томник, издававшийся в Санкт-Петербурге в 1908–1913 гг. Обществом для научных еврейских изданий совместно с издательством «Брокгауз и Ефрон» (Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем, 1909. Т. 4. Кол. 41–42)[10]. В этом же, 1909 г., Соломон Бейлин становит-

[9] Иркутская хроника: Лекция раввина С. Бейлина // Восточное обозрение. Иркутск. 1904. № 302 (19 дек.). С. 3.

[10] Бейлин Соломон Хаимович // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / под общ. ред. д-ра Л. Каценельсона и барона Д.Г. Гинцбурга. СПб.: Общество для научных еврейских знаний и изд-во Брокгауз-Ефрон, 1909. Т. 4. Кол. 41–42.

ся сотрудником, выпускаемого Еврейским историко-этнографическим обществом, трехмесячника «Еврейская Старина». В этом журнале печатаются его статьи «Хедерные загадки и задачи литовских евреев» (Бейлин, 1909a), «Анекдоты о еврейском бесправии» (Бейлин, 1909c), «О некоторых поговорках» (Бейлин, 1911).

В 1912–1913 гг. в трех номерах журнала по археологии, истории и этнографии Сибири «Сибирский архив» были опубликованы собранные им «Пословицы и поговорки сибирских евреев», ставшие единственными публикациями о еврейском фольклоре в иркутских изданиях того и последующего времени (Бейлин, 1912a; Бейлин, 1912b; Бейлин, 1913a). В том же, 1912 г., эти пословицы выходят в Иркутске отдельным сборником (Бейлин, 1912c).

Историческая публицистика Соломона Бейлина

Одной из тем публицистических заметок С.Х. Бейлина была тема евреев-кантонистов. В 1827 г. император Николай I издал Указ «Об обращении евреев к отправлению рекрутской повинности в натуре, с отменою денежного с них сбора, вместо отправления оной положенного» (Леванда, 1874. С. 192). Возраст рекрутов начинался с 12 лет и таких детей определяли «в заведения, учрежденные для приготовления к военной службе» (Леванда, 1874. С. 198). Подобный полубатальон кантонистов существовал с конца 1830-х гг. в Иркутске и был упразднен лишь в 1856 г. указом Александра II вместе с остальными подобными учебными заведениями. Как отмечают авторы книги о евреях Иркутска, «в конце 1850-х гг. вышли из казарм евреи-кантонисты. В 1860-х гг. получили право повсеместного жительства евреи, отбывшие военную службу по рекрутскому уставу. Многие из них переселились в Иркутск и оказались родоначальниками целого ряда крепких и плодовитых еврейских семейств» (Войтинский, Горнштейн, 1915. С. 51).

К началу XX в., к приезду Соломона Бейлина в Иркутск, таких старейшин в общине было уже немного, но их воспоминания стали еще одной важной темой в его публикациях. В 1909 и в 1915 гг. выходят его исторические очерки: «Из рассказов о кантонистах» (Бейлин, 1909b) и «Рассказы бывших кантонистов» (Бейлин, 1915), а в 1914 г.– «Воспоминания о последних годах рекрутчины» (Бейлин, 1914). В предисловии к статье С.Х. Бейлина «Из рассказов о кантонистах» (1909 г.) главный редактор «Еврейской старины», еврейский историк С.М. Дубнов пишет: «Трагедия еврейских «кантонистов» в царствование Николая I известна нам не из исторических, а из беллетристических очерков. У нас до сих пор еще нет ни одного исторического исследования о происхождении и развитии этого достопамятного института, одной из частей того инквизиционного механизма, который, вопреки общепринятому мнению, существовал в самобытной форме и в России. Повесть о тысячах малолетних еврейских рекрутов, которые загонялись в далекие восточные губернии и насильственно вовлекались в «лоно» православной церкви, – эта повесть должна, наконец, быть рассказана историком, на основании достаточного фактического материала.

Этот материал – официальные документы, рассказы очевидцев и т. п. – еще должен быть собран. Вот почему мы охотно даем здесь место группе рассказов, слышанных нашим сотрудником, иркутским раввином С.Х. Бейлиным, из уст некоторых бывших кантонистов. Мы готовы и в дальнейшем помещать материал как архивный, так и устный, относящийся к исторической трагедии, последние герои которой ныне вымирают, унося с собой в могилу тайну великого мученичества маленьких детей» (Бейлин, 1909b. С. 115).

Многие записи С. Бейлина о кантонистах и николаевских солдатах сохранились в его рукописях на идиш (The Edward Blank YIVO Vilna Collections Project. Lithuanian Central State Archive. RG8000 F21).

Живя в Сибири, С. Бейлин не мог обойти вниманием субботников – группу иудействующих русских, соблюдавших все законы и обряды иудаизма (в основном это были крестьяне из центральной России, сосланные за переход в иудаизм в Сибирь). Этот религиозный феномен уже тогда привлекал еврейских ученых и служил объектом изучения. В сборнике «Пережитое» он опубликовал статью о субботниках с. Зима Иркутской губернии, где эта

конфессиональная группа проживала компактно (Бейлин, 1913b).

Творчество после Октябрьской революции

В 1920 г., уже при советской власти, С.Бейлин отметил свой 25-летний юбилей литературно-научной деятельности, организованный молодежным объединением еврейской социал-демократической рабочей партии «Бунд». В это же время начинается короткий подъем советской еврейской культуры на языке идиш, поддерживаемый государством и просуществовавший менее двух десятилетий. Появляются журналы и книги на идиш, театры и драматические студии, постановки которых осуществлялись на идиш. В 1924 г., одним из центров по исследованию языка идиш в СССР становится еврейский отдел Института белорусской культуры (Минск), выпускающий журнал «Цайтшрифт», а главным международным центром – Еврейский научный институт (ИВО). В этот период, С. Бейлин также переходит на идиш в своих статьях, посвященных еврейскому фольклору.

В 1920-е гг. он публикует в журналах: «Цайтшрифт», еврейского отдела Института белорусской культуры (Минск) – «Анекдоты, поговорки, остроты, пословицы» (1928); «Филологише шрифтн», Еврейского научного института (Вильно) – «Ученые и маскильские шутки» (1929) и «Шрифтн» (Киев) – «Сравнения» (1928). В 1926 г. его имя входит в капитальный труд еврейского филолога и историка литературы Залмана Рейзена «Лексикон литературы, журналистики и филологии на идиш» (Reyzen, 1926).

«Летом 1941 г., когда уже шла война, в московском издательстве «Дер эмес» была подписана к печати книга Бейлина «Народные шутки и шуточные сказки» с предисловием известного литературоведа Меера Винера. Но, увы, тогда ей не суждено было увидеть свет. Но книга не пропала. Она хранилась в семье покойного уже фольклориста, и спустя четыре десятилетия её вёрстку принёс в редакцию московского общесоюзного журнала на идиш «Советиш геймланд» («Советская Родина») внук автора (и сын известного еврейского историка и библиографа Абрама Киржница) Давид Киржниц» (Бейдер, 2003. С. 30). Частично рукопись была опубликована в журнале «Советиш Геймланд» в середине 1980-х гг. (Gotesman, Forverts. 11.09.2011).

В 1929 г. имя Соломона Бейлина вошло в первый (том А-Ж) Сибирской Советской энциклопедии под общ. ред. М.К. Азадовского, вышедшей в Новосибирске (Сибирская Советская энциклопедия, 1929. Т. А-Ж. Кол. 265–266)[10].

В настоящее время значительную часть архивов Соломона Бейлина, содержащих рукописные тексты на идиш, удалось найти в архиве Института еврейских исследований (YIVO Institute for Jewish Research) в Нью-Йорке. Этой организации посчастливилось во время Великой Отечественной войны сохранить большое количество документов и переправить их в США. Некоторые рукописи С.Х. Бейлина на идиш сохранились в архивах Вильнюса (Литва), Киева (Украина), Нью-Йорка (США), Иерусалима (Израиль) и готовятся в настоящее время к переводу на русский язык и публикациям.

[10] Бейлин Соломон Хаимович // Сибирская Советская энциклопедия: Т. А-Ж / под общ. ред. М.К. Азадовского [и др.]. М.: Сибкрайиздат, 1929. Кол. 265–266.

Библиографический список

Ан-ский С. О еврейской народной песне // Еврейская старина. СПб., 1909. Т. II. С. 56–70.

Бейдер Х. Этюды о еврейских писателях. Киев: Дух і Літера. 2003. 347 с.

Берман Е.А. Книга жизни и творчества Соломона Бейлина. Иркутск: Изд-во ИРНИТУ. 2018. 172 с.

Берман Е.А. Сказки забытого раввина. Этнокультурное наследие Соломона Бейлина: еврейский фольклор, авторская публицистика, воспоминания, рассказы.

References

An-skii S. (1909) About Jewish Folk Song. *Evreiskaya starina* = Jewish antiquity. St. Petersburgb. Vol. II. P. 56–70. (In Russ.)

Beider Kh. (2003) Studies of Jewish Writers. Kiev: Dukh i Litera. 347 p. (In Russ.)

Berman E.A. (2018) The book of life and work of Solomon Beilin. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. 172 p. (In Russ.)

Berman E.A. (2019) Tales of a forgotten rabbi. Ethnocultural heritage of Solomon Beilin: Jewish folklore, author journalism, memoirs, stories. Irkutsk: Irkutsk Na-

Иркутск: Изд-во ИРНИТУ. 2019. 244 с.

Бейлин С.Х. Еврейские народные сказки, записанные Соломоном Хаимовичем Бейлиным. Одесса: Книгоиздательская типография Я.Х. Шермана, 1898a. 46 с.

Бейлин С.Х. Еврейские народные сказки и сказания, записанные С.Х. Бейлиным. Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1898b. Вып. 2. 44 с.

Бейлин С.Х. Сказания о гордом Аггее и его источники // Книжки Восхода. СПб.: Типо-Литография А.Е. Ландау, 1899. Кн. 11 (ноябрь). С. 97–116.

Бейлин С.Х. Странствующие, или всемирные повести и сказания в Древнераввинской письменности. Иркутск: Паровая тип. И.П. Казанцева, 1907. 351 с.

Бейлин С.Х. Хедерные загадки и задачи литовских евреев // Еврейская старина. СПб., 1909a. Т. I. С. 189–204.

Бейлин С.Х. Из рассказов о кантонистах // Еврейская старина. СПб., 1909b. Т. II. С. 115–120.

Бейлин С.Х. Анекдоты о еврейском бесправии // Еврейская старина. СПб., 1909c. Т. II. С. 269–281.

Бейлин С.Х. О некоторых поговорках // Еврейская старина. СПб., 1911. Т. IV. С. 130–133.

Бейлин С.Х. Пословицы и поговорки сибирских евреев // Сибирский архив: журнал археологии, истории и этнографии Сибири. Иркутск: «М.П. Окунев и Ко», 1912a. № 4. С. 215.

Бейлин С.Х. Пословицы и поговорки сибирских евреев // Сибирский архив: журнал археологии, истории и этнографии Сибири. Иркутск: «М.П. Окунев и Ко», 1912b. № 5. С. 321–336.

Бейлин С.Х. Пословицы и поговорки сибирских евреев: Материалы по еврейскому народному творчеству (фольклору). Иркутск, 1912c. 24 с.

Бейлин С.Х. Пословицы и поговорки сибирских евреев // Сибирский архив: журнал археологии, истории и этнографии Сибири. Иркутск: «М.П. Окунев и Ко», 1913a. № 2. С. 89–91.

Бейлин С.Х. Кое-что о зиминских субботниках // Пережитое: сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России. СПб., 1913b. Т. IV. С. 288–297.

Бейлин С.Х. Воспоминания о последних годах рекрутчины // Еврейская старина. Петроград, 1914. Т. VII. С. 459–464.

Бейлин С.Х. Рассказы бывших кантонистов // Еврейская старина. Петроград, 1915. Т. VIII. С. 224–225.

tional Research Technical University. 244 p. (In Russ.)

Beilin S.Kh. (1898a) Jewish folk tales recorded by Solomon Haimovich Beilin. Odessa: Knigoizdatel'skaya tipografiya Ya.Kh. Shermana. 46 p. (In Russ.)

Beilin S.Kh. (1898b) Jewish folk tales and legends recorded by S.Kh. Beilin. Vil'na: Tipografiya A.G. Syrkina. Iss. 2. 44 p.(In Russ.)

Beilin S.Kh. (1899) Tales of the proud Haggai and its sources. *Knizhki Voskhoda* = Sunrise Books. St. Petersburg: Tipo-Litografiya A.E. Landau. Book 11 (noyabr'). P. 97–116. (In Russ.)

Beilin S.Kh. (1907) Wandering, or global tales and legends in the Old Rabbinical script. Irkutsk: Parovaya tip. I.P. Kazantseva. 351p. (In Russ.)

Beilin S.Kh. (1909a) Heder puzzles and tasks of Lithuanian Jews. *Evreiskaya starina* = Jewish Antiquity. St. Petersburg. Vol. I. P. 189–204. (In Russ.)

Beilin S.Kh. (1909b) From stories of the cantonists. *Evreiskaya starina* = Jewish Antiquity. St. Petersburg. Vol. II. P. 115–120. (In Russ.)

Beilin S.Kh. (1909c) Jokes about Jewish lawlessness. *Evreiskaya starina* = Jewish Antiquity. St. Petersburg. Vol. II. P. 269–281. (In Russ.)

Beilin S.Kh. (1911) About some sayings. *Evreiskaya starina* = Jewish Antiquity. St. Petersburg. Vol. IV. P. 130–133. (In Russ.)

Beilin S.Kh. (1912a) Proverbs and sayings of Siberian Jews. *Sibirskii arkhiv: zhurnal arkheologii, istorii i etnografii Sibiri* = Siberian archive: journal of archeology, history and ethnography of Siberia. Irkutsk: “M.P. Okunev i Ko”. No. 4. P. 215. (In Russ.)

Beilin S.Kh. (1912b) Proverbs and sayings of Siberian Jews. *Sibirskii arkhiv: zhurnal arkheologii, istorii i etnografii Sibiri* = [Siberian archive: journal of archeology, history and ethnography of Siberia. Irkutsk: “M.P. Okunev i Ko”. No. 5. P. 321–336. (In Russ.)

Beilin S.Kh. (1912c) Proverbs and sayings of Siberian Jews. Materials on Jewish folk art (folklore). Irkutsk. 24 p. (In Russ.)

Beilin S.Kh. (1913a) Proverbs and sayings of Siberian Jews. *Sibirskii arkhiv: zhurnal arkheologii, istorii i etnografii Sibiri* = Siberian archive: journal of archeology, history and ethnography of Siberia. Irkutsk: “M.P. Okunev i Ko”. No. 2. P. 89–91. (In Russ.)

Beilin S.Kh. (1913b) Something about Ziminsky Subbotniks. *Perezhitoe: Sbornik, posvyashchennyi obshchestvennoi i kul'turnoi istorii evreev v Rossi* = The surviving: a collection devoted to the social and cultural history of Jews in Russia. St. Petersburg. Vol. IV. P. 288–297. (In Russ.)

Beilin S.Kh. (1914) Memories of the last years of recruitment. *Evreiskaya starina* = Jewish Antiquity. Petrograd, 1914. T. VII. P. 459–464. (In Russ.)

Beilin S.Kh. (1915) Tales of former cantonists. *Evreiskaya starina* = Jewish Antiquity. Petrograd. Vol. VIII.

Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск: Типо-Литография П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1915. 394 с.

Еврейские народные песни в России / Собраны и изданы под редакцией и с введением С.М. Гинзбурга и П.С. Марека. СПб.: Восход, 1901. 390 с.

Леванда В.О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649–1873 г. Извлечение из полных собраний законов Российской империи. СПб.: Тип. К.В. Трубников, 1874, 1184 с.

Шолом-Алейхем. С ярмарки. Рассказы / пер. Д. Волкенштейна. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1957. С. 503–518.

Gotesman Y. Rabiner Sholem Beylin un zayne vitsike mayselekh // Forverts, 11.09.2011.

Reyzen Z. Leksikon fun der yidisher literatur, prese, un filologye. Band 1. Vilne, Vilner farlag fun B. Kletskin, 1926. p. 265–268.

Veidlinger J. Jewish Public Culture in the Late Russian Empire. Bloomington: Indiana University Press, 2009. Pp. xviii + 382.

Критерии авторства

Е.А. Берман, А.Г. Кержнер выполнили исследовательскую работу, на основе полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Берман Елена Александровна,
кандидат технических наук, доцент кафедры ювелирного дизайна и технологий,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: lena.berman.amanut@gmail.com

Кержнер Анатолий Григорьевич,
директор Центра иудаики,
Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского,
01042, г. Киев, ул. Ивана Кудри, 33, Украина,
✉ e-mail: kerzhner.naftali@gmail.com

P. 224–225. (In Russ.)

Voitinskii V.S., Gornshtein A.Ya. (1915) Jews in Irkutsk. Irkutsk: Tipo-Litografiya P.I. Makushina i V.M. Posokhina. 394 p. (In Russ.)

Ginzburg S.M., Marek P.S. (1901) Jewish folk songs in Russia. St. Petersburg: Voskhod. 390 p. (In Russ.)

Levanda V.O. (1874) A complete chronological collection of laws and regulations relating to Jews, from the Code of the Tsar Alexei Mikhailovich to the present, from 1649–1873. Extract from the complete collections of laws of the Russian Empire. St. Petersburg: Tip. K.V. Trubnikov. 1184 p. (In Russ.)

Sholom-Aleikhem. (1957) From the fair. The stories. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. P. 503–518. (In Russ.)

Gotesman Y. Rabiner Sholem Beylin un zayne vitsike mayselekh // Forverts, 11.09.2011.

Reyzen Z. Leksikon fun der yidisher literatur, prese, un filologye. Band 1. Vilne, Vilner farlag fun B. Kletskin, 1926. p. 265–268.

Veidlinger J. Jewish Public Culture in the Late Russian Empire. Bloomington: Indiana University Press, 2009. Pp. xviii + 382.

Attribution criteria

E.A. Berman, A.G. Kerzhner made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Both authors have read and approved the final manuscript.

Information about the authors

Elena A. Berman,
Cand. Sci. (Technical), Associate Professor of the Department of Jewelry Design and Technology,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: lena.berman.amanut@gmail.com

Anatoliy G. Kerzhner,
Director of the Center for Jewish Studies,
V.I. Vernadsky Taurida National University,
33 I. Kudri street, Kyiv 01042, Ukraine,
✉ e-mail: kerzhner.naftali@gmail.com

Оригинальная статья / Original article
УДК 355/359
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-141-152

В.И. Ленин и военная политика российских коммунистов

© И.В. Наумов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассмотрена роль В.И. Ленина как вождя партии в формировании военной политики Российской коммунистической партии после Октябрьской революции 1917 г. и начала Гражданской войны. Отмечается, что вся военная политика базировалась на его идее о необходимости вооруженной защиты Советской власти от попыток внешних и внутренних противников уничтожить её. Еще до прихода к власти В.И. Ленин выдвинул тезис о возможности победы социалистической революции в одной или нескольких странах с последующим неизбежным противостоянием с капиталистическим миром. Показано, что вождь коммунистов считал невозможным создание мощной социалистической армии без полного разложения старой армии, без периода поиска и экспериментов, без проб и ошибок при формировании новых войск. В.И. Ленин обосновал основные направления военной политики: безраздельное руководство коммунистической партией всем ходом военного строительства и обороны; концентрация всех сил на решении важнейших военных задач; организация партийно-политической работы в армии, разъяснение её бойцам и всему народу задач, которые предстоит решить; установление в армии строгой дисциплины и единоначалия, как гарантии её боеспособности; непрерывное совершенствование их вооружения и боевой подготовки, как залога международной безопасности страны; превращение в случае войны страны в единый военный лагерь, полное подчинение её жизни нуждам армии.

Ключевые слова: армия, война, дисциплина, империализм, коммунисты, оборона, политика, революция, трудящиеся, тыл

Информация о статье: Дата поступления 24 сентября 2019 г.; дата принятия к печати 21 октября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Наумов И.В. В.И. Ленин и военная политика российских коммунистов // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 141–152. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-141-152

V.I. Lenin and the military policy of the Russian Communists

© Igor V. Naumov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article considers the role of V.I. Lenin as the leader of the Party in shaping the military policy of the Russian Communist Party after the October Revolution of 1917 and the outbreak of the Civil War. It is noted that all military policy was based on his idea of the need for armed protection of the Soviet government from attempts by external and internal opponents to destroy it. Even before came to power V.I. Lenin put forward the thesis about the possibility of the victory of the socialist revolution in one or more countries, followed by the inevitable confrontation with the capitalist world. It is shown that the leader of the Communists considered it impossible to create a powerful socialist army without the complete decomposition of the old army, without a period of search and experimentation, without trial and error in the formation of new troops. V.I. Lenin substantiated the main directions of military policy: the undivided leadership of the Communist Party throughout the course of military development and defense; concentration of all forces on solving the most important military tasks; the organization of party and political work in the army, an explanation of its tasks to the soldiers and the whole people of the tasks to be solved; the establishment in the army of strict discipline and unity of command, as a guarantee of its combat effectiveness; continuous improvement of their weapons and combat training as a guarantee of the country's international security; in the event of a country's war, turning into a single military camp, its complete submission to the needs of the army.

Keywords: army, war, discipline, imperialism, communists, defense, politics, revolution, working people, rear

Article info: Received September 24, 2019; accepted for publication October 21, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Naumov I.V. (2019) V.I. Lenin and the military policy of the Russian Communists. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 141–152. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-141-152

Вождь российских коммунистов В.И. Ленин, возглавив после Октябрьской революции 1917 г. правительство советской России, имел самое прямое и непосредственное отношение к формированию военной политики новой власти. Несмотря на то, что по жизни он был сугубо гражданским человеком, В.И. Ленин, тем не менее, живо интересовался военно-теоретическими вопросами. Он очень хорошо знал труды главного марксистского военного теоретика Ф. Энгельса, а также изучал труды других известных специалистов в данной области, например, Клаузевица. Поскольку к 1917 г. В.И. Ленин обладал абсолютным авторитетом в коммунистической партии, то его суждения и предложения по данной теме имели определяющее влияние на военную политику российских коммунистов.

В связи с этим интересно ознакомиться со взглядами и представлениями В.И. Ленина о военной политике нового советского государства, её смысле, целях и задачах, что может помочь лучше понять саму военную политику, проводимую коммунистической партией не только во время Гражданской войны, но в течение всего советского периода истории России.

Следует подчеркнуть, что данную тему нельзя назвать неизученной. В советское время военно-теоретическое наследие вождя коммунистов стали очень активно изучать с конца 1950-х годов. Это было связано с двумя причинами. Во-первых, в то время началась широкая публикация ленинских работ и они стали доступны ученым и всем желающим, особенно после публикации в 1960-е годы 55-томного Полного собрания сочинений В.И. Ленина. Во-вторых, интерес к его работам стимулировало осуждение «культа личности» И.В. Сталина, которого ранее считали главным военным теоретиком и автором советской военной политики (при этом роль В.И. Ленина как вождя партии, конечно, не ставили под сомнение, но утверждали, что глубокую разработку военно-политических вопросов тот поручил именно Сталину). В целом в 1960–1980-е годы в СССР было опубликовано довольно большое количество научных трудов, посвященных военно-теоретическому наследию вождя коммунистов (Азовцев, 1972; Азовцев, 1981; Берхин, 1981; Кирсанов, Бородачев, Наумов, 1985; Кораблев, 1970; Кораблев, 1979; Кузьмин, 1958; и др.). Их авторы довольно подробно и обстоятельно рассмотрели многие аспекты данной темы. Однако советская историография имела один очень крупный недостаток. По существу, задачей советских историков была абсолютизация любого ленинского высказывания по военным вопросам как непогрешимой «истины в последней инстанции». Вместе с тем, хотя советские историки и весьма активно изучали военно-теоретическое наследие В.И. Ленина, некоторые аспекты были освещены ими все же неполно (например, принципы организации обороны социалистического государства и др.).

Впервые В.И. Ленин всерьез задумался о необходимости военной политики коммунистов, по-видимому, в период Первой мировой войны. Именно тогда в своих известных работах «О лозунге Соединенных Штатов Европы» и «Военная программа пролетарской революции» он пришел к выводу о возможности победы социалистической революции первоначально в одной или немногих странах. Поскольку, отмечал вождь коммунистов в 1915 г., социалистическая революция и переход к социализму не могут быть осуществлены одновременно во всех развитых странах, первое социалистическое государство (или несколько государств) вынуждено будет сосуществовать вместе с враждебными ему капиталистическими государствами

(Ленин, 1969. Т. 26. С. 354–355). Победа социализма первоначально в одной или нескольких странах, писал он осенью 1916 г. должна «вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства» (Ленин, 1973. Т. 30. С. 133). Мировой империализм неизбежно будет предпринимать попытки ликвидировать очаг социализма, чтобы вернуть утраченные позиции. «Правительства и буржуазия, – подчеркивал В.И. Ленин, – употребят все усилия, чтобы объединиться и раздавить в крови рабочую и крестьянскую революцию» (Ленин, 1974. Т. 35. С. 17).

Из такой оценки перспектив развития мировой революции неизбежно следовал вывод о том, что государство победившего пролетариата должно организовать вооруженную защиту социализма от империалистической агрессии (Ленин, 1969. Т. 26. С. 354–355; Ленин, 1973. Т. 30. С. 133), для чего коммунистам необходимо выработать военную политику.

Поскольку ранее марксизм осуждал войны, как средство обогащения эксплуататорских классов, перед В.И. Лениным встала задача обоснования законности и справедливости войн в защиту социализма и с ней он успешно справился. «Если войну ведет пролетариат, победивший у себя буржуазию, – писал он в 1918 г., – ведет в интересах укрепления и развития социализма, тогда война законна и «священна»» (Ленин, 1974. Т. 36. С. 292). В знаменитом в советский период декрете «Социалистическое Отечество в опасности!» В.И. Ленин провозгласил защиту советской России священным долгом всех рабочих и крестьян (Ленин, 1974. Т. 35. С. 357–358, 393–397).

Вместе с тем он неоднократно писал и говорил, что защита завоеваний революции от империалистической агрессии является важнейшей интернациональной задачей победившего пролетариата, его интернациональным долгом перед международным революционным движением (Ленин, 1974. Т. 36. С. 35–36, 37–38). «Мы оборонцы с 25 октября 1917 г., – писал В.И. Ленин весной 1918 г., – Мы за «защиту отечества», но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как *отряд* всемирной армии социализма» (Ленин, 1974. Т. 36. С. 82). Он считал, что, защищая социалистическое отечество, рабочие и крестьяне Советской республики в то же время защищают интересы всего международного социализма (Ленин, 1974. Т. 36. С. 486), дело всемирной пролетарской революции (Ленин, 1969. Т. 38. С. 211–212).

Исходя из интернациональных и национальных задач защиты социалистической революции, В.И. Ленин и разрабатывал основные принципы военной политики РКП(б).

Важнейшим и решающим принципом военной политики он считал безраздельное руководство коммунистической партии всем делом обороны страны. В его многочисленных работах обоснована руководящая роль коммунистов в организации защиты революции и «социалистического Отечества». Именно в партийном руководстве обороной страны В.И. Ленин видел источник и причину победы Советской республики в Гражданской войне. «И только благодаря тому, – говорил он, выступая на IX съезде РКП(б) в 1920 г., – что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены, – только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двукратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить» (Ленин, 1974. Т. 40. С. 240).

Особое значение В.И. Ленин придавал единству политического и военного руководства при осуществлении военной политики. Это единство должен осуществлять Центральный Комитет партии. Через него партия руководит всей деятельностью по организации обороны страны. В ходе Гражданской войны ЦК РКП(б) во главе с В.И. Лениным стал подлинным боевым штабом политического и стратегического руководства вооруженной

борьбой. На VIII съезде РКП(б) в 1919 г. В.И. Ленин подчеркивал, что ЦК действовал «как боевой орган партии в эпоху гражданской войны» (Ленин, 1969. Т. 38. С. 250). Центральный Комитет постоянно и неослабно руководил военным ведомством, контролировал его работу. Не было ни одного вопроса военной стратегии, говорил В.И. Ленин, выступая на этом съезде, который бы не решался на заседаниях ЦК партии (Ленин. Ленинский сборник. 1970. Т. XXXVII. С. 137).

Очень важным он считал выработку коммунистами научного подхода к решению сложных задач военной политики. «Когда мы стали представителями господствующего класса, начавшего организовывать социализм, – писал В.И. Ленин, – мы требуем от всех серьезного отношения к обороне страны» (Ленин, 1974. Т. 36. С. 292). В годы Гражданской войны коммунисты направили свои лучшие силы на организацию разгрома войск белогвардейцев и интервентов, временно снимая их из других областей деятельности. В самые трудные моменты борьбы, говорил В.И. Ленин, «мы выдвигали в первые ряды коммунистов, ответственных работников, приносили огромные жертвы, отдавая жизнь этих лучших бойцов и в то же время создавали дисциплину, карали шкурников – мы достигали максимума напряжения народной энергии, и мы побеждали» (Ленин, 1974. Т. 40. С. 120). Он неоднократно отмечал, что залог успеха военной политики РКП(б) в её связях с массами трудящихся. «Причина наших побед, – писал В.И. Ленин в ноябре 1919 г., – прямое обращение нашей партии и Советской власти к трудящимся массам с указанием на всякую очередную трудность и очередную задачу; уменье объяснить массам, почему надо налечь изо всех сил то на одну, то на другую сторону советской работы в тот или иной момент; уменье поднять энергию, героизм, энтузиазм масс, сосредоточивая революционно напряженные усилия на важнейшей очередной задаче» (Ленин, 1970. Т. 39. С. 305). Это умение и способность коммунистов определять самую неотложную и злободневную задачу, сосредоточить на её решении все силы всех трудящихся он считал одним из основных факторов, обеспечивших победу в Гражданской войне. «Мы должны твердо помнить, подчеркивал В.И. Ленин, – что источником успехов, чудес, которые мы проявили в военном деле, было то, что мы всегда сосредоточивались на главном, на основном, мы разрешили дело так, как не умело разрешать его капиталистическое общество!» (Ленин, 1974. Т. 40. С. 284–285).

Важнейшим направлением военной политики коммунистов он считал организацию партийно-политической работы в армии. В.И. Ленин неоднократно отмечал, что партийно-политической работе принадлежит решающая роль в осуществлении военной политики РКП(б), в формировании высокого политического сознания воинов армии (Ленин, 1969. Т. 38. С. 70, 211–212; Ленин, 1974. Т. 40. С. 232; Ленин, 1970. Т. 45. С. 383; и др.). Основную задачу партийно-политической работы он видел в политическом воспитании личного состава армии и всех трудящихся в духе преданности делу коммунизма, социалистическому отечеству, в духе пролетарского интернационализма, постоянной бдительности и высокой сознательной дисциплины (Ленин, 1974. Т. 36. С. 500; Ленин, 1969. Т. 37. С. 382; Ленин, 1969. Т. 38. С. 266–267; Ленин, 1970. Т. 42. С. 124; и др.). «Дело партийных организаций, – подчеркивал В.И. Ленин, – развивать у бойцов высокое чувство революционного долга, понимание необходимости железной дисциплины, научить бороться со всякими нарушениями революционного порядка и дисциплины» (Ленин, 1969. Т. 38. С. 266–267; Ленин, 1970. Т. 39. С. 246; и др.). По его мнению, долг коммунистов и партячеек помочь красноармейским массам понять, что политика коммунистической партии и Советской власти соответствует интересам трудящихся, убедить их в справедливости и необходимости войны в защиту завоеваний революции, вселить уверенность в победе над врагом (Ленин, 1974. Т. 35. С. 216; Ленин, 1969. Т. 38. С. 211–212, 317; Ленин, 1970. Т. 39. С. 246–247; и др.). Повышение политического сознания бойцов Красной армии и широких масс трудящихся В.И. Ленин рассматривал как одно из главных условий успешности военной политики. Выступая на VIII съезде РКП (б) он говорил, что если Гражданская война «ведется с повышенной энергией,

с повышенным героизмом, то только потому, что в первый раз в мире создана армия, вооруженная сила, знающая, за что она воюет, и в первый раз в мире рабочие и крестьяне, приносящие невероятно тяжкие жертвы, ясно сознают, что они защищают Советскую социалистическую республику, власть трудящихся над капиталистами, защищают дело всемирной пролетарской социалистической революции» (Ленин, 1969. Т. 38. С. 211–212).

В хорошо налаженной партийно-политической работе В.И. Ленин видел важнейшее средство укрепления Красной армии и повышения её боеспособности. «Мы создали крепкий фундамент Красной Армии… Мы создали этот фундамент работой по-новому, политической пропагандой на фронте, организацией коммунистов в нашей армии, самоотверженной организацией и борьбой лучших людей рабочей массы» (Ленин, 1969. Т. 37. С. 467–468). Летом 1919 г. в письме «Все на борьбу с Деникиным!» он сделал вывод, что там, где «наиболее заботливо проводится политработа в войсках и работа комиссаров … там нет расхлябанности в армии, там лучше её строй и её дух, там больше побед» (Ленин, 1970. Т. 39. С. 56).

В.И. Ленин по-новому поставил вопрос о формах военной организации победившего пролетариата. Он первым из марксистов пришел к выводу, что в условиях победы социалистической революции в одной или нескольких странах наиболее целесообразна организация «не милиционной, а регулярной кадровой армии, которая свойственна упрочившейся власти всякого класса, в том числе и пролетариата» (Ленин, 1969. Т. 38. С. 287).

После победы Октябрьской революции коммунисты должны были основное внимание уделить созданию и укреплению новой армии, поскольку «от укрепления армии, – подчеркивал В.И. Ленин, – зависит прочность республики в борьбе с империалистами, зависит победа социализма в России и во всем мире» (Ленин, 1969. Т. 37. С. 96). Конкретные пути решения этой задачи он наметил в начале 1918 г. в статье «На деловую почву». В ней выдвигалось требование немедленно приступить к перестройке, расширению и укреплению только что созданной Красной армии на основе уроков борьбы с германским империализмом и требований современной войны (Ленин, 1974. Т. 35. С. 409).

Вместе с тем В.И. Ленин неоднократно отмечал, что создать крепкую регулярную армию сразу невозможно. «Новый общественный класс, поднимаясь к господству, – писал он, – не мог никогда и не может теперь достигнуть этого господства и укрепить его иначе, как совершенно разложив старую армию … иначе, как пройдя через труднейший, мучительнейший период без всякой армии … иначе, как постепенно вырабатывая, в тяжелой гражданской войне вырабатывая новую армию, новую дисциплину, новую военную организацию нового класса» (Ленин, 1969. Т. 37. С. 295). Коммунистам пришлось создавать армию путем экспериментов, поскольку «вопрос о строении Красной Армии был совершенно новый, он совершенно не ставился даже теоретически» (Ленин, 1969. Т. 38. С. 137). «Мы шли от опыта к опыту, говорил В.И. Ленин, – мы пробовали создать добровольческую армию, идя ощупью, нащупывая, пробуя, каким путем при данной обстановке может быть решена задача. А задача стояла ясно. Без вооруженной защиты социалистической республики мы существовать не могли» (Ленин, 1969. Т. 38. С. 138).

Обосновав необходимость создания мощной регулярной армии, он определил её цели и задачи, раскрыл основные особенности армии нового типа, показал коренные отличия Красной армии от капиталистических армий.

Главную задачу армии социалистического государства, её историческое назначение В.И. Ленин видел в том, чтобы надежно защищать дело революции и социализма от покушений внешних и внутренних врагов. Новая армия, говорил он, «призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть, Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, весь новый, истинно демократический строй от всех врагов народа, которые ныне употребляют все средства, чтобы погубить революцию» (Ленин, 1974. Т. 35. С. 216).

В.И. Ленин неоднократно подчеркивал, что Советской республике неизбежно придется воевать с империализмом, «со всей мощью его капи-

тала, с его высокоорганизованной военной техникой, представляющей настоящую силу, настоящую крепость международного капитала» (Ленин, 1974. Т. 36. С. 8). В связи с этим важнейшими задачами военной политики коммунистов он считал неуклонное повышение боевой мощи социалистической армии и поддержание высокой боевой готовности. Боевую мощь Красной армии В.И. Ленин рассматривал как единственную гарантию мирного строительства нового социалистического общества. «Наша армия является реальной гарантией того, – отмечал он, – что ни малейших попыток, ни малейших посягательств империалистические державы делать не будут» (Ленин, 1974. Т. 40. С. 248). Поэтому коммунисты обязаны постоянно заботиться об укреплении Красной армии, «во что бы то ни стало должны сохранить во всей боевой готовности и усилить её боевую способность» (Ленин, 1970. Т. 42. С. 130).

Большое внимание В.И. Ленин уделял вопросам строительства новой армии. Он подчеркивал, что Красная армия создавалась на основе принципов Советской власти и социализма. «Строительство нашей армии только потому могло привести к успешным результатам, что оно создавалось в духе общего советского строительства, на основе классовых соотношений, которые складываются в области любого строительства» (Ленин, 1974. Т. 40. С. 76–77). В отличие от буржуазных стран, где правящие классы стремятся изолировать армию от народа, чтобы заставить её служить антинародным целям, в условиях социализма социальную основу военного строительства составляет единство армии и народа. Это единство, по мысли В.И. Ленина, базируется на подлинно народном советском строе, союзе рабочего класса и крестьянства, полном совпадении целей и интересов армии и народа. «Советская организация, – писал он в начале 1919 г., – позволила создать такую вооруженную силу рабочих и крестьян, которая гораздо теснее, чем прежде связана с трудящимися и эксплуатируемыми массами» (Ленин, 1969. Т. 38. С. 92).

Ведущим, главенствующим принципом военной политики РКП(б) в деле строительства новой армии В.И. Ленин считал классовый подход к комплектованию армии как орудия диктатуры пролетариата. В «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятой коммунистами вскоре после захвата власти, он писал: «В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров, декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии рабочих и крестьян, и полное разоружение имущих классов» (Ленин, 1974. Т. 35. С. 222). Последовательное проведение в жизнь классового принципа построения армии, по мнению В.И. Ленина, обеспечивало социалистический характер Красной армии, её высокую боеспособность, предохраняло армию от проникновения враждебных элементов, от попыток контрреволюции разложить её изнутри.

Вместе с тем он неоднократно подчеркивал, что создать новую армию невозможно без привлечения к военному строительству буржуазных военных специалистов. Необходимо, указывал В.И. Ленин в своих работах и выступлениях в годы Гражданской войны, обеспечить широкое участие под строгим партийным контролем буржуазных военных специалистов в деле защиты революции, в деле создания сильной рабоче-крестьянской Красной армии.

Важной задачей военной политики коммунистов он считал политическое воспитание её бойцов и командиров, всех трудящихся Советской республики. В высокой политической сознательности революционных рабочих и крестьян В.И. Ленин видел мощный источник силы и крепости новой армии. «Во всякой войне, – говорил он, – победа в конечном счете обусловливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести … Осознание массами целей и причин войны имеет громадное значение и обеспечивает победу» (Ленин, 1981. Т. 41. С. 121). В.И. Ленин, анализируя итоги Гражданской войны, подчеркивал, что знание, понимание целей войны в защиту социали-

стического Отечества, поддержка трудящимися этих целей, их высокая политическая сознательность явились главными источниками победы Советской республики в Гражданской войне.

Высокая политическая сознательность воинов Красной армии, всех трудящихся, их преданность идеалам революции стали основой новой воинской дисциплины. «Красная Армия, – отмечал В.И. Ленин, – создала невиданно твердую дисциплину не из-под палки, а на основе сознательности, преданности, самоотвержения самих рабочих и крестьян» (Ленин, 1969. Т. 38. С. 240). Революционную воинскую дисциплину он считал непременным условием строительства и боеспособности новой армии. В его трудах заметное место занимает обоснование необходимости строгой дисциплины в армии социалистического государства. В них раскрыты источники и средства её поддержания. В регулярной армии, говорил В.И. Ленин, нужна железная дисциплина, без дисциплины не может быть армии. «Без этой железной дисциплины мы не создали бы Красной Армии, – подчеркивал он, – не выдержали бы два года борьбы и вообще не могли бы устоять против организованного, объединенного капитала» (Ленин, 1974. Т. 40. С. 117–118).

В.И. Ленин подчеркивал, что строжайшая дисциплина и единоначалие являются важнейшими принципами военной политики коммунистов. Единое командование всеми частями Красной Армии и строгая централизация в распоряжении всеми силами и ресурсами Советской республики, всем аппаратом военного снабжения, железнодорожным транспортом – таково необходимое условие, чтобы вести «оборонительную борьбу против общего врага – мирового империализма и поддерживаемой им черносотенной и белогвардейской контрреволюции» (Ленин, 1969. Т. 38. С. 400). На опыте Гражданской войны он показал, что отсутствие централизации и единоначалия «сплошь и рядом ведет неизбежно к катастрофе, хаосу, панике, многовластию, поражению» (Ленин, 1970. Т. 39. С. 46). Если бы коммунисты допустили в этом вопросе хотя бы одну десятую долю теоретической путаницы, отмечал В.И. Ленин, «мы были бы биты и биты поделом» (Ленин, 1974. Т. 40. С. 250).

Значительное место в его трудах занимают вопросы повышения боевой готовности армии пролетарского государства. Задача Красной армии – быть готовой дать отпор любому нападению империалистических агрессоров. Поэтому она должна непрерывно совершенствовать свою боевую подготовку, наращивать боевую мощь. Ей необходимо хорошо овладеть всеми средствами и формами и средствами вооруженной борьбы. «Всякий согласится, – писал В.И. Ленин, – что неразумно или даже преступно поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля … Не владея всеми средствами борьбы, мы можем потерпеть громадное – иногда даже решающее – поражение … Владея всеми средствами борьбы, мы побеждаем наверняка» (Ленин, 1981. Т. 41. С. 81). Искусство войны, считал он, состоит в разумном и умелом сочетании всех способов и форм вооруженной борьбы в зависимости от конкретной политической и стратегической обстановки.

В.И. Ленин придавал большое значение изучению накопленного ранее опыта для повышения боевой мощи армии. При этом он указывал на важность изучения не только положительного опыта, но и причин поражений. «Сила наша, – говорил В.И. Ленин, – была и будет в том, чтобы совершенно трезво учитывать самые тяжелые поражения, учась на их опыте тому, что следует изменить в нашей деятельности» (Ленин, 1970. Т. 44. С. 205). Для победы над противником необходимо правильно учесть соотношение сил и на основе этого правильно определить военные и политические цели и задачи. Самое опасное в войне – это недооценить противника и успокоиться. «Пока война не кончена полной победой, – отмечал он, – мы должны гарантировать себя от таких ошибок и глупостей» (Ленин, 1981. Т. 41. С. 145). Войну надо вести с полным напряжением всех сил.

В произведениях В.И. Ленина, написанных в 1917–1922 гг., заметное внимание уделено вопросам о роли и назначения тыла в осуществлении

военной политики РКП(б). Он неоднократно подчеркивал, что успех войны в защиту революции зависит не только от высокого морального духа войск, высокой боевой подготовки, но и от вооружения армии, от оснащения её современной техникой в достаточном количестве. Вести настоящую войну против мирового империализма невозможно без серьезной экономической подготовки социалистического государства, без крепкого тыла. «Для ведения войны *по-настоящему*, – писал В.И. Ленин, – необходим крепкий организованный тыл» (Ленин, 1974. Т. 35. С. 408). Он отмечал, что современная война представляет «испытание всех экономических и организационных сил каждой нации» (Ленин, 1970. Т. 39. С. 321). В её ходе и исходе решающее значение имеет экономическая организация государства. Ещё накануне Октябрьской революции в работе «Удержат ли большевики государственную власть?» В.И. Ленин пришел к выводу, что обороноспособность социалистического государства будет во много раз выше обороноспособности капиталистического государства (Ленин, 1969. Т. 34. С. 331).

Он выдвинул и обосновал положение о необходимости в случае империалистической агрессии превращения социалистического государства в единый военный лагерь. «Раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо» (Ленин, 1981. Т. 41. С. 117). В годы Гражданской войны В.И. Ленин неоднократно подчеркивал, что «Советская республика должна стать единым военным лагерем с наибольшим напряжением сил, с наибольшей экономией их» (Ленин, 1970. Т. 39. С. 236). Конкретизируя это положение, он, по существу, разработал программу превращения страны в единый военный лагерь, ставшую важнейшей составной частью военной политики коммунистов. Её основные направления раскрыты В.И. Лениным в целом ряде работ, таких как «Социалистическое Отечество в опасности!», «Тяжелый, но необходимый урок», «На деловую почву», «Проект директивы ЦК о военном единстве», «Все на борьбу с Деникиным!», в его докладах и выступлениях.

Ленинские идеи о военной политике коммунистов, её целях, задачах и основных направлениях легли в основу деятельности компартии в этой сфере. По существу они стали методологической основой военной политики коммунистов в течение всего советского периода российской истории. Это было обусловлено не только абсолютизацией роли личности В.И. Ленина как вождя коммунистов и его наследия, но и тем, что высказанные им идеи о военной политике сами по себе были разумными и правильными, что подтвердил исход как Гражданской, так и Великой Отечественной войн. Представляется, что многие из них не потеряли своей актуальности и в современных условиях.

Библиографический список

Азовцев Н.Н. Военные вопросы в трудах В.И. Ленина. М.: Воениздат, 1972. 456 с.

Азовцев Н.Н. В.И. Ленин и советская военная наука. М.: Наука, 1981. 352 с.

Берхин И.Б. Вопросы истории периода гражданской войны (1918–1920 гг.) в сочинениях В.И. Ленина. М.: Наука, 1981. 368 с.

Кирсанов Н.А., Бородачев В.Г., Наумов И.В. Вопросы защиты социалистического Отечества в трудах В.И. Ленина // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1985. № 1. С. 21–34.

Кораблев Ю.И. В.И. Ленин и создание Красной Армии. М.: Наука, 1970. 461 с.

Кораблев Ю.И. В.И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. М.: Наука, 1979. 544 с.

References

Azovtsev N.N. (1972) Military issues in the writings of V.I. Lenin. Moscow: Voenizdat. 456 p. (In Russ.)

Azovtsev N.N. (1981) Lenin and Soviet military science. Moscow: Nauka. 352 p. (In Russ.)

Berkhin I.B. (1981) Questions of the history of the period of the Civil War (1918–1920) in the works of V.I. Lenin. Moscow: Nauka. 368 p. (In Russ.)

Kirsanov N.A., Borodachev V.G., Naumov I.V. (1985) Issues of defending the Socialist Fatherland in the works of V.I. Lenin. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya* = Bulletin of Moscow University. Ser. 8. History. No. 1. P. 21–34. (In Russ.)

Korablev Yu.I. (1970) Lenin and the creation of the Red Army. Moscow: Nauka. 461 p. (In Russ.)

Korablev Yu.I. (1979) V.I. Lenin and the defense of the conquests of the Great October Revolution. Moscow:

Кузьмин Н.Ф. В.И. Ленин во главе обороны Советской страны (1918–1920). М.: Воениздат, 1958. 342 с.

Ленин В.И. Речь по военному вопросу на VIII съезде РКП(б). 21 марта 1919 г. // Ленинский сборник. 1970. Т. XXXVII. С. 135–142.

Ленин В.И. О лозунге Соединенных штатов Европы. Полн. собр. соч. 1969. Т. 26. С. 351–355.

Ленин В.И. Военная программа пролетарской революции. Полн. собр. соч. 1973. Т. 30. С. 131–143.

Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? Полн. собр. соч. 1969. Т. 34. С. 287–339.

Ленин В.И. Декрет о мире. Полн. собр. соч. 1974. Т. 35. С. 13–18.

Ленин В.И. Речь на проводах первых эшелонов социалистической армии 1 (14) января 1918 г. Краткий газетный отчет. Полн. собр. соч. 1974. Т. 35. С. 216–217.

Ленин В.И. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Полн. собр. соч. 1974. Т. 35. С. 221–223.

Ленин В.И. Социалистическое Отечество в опасности! Полн. собр. соч. 1974. Т. 35. С. 357–358.

Ленин В.И. Тяжелый, но необходимый урок. Полн. собр. соч. 1974. Т. 35. С. 393–397.

Ленин В.И. На деловую почву. Полн. собр. соч. 1974. Т. 35. С. 408–409.

Ленин В.И. Выступление на седьмом экстренном съезде РКП(б) 6–8 марта 1918 г. Политический отчет Центрального комитета 7 марта. Полн. собр. соч. 1974. Т. 36. С. 3–26.

Ленин В.И. Резолюция о войне и мире. Полн. собр. соч. 1974. Т. 36. С. 35–36.

Ленин В.И. Выступление против поправок Троцкого к резолюции о войне и мире 8 марта. Полн. собр. соч. 1974. Т. 36. С. 37–38.

Ленин В.И. Главная задача наших дней. Полн. собр. соч. 1974. Т. 36. С. 78–82.

Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. Полн. собр. соч. 1974. Т. 36. С. 283–314.

Ленин В.И. Речь на митинге в Алексеевском манеже 2 июля 1918 г. Краткий газетный отчет. Полн. собр. соч. 1974. Т. 36. С. 485–486.

Ленин В.И. Выступление на V Всероссийском съезде Советов рабочих, крестьянских, солдатских и красноармейских депутатов 4–10 июля 1918 г. Доклад Совета Народных комиссаров 5 июля. Полн. собр. соч. 1974. Т. 36. С. 491–513.

Ленин В.И. Письмо красноармейцам, участвовавшим во взятии Казани. Полн. собр. соч. 1969. Т. 37. С. 96.

Nauka. 544 p. (In Russ.)

Kuz'min N.F. (1958) V.I. Lenin at the head of the defense of the Soviet country (1918–1920). Moscow: Voenizdat. 342 p. (In Russ.)

Lenin V.I. (1970) Lenin at the head of the defense of the Soviet country (1918–1920). *Leninskii sbornik* = Lenin Collection. Vol. XXXVII. P. 135–142. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969) About the slogan of the United States of Europe. Full composition of writing. Vol. 26. P. 351–355. (In Russ.)

Lenin V.I. (1973) The military program of the proletarian revolution. Full composition of writings. Vol. 30. P. 131–143. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969) Will the Bolsheviks hold state power? Full composition of writings.Vol. 34. P. 287–339. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974) Peace Decree. Full composition of writings. Vol. 35. P. 13–18. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974) Speech on the first echelons of the socialist army on January 1 (14), 1918. Brief newspaper report. Full composition of writings. Vol. 35. P. 216–217. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974) Declaration of the Rights of the Working and Exploited People. Full composition of writings. Vol. 35. P. 221–223. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974) The Socialist Fatherland is in danger! Full composition of writings. Vol. 35. P. 357–358. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974) A hard but necessary lesson. Full composition of writings. Vol. 35. P. 393–397. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974) On business grounds. Full composition of writings. Vol. 35. P. 408–409. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974) Speech at the Seventh Extraordinary Congress of the RCP (B.) March 6–8, 1918. Political report of the Central Committee on March 7. Full composition of writings. Vol. 36. P. 3–26. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974) Resolution on war and peace. Full composition of writings. Vol. 36. P. 35–36. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974) Speech against Trotsky's amendments to the resolution on war and peace on March 8. Full composition of writings. Vol. 36. P. 37–38. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974) The main task of our days. Vol. 36. P. 78–82. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974) About “left” childishness and petty-bourgeois. Full composition of writings. Vol. 36. P. 283–314. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974) Speech at a meeting in the Alekseevsky Manege on July 2, 1918. Brief Newspaper Report. Full composition of writings. T. 36. P. 485–486. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974) Speech at the Fifth All-Russian Congress of Soviets of Workers, Peasants, Soldiers, and Red Army Deputies on July 4–10, 1918. Report of the Council of People's Commissars on July 5. Full composition of writings. Vol. 36. P. 491–513. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969) Letter to the Red Army participants in the capture of Kazan. Full composition of writings.

Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Полн. собр. соч. 1969. Т. 37. С. 235–338.

Ленин В.И. Речь на рабочей конференции Пресненского района 14 декабря 1918 г. Полн. собр. соч. 1969. Т. 37. С. 370–383.

Ленин В.И. Все на работу по продовольствию и транспорту! Полн. собр. соч. 1969. Т. 37. С. 465–468.

Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти. Полн. собр. соч. 1969. Т. 38. С. 39–73.

Ленин В.И. Основные задачи диктатуры пролетариата в России. Полн. собр. соч. 1969. Т. 38. С. 89–102.

Ленин В.И. Выступление на VIII съезде РКП(б) 18–23 марта 1919 г. Отчет Центрального комитета 18 марта. Полн. собр. соч. 1969. Т. 38. С. 131–150.

Ленин В.И. Выступление на VIII съезде РКП(б) 18–23 марта 1919 г. Речь при закрытии съезда 23 марта. Полн. собр. соч. 1969. Т. 38. С. 211–215.

Ленин В.И. Как навсегда спасти трудящихся от гнета помещиков и капиталистов. Полн. собр. соч. 1969. Т. 38. С. 240–241.

Ленин В.И. Выступление на Чрезвычайном заседании пленума Московского совета рабочих и красноармейских депутатов 3 апреля 1919 г. Доклад о внешнем и внутреннем положении Советской Республики. Полн. собр. соч. 1969. Т. 38. С. 245–262.

Ленин В.И. Выступление на Чрезвычайном заседании пленума Московского совета рабочих и красноармейских депутатов 3 апреля 1919 г. Резолюция по докладу о внешнем и внутреннем положении Советской Республики. Полн. собр. соч. 1969. Т. 38. С. 265–267.

Ленин В.И. Выступление на Пленуме Всероссийского Центрального совета профессиональных союзов 11 апреля 1919 г. Доклад о задачах профессиональных союзов в связи с мобилизацией на Восточный фронт. Полн. собр. соч. 1969. Т. 38. С. 277–290.

Ленин В.И. Речь о борьбе с Колчаком на конференции фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 17 апреля 1919 г. Газетный отчет. Полн. собр. соч. 1969. Т. 38. С. 316–319.

Ленин В.И. Проект директивы ЦК о военном единстве. Полн. собр. соч. 1969. Т. 38. С. 400–401.

Ленин В.И. Все на борьбу с Деникиным! (Письмо ЦК РКП (большевиков) к организациям партии). Полн. собр. соч. 1970. Т. 39. С. 44–63.

Ленин В.И. Итоги партийной недели в Москве и наши задачи. Полн. собр. соч. 1970. Т. 39. С. 233–237.

Vol. 37. P. 96. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969) The proletarian revolution and the renegade Kautsky. Full composition of writings. Vol. 37. P. 235–338. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969) Speech at the working conference of the Presnensky district on December 14, 1918. Full composition of writings. Vol. 37. P. 370–383. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969) All to work on food and transport! Full composition of writings. Vol. 37. P. 465–468. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969) Successes and difficulties of Soviet power. Full composition of writings. Vol. 38. P. 39–73. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969) The main tasks of the dictatorship of the proletariat in Russia. Full composition of writings. Vol. 38. P. 89–102. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969) Speech at the VIII Congress of the RCP (B.). March 18–23, 1919. Report of the Central Committee on March 18. Full composition of writings. Vol. 38. P. 131–150. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969) Speech at the VIII Congress of the RCP (B.) March 18–23, 1919. Speech at the closing of the congress on March 23. Full composition of writings. Vol. 38. P. 211–215. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969) How to save the working people forever from the yoke of the landowners and capitalists. Full composition of writings. Vol. 38. P. 240–241. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969) Speech at the Extraordinary Meeting of the Plenary Session of the Moscow Council of Workers and Red Army Deputies on April 3, 1919. Report on the external and internal situation of the Soviet Republic. Full composition of writings. Vol. 38. P. 245–262. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969) Speech at the Extraordinary Meeting of the Plenary Session of the Moscow Council of Workers and Red Army Deputies on April 3, 1919. Resolution on the report on the external and internal situation of the Soviet Republic. Full composition of writings. Vol. 38. P. 265–267. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969) Speech at the Plenum of the All-Russian Central Council of Trade Unions on April 11, 1919. Report on the tasks of trade unions in connection with mobilization on the Eastern Front. Full composition of writings. Vol. 38. P. 277–290. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969) Speech on the fight against Kolchak at the conference of factory committees and trade unions of Moscow on April 17, 1919. Newspaper report. Full composition of writings. Vol. 38. P. 316–319. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969) Draft directive of the Central Committee on military unity. Full composition of writings. Vol. 38. P. 400–401. (In Russ.)

Lenin V.I. (1970) All to fight Denikin! (Letter from the Central Committee of the RCP (Bolsheviks) to party organizations). Full composition of writings. Vol. 39. P. 44–63. (In Russ.)

Lenin V.I. (1970) The results of the party week in Moscow and our tasks. Full composition of writings. Vol. 39.

Ленин В.И. Речь перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт, 24 октября 1919 г. Полн. собр. соч. 1970. Т. 39. С. 239–247.

Ленин В.И. На борьбу с топливным кризисом. Циркулярное письмо к партийным организациям. Полн. собр. соч. 1970. Т. 39. С. 305–308.

Ленин В.И. Доклад на II Всероссийском Съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. Полн. собр. соч. 1970. Т. 39. С. 318–331.

Ленин В.И. Речь на III Всероссийском Съезде Советов народного хозяйства 27 января 1920 г. Газетный отчет. Полн. собр. соч. 1974. Т. 40. С. 76–80.

Ленин В.И. Речь на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. Полн. собр. соч. 1974. Т. 40. С. 113–121.

Ленин В.И. О трудовой дисциплине. Полн. собр. соч. 1974. Т. 40. С. 232.

Ленин В.И. Выступление на IX съезде РКП(б). 29 марта – 5 апреля 1920 г. Доклад Центрального комитета 29 марта. Полн. собр. соч. 1974. Т. 40. С. 237–257.

Ленин В.И. Выступление на IX съезде РКП(б). 29 марта – 5 апреля 1920 г. Речь при закрытии Съезда 5 апреля. Полн. собр. соч. 1974. Т. 40. С. 281–287.

Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч. 1981. Т. 41. С. 1–104.

Ленин В.И. Речь на соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов 5 мая 1920 г. Полн. собр. соч. 1981. Т. 41. С. 112–118.

Ленин В.И. Речь на широкой рабоче-красноармейской конференции в Рогожско-Симоновском районе 13 мая 1920 г. Газетный отчет. Полн. собр. соч. 1981. Т. 41. С. 120–121.

Ленин В.И. Речь на 2-м Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне 12 июня 1920 г. Полн. собр. соч. 1981. Т. 41. С. 138–150.

Ленин В.И. Выступление на VIII Всероссийском съезде Советов 22–29 декабря 1920 г. Заключительное слово по докладу о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря. Полн. собр. соч. 1970. Т. 42. С. 118–127.

Ленин В.И. Выступление на VIII Всероссийском съезде Советов 22–29 декабря 1920 г. Доклад Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря. Полн. собр. соч. 1970. Т. 42. С. 128–161.

Ленин В.И. Выступление на VII московской губ-

P. 233–237. (In Russ.)

Lenin V.I. (1970) Speech in front of students of the Sverdlovsk University going to the front, October 24, 1919. Full composition of writings.Vol. 39. P. 239–247. (In Russ.)

Lenin V.I. (1970) To fight the fuel crisis. Circular letter to party organizations. Full composition of writings. Vol. 39. P. 305–308. (In Russ.)

Lenin V.I. (1970) Report at the II All-Russian Congress of Communist Organizations of the Peoples of the East November 22, 1919. Full composition of writings.Vol. 39. P. 318–331. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974) Speech at the III All-Russian Congress of Councils of National Economy January 27, 1920. Newspaper report. Full composition of writings. Vol. 40. P. 76–80. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974) Speech at the IV Conference of Provincial Extraordinary Commissions on February 6, 1920. Full composition of writings. Vol. 40. P. 113–121. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974) On labor discipline. Full composition of writings. Vol. 40. P. 232. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974) Speech at the IX Congress of the RCP (B.). March 29 – April 5, 1920. Report of the Central Committee on March 29. Full composition of writings. Vol. 40. P. 237–257. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974) Speech at the IX Congress of the RCP (B.). March 29 – April 5, 1920. Speech at the close of the Congress on April 5. Full composition of writings. Vol. 40. P. 281–287. (In Russ.)

Lenin V.I. (1981) Children's disease of “leftism” in communism. Full composition of writings. Vol. 41. P. 1–104. (In Russ.)

Lenin V.I. (1981) Speech at a joint meeting of the All-Russian Central Executive Committee, the Moscow Council, trade unions and factory committees on May 5, 1920. Full composition of writings. Vol. 41. P. 112–118. (In Russ.)

Lenin V.I. (1981) Speech at a broad Worker-Red Army conference in the Rogozh-Simonovsky district on May 13, 1920. Newspaper report. Full composition of writings. Vol. 41. P. 120–121. (In Russ.)

Lenin V.I. (1981) Speech at the 2nd All-Russian meeting of responsible organizers for work in the village on June 12, 1920. Full composition of writings. Vol. 41. P. 138–150. (In Russ.)

Lenin V.I. (1970) Speech at the VIII All-Russian Congress of Soviets December 22–29, 1920. Closing remarks on the report on concessions in the RCP (B.) fraction of the VIII Congress of Soviets on December 21. Full composition of writings. Vol. 42. P. 118–127. (In Russ.)

Lenin V.I. (1970) Speech at the VIII All-Russian Congress of Soviets December 22–29, 1920. Report of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars on foreign and domestic policy on December 22. Full composition of writings. Vol. 42. P. 128–161.

Lenin V.I. (1970) Speech at the 7th Moscow Gubernial

партконференции 29–31 октября 1921 г. Доклад о новой экономической политике 29 октября. Полн. собр. соч. 1970. Т. 44. С. 193–213.

Ленин В.И. Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду Партии). Полн. собр. соч. 1970. Т. 45. С. 383–388.

Критерии авторства

И.В. Наумов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Наумов Игорь Владимирович,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: histor@istu.edu

Conference on October 29–31, 1921. Report on the New Economic Policy on October 29. Full composition of writings. Vol. 44. P. 193–213. (In Russ.)

Lenin V.I. (1970) How do we reorganize Rabkrin (Proposal to the 12th Party Congress). Full composition of writings. Vol. 45. P. 383–388. (In Russ.)

Attribution criteria

I.V. Naumov performed research work, based on the results obtained, made a generalization, prepared the manuscript for publication, has the copyright to the article and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author claims no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Igor V. Naumov,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: histor@istu.edu

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(100)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-153-167

«Жаль этих славных парней…» (к вопросу о пребывании австро-венгерских военнопленных в Иркутске)

© А.В. Ануфриев, Д.В. Козлов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Тема плена традиционно оставалась маргинальной по отношению к истории Первой мировой войны. В конце XX – начале XXI в. можно констатировать рост интереса к теме плена как отдельного феномена. Перспективно изучить специфику размещения военнопленных по частям Российской империи. Столкнувшись с невозможностью разместить огромное количество пленных на территории Европейской России, Военное министерство приняло решение отправить часть военнопленных в Омский, Иркутский и Приамурский военные округа. Центральная власть и местная администрация старались соблюсти по мере возможности международно-правовые акты, регламентирующие содержание военнопленных. В результате событий лета 1918 г. территория, на которой располагались сибирские лагеря военнопленных, стала ареной ожесточенной гражданской войны. Значительная часть военнопленных пыталась сохранить нейтралитет и остаться в лагерях для военнопленных, хотя многие и присоединились к противоборствующим сторонам. И «красные», и «белые» сибирские власти старались соблюдать по отношению к этим лицам те законы и подзаконные акты по военнопленным, которые существовали до 1917 г. Окончательно вопрос о депортации военнопленных с востока страны был решён в 1920 г. Последние военнопленные при помощи иностранных консульств покинули России в 1921 г. Оставшиеся интегрировались во вновь создаваемое советское общество.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, архив, Первая мировая война, военнопленные, Иркутск, адаптация, практики, история плена, источник, фотография

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии в рамках научного проекта № 19-59-23007.

Информация о статье: Дата поступления 1 октября 2019 г.; дата принятия к печати 5 ноября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Ануфриев А.В., Козлов Д.В. «Жаль этих славных парней…» (к вопросу о пребывании австро-венгерских военнопленных в Иркутске) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 153–167. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-153-167

“I wish these nice guys…” (the question of the stay of Austro-Hungarian prisoners of war in Irkutsk)

© Alexander V. Anufriev, Dmitrii V. Kozlov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: The subject of captivity has traditionally remained marginal to the history of the First World War. At the end of XX – beginning of XXI century it is possible to ascertain growth of interest in the subject. It is prospective to study the specifics of the placement of prisoners of war in parts of the Russian Empire. Faced with the impossibility to place a huge number of prisoners on the territory of European Russia, the War Ministry decided to send some prisoners of war in the Omsk, Irkutsk and Amur military districts. Summing up, it should be noted that both the Central government and the local administration tried to observe, as far as possible, the international legal acts regulating the content of prisoners of war. Some excesses, of course, took

place to be, but did not play a fundamental role. As a result of the events of the summer of 1918, the territory on which the Siberian prison camps were located became the scene of a fierce Civil War, in which former prisoners of war found themselves on different sides of the barricade. But a significant part of the prisoners of war tried to remain neutral and remain in prison camps, although many joined to the warring parties. Both the "red" and "white" Siberian authorities tried to observe in relation to these persons the laws and regulations on prisoners of war that existed before 1917. The last prisoners of war with the help of foreign consulates left Russia in 1921. The remaining ones were integrated into the newly created Soviet society.

Keywords: Austria-Hungary, archive, World War, prisoners of war, Irkutsk, adaptation, practice, history of captivity, source, photograph

Acknowledgements: This study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Foundation for the Russian Language and Culture in Hungary as part of research project No. 19-59-23007.

Article info: Received October 1, 2019; accepted for publication November 5, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Anufriev A.V., Kozlov D.V. (2019) "I wish these nice guys…" (the question of the stay of Austro-Hungarian prisoners of war in Irkutsk). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 153–167. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-153-167

Первая мировая война явилась в мировой истории событием огромной важности. Война длилась более 4 лет и вовлекла в конфликт 38 государств, где проживало свыше 1,5 млрд человек. В этом конфликте погибло около 10 млн человек, более 20 млн были ранены и контужены либо попали в плен.

Власти воюющих государств впервые в истории столкнулись с феноменом массового плена и данная проблема требовала своего решения. Эти события стали своего рода проверкой для международного и национального законодательства как о методах ведения войны в целом, так и статусе военнопленных в частности. Во время Первой мировой войны в русском плену оказались 2104146 солдат и офицеров Австро-Венгрии и 167082 военнослужащих германской армии. В соответствии с распоряжением Главного Управления Генерального Штаба в 1914 г. военнопленных немцев, австрийцев, а также венгров, как менее надежных по сравнению с пленными славянами и румынами, размещали, главным образом, за Уралом – в Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке. К 1 января 1915 г. из 257 тыс. военнопленных в Сибири было размещено 186 тыс. (Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов, 1967. С. 16).

Тема плена традиционно оставалась маргинальной по отношению к истории Первой мировой войны. В конце XX – начале XXI в. можно констатировать рост интереса к данной тематике. Среди западных авторов можно упомянуть: Р. Чикеринга, Н. Фергюсона, М. Гилберта, Х. Хервига, Д. Кигана, Д. Винтера (Chickering, 1998; Gilbert, 1994; Herwig, 1997; Keegan, 1999; Ferguson, 1999; Winter, 1995). Но и в наше время исследования, посвященные теме плена как отдельного феномена Первой мировой войны, немногочислены. Обычно плен рассматривается в отдельных главах в общих описаниях войны. Такое отсутствие внимания к теме плена само по себе является интересной проблемой особенно, если вспомнить, что многие бывшие пленные стали затем видными политическими, культурными и военными деятелями (Б. Кун, И.Б. Тито, О. Бауэр, М. Тухачевский, Я. Гашек). В межвоенный период (20–30-е гг.) основной массив работ о плене составляли тексты различных официальных лиц, вовлеченных в деятельность с пленными. Это могли быть представители национальных отделений Красного Креста, представители различных аристократических фамилий, участвующие в работе миссий. Можно встретить и работы, представляющие мнение официальных властей и содержащих, в частности, обвинения со стороны Австро-Венгрии России в несоблюдении последней Гаагской конвенции в вопросе содержания пленных. Все эти работы условно можно отнести к первой группе литературы по тематике. Тексты, созданные быв-

шими пленными, представляют вторую группу. В основном их авторами являются офицеры из буржуазных и образованных семей. Но сами офицеры составляли не более 2,5 процентf от общего числа заключенных. Сами тексты могут представлять из себя дневники, воспоминания, иногда представленные в беллетризованной форме. Яркий пример в данном случае – творчество Э.Э. Двингера, который в своей трилогии описывает плен и Гражданскую войну (Dwinger, 1929). Третью группу представляют из себя произведения ярко выраженной антигабсбургской направленности. Это могут быть воспоминания чешских легионеров и воинов-интернационалистов (венгров, немцев) в Гражданскую войну. В целом для этой литературы характерен национализм (в случае легионеров), проявляющийся в подчеркивании особой роли легионеров в создании Чехословакии и подготовки к этому акту, в том числе в Сибири. В случае воинов-интернационалистов речь идет о большевистской идеологии классовой солидарности. В данном случае подчеркивается и прошлое, связанное с пленом, в биографиях комиссаров Венгерской советской республики. Интересно, что межвоенная венгерская историография опровергала такие подходы, указывая на то, что в трансформации военнопленных в интернационалистов большую роль играла не приверженность идеям большевизма, а прагматичное стремление вырваться из плена. Много исследований, посвященных интернационалистам, было опубликовано в социалистических странах и в СССР в послевоенный период (Кривогуз, Полянский, 1967). Для такого рода литературы характерным было рассмотрение плена как части политической истории. В 80-е годы появилась литература, анализировавшая феномен плена в контексте социальной истории, где речь шла о практиках заключения как лишения свободы, работе в плену, болезнях. Среди авторов можно упомянуть американского ученого Д. Дэвиса (Davis, 1983; Davis, 1987; Davis, 1993). Если более подробно говорить об отечественной историографии, то в советской историографии 1920-х – начала 1990-х гг. преобладающим оставался партийно-классовый подход к анализу исторического процесса. Пожалуй, первой работой подобного рода в Восточной Сибири стала брошюра верхнеудинского краеведа В.П. Гирченко (Гирченко, 1933). А своего рода «апогеем» этого подхода стал сборник «Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917–1922 г.», где были представлены как работы венгерских исследователей – А. Йожа «Русские военнопленные в Венгрии 1917–1919», Х. Ваш «О некоторых аспектах истории венгеро-советских интернациональных связей», так и советских – Б.М. Шерешевский и др. Особо стоит отметить статью профессора ИГУ Агалаков В.Т. «Венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Восточной Сибири» (Агалаков, 1980).

Для исследователей современного периода характерно освобождение от политической конъюнктуры, отход от однозначных оценок в рассмотрении тем, связанных с военнопленными. В 1985 г. в Красногорске был создан Мемориальный музей немецких антифашистов, который ведет исследования российско-германских отношений в XX веке. В разделе 1 «Плен в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.)» научной концепцией экспозиции международного антивоенного музея рассматриваются две темы: 1) межгосударственные соглашения, регулировавшие режим военного плена в период Первой мировой войны; 2) военнопленные и интернированные воюющих сторон в период Первой мировой войны. С 1996 года музей реализует проект «Трагедия войны – трагедия плена», экспозиция которого посвящена военнопленным войн и военных конфликтов XX века, конечная цель – создание антивоенного международного музея.

Таким образом, с середины 80-х годов на первый план в историографии выходят общегуманитарные вопросы. С отказом от господствовавших ранее в науке идеологических шаблонов появились предпосылки более полного и объективного изучения военного плена Первой мировой войны. Этому способствовало открытие недоступных ранее архивных фондов, спецхранов, а также либерализация взглядов историков на события, происходившие в 1917–1920 гг. В 90-е годы в постсоветской историографии проблемами плена начинают

интересоваться исследователи, изучающие данную тему с гуманистических, цивилизационных позиций. Л.Г. Ивашов, А.С. Емелин рассматривают нравственные и правовые проблемы плена в отечественной истории среди военнопленных в 1917 г. В 1996 году появляется первая диссертация по теме «Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны». С.Н.Васильева в своем труде, учитывая новые принципы историографии, характерные для периода конца 80–90-х годов, освещает понятие «военного плена» в международном праве, анализирует правовые и гуманитарные аспекты положения военнопленных Германии, Австро-Венгрии и России, отношение к ним официальных властей, их идеологическую политику к комбатантам враждебных армий. Используя большой фактический материал, автор рассказывает о привлечении военнопленных к работам на хозяйственных и военных объектах стран-противников. В 1999 году в свет выходит её учебное пособие к спецкурсу, аналогичное названию диссертации, для студентов исторических факультетов педвузов страны (Васильева, 1999)[1]. Основываясь на документах фондов сибирских областных архивов, Н.В. Греков в своей статье рассматривает вопросы, связанные с размещением пленных в лагерях Сибири (Греков, 1997). Прекрасная работа о пребывании военнопленных на Дальнем Востоке появилась в Хабаровске (Иконникова, 2004).

В последние годы появилось достаточно много работ, посвященных пребыванию военнопленных на территории Восточной Сибири, прежде всего, – это работы А.И. Гергилевой (Гергилева, 2007). Однако стоит отметить, что А.И. Гергилева строит свою диссертацию и монографию в основном на материалах красноярских архивов, привлекая частично документы ГАИО и РГВИА.

Есть достаточно много интересных работ, посвященных отдельным лагерям военнопленных. Так, Сретенскому лагерю в Забайкалье посвящена работа краеведа и коллекционера А. Чащина (Чащин, 2009).

Авторы статьи также рассматривали вопросы о пребывании военнопленных на территории Забайкалья и Прибайкалья (Ануфриев, 2014).

Однако, несмотря на достаточно широкий круг исследовательской литературы, имеется целый комплекс неисследованных проблем (прежде всего, связанный с исследованием конкретных концентрационных лагерей на территории Восточной Сибири).

За время Первой мировой войны впервые в истории стало практиковаться в массовом порядке заключение в специальные охраняемые лагеря интернированных граждан неприятельских стран. Феномен иркутского плена, рассматриваемый в данной статье, полностью встраивается в эти подходы. Статья направлена на введение в исторический оборот новых источников, связанных с австровенгерскими военнопленными.

Основной блок этих документов оказался в Российском государственном военно-историческом архиве, львиная доля этих документов хранится в фонде штаба Иркутского военного округа (Ф. 1468). Следует отметить, что целый ряд фондов, подробно освещавших данную проблему, был в своё время передан из ГАИО в ЦГВИА СССР (ныне РГВИА). В частности, туда были переданы Ф. 535 «Заведующий военнопленными гарнизона пос. Антипиха», Ф. 538 «Заведующий военнопленными Нерчинского гарнизона», Ф. 539 «Заведующий военнопленными г. Сретенска», Ф. 628 «Берёзовский гарнизон» и др. При фондировании большая часть документов этих фондов вошла в состав фонда 1529 «Гарнизоны Иркутского военного округа».

Из местных архивов наиболее интересны и информативны фонды Государственного архива Иркутской области (далее – ГАИО). Всего автором выявлено более трех сотен дел, из более чем 30 фондов ГАИО дореволюционного периода. Особенно интересные документы отложились в фондах жандармских управлений Восточной Сибири (прежде всего, Ф. 600 «Иркутское губернское жандармское управление»), информативен и фонд

[1] Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учеб. пособие к спецкурсу. М. : Ред.-изд. центр Московского государственного открытого педагогического университета, 1999. 133 с.

«Иркутское отделение Шведское общество Красного Креста» (однако большая часть материала там представлена на немецком и венгерском языках). Хранятся документы по подобной тематике и в архивах территорий, ранее входивших в состав Иркутского военного округа. Так накануне столетия Первой мировой войны Архивное агентство Красноярского края подготовило тематический перечень документов «Военнопленные I Мировой войны в Енисейской губернии» из 48 наименований. А в Государственном архиве Забайкальского края авторами было выявлено более семи десятков дел из 8 фондов, необходимо отметить, что самым информативным и полным является фонд Забайкальского областного правления, в котором находится значительная часть дел данного периода – 44 дела из 70 выявленных, кроме этого достаточно интересны фонды 26 «Читинский полицмейстер» и 94 «Читинская городская управа».

Интересный материал дают для анализа досуга военнопленных фотоматериалы, хранящиеся в фондах ИОКМ. Всего в фондах 555, 556, 761 хранится около 400 фотографий, сделанных в 11 лагерях военнопленных, размещенных на территории Иркутского военного округа (Ачинский, Березовский, Даурский, Заиркутный городок, Иркутский лагерь военнопленных нижних чинов и офицеров, Иннокентьевский гарнизон, Канский, Красноярский, Нерчинский, Сретенский, Читинский). Интересна история их создания: 8 июня 1916 г. Главное управления Генерального штаба рассылает по военным округам циркуляр с «говорящим названием» – «О подготовке сборника фотографий лагерей военнопленных для опровержения распространяемыми русскими врачами инсинуаций о крайне неудовлетворительном содержании военнопленных». Это полностью объясняет как время съемок (июль – август 1916 г.), так и сюжеты фотографий.

Если рассматривать более подробно, то в фонде 555 имеется 126 фотографий (№ 1–35 – «Иннокентьевский концентрационный лагерь военнопленных», № 36–57 – «Лагерь Заиркутный городок», № 58–126 – лагеря читинского гарнизона (Антипиха, Песчанка и сам читинский лагерь). В фонде 556 чуть более сотни фотографий (№ 1–60 – лагерь в ст. Стретенской, № 61–101 – красноярский лагерь военнопленных, с № 102 – лагерь в Даурии). Фонд 761 самый большой – более 170 фото (№ 41–57 и 208–219 – лагерь в пос. Нижняя Березовка под Верхнеудинском, № 63–67 и 150–179 – Ачинский лагерь, № 101–125 – лагерь военнопленных на ст. Иннокентьевской, № 126–137 – лагеря военнопленных под Читой, № 138–149 – лагерь в городе Нерчинске и № 174–219 – лагерь военнопленных в Даурии).

Стоит отметить, что официально Иркутский лагерь военнопленных нижних чинов и офицеров – это клон Заиркутного военного городка, почему он указан, как самостоятельный лагерь, неизвестно. Судя по записям и штампам, заверенным начальником лагеря либо командиром части, они являлись приложением к какому-то официальному документу. Поиски документа шли достаточно долго, но увенчались успехом – в фондах РГВИА был выявлен Циркуляр Генерального штаба от 08.06.1916 г. «О подготовке сборника фотографий лагерей военнопленных для опровержения распространяемыми русскими врачами инсинуаций о крайне неудовлетворительном содержании военнопленных», это полностью объясняет как время съемок (июль – август 1916 г.), так и сюжеты фотографий. На каждой фотографии с обратной стороны находится краткое название и дата, например – «Заиркутный городок. Почтово-справочное бюро – выдача денег военнопленным офицерам. 1 августа 1916 г.» и подписи официальных лиц (иногда подлинник, иногда факсимиле – «Начальник Заиркутного гарнизона, генерал-майор (подпись). Комендантский адъютант, прапорщик (подпись)». Иногда подобные названия напечатаны на пишущей машинке и размещены на внешней стороне фото – так сделано на фотографиях Березовского гарнизона.

Условно все сюжеты фотографий можно разделить на ряд групп:

1. Условия жизни (интерьер помещений, спальные места, внешний вид лагеря).

2. Быт военнопленных (доставка воды, стирка, питание (в т. ч. выпечка хлеба), внутренние мастерские – сапожная и др.).

3. Досуг (спортивные игры, занятия музыкой, спектакли, и отдельно – возможности отправление религиозных треб).

4. Возможность связи с родиной (места почтовых отправлений, получение посылок и денег).

5. Оказание медицинских услуг.

6. Места захоронений и памятники.

Ряд фотографий по Канскому лагерю выбиваются из типологии, там представлены своего рода фотопортреты (что для других лагерей скорее исключение, так по Сретенскому лагерю имеется только одно фото).

До 25 % – это фотографии досуга военнопленных. Самыми популярными сюжетами являются: занятия спортом по всем лагерям (кегельбан – Заиркутный городок, футбол (почти все лагеря), теннис, регби (Канск) – по мнению автора, первый снимок этого вида спорта в России, метание мяча (Сретенск); концерт и оркестры – почти все лагеря (представлен даже этнический оркестр – армянский оркестр военнопленных турецкой армии в Сретенском лагере), любительские спектакли – самые интересные в Сретенском лагере, места для богослужений – Иркутск.

Конечно, можно предположить, что фотографии носят постановочный характер, однако общую картину бытовой жизни военнопленных они дают достаточно адекватную.

Теперь же непосредственно рассмотрим вопрос пребывания военнопленных Четверного блока (блока Центральных держав) на иркутской земле.

Впервые через Иркутск военнопленные (вероятнее всего интернированные лица) проследовали 2 августа, когда поездом № 3 (в телеграмме сообщалось о 32 военнопленных, в сопровождении офицера и 8 нижних чинов), а чуть позднее прошел эшелон № 67 (в составе – 1 вагона 3 класса, 2 вагонов 4 класса и 13 приспособленных вагонов) с 7 военнопленными офицерами и 886 нижними чинами австро-венгерской армии. Одновременно ГЖУ сообщило о том, что поездом № 4 во Владивосток проследовали австрийский консул в сопровождении 2 сотрудников консульства из Тифлиса и Батуми (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 526, 530).

По приказу начальника штаба Иркутского военного округа от 3.10.1914 г. № 15824 было «воспрещено всякое общение частных лиц с провозимыми по железной дороге военнопленными», свои меры предосторожности принял и МВД – все ГЖУ получили секретное распоряжение к военнопленным никого из посторонних не допускать, за исключением медицинского персонала для оказания помощи больным и раненным (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 980).

Военное министерство старалось максимально изолировать военнопленных на территории военных городков, регулярные части из которых были отправлены на фронт. Первоначально, во избежание побегов, предлагалось размещать военнопленных в пределах за 100-верстовой полосой от границ. Однако, из-за наплыва пленных, к чему явно было не готово военное ведомство, принимается решение провести ревизию свободных помещений, в которых можно разместить военнопленных. К поиску свободных помещений подключилось и МВД, министр внутренних дел распоряжением от 22.08.1914 г. предписывает местным властям подготовить места для размещения раненых воинов российской императорской армии, находящихся на излечении, и военнопленных.

В Иркутской губернии военнопленные были размещены в Иркутске (на ст. Иннокентьевская и в Заиркутном военном городке), а также в г. Нижнеудинске.

В самом Иркутске в распоряжении гарнизона остались только Белые и Красные казармы, да так и недостроенный военный городок Иркутского военного училища и кадетского корпуса, который из-за недостатка строителей достраивали китайцы и военнопленные. Лучшие помещения округа были отданы под военнопленных, а вновь созданные запасные части и учебные заведения были вынуждены арендовать помещения под казармы у городов, так развернутая в Иркутске 2-я школа прапорщиков была размещена в здании мужской губернской гимназии.

Появление военнопленных волновало и местных жителей, так иркутянин Н.С. Белоголовый в своем дневнике писал: «5 ноября (1914 г.). В горо-

де имеются военнопленные: австрийцы и германцы, привезенные с театра войны. Говорят, что для помещения военнопленных предполагается подготовить Военный городок…», а 23 ноября (1914 г.) он писал и о личной встрече с военнопленными «Пленные все чаще и чаще встречаются на улицах Иркутска. Австрийцы, славяне, по-видимому, отпускаются в город без конвоя. Сегодня видел, как двое австрийцев… собрали вокруг себя небольшую кучку любопытных. Я подошел поближе и спросил пленных, кто они: поляки, русины или чехи? «Словаки», – услышал я в ответ….Жаль стало этих славных парней, волею судеб вынужденных вступить в борьбу против своих же братьев славян и очутиться наконец в далекой и холодной Сибири» (ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 97).

Проблема размещения военнопленных волновала местные органы власти и самоуправления и, прежде всего, Думу города Иркутска. Власти Западной Сибири столкнулись с этой проблемой чуть раньше: им пришлось принимать срочные меры по локализации эпидемии сыпного тифа среди пленных, вспыхнувшей в конце 1914 г. в г. Новониколаевске. Столкнувшись с невозможностью разместить огромное количество пленных на территории Европейской России, Военное министерство приняло решение отправить часть военнопленных в Омский, Иркутский и Приамурский военные округа. Приняли соответствующие меры и города Восточной Сибири, так 13 марта 1915 г. Иркутская городская дума присоединилась к ходатайству Комитета Всероссийского городского союза «О своевременном принятии предохранительных мер против распространения заразных эпидемических болезней вследствие заноса эвакуированными с театра военных действий военнопленными». В рамках этого предлагалось:

1. Создание особого обсервационного пункта на ст. Иннокентьевской, с устройством на этом пункте особой заразной больницы, в которой могли бы лечиться военнопленные, дезинфекционной камеры и бани.

2. Опасаясь, что в проектируемой при обсервационном пункте, больнице не хватит помещений для больных заразными болезнями военнопленных, приступить к безотлагательному устройству заразной больницы на 500 коек в самом Иркутске.

3. Обратиться к Переселенческому Ведомству и просить его уступить имеющуюся у него заразную больницу для помещения в ней больных заразными болезнями военнопленных. А затем, к 15 апреля (1915 г.) приспособить имеющийся у города заразный барак к помещению там военнопленных.

Всего предполагалось подготовить 500 коек для заразных больных, из них 100 уже к 15 июля. Доставку больных должно было осуществлять военное ведомство «способами, … гарантирующими местное население от возможного распространения заразы» (ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 5926. Л. 96–97).

Местные власти горько констатировали, что на данный момент среди военнопленных «наблюдались все формы тифа. Летом можно предвидеть среди них острые желудочно-кишечные заболевания (холера, дизентерия)». Администрация обвиняла в этом военное ведомство из-за «отсутствия рациональной обсервации, по пути следования эшелонов военнопленных». Иркутский военный госпиталь, призванный лечить воинов гарнизона, не справлялся с возросшей нагрузкой и пытался переложить бремя ответственности на город, потребовав развернуть 400 инфекционных коек. Город же заявлял, что для этого потребуется время и дополнительные ассигнования в размере 10 тыс. рублей. Боясь распространения эпидемии, городская дума предложила переоборудовать под госпиталь склады Красного Креста на ст. Иннокентьевская, что «обезопасит городское население в городе от заразных болезней».

Обоснованы ли были эти опасения? Вероятнее всего, да. Несмотря на то, что в большинстве городов лагеря военнопленных были расположены на территории военных городков (в том же Иркутске) оба лагеря – Иннокентьевский и Военный городок были в основном изолированы от местного населения, опасность выхода эпидемии за пределы лагеря все же существовала. Больных военнопленных лечили как военные врачи русской императорской армии, так и врачи – военнопленные.

В фондах архива найдены данные о более двух десятков военнопленных врачей и фельдше-

ров (так в Заиркутном лагере находились терапевты – Теодор Рухин, Лео Барт и врач-окулист Исидор Хаим, в Сретенском лагере – врач Коллер и др.). Младший медицинский персонал также набирался из числа военнопленных. Так, в разгар эпидемии тифа, в сретенский лагерь было переведено из Березовки «20 военнопленных санитаров для ухода за сыпно-тифозными, сами перенесшие тиф» (РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 153. Л. 1).

Имелись среди военнопленных и фармацевты, так в 170 сводном госпитале (Заиркутный городок) работал кадет – аспирант австрийской армии Ганс Цвари. В том же лагере имелось 4 ветеринарных врача.

Имелись зубные техники, так военнопленный австрийской армии зубной техник Генрих Ижа, протестовал против перевода в Забайкалье из Иркутска, заявляя, что он работает в зубоврачебном кабинете Доктора Эндрея Дра (тоже военнопленного) и русском зубоврачебном кабинете при 20 стрелковом полку. Однако в Забайкалье зимой 1917 г. он все же был переведен, ибо в одном из лагерей отсутствовал зубной техник, а в Заиркутном лагере был еще один зубной техник австриец Кишь (РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 45. Л. 12).

Появление первых партий военнопленных вызвало вопрос о возможности применения их в качестве рабочей силы на предприятиях Восточной Сибири. Стоит отметить, что Восточная Сибирь с начала мобилизации испытывала острую потребность в притоке рабочей силы, ибо в результате призыва Иркутская губерния потеряла до 13 % от общего числа жителей (это был самый высокий показатель среди всех губерний и областей Российской империи. Частично это компенсировалось притоком рабочих с пределов Китайского государства, но полностью проблему это не решало.

Еще 24 сентября 1914 г., фактически сразу после появления первых партий военнопленных в Иркутске, городская дума Иркутска обсудила на своем заседании вопрос о «возможности использования труда военнопленных для производства городских работ». Предлагалось использовать военнопленных для:

1. Урегулирования русла р. Ушаковки … и укрепления берегов камнем, добычу которого возможно производить тем же трудом военнопленных.

2. Планировки улиц на окраинах города в Глазковском, в Знаменском предместье и Ремесленной слободе.

3. Устройства ввоза на 6-й Иерусалимской к р. Ангаре.

4. Устройства дороги по берегу реки Иркут в Кайскую долину.

Предполагалось, что город обеспечит содержание и обмундирование военнопленных, так же обеспечит им помещение с отоплением и освещением.

Однако дума решила что «Снабжение военнопленных одеждой … потребует от города значительного единовременного и безвозвратного расхода. Наем квартир также будет стоить недешево, за отсутствием у города свободных помещений».

Принимая во внимание что «Труд военнопленных, как труд подневольный, будет достаточно производителен» и ввиду того что крупные партии военнопленных прибудут в город не ранее половины октября, к наступлению морозов, дума решила что может обеспечить работой до 1 000 военнопленных, но только с наступлением весны (ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 5484. Л. 175).

Первая мировая война резко сократила рынок рабочей силы в России. Ее производительные силы были истощены неоднократными мобилизациями мужского населения. В результате, правительство вынуждено было использовать труд военнопленных.

Согласно Положению о военнопленных от 7 (20) октября 1914 г., в которое были включены дополнения 8 (21) марта 1915 г. «Правила о порядке предоставления военнопленных для казенных и общественных работ», земским учреждениям и городским общественным управлениям, заинтересованным в использовании труда военнопленных, предписывалось проведение работ на следующих началах:

1. Военнопленные нижние чины могут быть представлены в распоряжение земств и городов

лишь для производства дорожно-строительных и других земляных, мостильных и других работ, не требующих особой квалификации.

2. Назначение на работы военнопленных небольшими партиями представляется нежелательным.

3. Ближайшее заведования производимыми трудом военнопленных работами, равно как и работы по содержанию, снабжению одеждой, бельем и обувью, а также довольствие военнопленных и оказание им надлежащей медицинской помощи, возлагается на земские и городские общественные управления. При этом, военнопленные в местах работы должны размещаться в бараках … непременно казарменным порядком. Продовольствоваться во время работы нижние чины из общего котла, на одинаковом основании с нижними чинами русской армии.

4. Надзор за военнопленными возлагается, на особо для сего, нанимаемых в достаточном количестве … десятников и сторожей, которые должны быть вооружены тем, чем общее руководство охраны вверяется. При весьма значительном количестве военнопленных рабочих … надзор этот по предварительному соглашению губернатора в каждом отдельном случае с командующим войсками округа, может быть усилен местной военной властью, путем командирования на место работ чинов ополченческих дружин.

5. Назначенные на работы военнопленные принимаются местной властью, который подписывает совместно с лицом, сдающих военнопленных их поименный список.

6. Все расходы, связанные с содержанием военнопленных и с использованием их как рабочей силы, подлежат отнесению на счета, специально отпускаемые из средств Государственного казначейства. Центральная власть покрывала расходы на организацию надзора за военнопленными, а местное самоуправление – расходы на содержание военнопленных, снабжение их одеждой и помещением» (ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 943. Л. 77–78 об.).

Сначала предполагалось, что труд военнопленных не должен был оплачиваться. Однако первые же опыты показали, что материально не заинтересованные в результатах своего труда военнопленные скорее изображали видимость работы, нежели реально работали. Поэтому центральная власть фактически отменила правило о бесплатности работ и рекомендовала оплачивать военнопленным их труд.

Если первоначально привлечение к труду было сугубо добровольным и военнопленные, стараясь скрасить свой досуг, сами активно просились на работы, то позднее это стало обязанностью, так за отказ от работы предусматривался «арест на срок до 1 месяца, либо строгий арест до 20 дней, либо усиленный до 8 суток» (ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 943. Л. 101).

Достаточно широко труд военнопленных использовался в сельском хозяйстве. Согласно утвержденным 28 февраля (14 марта) 1915 г. правилам, на эти работы направлялись военнопленные низших чинов «преимущественно не немецкого и не мадьярского происхождения». Однако столкнувшись с острым недостатком рабочей силы, особенно в европейской части России, было принято решение о привлечение к работам всех трудоспособных военнопленных, без различия их национальности.

В отличие от нижних чинов, офицеров к обязательному труду не привлекали. Зато часть пленных офицеров могла подыскать себе в городах хорошо оплачиваемую работу. Широко использовался труд военнопленных инженеров, бухгалтеров и т. д. Эти категории работников в основном комплектовались из немцев (Колмогоров, 1970. С. 11).

Наиболее востребован был труд квалифицированных рабочих и ремесленников, так в Заиркутном городке были найдены 3 колбасника (которые оказались в мастерской по производству колбасы и сосисок), требовались слесари, токари, сантехники и электрики. Такие специалисты были просто на вес золота и часто жили не в лагере, а у своего работодателя.

Использование труда военнопленных на территории округа широко практиковалось, так в Забайкалье, Иркутской и Енисейской губерниях военнопленные работали на строительстве Амурской железной дороги, исправляли шоссейные дороги,

добывали уголь, активно использовались в сельском хозяйстве, трудились на городском благоустройстве. За свой труд они получали заработную плату, а организации и предприятия, использующие труд военнопленных, перечисляли часть денег в лагерь. Если раньше военнопленные содержались только в лагерях для военнопленных, то с течением времени режим содержания смягчился, и пленных переместили в своего рода «лагерные пункты», где они проживали вблизи предприятия.

Трудились военнопленные в целом удовлетворительно, хотя их производительность и оплата труда варьировалась от личности работодателя и условий их содержания. Так отправленные на ст. Зима в 1917 г. десять итальянцев-военнопленных жаловались, что с Пасхи никто не заботился об их продовольствии и они были вынуждены просить милостыню и вернулись в лагерь «в жалком состоянии, без ботинок, в изорванной одежде и белье», хотя им было обещано жалование из расчета 6 рублей за куб извлечённой земли и продовольствие – ¾ фунта мяса и 3 фунта хлеба и картофеля в день (РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 133).

Применение массовой дешевой рабочей силы давало учреждениям и ведомствам Восточной Сибири серьезную экономию средств, прежде всего, за счет низкой оплаты труда военнопленных. Сами же военнопленные были заинтересованы в работе, это давало материальную независимость от переводов и посылок с родины, что ложилось на их семьи тяжким грузом, и давало возможность занять свободное время.

Хотя формально военнопленные должны были быть полностью изолированными от местного населения, в реальности все было иначе. Режим содержания был жестким не всегда и контакты с местным населением стали скорее нормой, нежели исключением. Стоит остановиться, прежде всего, на контактах с жительницами Восточной Сибири. Для многих из них солдаты и офицеры – военнопленные представляли несомненный интерес. В силу изоляции военнопленных, военная и местная гражданская власть старалась свести общение с местным населением к минимуму. Однако по мере «вживания» и активным использованием военнопленных как рабочей силы, контакты становились все чаще и теснее. Это раздражало администрацию и, прежде всего, лиц, ответственных за режим содержания.

Необходимо отметить, что до 1917–1918 гг. в метрических книгах церквей почти не встречается записей о браках местных жительниц с военнопленными. Ситуация изменилась после событий 1917 г., когда военнопленные включились в общественную местную жизнь и режим содержания смягчился. Так в метрической книги за 1919 г. иркутской Спасо-Преображенской церкви содержатся записи о бракосочетании военнопленного венгерского инженера Сечень Дезадерия Иосифовича с Афанасьевой Еленой Николаевной и капитана чехословацких войск Франека Вячеслава Иосифовича с Бестеревой Анной Агафоновной, Элиаша Людвига Яковлевича – фельдшера чехословацкой армии с Титовой Клеопатрой Петровной, Янды Яна Павловича – доктора, подполковника санитарной службы чехословацкой армии с Поливадовой Наталией Филипповной, поручика 2-го Чехословацкого полка Заяца Франца Антоновича с Карабатовой Анфисой Афанасьевной. Итого из 107 записей о браках 5 записей о браках бывших военнопленных, и это только в одной из церквей Иркутска (ГАИО. Ф. 266. Оп. 3).

Одной из самых сложных и болезненных норм для исполнения стал пункт Положения о свободе вероисповедания – «военнопленные ни под каким видом не должны быть стеснены для исполнения обрядов их вероисповеданий, не исключая присутствия на церковных богослужениях» (Авербах, 1914. С. 336)[2].

Исполнение такого пункта во многоконфессиональных гарнизонах было предельно сложным делом. Однако, можно отметить, что почти во всех лагерях были созданы молельные комнаты (чаще всего совмещенные со столовой), так в фондах ГАИО хранится фотография богослужения в отдельном помещении Иннокентьевского лагеря военнопленных. Подобные помещения фиксируются фотографиями и в других лагерях Иркутского воен-

[2] Авербах О.И. Законодательные акты чрезвычайного характера, вызванные войной. Вильна, 1914. Ч. 1. 686 с.

ного округа. Имелись в лагерях и собственные священники.

Наиболее известным из них стал прибывший 10.08.1915 г. из Приамурского военного округа Карл Дрексель. По прибытию в Иркутск он был размещен на гауптвахте при 12 запасном Сибирском батальоне и содержался «на строгом арестантском режиме и под усиленной охране» в одиночной офицерской камере.

Однако ксендз достаточно быстро добился послаблений, по его словам, в Приамурье ему «не предъявляли обвинений и не подвергался дознанию», а генерал (ВРИД начальника штаба Иркутского военного округа Ильяшевич) обещал ему ослабления режима. После 3 месяцев режим содержания ему был ослаблен.

А управление Могилевской римско-католической епархии 31.12.1915 г. возбудило ходатайство об освобождении Дрекселя из под ареста и передачи на поруки под личную ответственность настоятеля Иркутского костела ксендза Казимира Ваньковского, аргументирую это тем, что «дело о шпионаже в достаточной мере является опровергнутым» и ожидается окончательное соглашение об обмене и возвращении на родину всех военных священнослужителей.

За арестованного ксендза вступились лично (!) великая княгиня Ольга Константиновна и великий князь Георгий Михайлович, просившие, либо разрешить Дрекселю проведение священнических обязанностей, либо отпустить его на родину.

Активную роль в освобождении К. Дрекселя из-под ареста, а затем и разрешении ему проводить богослужения сыграл декан иркутского костела Ваньковский. Он лично в начале февраля 1916 г. обращается с письмом к командующему Иркутским военным округом, в котором описывает ситуацию, сложившуюся с военнопленными-католиками: «в настоящее время в Иркутске и его окрестностях около 10 тыс. католиков. Ранее я хоть и с трудом исполнял духовные требы им. В настоящее время, видя мою физическую невозможность удовлетворить духовные потребности военнопленных, вследствие их численности и разбросанности по лагерям…, я обратился в штаб Иркутского военного округа с предложением выдать пропуск в лагеря военнопленному священнику Карлу Дрекселю, для проведения богослужений». Далее Ваньковский дает характеристику К. Дрекселю и завершает письмо словами: «зная личность священника Дрекселя, я беру на себя ответственность за корректность его поведения во всем».

Предложения декана костела поддержали и сами военнопленные – старший офицер австро-венгерской армии Эмиль Мюнстер от имени офицеров Заиркутного городка ходатайствовал о допущении К. Дрекселя для проведения «богослужения по католическому образцу» и утверждал «этим католики здешнего лагеря будут удовлетворять свои религиозные потребности».

И К. Дрексель добился своего, ему было разрешено проводить богослужения для военнопленных с оговоркой «только духовные требы в самом прямом значении этого слова» (РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 654. Л. 4–44).

Определенную сложность составляло проведение религиозных обрядов для мусульман. Легче всего вопрос решался в крупных городах, в том же Иркутске, Чите и Красноярске, ибо там имелись мечети, которые мусульмане имели возможность посещать.

Офицеры и нижние чины имели возможность покупать необходимые товары в специальных лавках, созданных при лагере, а в исключительных случаях и в обычной торговой сети. Чаще всего этим правом пользовались офицеры, получавшие жалование по своему чину в русских денежных знаках. Определенным подспорьем для рядовых же стали оплачиваемые работы в лагере и особенно вне лагеря. Кроме того, военнопленные имели возможность получать денежные переводы от родных. Правда, администрация лагеря старалась не допустить наличия русских денег в значительном объеме в руках военнопленных, абсолютно справедливо полагая, что это провоцирует побеги. Для предотвращения этого администрация старалась вместо денежных знаков выдавать на руки военнопленным своего рода эрзац – деньги «боны». Каждый лагерь имел свою индивидуальную

денежную систему, боны принимались к оплате только в лагерных лавках (Чащин, 2009. С. 100–105).

Итак, посмотрим на примере Заиркутного городка, что мог купить военнопленный в лагерной лавке. Конечно, самым ликвидным товаром являлось продовольствие. Всего в ассортименте имелось более сотни товаров, рассмотрим наиболее ходовые. Военнопленный имел право купить 3 фунта мяса (говядина, свинина, баранина, курица) 3 раза в неделю; рыбы – 1 фунт (4 раза в неделю), яйца – 6 штук (1 раз в неделю), селедки соленой – 2 штуки (1 раз в неделю); сахар – 13 золотников (1 раз в неделю); кофе – 3 золотника (1 раз в неделю); овощи и фрукты. Документ представлен как на русском, так и на немецком языке. Конечно, необходимо оговориться, что иногда ряд продуктов становился дефицитом. Так в Иркутской губернии в 1916 г. полностью исчез из продажи сахар, правда, необходимо оговориться, что и в свободной продаже его фактически не было (РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 45. Л. 217–222).

В целом конфликты между военнопленными и охраной были достаточно редки. Показателен единственный случай, выявленный в архивных документах, связанный с избиением военнопленного. Главное управление Генерального штаба (далее ГУ ГШ) русской армии в своем письме № 27658 от 01.10.1916 г. запросило от штаба Иркутского военного округа информацию о случаях избиения военнопленных на территории округа, ссылаясь на информацию американского посольства о двух подобных фактах – избиение австрийского военнопленного и пытавшегося бежать офицера. ГУ ГШ требовало от штаба округа провести всестороннее и объективное расследование данных фактов. Первоначально командование сообщило, что имеет данные только об одном инциденте. Однако говорить об избиении нельзя, ибо военнопленного Кальмина Боди, пререкавшегося с генерал-майором Бояровским, сопровождающий генерала конвойный казак только толкнул. Однако произведенное расследование с привлечением свидетелей события дало абсолютно другую картину. 30 октября 1915 г. военнопленный лагеря на ст. Иннокентьевской Кальмин Боди самовольно оставил работы, но был задержан стражниками. Доставленный в штаб дружины он заявил, что болен и не может работать, ибо порвал форменные брюки. Генерал-майор Бояровский потребовал от него вернуться на работу, но военнопленный отказался это сделать и дерзко вел себя. Взбешенный этим генерал Бояровский отдал приказ сопровождавшим его казакам принудить Боди к работе, при чем один из конвойных ударил военнопленного кнутом. Приложенное к рапорту объяснение 7 пленных офицеров рисует мрачную картину «бил немилосердно по голове и плечам, сбросил на землю и бил кнутом по ногам». Стоит оговориться, что истинная картина происшествия лежит ровно посередине этих версий, ибо представить русского генерала, отдавшего приказ и наблюдавшего за его исполнением в присутствии 7 пленных офицеров, представить сложно (РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 45. Л. 143, 206).

После событий 1917 г. уровень дисциплины и подчинения охране резко снизился, так приказ по Иркутскому дисциплинарному батальону № 152 от 28 сентября 1917 г. гласил: «Во - исполнении предписания Исполнительной комиссией Совета военных депутатов от 27 сего сентября приказываю, командиру сводной роты принять меры к тому, чтобы работающие в здании батальона от приемной комиссии по шитью сапог на армию военнопленные солдаты не выпускались бы солдатами батальона за ворота без надзирателя и не ходили бы без сопровождающего по улицам.

Независимо сего предлагаю капитану Каминскому разъяснить кадровым солдатам приказ по войскам Иркутского военного округа от 2 августа сего года № 581 точно установив порядок содержания военнопленных и вменить в обязанности каждому солдату по мере его сил и возможности исполнять этот приказ по отношению к военнопленным помятую, что этим достигается благая цель в интересах обороны государства (РГВИА. Ф. 1499. Оп 1. Д. 10. Л. 28).

Грустную картину, опираясь на воспоминания военнопленных, дает в своей работе Шлейхер: «Офицеры были обязаны отмечаться в лагерной

канцелярии или на перекличках. В Омске якобы переклички проводились регулярно в 2 часа ночи. Среди предписаний были: снятие знаков различий и наград, отдание чести русским офицерам, и даже портрету царя. В некоторых лагерях требовалось носить нашивки пленных и не встречаться с местным населением. Пленным следовало соблюдать сухой закон, а в некоторых лагерях отмечать русские праздники. В отдельных лагерях запрещали установку памятных камней на кладбищах, иметь гражданскую одежду, играть в азартные игры, устанавливать рождественскую елку или писать письма на родину на родном языке. На станциях на них глазели, как на диких зверей, порой их гнали пинками прикладов и нагайками» (цит. по Шлейхер, 2001).

Однако картина получается уж совсем ужасная и безысходная. Посмотрим, что же отражается в архивных документах. Так в документах Заиркутного лагеря военнопленных фиксируется разрешение на ношение траура пленными солдатам и офицерам австрийской армии по случаю кончины в связи со смертью императора Франца-Иосифа в январе 1917 г. Изначально администрацией лагеря в этом было отказано, но после жалобы военнопленных офицеров, что это «оскорбляет наши патриотические чувства», проведение мероприятий было разрешено (РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 33).

Стоит остановиться на вкладе военнопленных в музыкальную жизнь Восточной Сибири. К сожалению, менее всего сведений имеется по иркутским лагерям, хотя судя по фото, они имелись и в Иннокентьевском лагере, и в Заиркутном городке. Так капитан австралийской армии Е.У. Лэтчфорд, направленный в 1918 году в Сибирь для несения службы в Британской военной миссии, вспоминал, как в Иркутске услышал оркестр венгерских военнопленных. Особенно же его поразило, что все инструменты для оркестра были сделаны «прямо в лагере» и при этом «они действительно играли» (Лэтчфорд)[3].

Подводя общий итог, стоит отметить, что и центральная власть, и местная администрация старались соблюсти по мере возможности международно-правовые акты, регламентирующие содержание военнопленных. Отдельные эксцессы, конечно, имели место быть, но принципиальной роли не играли. Стоить согласиться с мнением командующего 718 пешей Астраханской дружиной, отвечавшего на очередную жалобу военнопленных: «Вообще же, как я предполагаю, жалобы с их стороны возникают более от нечего не деланья и желания большей свободы» (РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 59 об. 60). Правда, следует отметить, что режим содержания военнопленных в Иркутске был более жестким, чем в других сибирских лагерях (Чите, Красноярске, Сретенске), это было обусловлено двумя факторами:

1. Иркутск являлся центром генерал-губернаторства и военного округа и начальство как гражданское, так и военное старалось соблюдать законы и подзаконные акты в отношении пленных неукоснительно, чего не было в отдаленных гарнизонах.

2. Расположение лагерей в Иркутске было таково, что пленные почти не контактировали с местным населением (за исключением выводимых в город на работы), ибо они находились в военных городках на окраинах Иркутска.

В результате событий лета 1918 г. территория, на которой располагались сибирские лагеря военнопленных, стала ареной ожесточенной гражданской войны, в которой бывшие военнопленные оказались на разных сторонах баррикад. Но значительная часть военнопленных пыталась сохранить нейтралитет и остаться в лагерях для военнопленных, хотя многие и присоединились к противоборствующим сторонам. И «красные», и «белые» сибирские власти старались соблюдать по отношению к этим лицам те законы и подзаконные акты по военнопленным, которые существовали до 1917 г.

Окончательно вопрос о депортации военнопленных с востока страны был решён в 1920 г. В начале мая главнокомандующий, атаман Забай-

[3] Лэтчфорд Е.У. С белой армией в Сибири (Перевод и комментарии – В. Крупник) [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. URL: http://zaimka.ru/latchford-siberia/ (дата обращения 01.11.2019).

кальского казачьего войска Г. Семёнов подписал соглашение о репатриации бывших военнопленных – граждан Австро-Венгрии, Германии и Турции на родину через Владивосток. В июне 1920 г. Президиум Народного собрания ДВР принял окончательное постановление о ликвидации лагерей «бывших военнопленных империалистической войны» и объявил их «свободными гражданами Дальневосточной республики». Аналогичный процесс произошёл и в «белом» Приморье, где осенью 1920 г. сборные пункты военнопленных были ликвидированы и военнопленным предложили покинуть их территорию. И в «красной» Сибири, и в «белом» Приморье бывшие военнопленные стали обузой для властей. Их судьбой не интересовался никто, кроме представительства Красного Креста. Последние военнопленные при помощи иностранных консульств покинули Россию в 1921 г. Оставшиеся интегрировались во вновь создаваемое советское общество.

Библиографический список

Агалаков В.Т. Венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Восточной Сибири // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. М., 1980. С. 45–54.

Ануфриев А.В. Австро-венгерские военнопленные в Восточной Сибири (обзор фондов ГАИО и ГАЗК) // Краеведческие записки. Иркутск: Иркутский областной краеведческий музей, 2014. Вып. 21. С. 51–78.

Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск: Изд-во Сибирского государственного технологического университета, 2007. 125 с.

Гирченко В.П. Революционная деятельность иностранных интернационалистов-военнопленных в Восточной Сибири. Верхнеудинск, 1933. 32 с.

Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Сб. статей. Омск, 1997. С. 154–180.

Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.) Хабаровск. 2004. 178 с.

Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. М., 1967. 287 с.

Колмогоров Н.С. Красные мадьяры. Новосибирск, 1970. 136 с.

Кривогуз И.М., Полянский И.С. Германские и австрийские военнопленные – интернационалисты // Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. М.: Наука, 1967. 615 с.

Чащин А. Сретенск. Страницы прошлого: Казачество. Купечество. Военнопленные. Денежные знаки. Чита: Экспресс-издательство, 2009. 256 с.

Шлейхер И.И. Военнопленные Первой мировой войны: проблемы пленения, транспортировки и содержания в сибирских лагерях // Из прошлого Сибири. Вып. 4. Ч. 1. Новосибирск, 2001. С. 54–97.

References

Agalakov V.T. (1980) Hungarian internationalists in the struggle for Soviet power in Eastern Siberia. *Vengerskie internatsionalisty v Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. *1917–1922 gg.* = Hungarian internationalists in Siberia and the Far East. 1917–1922. Moscow. P. 45–54. (In Russ.)

Anufriev A.V. (2014) Austro-Hungarian prisoners of war in Eastern Siberia (a review of the SAIO and SAZK funds). Irkutsk: Irkutskii oblastnoi kraevedcheskii muzei. Iss. 21. P. 51–78. (In Russ.)

Gergileva A.I. (2007) Prisoners of war of the First World War in Siberia. Krasnoyarsk: Izd-vo Sibirskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 125 p. (In Russ.)

Girchenko V.P. (1933) The revolutionary activities of foreign internationalist prisoners of war in Eastern Siberia. Verkhneudinsk. 32 p. (In Russ.)

Grekov N.V. (1997) German and Austrian prisoners in Siberia (1914–1917). Ne*mtsy. Rossiya. Sibir'. Sb. Statei* = Germans. Russia. Siberia. Collection of articles. Omsk. P. 154–180. (In Russ.)

Ikonnikova T.Ya. (2004) Prisoners of war of the First World War in the Far East of Russia (1914–1918). Khabarovsk. 178 p. (In Russ.)

(1967) Internationalists: Workers of foreign countries – participants in the struggle for Soviet power. Moscow. 287 p. (In Russ.)

Kolmogorov N.S. (1970) Red Magyars. Novosibirsk. 136 p. (In Russ.)

Krivoguz I.M., Polyanskii I.S. (1967) German and Austrian prisoners of war – internationalists. *Internatsionalisty. Trudyashchiesya zarubezhnykh stran – uchastniki bor'by za vlast' Sovetov* = Internationalists. The working people of foreign countries are participants in the struggle for Soviet power. Moscow: Nauka. 615 p. (In Russ.)

Chashchin A. (2009) Sretensk. Pages of the Past: Cossacks. Merchants. Prisoners of war. Banknotes. Chita: Ekspress-izdatel'stvo. 256 p. (In Russ.)

Shleikher I.I. (2001) Prisoners of war of the First World War: problems of capture, transportation and detention in Siberian camps. *Iz proshlogo Sibiri* = From the past of Siberia. Iss. 4. Pt. 1. Novosibirsk. P. 54–97. (In Russ.)

Chickering, Roger. Imperial Germany and the Great War, 1914–1918, Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Pp. xvi + 227.

Davis, Gerald H. National Red Cross Societies and Prisoners of War in Russia 1914–1918, Journal of Contemporary History vol. 28/1, 1993, pp. 31–52.

Davis, Gerald H. Prisoner of War Camps as Social Communities: Krasnoyarsk 1914–1921, Eastern European Quarterly, 21, 1987, pp. 147–163.

Davis, Gerald H. The Life of Prisoners of War in Russia, 1914–1921, in Samuel Williams and Peter Pastor (eds) Essays on World War I: Origins and Prisoners of War, New York: Columbia University Press, 1983, pp. 162–96.

Dwinger, Edwin Erich. Die Armee hinter Stacheldraht. Das sibirische Tagebuch. Jena: Eugen Diederichs, 1929. 306 p.

Ferguson, Niall. The Pity of War: Explaining World War I. New York: Basic Books, 1999. 563 p.

Gilbert, Martin. The First World War; A Complete History. New York: Henry Holt and Company, 1994. pp. 615.

Herwig, Holger H. The First World War: Germany and Austria-Hungary 1914–1918. London: Arnold, 1997. 490 pp.

Keegan, John. The First World War, New York: Alfred A. Knopf, 1999. 475 p.

Winter, Jay. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History, Cambridge, Cambridge University Press, 1995, 320 pp.

Chickering, Roger. Imperial Germany and the Great War, 1914–1918, Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Pp. xvi + 227.

Davis, Gerald H. National Red Cross Societies and Prisoners of War in Russia 1914–1918, Journal of Contemporary History vol. 28/1, 1993, pp. 31–52.

Davis, Gerald H. Prisoner of War Camps as Social Communities: Krasnoyarsk 1914–1921, Eastern European Quarterly, 21, 1987, pp. 147–163.

Davis, Gerald H. The Life of Prisoners of War in Russia, 1914–1921, in Samuel Williams and Peter Pastor (eds) Essays on World War I: Origins and Prisoners of War, New York: Columbia University Press, 1983, pp. 162–96.

Dwinger, Edwin Erich. Die Armee hinter Stacheldraht. Das sibirische Tagebuch. Jena: Eugen Diederichs, 1929. 306 p.

Ferguson, Niall. The Pity of War: Explaining World War I. New York: Basic Books, 1999. 563 p.

Gilbert, Martin. The First World War; A Complete History. New York: Henry Holt and Company, 1994. pp. 615.

Herwig, Holger H. The First World War: Germany and Austria-Hungary 1914–1918. London: Arnold, 1997. 490 pp.

Keegan, John. The First World War, New York: Alfred A. Knopf, 1999. 475 p.

Winter, Jay. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History, Cambridge, Cambridge University Press, 1995, 320 p.

Критерии авторства

А.В. Ануфриев, Д.В. Козлов выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

A.V. Anufriev, D.V. Kozlov made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Both authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Ануфриев Александр Валерьевич,
преподаватель кафедры истории России,
Иркутский государственный университет,
664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: nnnadezhda@mail.ru
Козлов Дмитрий Викторович,
кандидат исторических наук, доцент, директор Межрегионального института общественных наук при ИГУ,
Иркутский государственный университет,
664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия
✉ e-mail: dvk@home.isu.ru

Information about the authors

Alexander V. Anufriev,
Lecturer of the Department of the History of Russia,
Irkutsk State University,
1 K. Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: nnnadezhda@mail.ru
Dmitrii V. Kozlov,
Cand. Sci. (History), associate professor, Director of the Interregional Institute of Social Sciences at ISU,
Irkutsk State University,
1 K. Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: dvk@home.isu.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(571.53)“1917”:614.2
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-168-179

Декабрьские события 1917 г. в Иркутске: медицинский аспект

© В.А. Шаламов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Октябрьская революция 1917 г. расколола российское общество на две враждующие стороны. В Иркутске в декабре 1917 г. произошло кровавое столкновение, считающееся вторым по числу жертв после аналогичных событий в Москве. Внимание автора привлекло то, каким образом оказывали медицинскую помощь в городе, в котором внезапно начались боевые действия. В начале статьи помещены данные о состоянии медицинской службы города накануне столкновения, а также о потерях, причиненных во время военных действий. Приводятся сведения об организации помощи как противоборствующим силам, так и гражданскому населению. Отмечается роль общественных организаций в спасении пострадавших. Отдельно рассматривается эвакуация раненых из опасной зоны в медицинские учреждения. Автор указывает на многочисленные нарушения принципов работы Красного Креста из-за политических предпочтений его участников, что привело к падению авторитета этой организации. В заключение анализируются статистические сведения о пострадавших в данном конфликте. Автор отмечает безответственность политических руководителей, которые призывали к вооруженной борьбе, совершенно не заботясь об организации медицинской помощи, потребность в которой неизбежно должна была проявиться в ходе такой борьбы.

Ключевые слова: история здравоохранения, история медицины, декабрьское восстание 1917 г. в Иркутске, Октябрьская революция в Сибири, Гражданская война в Сибири, Иркутск в годы Гражданской войны, история здравоохранения Иркутска, оборона Белого Дома, братская могила защитников Белого Дома, история Красного Креста в Сибири

Информация о статье: Дата поступления 31 августа 2019 г.; дата принятия к печати 7 октября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Шаламов В.А**.** Декабрьские события 1917 г. в Иркутске: медицинский аспект // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 168–179. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-168-179

December events of 1917 in Irkutsk: medical aspect

© Vladimir A. Shalamov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: The October Revolution of 1917 split Russian society into two warring factions. In Irkutsk in December 1917 there was a bloody clash, which is considered the second in the number of victims after similar events in Moscow. The author's attention was drawn to the manner in which medical care was provided in a city where hostilities had suddenly begun. At the beginning of the article there are data on the state of the medical service of the city on the eve of the collision, as well as on the losses caused during the hostilities. Provides information about the organization of assistance to the opposing forces and the civilian population. The role of public organizations in rescue of victims is noted. Evacuation of the wounded from the danger zone to medical institutions is considered separately. The author points to numerous violations of the principles of the Red Cross due to the political preferences of its participants, which led to the fall of the authority of the organization. In conclusion, statistical data on the victims of the conflict are analyzed. The author notes the irresponsibility of political leaders who called for armed struggle, not caring about the organization of medical care, the need for which inevitably had to be manifested in the course of such a struggle.

Keywords: history of health care, history of medicine, December 1917 uprising in Irkutsk, The October Revolution in Siberia, Civil War in Siberia, Irkutsk during the Civil War, Irkutsk healthcare history, White House defense, mass grave of White House defenders, history of the Red Cross in Siberia

Article info: Received August 31, 2019; accepted for publication October 7, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Shalamov V.A. (2019) December events of 1917 in Irkutsk: medical aspect. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 168–179. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-168-179

Любая война сопровождается массовыми убийствами, ранениями, болезнями как военнослужащих, так и гражданского населения. В полной мере это относится и к событиям Гражданской войны в Сибири. К сожалению, исследователи крайне мало уделяют внимание медицинскому аспекту войны. Одному из кровопролитнейших событий Гражданской войны в Сибири – декабрьским боям 1917 г. в городе Иркутске посвящено немало строк. В то же время последнее специальное исследование, посвященное медицинской составляющей этой темы, вышло в 1961 г. (Малоземова, 1961). С этого времени прошло много лет, стали доступными новые источники, исчезли идеологические тиски. Среди авторов, обращавшихся к данной теме, можно назвать В.М. Рынкова (Рынков, 2007), Д.Л. Шереметьеву (Шереметьева, 2013), К.А. Киселева (Киселев, 2015). Однако никто из них комплексно не ставил своей задачей рассмотреть проблему оказания помощи больным и раненым во время вооруженного конфликта в городе, что и послужило основанием для данной публикации.

Накануне декабря 1917 г. еще не закончилась Первая мировая война. В Иркутске располагались лазареты, призванные обслуживать нужды военных. В Знаменском предместье имелся Иркутский военный госпиталь. Он стоял в стороне от активных военных действий и вполне мог взять на себя львиную долю пострадавших. На станции Иннокентьевской дислоцировался 170-й сводный эвакуационный госпиталь, но из-за его удаленности он не сыграл никакой роли в описываемых событиях. Красный Крест построил рядом с 1-й школой прапорщиков лечебницу, которая находилась в оперативном управлении Яково-Александрийской общины сестер милосердия. Небольшие медицинские пункты имели Иркутское военное училище и все школы прапорщиков. Данные заведения были рассчитаны на оказание медицинской помощи юнкерам при несчастных случаях или заболеваниях и не могли принимать большое количество раненых.

Крупнейшим гражданским медицинским учреждением Восточной Сибири была Кузнецовская больница, расположенная близко от эпицентра событий, что позволяло оперативно доставлять пострадавших военных и горожан. Детская Иано-Матренинская больница находилась поодаль, поэтому существенной помощи не оказывала. Значительную роль в первое время сыграла Переселенческая больница, несмотря на то, что размещалась на противоположном берегу Ангары, в Глазковском предместье. Стоит также отметить несколько частных и общественных учреждений. В Иркутске имелась одна из лучших в Сибири частных хирургических лечебниц, которой руководил известный хирург Г.А. фон Бергман. Знаменитый иркутский офтальмолог З.Г. Франк-Каменецкий учредил в городе глазную лечебницу. Частная больница врача Н.А. Штейнгауза была более широкого профиля. Все эти лечебные учреждения чаще чем другие упоминаются в документах, описывающих события декабря 1917 г. Кроме того, в Иркутске имелось две общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста. Одна из них, Мариинская, располагалась в самом эпицентре событий на Дегтевской (ныне Российской) улице, другая – в стороне, на Котельниковской (Фурье).

С конца лета в городе традиционно начинали развиваться эпидемии, главным образом связанные с нечистоплотностью населения (скученность, употребление немытых овощей, выход детей в школы) (Кокоулин, 2013. С. 212–226). Кузнецовская больница только за один август 1917 г. приняла 1398 стационарных больных на 220 постоянных

кроватях и 120 кроватях в заразных бараках (Иркутская жизнь, 1917. 12 нояб.). Ивано-Матренинская детская больница в сентябре приняла на своих 90 постоянных кроватях и 36 – в заразных бараках 170 маленьких пациентов (Иркутская жизнь, 1917. 15 окт.). Накануне восстания особо опасные размеры приняла эпидемия брюшного тифа. В конце ноября корреспондент газеты «Иркутская жизнь» писал: «Количество больных возрастает. Переселенческая больница предоставила у себя помещение на 50 коек и военное ведомство в одном из лазаретов на такое же число коек, но и эти помещения через некоторый промежуток времени были заполнены. Прибегнув к крайней мере, город занял под брюшнотифозных больных отделение детской больницы: здесь также переполнено» (Иркутская жизнь, 1917. 28 нояб.). Все эти свидетельства говорят о том, что городские медицинские учреждения накануне военных столкновений явно не были готовы к приему большого числа раненых бойцов и граждан города. Большинство стационарных кроватей было занято больными инфекционными заболеваниями, которых выпускать досрочно из лечебных заведений было непозволительно, поскольку они могли спровоцировать мощную эпидемическую волну.

В императорской России всеми больничными делами заведовали больничные советы, состоящие из врачей и смотрителей лечебных учреждений. Рядовые служащие в них не допускались. После Февральской революции в больницах стихийно стали возникать комитеты низших служащих, младшего медицинского персонала, сестер милосердия, которые требовали представительства в больничных советах. На этой почве возникло немало конфликтов, послуживших основанием для кадровых перестановок. К концу 1917 г. в основном удалось найти консенсус путем ввода в больничные советы некоторого числа представителей из обслуживающего персонала, хотя в ряде мест проблема так и не была разрешена, как это было в Военном госпитале. Абсолютное большинство медработников негативно восприняли захват власти большевиками в Петрограде. Они в большей степени симпатизировали юнкерам и казакам, хотя, нужно отдать должное, до конца были верны клятве Гиппократа. Даже частные клиники в столь тяжелое время не требовали оплаты за лечение раненых.

Большевикам симпатизировало небольшое число медработников. Среди врачей отметим несколько лиц. Прежде всего, это Николай Александрович Алексеев, в течение войны работавший врачом в 12-м запасном полку в Иркутске. Он был членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», а также одним из старейших членов РСДРП. Его жена Елизавета Павловна, акушерка, также была членом РСДРП. Н.А. Алексеев лично знал В.И. Ленина, но при этом сам себя называл «правым большевиком», что привело к недоверию к нему среди радикально настроенных большевистских вождей. Он стремился к легальной работе в существующих органах власти, поэтому являлся гласным городской думы, где активно выступал за резолюции, вынесенные солдатскими и рабочими депутатами (Батоев, 1982. С. 53–56). Другим старейшим членом РСДРП был доктор Федор Николаевич Петров, работавший в заразных бараках в Знаменском предместье. Там же трудилась и его жена врач Евстолия Дмитриевна Гагарина (Петров, 1962. С. 68). Последняя в декабре 1917 г. участия не принимала, поскольку заразилась от больных брюшным тифом. Некоторое сочувствие восставшим солдатам запасных полков и красногвардейцам оказывал знаменитый исследователь Забайкалья и Дальнего Востока Николай Васильевич Кирилов, в данный период работавший санитарным врачом города Иркутска. Меньше известно о среднем и низшем медперсонале. Один из выпускников Иркутской военно-фельдшерской школы Константин Толмачев, служивший в уезде и случайно попавший в Иркутск, оказывал помощь солдатам в Знаменском предместье. В Кузнецовской больнице приемом раненых ведала фельдшерица Александра Башурова, в Переселенческой больнице – санитарка Татьяна Лушникова (рис. 1), в лазарете Красного Креста – большевичка Мильда Гарайс-Битонова (Малоземова, 1961. С. 90). К сожалению, более рельефно выявить расстановку политических сил среди медработников мы не в силах, поскольку

Рис. 1. Санитарка рабочего Красного Креста Татьяна Лушникова
Fig. 1. Red Cross nurse for workers Tatyana Lushnikova

Рис. 2. Глава рабочего Красного Креста С.И. Лебедев
Fig. 2. Head of the Red Cross for workers S.I. Lebedev

документальная база о тех событиях сохранилась весьма фрагментарно.

В императорской России большую роль в оказании медицинской помощи населению играли сестры милосердия. Готовясь к вооруженным столкновениям, большевики за отсутствием квалифицированных специалистов начали привлекать так называемых красных сестер милосердия из добровольцев, солдаток, жен рабочих, гимназисток и т. д. Известно, что 20 ноября 1917 г. в Иркутске был организован первый отряд красной гвардии, который возглавил рабочий Сергей Лебедев (рис. 2). Летописец Н.С. Романов отметил в своем труде, что «30 ноября 1917 г. в помещении бюро социал-демократов большевиков состоялось собрание сестер Красной гвардии» (Романов, 1994. С. 260). Вероятно, летописец упоминает учредительное собрание, когда тому же С. Лебедеву иркутская партийная организация поручила создать большевистский или рабочий Красный Крест. Во главе этой организации стояла Агния Ивановна Телечкина (Сухорослова), а после ее пленения в результате обороны прогимназии Гайдук – Ольга Наумовна Иогансон, являвшаяся супругой М. Трилиссера. Сколько всего было красных сестер, неизвестно, но А.И. Телечкина в 1950-е гг. смогла назвать около 40 участников рабочего Красного Креста (Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 393. Оп. 5. Д. 22. Л. 1–2). Впоследствии одна из сестер Е.С. Федорова в своих воспоминаниях назвала имена наиболее активных работников: Антонина и Александра Бабичи, Варвара Ремишевская, Мария Заболоцкая (рис. 3), Раиса Глокман, Татьяна Лушникова (Годы огневые, годы боевые…, 1961. С. 46). Заметим, что ничего не сказано о том, как происходило обучение. Вполне возможно, что красные сестры милосердия пришли в красногвардейские отряды с тем багажом, который они накопили за свою жизнь. Известно, например, что М.М. Сахьянова, принимавшая участие в декабрьских событиях, в Петро-

Рис. 3. Красные сестры рабочего Красного Креста Мария Заболоцкая и Тоня Бабич
Fig. 3. Red sisters of the Red Cross for workers Maria Zabolotskaya and Tonya Babich

граде состояла в студенческом Красном Кресте, она часто бывала среди раненых солдат, для которых студенты собирали пожертвования, хотя ее знакомство с медициной было весьма поверхностным и специального медицинского образования она не имела (Бартанова, 1969. С. 3–9).

Как известно, бои на улицах Иркутска начались 8 (21 по новому стилю) декабря 1917 г. Военно-революционный комитет, подконтрольный большевикам, попытался разоружить учащихся военно-учебных заведений, что вызвало их сопротивление, вылившиеся в вооруженные столкновения, которые завершились 21 (30) декабря подписанием перемирия. Обе стороны активно использовали кроме стрелкового оружия артиллерию, что вызвало многочисленные разрушения и пожары в городе (Новиков, 2001). Пострадали некоторые медицинские учреждения. В 1924 г. в связи с процессом признания Советской России по органам здравоохранения было дано задание выяснить масштабы потерь от интервенции. Более всего пострадал госпиталь Красного Креста, расположенный рядом с 1-й школой прапорщиков, оказавшийся в зоне обстрела (Неделько, 2010. С. 130). Здесь были повреждены каменные стены всех трех корпусов, железные крыши и часть потолков, была разморожена система отопления. Персонал и больные были эвакуированы. Общие потери оценивались в 25 тыс. руб. золотом (Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. р-1071. Оп. 1. Д. 447. Л. 23). Довольно сильно пострадала Ивано-Матренинская детская больница. Один из ее врачей, известный педиатр и общественный деятель П.И. Федоров оставил об этом некоторые подробности. «Обстрел больницы из орудий начался сразу же, как казаки выступили на стороне юнкеров. Казаки заняли район больницы, хотя в самом здании их не было. В итоге здание лечебницы сильно пострадало» (Иркутск накануне…, 2017. С. 460). Сильно был разрушен второй этаж, и его пришлось до лета закрыть. В прачечной снарядами была уничтожена теплая сушильня, снаряд попал в соматическое отделение, замерзли некоторые трубы водопровода, было выбито около 300 стекол в окнах, не считая отвалившейся штукатурки и прочих мелких повреждений (Свободный край. Иркутск, 1918. 3 янв.). Всего материальные потери составили 4 тыс. руб. золотом. Медперсонал во главе со старшим врачом А.А. Каршиным оставался в эти тревожные дни на своих постах и принимал все меры к спасению детей. Их прятали в подполье. Во время обстрела одним из снарядов была

разрушена часть стены главного корпуса, в результате чего погибло двое детей – Ирина Небельсон (9 лет) и Тамара Логинова (8 лет), а также две няни Куцых и Донская получили ранение. Только после этого Военно-революционный комитет направил в детскую больницу подводы пожарного обоза, на которых больные дети были после двухдневного блуждания по городу эвакуированы в Кузнецовскую больницу (Новожилов, Филиппов, 2010. С. 38). Последняя также подверглась обстрелу, но менее интенсивному. Пострадало каменное помещение аптеки при больнице, в деревянном корпусе для служащих лечебницы и в основном корпусе повреждены стены, железная крыша и потолки. Всех убытков было исчислено на 780 руб. золотом. В Михеевской больнице были выбиты часть окон вместе с рамами. Убытки были небольшими – всего 50 руб. золотом. Кроме того, ранена сторожиха Аграфена Овсянникова, впоследствии умершая от ран. Однако на этом список материальных потерь лечебной сети Иркутска завершать не стоит. Небольшой приемный покой при школе прапорщиков также перестал функционировать и раненых юнкеров эвакуировали в Кузнецовскую больницу. Еще больше досталось больнице института благородных девиц, располагавшейся на набережной Ангары рядом с памятником Александру III. Поскольку эта деревянная постройка соседствовала со зданием краеведческого музея, где засели юнкера, то естественно, что обстрел касался и ее. В конечном итоге больница сгорела дотла (рис. 4) (Серебренников, 2003. С. 54). Разрушение указанных лечебных заведений не сильно сказалось на помощи, которую получали нуждающиеся во время боевых действий. Однако для города, это были существенные траты, особенно если учесть, что восстанавливать эти учреждения было просто не на что.

Еще одной проблемой стала эвакуация раненых бойцов и горожан из зоны боевых действий. Во время декабрьских боев в городе стали возникать импровизированные санитарные отряды из фельдшеров, сестер милосердия, санитаров и просто добровольцев из городских жителей. Сколько действовало таких отрядов – неизвестно. По ини-

Рис. 4. Пожарище больницы института благородных девиц
Fig. 4. The conflagration of the hospital of the Institute for noble maidens

циативе членов президиума Глазковского районного санитарного комитета 9 декабря был организован санитарный отряд под наблюдением врача Софьи Яковлевны Горнштейн. Заведующим отрядом в 75 человек стал один из добровольцев М.П. Обрезанов. Лошадей для отряда дали Переселенческий пункт, Медведниковская больница для хроников и 9-й Сибирский запасной стрелковый полк. Этот отряд перебирался через Ангару по понтонному мосту в центр города и там собирал раненых и трупы прямо под обстрелом (Иркутская жизнь, 1917. 23 дек.). И.И. Серебренников, находившийся в описываемые дни недалеко от Тихвинской площади, на территории, контролируемой большевиками, вероятно, видел именно их: «...Изредка из окон дома, где я находился, можно было увидеть проезжавшие мимо сани, с развевавшимся над ними флагом Красного Креста: нашлись смелые люди, которые ездили по улицам и подбирали раненых и убитых» (Серебренников, 2003. С. 51). Глазковский отряд действовал до 15 декабря, пока действовала понтонная переправа. Его усилиями в переселенческую больницу было доставлено около 100 трупов и 90 раненых. Кроме того, пострадавшие в боях вывозились еще и в железнодорожный покой и глазковскую городскую амбулаторию.

Знак Красного Креста должен был символизировать непричастность лиц, которые его носили на рукаве, к политическим дрязгам. На деле и большевики, и их оппоненты использовали организацию Красного Креста в своих интересах. Примеров нарушения правил о деятельности краснокрестовской организации довольно много. К примеру, известный политический деятель М.А. Кроль в своих мемуарах описал один интересный эпизод: «...Дело в том, что моя жена принимала очень деятельное участие в этой борьбе на стороне юнкеров... Достали они лошадь и большие розвальни, нагрузили на них патроны, прикрыли их сеном и, надев на рукава повязки Красного Креста, проехали по главным улицам города, где они рисковали на каждом шагу натолкнуться на большевистский патруль, который при обнаружении патронов расстрелял бы их на месте...» (Кроль, 2008. С. 353). В результате действия таких лиц, солдаты и красногвардейцы стали смотреть на работников Красного Креста, как на своих противников.

Пожалуй, лучше всего об этом написал в своих впечатлениях о «кровавых днях» непосредственный участник боев, юнкер Олесин: «... Заслуживает особого внимания отношение солдат к самоотверженной работе Красного Креста. Обстрелы отрядов Красного Креста солдатами, несмотря на далеко видимые флаги и громкие крики: – Красный Крест! Не стреляйте! – наблюдались постоянно. Число ранений и убийств сестер милосердия велико. Кроме того, редкому отряду Красного Креста удавалось пробраться через заставы солдат, не подвергшись обыскам и оскорблениям. Уже на второй день войны сестры милосердия отказывались везти тяжелораненых юнкеров в госпитали и больницы, потому что солдаты грубо обвиняли их в помощи исключительно юнкерам... Приходилось переодевать больных в солдатское платье и папахи, вырезать на одеяле метки военного училища и заменять их заплатами, чтобы оградить и раненых, и сестер от издевательства со стороны солдат. Был даже случай, когда у отряда Красного Креста солдаты отняли несколько сухарей и бросили их со словами: – Юнкерам провизию везете!» (Иркутская жизнь, 1917, 30 дек.). Советская историография о подобных фактах предпочитала умалчивать. Стоит отметить, что автору данных строк не удалось найти подтверждения о больших потерях медицинского персонала. Возможно, юнкер имел в виду добровольцев из женщин, не имевших медицинского образования, и которые по инерции часто именовались сестрами милосердия.

Впрочем, нельзя сваливать всю вину на большевиков. Юнкера делали ровно то же самое. Достаточно вспомнить несколько эпизодов из знаменитой обороны Белого Дома. К сожалению, не сохранилось документов об этих событиях, так же как и нет хорошего описания в мемуарах. Информацию удалось получить, стыкуя сразу несколько источников, в том числе работы П.П. Постышева, М.М. Сахьяновой (Павел Постышев: Воспоминания, выступления, письма, 1987. С. 67, 14), О.Н. Иогансон (Иогансон, 1963. С. 28) и Л. Богданова (Богда-

нов, 1967. С. 25–26). Как известно, Белый Дом, где в декабре 1917 г. размещался большевистский ВРК, оказался в осаде с самого начала выступления юнкеров и выдержал несколько штурмов. Естественно, в ходе боевых действий появились раненые (за все время их было 43 человека). Хотя среди осажденных оказались фельдшер и две сестры милосердия (одна из них коммунистка Мария Заболоцкая), но не было ни медикаментов, ни перевязочного материала. В подвале здания разместили лазарет. Обороняющиеся буквально леденели в неотапливаемом доме. Они стали заворачивать раненых товарищей в куски ковров, портьер, гардин. Не хватало еды, вышел из строя водопровод.

На третий день боев Центральный штаб Красной гвардии решил использовать санитарные летучки для оказания помощи защитникам Белого Дома. С первой летучкой поехали сестры милосердия Никундэ, Т. Лушникова и О.Н. Иогансон. Жены рабочих и партийцев под флагом Красного Креста привезли зашитые в юбках патроны, хлеб и перевязочные средства, снабдили осажденных информацией. Они делали ровно тоже самое, что и сестры милосердия, помогавшие юнкерам и казакам.

Первый успех окрылил и в следующий раз пошли на большую хитрость. В сани санитарного отряда уложили шесть ящиков патронов, восемь буханок хлеба, перевязочный материал и медикаменты, а сверху набросали снега и для маскировки положили заледеневшие трупы, чтобы продемонстрировать юнкерам, что отряд помогает всем. В санитарный отряд входили сестры милосердия Варвара Ремишевская, Агния Телечкина, Ольга Иогансон, Ксения Посталовская, Раиса Глокман, Каспирович, Фальковская, Татьяна Лушникова, сестры Антонина и Александра Бабичи, Зинаида Бланкова, Парнякова, Александра Ширман, Мария Сахьянова. Некоторые из них провезли на себе дополнительные патроны и бомбы. Санитарный отряд с криками: «Красный Крест, не стреляйте», пробрался через заставы осаждающих. Юнкера не стреляли по ним. На обратном пути они забирали раненых. Под видом раненого Мария Сахьянова вывезла известного большевика Павла Постышева. Однако вскоре осаждающие догадались о том, что красные сестры помогают большевикам доставлять боеприпасы, поэтому перестали их пускать к осажденным. После падения Белого Дома все раненые были отправлены в военный госпиталь.

Строгий нейтралитет должен был вызывать уважение всех участников военных столкновений к членам Красного Креста. Однако в Иркутске это довольно часто нарушалось. Так Р.П. Эйдеман, описывая оборону прогимназии Гайдук, отметил красную сестру (это была А.И. Телечкина), которая смогла поднять красногвардейцев в контратаку (Эйдеман, 1927. С. 94). Учитывая, что среди сестер милосердия большевистского Красного Креста было много родственниц рабочих и партийцев, то логика их поведения становится понятной. Приведенные свидетельства говорят о том, что во время боев в Иркутске в декабре 1917 г. законодательство о Красном Кресте практически не действовало, что привело к падению доверия у участников конфликта к этой организации. В итоге это сказалось на сроках госпитализации раненых и больных, что в какой-то степени объясняет высокую смертность среди них.

Поскольку боевые столкновения в городе начались неожиданно, то добровольческие силы не успели среагировать и организовать полноценные лазареты. Однако обвинять иркутян в бездействии все же нет оснований, тем более что в предшествующее время имелся большой опыт работы общественных организаций (Гаврилова, 2017; Кавецкий, Рубцов, 2004). В разных частях города, вблизи от мест боев по инициативе частных лиц, обществ и отдельных врачей стали появляться стихийные перевязочные пункты, а местами и временные приюты для раненых. Один из городских врачей М. Блюменфельд (иногда его называют санитарным врачом, но он стал им позже, в конце лета 1918 г.) перечел некоторые из них, в том числе в Михеевской амбулатории, городской управе, лечебнице Н.А. Штейнгауза, в убежище Союза городов, на Спасо-Лютеранской улице (доктора Н.В. Кирилова), на Пестеревской улице (доктора И.Б. Каца) (рис. 5), на Зверевской улице (доктора И.В. Гольмстена), во 2-й школе прапорщиков (Сибирь. Иркутск, 1917. 30 дек.). Иркутский казачий

Рис. 5. Доктор И.Б. Кац, один из организаторов общественной помощи в Иркутске в декабре 1917 г.
Fig. 5. Dr. I.B. Katz, one of the organizers of free aid in Irkutsk in December 1917

дивизион развернул небольшой лазарет в здании Духовной семинарии под руководством некоего Панфилова. В нем помощь оказывали сестры милосердия Калачева, Мунгалова, Ивантьева и Маленкова, а также гимназистки Каблукова и Туголукова (Иркутская жизнь, 1917. 29 дек.). Три перевязочных пункта было сформировано Иркутской Мариинской общиной сестер милосердия (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 290. Оп. 1. Д. 55. Л. 35). Указанные перевязочные пункты сыграли важную роль. В них раненые, больные и обмороженные получали первую помощь и уход, а после этого их переправляли в Кузнецовскую больницу или Военный госпиталь. Видимо, через них прошло сравнительно немного пострадавших, поскольку в большинстве случаев участники конфликта даже не знали об их существовании.

К сожалению, точной регистрации жертв боевых действий выявить не удалось. При городском самоуправлении сразу же после окончания боев была образована особая комиссия помощи пострадавшим под председательством доктора П.И. Федорова. Согласно ее подсчетам погибло 334 и ранено 699 человек (Иркутская жизнь, 1917. 21 дек.). Подробную информацию привел врач М. Блюменфельд, опубликовавший небольшую статью под названием «Кровавые итоги», которая до сих пор служит единственным более или менее точным источником информации о числе раненых и убитых. В расчет было взято 8 лечебных учреждений: Кузнецовская больница, Переселенческая больница, железнодорожный покой в Глазково, Глазковская городская амбулатория, Духовная семинария, Медведниковская больница и частная лечебница З.Г. Франк-Каменецкого. По мнению М. Блюменфельда, в остальных лечебницах и перевязочных пунктах оставались лишь единицы пострадавших, которые серьезно картину не могли изменить. В Кузнецовской больнице, вероятно, чтобы не подвергать опасности, пациентов записывали без указания звания человека, и во многих местах диагноз был один – огнестрельная рана, что сказалось на цифровых подсчетах.

Итак, всех раненых было зафиксировано 568 человек. Из них солдат – 209 человек, красногвардейцев – 66, юнкеров и добровольцев – 87, казаков – 16 (в том числе 2 добровольца), офицеров – 12, сестер милосердия – 2, мирных жителей – 125 (82 мужчины и 43 женщины), учащихся – 6, без указания звания – 46. Пулевых ранений насчитывалось больше всего – 535, шрапнельных – 36, от холодного оружия – 7. По месту и тяжести ранений распределялись следующим образом: раны мягких частей – 211, с раздроблением кости – 146, контузия мягких частей – 145, полостные ранения – 48, раны определенно не обозначенные – 118. Часть пострадавших вдобавок получила простудные заболевания и обморожения. Больше всего пострадавших принял Военный госпиталь – 249 человек, из них 32 умерло. Кузнецовская больница взяла 127 раненых (умерло 27), Переселенческая больница приютила 90 человек (умерло 12) и лечебница Франка-Каменецкого – 33. Во всех учреждениях наблюдалась высокая смертность (12,5 %). Среди

раненых в лазарете военного училища значился фельдшер Сахаров, а во второй школе прапорщиков – две сестры милосердия Елена Авраамова и Патлых.

Число погибших также точно не фиксировалось. Трупы разбирались родственниками и знакомыми для похорон. При этом ни привозившихся покойных, ни увозившихся никто не считал. По данным за 19–21 декабря в Военном госпитале значилось 35 трупов, в Кузнецовской больнице – 120, в Переселенческой больнице – 40, во 2-й школе прапорщиков – 16, в Военном училище – 34, у казаков – 11, из прочих мест – 21, а всего – 277 (Сибирь. Иркутск, 1917. 30 дек.). Среди погибших в здании военного училища значится сестра милосердия Александра Николаевна Медведева. Приведенные цифры явно занижены. Революционные события в Иркутске действительно были кровавыми. Рассматривая военные столкновения в Иркутске в декабре 1917 г. с точки зрения ценности человека, человеческой жизни, человеческого здоровья, стоит признать, что это было тяжелое преступление. Никто не может быть оправдан в стремлении убивать и калечить людей, какими бы лозунгами они не прикрывались. Ни одна из сторон не позаботилась о том, что будет с теми, кого они призывают идти в бой, а тем паче с теми, кто просто жил на территории предполагаемых военных столкновений.

Естественным следствием таких жертв стало захоронение погибших в братских могилах. Нарекания медиков вызвало предполагаемое захоронение 200 трупов красногвардейцев и солдат у стен Белого Дома. Врачи забили тревогу, так как это было близко к источникам забора питьевой воды. Образовалась особая комиссия из представителей от городской управы и исполбюро Центросибири (от последнего были врачи Н.А. Алексеев и М.А. Владимирский и гражданин Познер). После обследования всех тонкостей дела было принято решение о невозможности захоронения такого большого числа трупов (Свободный край. Иркутск, 1918. 6 янв.). Однако сторонники Советской власти проигнорировали решение комиссии, и отстояли идею захоронения героев революции в специально оборудованной могиле, которая дополнительно должна была быть процементирована. В результате у стен Белого Дома оказалось погребенными в феврале 1918 г. 107 трупов.

Вновь вопрос об этом захоронении был поднят после свержения режима большевиков. Военно-санитарное ведомство поставило вопрос об «эвакуации братской могилы у Белого Дома» перед городской администрацией. 18 сентября на заседании городского санитарного совета произошел бурный обмен мнениями. Большинство членов требовало перезахоронения. Возражения доктора Н.А. Алексеева о том, что лучше воздержаться от этого мероприятия, чтобы не допустить политических эксцессов, поскольку страсти еще не улеглись, не были приняты во внимание. В конечном итоге утверждается решение о переносе могилы от стен Белого Дома. Рекомендовалось это сделать в конце ноября – начале декабря. Решение было поддержано городской думой, медицинской интеллигенцией, ректором университета и активными противниками большевизма (Свободный край. Иркутск, 1918. 20 (7) сент.). В итоге братская могила была перенесена на Лисихинское кладбище. Конечно, в положительном решении вопроса о перезахоронении значительную роль сыграли антибольшевистские настроения, но трудно не признать целесообразность такого решения с точки зрения санитарии.

В заключение отметим, что события декабря 1917 г. В Иркутске негативно сказались на состоянии медицинской организации города. В ходе боев пострадали лазарет Красного Креста, детская Ивано-Матренинская больница, больница института благородных девиц, не считая громадных разрушений жилой и общественной застройки города, что, естественно, сказалось на санитарном состоянии города. Лечебные учреждения приняли около 1 тыс. человек раненых и убитых, среди них несколько медработников. Хуже всего было то, что раскололась медицинская интеллигенция. Небольшая часть из них поддержала большевиков. Был организован пролетарский Красный Крест, как альтернатива Российскому обществу Красного Креста. Принципы работы Красного Креста стали по-

всеместно нарушаться из-за политических воззрений людей, случайно оказавшихся в его рядах. В итоге эта, казалось бы, индифферентная к политическим дрязгам организация, стала дополнением к обычным медико-санитарным службам воинских формирований, что негативно сказалось на скорости эвакуации пострадавших, что в свою очередь сказалось на смертности. Из положительного опыта стоит отметить большую роль общественной инициативы.

Библиографический список

Бартанова А.А. Славная дочь бурятского народа: о М.М. Сахьяновой // Женщины Советской Бурятии: сб. воспоминаний. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1969. 178 с.

Батоев Д.Б. Сподвижники здравоохранения. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1982. 128 с.

Богданов Л. Герои обороны Белого Дома // Блокнот агитатора. 1967. № 18. С. 25–30.

Гаврилова Н.И. Развитие сферы гражданской активности иркутян: деятельность добровольных неполитических объединений города во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Иркутского госуниверситета. Сер. История. 2017. Т. 21. С. 58–61.

Годы огневые, годы боевые: сборник воспоминаний / Сост. Г.А. Вендрих и А.Я. Шапранова. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1961. 302 с.

Иогансон О.Н. Дорогой борьбы (очерк о жизни и деятельности М.А. Трилиссера). М.: Издательство полит. литературы, 1963. 48 с.

Иркутск накануне и в 1917 году: Очерки политической истории губернского центра / под ред. Л.М. Дамешека. Иркутск: Оттиск, 2017. 543 с.

Кавецкий Д., Рубцов С. «Только самодеятельность граждан… способна удержать силы…» // Земля Иркутская. 2004. № 1. С. 38–40.

Киселев К.А. Работники образования и медицины в революционных событиях 1905 года // Национальная Ассоциация Ученых. 2015. № 6–3 (11). С. 143–145.

Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск: Сибирь-Наука, 2013. 385 с.

Кроль М.А. Страницы моей жизни. М.: Мосты культуры, 2008. 734 с.

Малоземова А.И. К истории здравоохранения в Иркутской области. Иркутск: Книжное издательство, 1961. 180 с.

Неделько Н.Ф. Летопись улицы Красного восстания в Иркутске // Сибирский медицинский журнал. 2010. Т. 94. № 3. С. 129–134.

References

Bartanova A.A. (1969) The glorious daughter of the Buryat people: about M.M. Sakhyanova. *Zhenshchiny Sovetskoy Buryatii: sbornik vospominaniy* = Women of Soviet Buryatia: a collection of memories. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo. 178 p. (In Russ.)

Batoyev D.B. (1982) Companions of Health. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo. 128 p. (In Russ.)

Bogdanov L. (1967) Heroes of the White House Defense. *Bloknot agitatora* = Notepad of the agitator. No 18. P. 25–30. (In Russ.)

Gavrilova N.I. (2017) The development of the sphere of civic activity of the Irkutsk citizens: the activity of voluntary non-political associations of the city in the second half of the XIX – early XX century. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya* = Bulletin of the Irkutsk State University. Ser. History. Vol. 21. P. 58–61. (In Russ.)

Vendrikh G.A., Shapranova A.Ya. (1961) The years of fire, the years of war: a collection of memories. Irkutsk: Irkutskoye knizhnoye izdatelstvo. 302 p. (In Russ.)

Ioganson O.N. (1963) Road struggle (essay on the life and work of M.A. Trilisser). Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury. 48 p. (In Russ.)

Dameshk L.M. (2017) Irkutsk on the eve and in 1917: Essays on the political history of the provincial center. Irkutsk: Ottisk. 543 p. (In Russ.)

Kavetsky D., Rubtsov S. (2004) “Only the initiative of citizens ... is capable of holding forces ...”. *Zemlya Irkutskaya* = Land of Irkutsk. No. 1. P. 38–40. (In Russ.)

Kiselev K.A. (2015) Workers in education and medicine in the revolutionary events of 1905. *Natsionalnaya Assotsiatsiya Uchenykh* = National Association of Scientists. No 6–3 (11). P. 143–145. (In Russ.)

Kokoulin V.G. (2013) Povsednevnaya zhizn gorozhan Sibiri v voyenno-revolyutsionnyye gody (iyul 1914 – mart 1921 g.) [The everyday life of Siberian citizens in the military revolutionary years (July 1914 – March 1921)]. Novosibirsk: Sibir-Nauka, 385 p. (In Russ.)

Krol M.A. (2008) Pages of my life. Moscow: Mosty kultury. 734 p. (In Russ.)

Malozemova A.I. (1961) To the history of healthcare in the Irkutsk region. Irkutsk: Knizhnoye izdatelstvo. 180 p. (In Russ.)

Nedelko N.F. (2010) Annals of the street of the Red Uprising in Irkutsk. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal* = Siberian Medical Journal. Vol. 94. No 3. P. 129–134. (In Russ.)

Новиков П.А. Иркутск в огне // Земля Иркутская. 2001. № 15. С. 56–64.

Новожилов В.А., Филиппов Е.С. Ивано-Матренинская – наследие меценатов: 115 лет Ивано-Матренинской детской больницы. Иркутск: Оттиск, 2010. 352 с.

Павел Постышев: Воспоминания, выступления, письма / сост. К.Н. Атаров. М.: Политиздат, 1987. 400 с.

Петров Ф.Н. 65 лет в рядах ленинской партии. М.: Госполитиздат, 1962. 160 с.

Романов Н.С. Летопись г. Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. 560 с.

Рынков В.М. Санитарно-медицинские службы на Востоке России в антибольшевистский период Гражданской войны (вторая пол. 1918–1919 гг.) // Чтения памяти проф. Е.П. Сычевского: сборник докладов / отв. ред. А.И. Донченко. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2007. Вып. 7. С. 232–249.

Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход. М.: АСТ, 2003. 695 с.

Шереметьева Д.Л. «Рыцарь иркутской общественности» П.И. Федоров (1872–1919) // Вестник Новосибирского госуниверситета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. № 8. С. 122–127.

Эйдеман Р.П. Уличные бои во время восстания (воспоминания участника декабрьских дней в Иркутске) // Сибирские огни. 1927. № 6. С. 85–98.

Novikov P.A. (2001) Irkutsk on fire. *Zemlya Irkutskaya* = Land of Irkutsk. No. 15. P. 56–64. (In Russ.)

Novozhilov V.A., Filippov Ye.S. (2010) Ivano-Matreninsky – patrons heritage: 115 years of the Ivano-Matreninsky Children's Hospital. Irkutsk: Ottisk. 352 p. (In Russ.)

Atarov K.N. (1987) Pavel Postyshev. Memoirs, speeches, letters. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury. 400 p. (In Russ.)

Petrov F.N. (1962) 65 years in the ranks of the Leninist party. Moscow: Gosudarstvennoye politicheskoye izdatelstvo. 160 p. (In Russ.)

Romanov N.S. (1994) Chronicle of the city of Irkutsk for 1902–1924. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdatelstvo. 560 p. (In Russ.)

Rynkov V.M. (2007) Sanitary and medical services in the East of Russia during the anti-Bolshevik period of the Civil War (second half of 1918–1919). *Chteniya pamyati profesoora Ye.P. Sychevskogo: sbornik dokladov* = Readings in memory of Professor E.P. Sychevsky: collection of reports. Blagoveshchensk: Izdatelstvo Blagoveshchenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Iss. 7. P. 232–249. (In Russ.)

Serebrennikov I.I. (2003) The Civil War in Russia. The Great Departure. Moscow: AST. 695 p. (In Russ.)

Sheremetyeva D.L. (2013) “Knight of the Irkutsk public” P.I. Fedorov (1872–1919). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya* = Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser. History, Philology. Vol 12. No 8. P. 122–127. (In Russ.)

Eydeman R.P. (1927) Street fights during the uprising (memories of the participant of the December days in Irkutsk). *Sibirskiye ogni* = Siberian Lights. No. 6. P. 85–98. (In Russ.)

Критерии авторства

В.А. Шаламов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

V.A. Shalamov conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Шаламов Владимир Александрович,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России,
Иркутский государственный университет,
664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: Wladimir13x@ya.ru

Information about the author

Vladimir A. Shalamov,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Russia,
Irkutsk State University,
1 K. Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: Wladimir13x@ya.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47+57)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-180-190

1-й Горско-Моздокский полк в Вооруженных силах Юга России

© Ю.С. Пыльцын

Исторический парк «Россия – Моя история», г. Екатеринбург, Россия

Аннотация: В статье исследуются различные аспекты истории 1-го Горско-Моздокского полка после его возрождения в Вооруженных силах Юга России (ВСЮР). Проанализированы мобилизационные мероприятия командования ВСЮР в Терском войске. Показано, что, несмотря на несколько завышенные ожидания главного командования и сжатые сроки, формирование полка прошло успешно. Впервые составлена сводная таблица численности полка, по которой можно проследить изменения в количестве боевых единиц в полку за 1-ю половину 1919 г. На основании имеющихся данных показаны также потери подразделения. В вопросе о дезертирстве в 1-м Горско-Моздокском полку особое место занимает история о самом «знаменитом» дезертире – Б.А. Мугуеве, ставшим впоследствии советским партийным деятелем и писателем. Отдельно освещены вопросы внутренней жизни полка: снабжения боеприпасами, военная подготовка казаков в условиях войны. Реконструирован боевой путь соединения на разных фронтах: в войсках Терско-Дагестанского края, Кавказской и Добровольческой армиях. Показано, что, несмотря на типичные проблемы воинских частей в Гражданскую войну (недостаточная численность, нерегулярное снабжение, дезертирство) полк являлся боеспособной единицей и выполнял поставленные задачи.

Ключевые слова: 1-й Горско-Моздокский полк, военная история, военное строительство, Вооруженные силы Юга России, Гражданская война в России, Добровольческая армия, Кавказская армия, мобилизация, Терское казачество

Информация о статье: Дата поступления 28 октября 2019 г.; дата принятия к печати 2 декабря 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Пыльцын Ю.С. 1-й Горско-Моздокский полк в Вооруженных силах Юга России // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 180–190. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-180-190

1st Gorsko-Mozdok regiment in the Armed Forces of South Russia

© Yurii S. Pyltsyn

Historical Park “Russia – My History”, Yekaterinburg, Russia

Abstract: In this article the author describes different aspects of the history of 1-st Gorsko-Mozdoksky regiment after its rebuilding in the Military Force of Southern Russia (VSUR). Author analyzes mobilization initiatives of the leadership of VSUR in the Terek Army. Author shows that despite high expectations of commanding officers, the formation of the detachment was successful. For the first time there is table of detachments numbers with which you can trace the changes of the manpower of the detachment in 1st half of the 1919. Based on the available information the losses of the regiment are also shown. At the topic of deserters in the 1st Gorsko-Mozdoksky regiment there is a special place for the story of the most famous deserter – B.A. Muguev who was later Soviet party worker and a writer. Separately author describes the routine of the regiment – supply lines, military drill of Cossacks during the war. Author reconstructs the battle path of the regiment on different warfronts: in the armed forces of Terek-Dagestan region, Caucasus and Volunteer armies. It is shown, that despite typical problems of the military units in the Civil War (insufficient manpower, irregular supplies, deserters) this regiment was a capable military unit and was able to complete its missions successfully.

Keywords: 1st Gorsko-Mozdok regiment, military history, military building, Armed Forces of SouthRussia, Civil War in Russia, Volunteer Army, Caucasian Army, mobilization, Terek Cossacks

Article info: Received October 28, 2019; accepted for publication December 2, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Pyltsyn Yu.S. (2019) 1st Gorsko-Mozdok regiment in the Armed Forces of South Russia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 180–190. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-180-190

Полковые истории – довольно распространенный в императорской России исторический жанр. В периоды празднований юбилеев полков выходили различные описания воинских частей – от роскошно изданных фолиантов до брошюр для нижних чинов. Начиная с 1860-х гг., полковые истории выпускаются массово. Это был, по оценке исследователя В. Морихина, настоящий бум. Только о гвардейских частях вышло более 200 томов (Морихин, 2010. С. 135), а некоторые полки выпустили по несколько изданий. Великая (Первая мировая) и Гражданская войны прервали эти начинания, хотя в эмиграции были попытки написать истории отдельных частей в указанный период (Звегинцов, 1966). Историй Терских казачьих полков в предреволюционные годы почти не было, только в 1916 г. вышла книга Б. Эсадзе «Памятка Гребенца» о 1-м Кизляро-Гребенском полке. Гражданская война прервала это доброе начинание. В эмиграции также не выходило исследований, посвящённых Терским воинским частям. Поэтому остались ненаписанными истории ряда кадровых терских полков, в том числе и 1-го Горско-Моздокского.

1-й Горско-Моздокский Генерала Круковского полк Терского казачьего войска вел свое старшинство с 1732 г. Полк имел богатую ратную историю и знаки отличия: полковое георгиевское знамя «За военные подвиги против непокорных Горцев», 8 серебряных Георгиевских труб «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов», знаки отличия на головные уборы у 1-й полусотни 1-й сотни полка – «За отличие в 1854 году», у второй полусотни – «За отличие в 1855 году». 6 декабря 1908 г. полку была пожалована белевая тесьма на воротнике и рукавах мундиров нижних чинов (Казин, 1992. С. 193–194). Во время Первой мировой войны в составе 1-й Кавказской казачьей дивизии генерала Баратова сражался в Персии (Трут, 2007. С. 163, 516).

После большевистского переворота полк, как и другие терские казачьи части, вернулся на Терек. После провозглашения Советской власти и образования Терской Советской республики 17 марта 1918 г. краевой СНК расформировал терские воинские подразделения (Гагкуев, 2012. С. 244).

Прославленный полк вновь возродился уже в составе Вооруженных сил генерала А.И. Деникина. 1-й Горско-Моздокский полк представлял собой уникальное явление – он единственный из всех первоочередных полков Терского Войска воевал во всех армиях Вооруженных сил Юга России (ВСЮР): в войсках Терско-Дагестанского края, Кавказской и Добровольческой армиях.

17 января 1919 г. последовал приказ атамана Моздокского отдела о мобилизации казаков в формирующиеся полки. В 1-й Горско-Моздокский полк поступали казаки присяг 1911–1918 гг. из станиц Солдатская, Прохладная, Государственная, Курская, Приближная, Екатериноградская, Черноярская, Новоосетинская, Павлодольская, Луковская, Терская и Вознесенская (Центральный Государственный архив республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 1. Оп. 2. Д. 9. Л. 1–1 об.). Мы видим, что полк комплектовался исключительно молодыми казаками. Здесь, надо полагать, был сделан расчёт на то, что молодые казаки будут более устойчивыми к революционной пропаганде, чем фронтовики – участники Первой мировой войны. Таким образом 1-й Горско-Моздокский полк изначально должен был являться одной из наиболее дисциплинированных частей.

Главнокомандующий войсками Терско-Дагестанского края генерал В.П. Ляхов энергично принялся за мобилизационные мероприятия в войске и мобилизовал почти всё казачье население до 42-летнего возраста. Всего немногочисленное терское войско дало в армию Деникина 16 конных полков, 16 пластунских батальонов, 19 (по другим

данным – 21) батарей (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р5881. Оп. 1. Д. 534. Л. 10; Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 2061. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.).

Все мобилизованные казаки должны были быть одеты и обуты, иметь по три смены белья и собственных лошадей. Для того чтобы вооружить мобилизованных из станиц, изымалось оружие не только у казаков, но и у иногородних (ЦГА РСО-А. Ф. 1. Оп. 2. Д. 9. Л. 1 об.).

Надо сказать, что генерал Ляхов излишне оптимистично рассматривал возможности формирования воинских частей. Так, в приказе № 1 по Моздокскому отделу говорилось: «мобилизация должна быть закончена в трёхдневный срок со дня прибытия туда (в формирующиеся полки – Ю. П.) командированных для этого офицеров» (ЦГА РСО-А. Ф. 1. Оп. 2. Д. 9. Л. 1 об.). Но реальность внесла свои коррективы: в итоге формирование заняло полтора месяца (Шилова, 2013. С. 53). К 3 февраля 1919 г., согласно записке генерала Юзефовича, 1-й Горско-Моздокский полк был сформирован, но в нем было примерно 300–400 шашек, «винтовок – наполовину», пулемётов не было вообще[1].

23 февраля 1919 г. полк вошел в состав 2-й Терской казачьей дивизии, 2 сентября 1919 г. – 1-й Терской казачьей дивизии (Волков, 2003. С. 411). В 1-м Горско-Моздокском полку командиры довольно часто менялись, что было довольно типичным для условий Гражданской войны. Известно, что в начале февраля 1919 г. командиром полка был полковник И.П. Барагунов (Киреев, 2010. С. 90). По меньшей мере, в середине марта командиром 1-го Горско-Моздокского полка являлся уже полковник Заболоцкий (Российский Государственный военный архив (РГВА). Ф. 40201. Оп. 1. Д. 8. Л. 63; РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 4 (I часть). Л. 192). На 16 июня полковым командиром значился Генерального штаба полковник Колесников (ГАРФ. Ф. 5351. Оп. 1. Д. 2. Л. 26 об.). С 3 ноября полком командовал полковник Д.М. Пересада (Волков, 2013. С. 613).

Подчеркнем, что, по свидетельству полковника Писаренко, мобилизация Терского казачества производилась не планомерно, по единому плану, а по мере освобождения станиц от красных (ГАРФ. Ф. р5881. Оп. 2. Д. 569. Л. 311). Поэтому на протяжении всего боевого пути полка туда продолжали поступать пополнения.

В конце февраля 1919 г. в 1-й Горско-Моздокский полк прибыло 47 казаков, 8 апреля 1919 г. – 81, 2 июня – 48, 28 июля – 27 (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 12. Л. 61, Д. 21. Л. 4 об., 21 об., Д. 27. Л. 9 об., 10).

С 1 июля по 1 сентября 1919 г. Моздокский отдел дал войску 3 офицеров и 1258 казаков (ГАРФ. Ф. 5351. Оп. 1. Д. 18. Л. 2 об.). Очевидно, что, прежде всего, эти пополнения шли именно в Горско-Моздокские полки, коих во ВСЮР было три.

Помимо воинских чинов, призывали врачей, фельдшеров и санитаров (сестер милосердия) до 50-летнего (мужчин) и 45-летнего (женщин) возрастов (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.). Известно, что должность врача в полку занимал «кандидат на классную должность» Сафронов и один медицинский фельдшер (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 14. Л. 50).

Казаки зачислялись не только на строевые должности. Так, временный начальник 2-й Терской дивизии полковник Земцов запросил из 1-го Горско-Моздокского полка пешего казака в качестве денщика. Причем, не любого казака, а «чистоплотного, расторопного, честного и скромного» (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 3. Л. 12). Неизвестно, увенчалась ли просьба командира дивизии успехом.

О численности полка за первое полугодие 1919 г. может дать представление таблица 1 (сост. по: РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 3. Л. 241; Д. 7. Л. 73; Д. 8. Л. 20, 63, 113, 127, 130, 211, 239, 305, 390; Д. 12. Л. 1; Д. 23. Л. 6, 7, 15).

Следует отметить, что согласно данным на 15 марта 1919 г., строевых казаков в полку было 977, больных – 329, командированных в штаб, станицы и т. д. – 142, дезертиров – 66. Итого – 440 казаков (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 8. Л. 64). Эти сведения не

[1] Записка генерал-лейтенанта Я.Д. Юзефовича начальнику штаба главнокомандующего ВСЮР. 05.02.1919 г. // Материалы к истории антибольшевицкого движения в Терском казачьем войске / Публикация Р.Г. Гагкуева. [Электронный ресурс]. URL: http: a-pesni.org/grvojna/bel/a-antiterek.php) (дата обращения 12.08.19).

Таблица 1

Динамика численности 1-го Горско-Моздокского полка (24 января – 25 июля 1919 г.)

Table 1

The dynamics of the number of the 1st Gorsk-Mozdok Regiment (January 24 – July 25, 1919)

Дата	Казаков	Офицеров	Лошадей	Пулемётов	Патронов	Дезертиров	Командировочных (в отпуске)	Больных	Нестроевые	Вспомогательные	Команда связи	Пулемётная команда
24 января	810											
20 февраля	500	9	600	3	105.000	8	–					
1 марта	560		600			120	10	160				
15 марта	404	12		3		66	142	329	15	25	11	25
Март 1919 г.	417	10		3								
2 апреля	450	9		7					50	39		
3 апреля	290		356									
16 апреля	431	12		10					45	82		
Середина апреля 1919 г.	580.	10	600			120	187					
14 мая	170	10		6	48.000							
27 июня	207	12		8	70.000							30
25 июля	162	12		8	32.550							38

совпадают с количеством шашек, указанных в таблице выше. Если мы добавим к 404 шашкам всех офицеров и вспомогательных, то цифра получается 441. Вероятно, произошла ошибка, т. к. цифры 404 и 440 в написании похожи, и составитель сводки перепутал порядок цифр.

Документы весьма фрагментарно отражают потери полка.

Известно, что в марте 1919 г. в боях у селения Алхан-Юрт (Чечня) 1-й Горско-Моздокский полк потерял ранеными 10 человек (двух офицеров, одного урядника и семерых казаков); от ран умерли хорунжий и юнкер (интересно, что в числе раненых этот юнкер не указан). Убитыми в столкновении по Алхан-Юртом полк потерял одного офицера и трёх казаков; ещё два казака получили контузию (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 8. Л. 116).

Полк продолжал нести потери и в апреле 1919 г., уже сражаясь в Кавказской армии ВСЮР. Так, 21 апреля 1919 г. полк потерял убитыми 1 офицера, 12 казаков, 19 лошадей. Ранеными – 1 офицера, 11 казаков, 15 лошадей. На следующий день потери были несколько меньше – 4 казака и 6 лошадей было убито, 1 офицер, 10 казаков и 15 лошадей – ранено. В руках неприятеля остался 1 пулемёт и повозка (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 8. Л. 186).

Причем из приказов по 2-й Терской дивизии мы можем узнать, что в этот день 1-й Горско-Моздокский полк с 1-й Конно-Гаубичной батареей, составляли резерв второй линии дивизии, и должны были двигаться «уступом за правым флангом 2-го Терского полка, двигаясь на балку Глубокая» (РГВА. Ф. 40199. Оп. 1. Д. 2. Л. 29 об.). Как мы видим, по потерям – бой был жаркий. Подтверждает это и донесение, отправленное 21 апреля неустановленным подразделением 2-й Терской дивизии: «Фронт очень большой. <?> 5 вёрст, людей мало, у противника масса пулеметов, упорно держится, временами приходится отступать… » (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 23. Л. 66).

В боях за Царицын в начале июня 1919 г. 1-й Горско-Моздокский полк понес следующие потери: два казака были убиты, ранеными – двух офицеров и восемнадцать казаков. Конский состав не досчитался одиннадцати лошадей (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 23. Л. 169). 25 июня было убито четыре казака, от ран умерли один хорунжий и один юнкер, ранеными полк потерял одного офицера, одного урядника и девять казаков, контужено было два казака (Сост. по: ГАРФ. Ф. р5351. Оп. 1. Д. 4. Л. 27–29).

Кроме боевой убыли полк нес (превышавшие ее) потери и от различных болезней. 1–5 марта 1919 г. из полка выбыло двадцать девять человек из-за заболевания сыпным тифом (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 14. Л. 3). 8–9 марта разнообразие болезней значительно увеличилось: тридцать семь человек были больны чесоткой, тридцать шесть (из них – два офицера) – цингой, двое – трахомой (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 14. Л. 8). На 10 марта заболевших тифом было уже тридцать восемь (из них десять офицеров), семь казаков были больны инфлюэнцией, и один человек страдал от поноса (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 14. Л. 12). С 10 по 15 марта в полку сыпным тифом заболело ещё восемнадцать человек, инфлюэнцией – семь и ещё один подхватил возвратный тиф (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 14. Л. 19).

Дезертирство было «головной болью» всех противоборствующих сторон в Гражданской войне. По свидетельству начальника войскового штаба Г. Хутиева, «полки безлюдели», т. к. в станицах не хватало рабочих рук из-за тотальной мобилизации, проведённой генералом Ляховым. 14 марта 1919 г. войсковой приказ отмечал: «Начальники строевых частей доносят, что из полков много казаков самовольно отлучается… » (ГАРФ. Ф. р5351. Оп. 1. Д. 2. Л. 6).

Несмотря на неоднократные требования об откомандировании казаков из тыловых учреждений во фронтовые части, ситуация не менялась. В конце концов командование Добровольческой армии отдало приказ, по которому ни один терский казак не имел права поступать не в терские части без письменного разрешения. Эта мера была продиктована не только необходимостью повышения воинской дисциплины: в тыловых частях часто устраивались сторонники большевиков или «профессиональные дезертиры» – те, кто отсиживался в тылу в годы Первой Мировой и Гражданской войн (ГАРФ. Ф. 5351. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–2 об.).

Не только рядовой состав подолгу отсутствовал в тылу. Подобным грешили даже командиры. 29 апреля в Екатеринодар на имя командира полка Заболоцкого было телеграфировано: «Возвращайтесь к полку, иначе будете отрешены» (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 4 (I часть). Л. 192, 193). Больше фамилия полковника в документах не фигурирует, и сложно сказать – вернулся ли он в полк.

Летом 1919 г. в полку произошло другое резонансное происшествие. 11 июня 1919 г. есаул 1-го Горско-Моздокского полка Борис Афанасьевич Мугуев перешел на строну красных. После побега большевики распространили прокламации, где от лица Мугуева призывали терцев переходить на сторону большевиков (ГАРФ. Ф. р5351. Оп. 1. Д. 2. Л. 25–25 об.). Интересно, что в есауле Мугуеве – кавалере Георгиевского оружия, орденов Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Св. Георгия 4-й степени «с пальмами» весьма сложно было заподозрить идейного сторонника большевиков. «Пальмами» называли лавровую ветвь, когда приказом Верховного главнокомандующего от 28 июня 1917 г. разрешено за личную храбрость было (по решениям солдатских комитетов) награждать офицеров солдатским Георгиевским крестом. Более

того, Борис Афанасьевич принимал участие в антисоветском восстании Бичерахова, участвовал во взятии Владикавказа под началом полковника Беликова и в боях на Тереке под командованием генерала Эльмурзы Мистулова (ГАРФ. Ф. р5351. Оп. 1. Д. 15. Л. 1, 3). Не было и «классовой общности» с большевиками, ибо Мугуев происходил из «обер-офицерских детей Терского казачьего войска» (ГАРФ. Ф. р5351. Оп. 1. Д. 15. Л. 2 об.). По всем признаком Б.А. Мугуев был убеждённым контрреволюционером. Надо отметить, что впоследствии Б. Мугуев в СССР стал видным партийным деятелем, писателем и мирно скончался в 1968 г. (Более подробно о Б. Мугуеве см. Пыльцын, 2016).

На уход Б. Мугуева к красным откликнулись многие официальные лица Войска. Руководство Моздокского отдела Терского казачьего войска просило объявить об этом поступке, чтобы этим «навеки заклеймить предателя» (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 10. Л. 76 об.). Войсковой атаман Вдовенко был «глубоко убеждён, что «славные сыны Терека, испытавшие на себе все прелести большевизма и не раз уже доказавшие свою стойкость на фронте в борьбе с гнусными врагами Родины, не пойдут ни на какие призывы изменника, а, наоборот, своими сокрушающими ударами будут продолжать ковать счастье исстрадавшейся Родины». Бориса Мугуева атаман приказал исключить из списков офицеров войска (ГАРФ. Ф. р5351. Оп. 1. Д. 2. Л. 25 об.).

По документам известен ещё один преступник из офицеров, служащий в полку. Подъесаул Белый 26-го декабря 1919 г. самовольно оставил часть с полковым знаменем и командой казаков, его охраняющих и дезертировал. Атаманом подъесаул предавался военно-полевому суду (ЦГА РСО-А. Ф. 2. Оп. 1. Л. 96). Это был конец 1919 г.: армия А.И. Деникина отступала под натиском Красной Армии, дисциплина стремительно падала и неизвестно, удалось ли поймать дезертира и наказать его по всей строгости военного времени.

С самого начала своего формирования полк испытывал нехватку снаряжения и оружия. «В отношении формирования обоза полк поставлен в крайне тяжёлом положении…», – докладывал командир полка начальнику дивизии (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 12. Л. 11). Шанцевого инструмента не было совсем (ГАРФ. Ф. р5351. Оп. 1. Д. 18. Л. 69).

Иногда неисправными были пулемёты, крайне важные в условиях войн той эпохи. Например, 26 февраля 1919 г. трем офицерам полка из артиллерийского склада станицы Шелковской было выдано три пулемета, три запасных ствола и двадцать четыре пулеметные ленты. Но выяснилось, что в двух пулеметах «сломаны были бойки ударников, нет просальников, а так же прокладочных колец и щеточек на назатыльниках, без чего пулемет к стрельбе не способен». Не было найдено и запасных частей, что обрекало пулеметы на непродолжительное действие. Таким образом, из полученного вооружения пригодными оказались только один пулемёт и два запасных ствола (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 15. Л. 5–5 об.).

Вооружение и снаряжение в полку по списочному составу весьма сильно отличалось от реального положения дел, что видно из таблицы 2 (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 3. Л. 241).

Для больных запряжена была одна тачанка, остальной обоз перевозился лошадьми отсутствующих казаков и обывательскими подводами (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 3. Л. 241).

3 марта 1919 г. адъютант 1-го Горско-Моздокского полка сообщил в штаб дивизии, что в полку не хватало одного экипажа (для командира полка), семи двуколок, семи санитарных линеек, двух тачанок, одного грузового автомобиля и сорока лошадей (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 3. Л. 220).

Так как полк был составлен из молодых казаков, то в полку так же проводилось обучение контингента основам военной науки. Приведем распорядок занятий на 2–6 апреля 1919 г. (Сост. по: РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 1. Л. 23).

Полк, как уже отмечалось выше, прошел довольно интересный боевой путь. Хотя детально, по дням, восстановить боевой путь полка пока не представляется возможным. Остановимся на тех событиях, которые отражены в документах. Первое упоминание о 1-м Горско-Моздокском полке мы имеем 24 января 1919 г. В документе упоминается, что полк стоял в станице Прохладная (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 12. Л. 34). Впоследствии, в марте

Таблица 2

Сравнение списочного и реального материального состояния 1-го Горско-Моздокского полка на 1 марта 1919 г.

Table 2

Comparison of the list and real material conditions of the 1st Gorsk-Mozdok Regiment, March 1, 1919

Наименование предметов	Списочный состав	Реальное положение дел
Патроны	120.000	105.000
Винтовки	903	583
Шашки	549	395
Кинжалы	420	223
Пулемёты	3	3
Фургоны	18	6\10 (так в тексте, скорее всего, из 10 фургонов только 6 было в рабочем состоянии)
Двуколки (лёгкие одноосные пассажирские повозки со складывающейся крышей)	6	Нет
Тачанки	2	2
Линейки (длинные дрожки, обычно с возможностью усесться по обе стороны спиной друг к другу)	2	2
Походные кухни	6	4

Таблица 3

Расписание строевых занятий в 1-м Горско-Моздокском полку со 2-го апреля по 6 апреля 1919 г.

Table 3

Schedule drill in the 1st Gorsk-Mozdok regiment from April 2 to April 6, 1919

Дата	Часы	Вид учения	Его суть
02.02.19.	8-10.	Конное учение	Взводное учение. Расчёт, построение, равнение на ходу. Повороты и заезды. Вытягивание колонн и перестроение. Спешивание, хождение за командиром взвода
	14-15.	Пеший строй	Одиночная выправка, отдание чести, повороты, шашечные приёмы
		Строевое дело	Взводное учение. Ознакомление с винтовкой, прицелом, заряжанием, чисткой и хранением оружия
03.04.19.	8-10.	Конное учение	Взводное учение, размыкание и смыкание взвода. Атаки. Под конец – сведение взводов в сотню. Сотенное учение на мелких аллюрах
	14-16.	Пеший строй	Одиночная выправка
		Рассыпной строй	Конный строй сотни. Рассыпание цепи, её движение и огонь
04.04.19.	8-10.	Конное учение	Сотенное учение. Перестроение колонн. Движение сотни. Управление сотней знаками. Спешивание
	14-16.	Рассыпной строй. Сторожевая служба	Занятие в поле с исполнением практической задачи
05.04.19.	8-10.	Конное учение	Разомкнутые строи сотни. Атака сотней. Общее знакомство с лавой
	14-16.	Пешее учение	Полковое учение пеший по конному (так в тексте – Ю. П.)
06.04.19.	8-10.	Конное учение	Знакомство с полковым учением

1919 г. состоявший из 4 сотен полк находился в составе Грозненского отряда Д.П. Драценко (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 8. Л. 113), участвовал в штурме аула Алхан-Юрт. После взятия аула полк, вместе со всей дивизией, вошёл в т. н. «Ермоловский отряд» под командованием генерала Хазова. Ермоловскому отряду следовало оборонять станицы Ермоловскую и Романовскую и аул Алхан-Юрт до полного вывоза из последнего фуража и хлеба, после чего аул следовало уничтожить (Авторханов, 1933. С. 89).

В апреле 1919 г. полк, входивший во 2-ю Терскую дивизию 1-го конного корпуса генерала Покровского, был переброшен на Кавказский фронт. В составе дивизии полк участвовал во взятии станицы Великокняжеской, а затем действовал «постоянным уступом впереди фланга корпуса во время всего марш-манёвра, имея перед собой значительно превосходного (количеством и техникой) противника» (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 21. Л. 25). 24 апреля полк наступал между балками Глубокая-Воровская (РГВА. Ф. 40199. Оп. 1. Д. 2. Л. 34).

Приказ по Кавказской армии от 8 мая ставил дальнейшие задачи. Терцы, действуя в составе 1-го Кубанского корпуса генерала Покровского, должны были преследовать главные силы красных, отходящих вдоль железной дороги на Царицын (Врангель, 1991. С. 127). 2-я Терская дивизия заняла слободу Ильинская, выбив оттуда два полка красной конницы и преследовала их три версты на север пока продвижение войск не задержал красный бронепоезд. Под огонь бронепоезда попал 1-й Горско-Моздокский полк и был убит командир полка полковник Букановский (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 23. Л. 127).

С 1 по 7 июня 1-й Горско-Моздокский полк в боях захватил 14 ящиков заполненных пулемётных лент, ротную аптеку, 1 фургон и 5 лошадей, принадлежавших 5-й кавалерийской дивизии Красной армии (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 23. Л. 169).

Полк также участвовал во взятии городов Царицына и Камышина – крупных стратегических пунктов на Волге. 4 августа дивизия из Царицына была переброшена под Воронеж, где вошла в состав Добровольческой армии (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 4 (I часть). Л. 449). В период действий в Кавказской армии дивизия заслужила похвальные слова от командующего армией – генерала П.Н. Врангеля (РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 21. Л. 60–61 об.).

После переформирования Терских дивизий в июле 1919 г. 1-й Горско-Моздокский полк вошёл в состав 1-й Терской дивизии (3-й конный корпус генерала А.Г. Шкуро). Дивизией командовал генерал-майор В.К. Агоев (ГАРФ. Ф. р5351. Оп. 1. Д. 2. Л. 26 об.).

В сентябре 1919 г. полк сыграл решающую роль во взятии Воронежа. После небольшой артиллерийской подготовки генерал Шкуро бросил в атаку Волчий дивизион и 1-й Горско-Моздокский полк. Не выдержав натиска, красная пехота бежала из окопов и белые заняли Воронеж (Шкуро, 2013. С. 243).

Тем временем в тылу Добровольческой армии поднял восстание Н.П. Махно. На борьбу с ним спешно отзывались войска с других фронтов, в том числе и из-под Воронежа. 28 сентября ставка белых потребовала «принять все меры к ускорению переброски» Терской дивизии в район Волновахи. 4 октября последовало напоминание: «Минуя всяческие препятствия, завтра, 5 октября, двинуть Терскую дивизию на Юг…» (Елисеев, 2004. С. 252). Однако, возможно, из-за того, что Горско-Моздокский полк был в окрестностях Воронежа, связи с ними не было, поэтому отправка полка вновь не состоялась (Елисеев, 2004. С. 252).

Надо отметить, что Горско-Моздокские полки считались надёжными, их, вместе с «волчьим дивизионом» Шкуро держал в резерве, как последний козырь. Так, в столкновении с конницей Будённого 4 октября Горско-Моздокские полки простояли в резерве, а в битве 5 ноября едва не переломили ход сражения, но силы были не равны, и разбить красную конницу не получилось (Евсеев, 1936. С. 38, 40).

Неизвестно, взяли бы реванш за поражение горско-моздокцы, но 6 октября махновцами был взят Мариуполь и последовала напряжённая переписка между ставкой и командованием 3-го Конного корпуса. Ставка категорически требовала в каче-

стве подкреплений 2-ю Терскую казачью дивизию. И уже на следующий день – 7 октября – дивизия, в т. ч. и Горско-Моздокский полк была отправлена в Малороссию (Елисеев, 2004. С. 253).

В конце ноября 1919 г., после поражения под Орлом и последующего отступления, 1-я Терская дивизия соединилась с 3-м Конным Корпусом. В составе дивизии Горско-Моздокцы обороняли Харьков. Однако с декабря 1919 г. сложно говорить о Горско-Моздокском полку, как о «полноценном» подразделении. Терская дивизия была крайне истощена, мемуары свидетельствуют о том, что она была сведена с кубанскими казаками в более крупную войсковую часть (Будённый, 1958. С. 427; Ковалёв, 2004. С. 532; Левитов, 2004. С. 164). О существовании отдельного Горско-Моздокского полка речи уже быть не могло. Весной 1920 г. из остатков Терской и Астраханской дивизий образована Терско-Астраханская казачья бригада (Елисеев, 2006. С. 214). Терско-Астраханская бригада была эвакуирована в тыл, и казаки 1-го Горско-Моздокского полка сражались в её составе вплоть до ухода в эмиграцию в ноябре 1920 г. (Гагкуев, Шилова, 2019. С. 88).

Так закончился боевой путь 1-го Горско-Моздокского полка, отдавшего служению России в общей сложности 188 лет. История полка в Гражданскую войну в целом отражает ситуацию во всех терских кавалерийских полках. Оптимистичные надежды командования ВСЮР на Терское войско привели к тому, что войско выставило на фронт почти все наличные резервы и оказалось почти полностью истощенным, что обусловило и дальнейшие проблемы. Во-первых, несмотря на штатное расписание, численность части не доходила до численности полноценного полка военного времени. Во-вторых, большое количество подразделений и частей следовало обеспечить командным составом, который не всегда наличествовал, – отсюда частая «перетасовка» командиров. Трудности в снабжении были проблемами не только терских полков и даже не только Белой армии – проблемы проистекали из общей разрухи в стране. Дезертирство из терских подразделений было обусловлено не идеологическими разногласиями с Белым движением, а тем, что в станицах не оставалось рабочих рук, – и казаки часто самовольно уезжали к семьям. Хотя в данном случае Горско-Моздокский полк выбивается из общего ряда – в его рядах был, скорее всего, идейный большевик – есаул Мугуев.

Мобилизованные терские части с начала 1919 г. пошли на усиление всех фронтов Южнорусского Белого движения. 1-й Горско-Моздокский, вместе со всей 2-й Терской казачьей дивизией побывал на всех фронтах. В начале полк обеспечивал прочный тыл армии Деникина на Кавказе, «замиряя» немирных горцев, т. е., по сути, продолжал то дело, которым полк занимался почти весь XIX в. в период Кавказской войны. Впоследствии полк в составе Кавказской армии участвовал во взятии г. Царицына и летом 1919 г. был переброшен на главное – Московское направление. Там полк отличился при взятии г. Воронежа и борьбе с Конной армией С. Будённого. Приял участие и в борьбе с движением Н. Махно, но о его действиях против анархистов документальных источников не сохранилось. В дальнейшем судьба полка – типичная для всех частей ВСЮР, разделивших крушение Белого движения на Юге России.

Библиографический список

Авторханов А. Революция и контрреволюция в Чечне. Из истории гражданской войны в Терской области. Грозный: Чеченское национальное издательство, 1933. 175 с.

Будённый С.М. Пройденный путь. М.: Военное издательство министерства обороны СССР, 1958. Кн. 1. 448 с.

Волков С.В. Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. 960 с.

References

Avtorkhanov A. (1933) Revolution and counter-revolution in Chechnya. From the history of the Civil War in the Terek region. Groznyi: Chechenskoe natsional'noe izdatel'stvo. 175 p. (In Russ.)

Budennyi S.M. (1958) Distance traveled. Moscow: Voennoe izdatel'stvo ministerstva oborony SSSR. Book 1. 448 p. (In Russ.)

Volkov S.V. (2013) Officers of the Cossack troops. The experience of a martyrology. Moscow: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke. 960 p. (In Russ.)

Волков С.В. Энциклопедия Гражданской войны. Белое движение. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 672 с.

Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г). М.: Менеджер, 1991. Т. 1. 294 с.

Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М.: Содружество «Посев». 2012. 704 с.

Гагкуев Р.Г., Шилова С. Г. «Терское войско собственными руками вычистило родные станицы от заразы»: Горско-Моздокские полки в рядах ВСЮР в начале 1919 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 2. № 4. С. 84–92.

Евсеев Н. Фланговый удар на Воронеж-Касторная. М.: Государственное военное издательство, 1936. 112 с.

Елисеев Ф.И. С хоперцами // Дневники казачьих офицеров. М.: Центрполиграф, 2004. С. 208–423.

Елисеев Ф.И. Лабинцы. Побег из красной России. М.: Центрполиграф, 2006. 543 с.

Звегинцов В.Н. Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну 1914–1920 год. Париж: Военно-историческое издательство «Танаис», 1966. 208 с.

Казин В.Х. Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей / под ред. В.К. Шнек. Санкт-Петербург: Дорваль, 1992. 480 с.

Киреев Ф.С. Герои и подвиги: уроженцы Осетии в Первой мировой войне. Владикавказ: Ир, 2010. 143 с.

Ковалёв Е.Е. Бои с конницей Будённого и Думенко на Дону и на Маныче в 1920 году // Донская армия в борьбе с большевиками. М.: Центрполиграф, 2004. С. 528–537.

Левитов М.Н. Отступление Корниловской Ударной дивизии // От Орла до Новороссийска. М.: Центрполиграф, 2004. С. 131–180.

Морихин В.Е. Традиции офицерского корпуса русской армии. М.: Кучково поле, 2010. 624 с.

Пыльцын Ю.С. «Навеки заклеймить предателя есаула Мугуева». История одного дезертирства // Запад, Восток и Россия: Проблемы национальной и политической идентичности в исторических исследованиях. Вопросы всеобщей истории. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2016. Вып. 18. С. 96–101.

Трут В.П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в

Volkov S.V. (2003) Encyclopedia of the Civil War. White movement. St. Petersburg: Neva; Moscow: OLMA-PRESS. 672 p. (In Russ.)

Vrangel' P.N. (1991) Memoirs (November 1916 – November 1920). Moscow: Menedzher. Vol. 1. 294 p. (In Russ.)

Gagkuev R.G. (2012) White movement in the south of Russia. Military construction, manpower sources, social composition. 1917–1920. Moscow: Posev.704 p. (In Russ.)

Gagkuev R.G., Shilova S.G. (2019) “Terek Hosts with his own hands clean out the native village from the plague”. Gorsko-Mozdok regiments in the ranks of the All-Union Socialist Liberation Union in early 1919. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* = Bulletin of Volgograd State University. Ser. 4. History. Regional studies. International relationships. Vol. 2. No. 4. P. 84–92. (In Russ.)

Evseev N. (1936) Flank strike on Voronezh-Kastornaya. Moscow: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo. 112 p. (In Russ.)

Eliseev F.I. (2004) With the Cossacks of the Khopersky Regiment. *Dnevniki kazach'ikh ofitserov* = Diaries of Cossack officers. Moscow: Tsentrpoligraf. P. 208–423. (In Russ.)

Eliseev F.I. (2006) Labinians. Escape from red Russia. Moscow: Tsentrpoligraf. 543 p. (In Russ.)

Zvegintsov V.N. (1966) The cavalry guards in the Great and Civil War of 1914–1920. Parizh: Voenno-istoricheskoe izdatel'stvo “Tanais”. 208 p. (In Russ.)

Kazin V.Kh. (1992) Cossack troops: chronicles of the guards Cossack units. St. Petersburg: Dorval'. 480 p. (In Russ.)

Kireev F.S. (2010) Heroes and exploits: natives of Ossetia in the First World War. Vladikavkaz: Ir. 143 p. (In Russ.)

Kovalev E.E. (2004) Fights with the cavalry of Budyonny and Dumenko on the Don and Manych in 1920. *Donskaya armiya v bor'be s bol'shevikami* = Don Army in the fight against the Bolsheviks. Moscow: Tsentrpoligraf. P. 528–537. (In Russ.)

Levitov M.N. (2004) The retreat Kornilov Strike Division. *Ot Orla do Novorossiiska* = In From Orel to Novorossiysk. Moscow: Tsentrpoligraf. P. 131–180. (In Russ.)

Morikhin V.E. (2010) Traditions of the officer corps of the Russian Army. Moscow: Kuchkovo pole. 624 p. (In Russ.)

Pyl'tsyn Yu.S. (2016) “Forever stigmatize yesaul Muguev traitor”. The history of one desertion. *Zapad, Vostok i Rossiya. Problemy natsional'noi i politicheskoi identichnosti v istoricheskikh issledovaniyakh. Voprosy vseobshchei istorii* = West, East and Russia. Problems of National and Political Identity in Historical Research. World History Issues. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. Iss. 18. P. 96–101. (In Russ.)

Trut V.P. (2007) Dear fame and loss. Cossack troops

период войн и революций. М.: Яуза; Эксмо, 2007. 544 с.

Шилова С.Г. Организация ветеринарного дела в Вооруженных Силах Юга России // Военно-исторический журнал. 2013. № 10 (642). С. 49–54.

Шкуро А.Г. Записки белого партизана. М.: Вече, 2013. 304 с.

Критерии авторства

Ю.С. Пыльцын выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Пыльцын Юрий Сергеевич,
кандидат исторических наук, методист по экскурсионной и лекционной работе,
Исторический парк «Россия – Моя история»,
620144, г. Екатеринбург, ул. Народной воли, 49, Россия,
✉ e-mail: imperets.92.9292@mail.ru

during wars and revolutions. Moscow: Yauza; Eksmo. 544 p. (In Russ.)

Shilova S.G. (2013) Organization of veterinary affairs in the Armed Forces of the South of Russia. *Voenno-istoricheskii zhurnal* = Military History Journal. No. 10 (642). P. 49–54. (In Russ.)

Shkuro A.G. (2013) Memoirs of the White partisan. Moscow: Veche. 304 p. (In Russ.)

Attribution criteria

Yu.S. Pyltsyn performed research work, based on the results obtained, made a generalization, prepared the manuscript for publication, has the copyright to the article and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author claims no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Yurii S. Pyltsyn,
Cand. Sci. (History), methodologist for excursion and lecture work,
Historical Park “Russia – My History”,
49 Narodnoi voli street, Yekaterinburg 620144, Russia,
✉ e-mail: imperets.92.9292@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(57)«1917/1922»
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-191-207

«…На крови, обновленной кровью, возродится твой род и снова даст великих ханов»: из истории зарождения идеологии праворадикального антибольшевизма на востоке России в 1918 году

© В.В. Журавлев

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия
Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия

Аннотация: Статья посвящена реконструкции биографических вех и идейных воззрений Якова Владимировича Бяшкова – участника антибольшевистского движения на востоке России, яркого и своеобразного контрреволюционного публициста. В мистико-политическом мизанабиме, опубликованном осенью 1918 г., нашел свое выражение комплекс идейных мотивов, характерных для контрреволюционной идеологии и пропаганды: инфернальный образ большевистского врага, критика демократии, отвержение теории прогресса, преклонение перед «мудростью Азии», вождизм и вера в восстановление специфически преображенной монархии. Яркая образность, усложненная структура, повторения и самоцитаты, изложение реалий актуальной политики языком архаического мифа позволяли Бяшкову сделать то, чего невозможно было добиться, используя рациональный дискурс нового времени: реакционные идеи обретали звучание и убедительность. Соединение гностицизма с ницшеанством, совмещение надежд на военную диктатуру с идеей восстановления власти божественного рода правителей представляли собой вполне перспективные для белого движения идеологемы. Бяшков предстает как особая фигура в идеологическом поле белого движения, как автор, искавший метафизические основания контрреволюционного мировоззрения. Релевантные на тот момент, эти фундаментальные идеологемы смогли надолго пережить политический режим, обосновать оформление которого пытался Яков Бяшков.

Ключевые слова: Гражданская война, контрреволюция, белое движение, политические идеи, идеология, монархизм, правый радикализм, Монголия, Л.Г. Корнилов, А.В. Колчак, мистика, мизанабим

Информация о статье: Дата поступления 12 сентября 2019 г.; дата принятия к печати 21 октября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Журавлев В.В. «…На крови, обновленной кровью, возродится твой род и снова даст великих ханов»: из истории зарождения идеологии праворадикального антибольшевизма на востоке России в 1918 году // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 191–207. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-191-207

"…On the blood recreated by blood, your dynasty will revive and bring great khans again": From the history of origin of ideology of the Ultra-Right Anti-Bolshevism in the Russian East in 1918

© Vadim V. Zhuravlev

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Abstract: This article focuses on the reconstruction of biographical milestones and ideas of Yakov Byashkov – member of the anti-Bolshevik movement in Eastern Russia, a brilliant and original counterrevolutionary publicist. In the mystical-political mise en abyme, published in autumn 1918, a complex of ideas was reflected that are typical of counterrevolutionary ideology and propaganda: infernal image of Bolshevik enemy, criticism of democracy, rejection of progressivism, worship of the "wisdom of

Asia", cult of the leader, and belief in restoration of the transformed monarchy. Bright figurality, complicated structure, repetitions and self-citations, narration of actual political realities in a language of archaical myth allowed Byashkov to achieve the effect that was not possible with the use of rational discourse of the Modernity: reactionary ideas acquired shape and power of conviction. Combination of Gnosticism and Nietzscheanism, joining of hopes for military dictatorship with the idea of restoration of power of divine lineage of rulers were rather advantageous ideologemes for the White movement. Byashkov is represented as an unusual figure in the ideological field of the "White" movement, the author looking for metaphysical foundations of counterrevolutionary mindset. These foundations, which were relevant at the moment, managed to outlast the political regime that Byashkov tried to justify with his texts.

Keywords: Civil War, counterrevolution, "White" movement, political ideas, ideology, monarchism, right wing radicalism, Mongolia, L.G. Kornilov, A.V. Kolchak, mysticism, mise en abyme

Article info: Received September 12, 2019; accepted for publication October 21, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Zhuravlev V.V. (2019) "…On the blood recreated by blood, your dynasty will revive and bring great khans again": From the history of origin of ideology of the Ultra-Right Anti-Bolshevism in the Russian East in 1918. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 191–207. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-191-207

Реализация тезиса о том, что Гражданскую войну в России 1917–1922 годов продуктивно рассматривать как идеологический конфликт, десятилетие за десятилетием сталкивается с препятствием в виде недостаточной изученности политического мышления, свойственного противникам большевиков.

Само понятие «идеология», как и его производные, было порождено осмыслением опыта Просвещения и Французской революции. Его судьба в исторической науке оказалась парадоксальной: пользуясь колоссальной популярностью, будучи сверхвостребованным, одновременно с этим оно непрерывно подвергалось жесткой критике, вызывало настойчивые попытки уточнения, ревизии и переопределения (Зорин, 2001. С. 9–10). Наконец, в ситуации провозглашенного «конца идеологий», разнообразные идеологические системы стали значительно меньше искать (и реже находить) и в историческом прошлом. Однако как стихии общественных «политических языков», так и организованные конструкции разнообразных «политических литератур» по-прежнему сохраняют статус актуальных проблем исторического познания. Такие вехи историографического процесса как история понятий, история дискурса, концептосферы политического воображения и культурного трансфера демонстрируют исследователям политических идеологий направление поиска методологического Эльдорадо: это пространство широко понимаемой филологии.

Лингвистика политического языка, риторика политического высказывания, фольклористика политического мифа и ритуала, наконец – литературоведение политической литературы – вот оптики, использование которых адекватно насущным задачам *исторического* исследования политических идеологий сегодня. К изучению идеологических практик антибольшевистского движения в российской гражданской войне это относится в полной мере.

Еще в далеком 1980 году Питер Кенез сетовал на то, что «историки объяснили мысли и мотивы белых намного меньше, чем умонастроения красных» (Kenez, 1980; росс. публ.: Кенез, 1994) (и спустя сорок лет это утверждение по-прежнему справедливо). В исторической, а не историографической оптике вгляделся в проблему Пол Робинсон, когда высказал утверждение, что для белых был сущностно свойственен «приоритет „дела" над „словом"» (Робинсон, 2002. С. 186–198). Опираясь на совершенно иные основания, В.П. Булдаков недавно высказал сомнение в том, «что противники большевиков вообще обладали хотя бы подобием агрегированной аксиологичности» (Булдаков)[1].

[1] Булдаков В.П. Отклик на 4-й номер журнала «Российская история» (2018 год) // Российская история [Электронный ресурс]. URL: http://российская-

Перед нами три ортогональные плоскости, в целом описывающие своего рода негативный универсум невозможности изучения идеологии белого движения. Белые *не хотели* политически мыслить («пространство Робинсона»), белые *не могли* делать это («пространство Булдакова»), и обе эти причины *не позволили* историкам изучать политическое мышление белых («пространство Кенеза»).

Правда, в названиях ряда работ, посвященных контрреволюционному лагерю, содержится термин «идеология». Антибольшевистские идеологические течения периода Гражданской войны на востоке России рассматривались, как правило, в ракурсе массовой пропаганды. Она и была приоритетным предметом исследования, прежде всего, в организационном и, несколько менее, в содержательном отношении. Конкретных фигур творцов и трансляторов политических смыслов и значений, «идеологов» (в той или иной трактовке данного термина) изучено совсем немного. Имена А.В. Адрианова (1854–1920) (Крюков, 2004; Шиловский, 2007; Ларьков, 2013; Шереметьева, 2015; Серебренникова, 2017), И.И. Аносова (1880–1934) (Юшников, 2014), В.А. Жардецкого (1884–1920) (Хандорин, 2010), В.А. Рязановского (1884–1968) (Хисамутдинов, 2003; Амосов, 2003; Побединский, Остроух, 2011; 130 лет…, 2014; Журавлев, 2014), Р.Ф. Унгерн-Штернберга (1885–1921) (Юзефович, 1993; Белов, 2003; Кузьмин, 2011; Юзефович, 2019), Н.В. Устрялова (1890–1937) (Агурский, 1980; Устрялов, 1991; Агурский, 2003; Романовский, 2006; Романовский, 2007[2]; Лысенко, 2007[3]; Козлов, 2008[4]; Романовский, 2010; Романовский, 2015; Романовский, 2019) практически исчерпывают этот список.

Все эти персонажи были в той или иной степени известны исследователям истории Гражданской войны еще в советский период, что и послужило благоприятным фундаментом для изучения их деятельности в постсоветские десятилетия. Настоящая статья представляет собой попытку рассмотреть в рамках истории политической идеологии восточно-российской контрреволюции фигуру доселе совершенно неизвестную – Якова Владимировича Бяшкова.

* * *

14 сентября по григорианскому календарю (1 сентября по юлианскому) 1918 года, в № 19 владивостокской газеты «Приморская жизнь» увидела свет публикация, озаглавленная «Сказки Баира» и подписанная «Я. Бяшков». Это был первый из серии текстов, принадлежащих данному автору и опубликованных на страницах «Приморской жизни» осенью 1918 г.

Спустя десять недель, 24 ноября (11 ноября) 1918 года, в № 76 той же газеты был опубликован текст «Предсказание», восьмая и последняя из известных нам на данный момент газетных публикаций, атрибутируемых Я.В. Бяшкову.

К сожалению, на основании известных нам неполных комплектов и отдельных экземпляров «Приморской жизни» восстановить непрерывную последовательность всех выпусков данного периодического издания за 1918–1919 годы не удалось. С высокой степенью вероятности можно предположить, что многие номера газеты не сохранились в принципе и, соответственно, полная совокупность публикаций Я.В. Бяшкова в «Приморской жизни» никогда не будет доступна исследовательскому вниманию.

Неполнота источника, с одной стороны, создает определенные препоны на пути его изучения и осмысления, но отнюдь не делает их ни невозможными, ни безнадежными. «Недостаток можно восполнить или даже превратить в нечто положительное, если выдвинуть на первый план понимание» (Нольте, 2001. С. 6). Фрагментированность материала может быть скомпенсирована усиленным вниманием к историческому контексту и бо-

история.рф/forum/buldakov (дата обращения 11.10.2019).

[2] Романовский В.К. Николай Васильевич Устрялов: деятельность и эволюция идейно-политических воззрений (1890–1937 гг.): автореф. дисс. … д-р ист. наук. Нижний Новгород, 2007. 53 с.

[3] Лысенко Е.А. История идеологии национал-большевизма Н.В. Устрялова (1900-е гг. – 1925 г.): автореф. … канд. ист. наук. СПб., 2007. 23 с.

[4] Козлов А.В. Национал-большевизм Н.В. Устрялова: истоки, сущность, эволюция: автореф. … канд. ист. наук. М., 2008. 18 с.

лее интенсивной внутренней герменевтикой текста.

* * *

Яков Владимирович Бяшков родился около 1896 г. в семье крупного психиатра Владимира Яковлевича Бяшкова (1854–1921) (Симонович-Ефимова, 1964. С. 176) и его супруги Варвары Яковлевны, урожденной Симонович (1867?–1922) (Симонович-Ефимова, 1964. С. 52), представительницы известной интеллигентской династии. В 1913 году он окончил смоленскую частную мужскую гимназию Н.П. Евневича (Смоленская…)[5].

Сохранилось письмо к В.М. Бяшкову его свояка С.К. Львова, написанное между 6 и 16 января 1914 г. Зимой 1913–1914 гг. С.К. Львов, постоянно проживавший во Франции, приезжал в Россию и, заболев, остановился в Домотканово, имении другого своего родственника, В.Д. фон Дервиза. Бяшковы также в эти дни гостили в Домотканово и, судя по всему, заботливо поддерживали захворавшего родственника. Письмо завершается полушутливым пожеланием: «Желаю вашему дипломату сделаться посланником в Монголии» (ГАРФ. Ф. ДП-102, ОО, 1914 г., Д. 20. Ч. 77. Лит. Б. Л. 2). Речь идет о Якове Бяшкове. Видимо, дядя и племянник достаточно общались во время этого визита, и бывший гимназист, как это часто бывает, охотно делился с приехавшим издалека не слишком знакомым взрослым человеком своими увлечениями и планами на жизнь. Судя по вышеприведенной фразе, в центре этих планов уже была размещена Монголия.

Для русской образованной публики 1911–1913 годы были временем «открытия Монголии». В частности, российская пресса уделяла немалое внимание дипломатическим коллизиям треугольника Россия – Монголия – Китай (Дудин, 2011; Батунаев, 2015; Базаров, 2015; Базаров, 2017).

Действительно, летом 1914 г., восемнадцатилетний выпускник гимназии на самом деле оказался в Урге, где занимался собиранием коллекций монгольской фауны и флоры (Отчет…, 1915. С. 93[6]; Грубов, 1955. С. 17). В следующем, 1915 году Я.В. Бяшков вновь посещает Монголию, собрав еще более представительную зоологическую коллекцию (Отчет…, 1916. С. 92)[7].

В сентябре 1915 г. Я. Бяшков, уже достаточно опытный путешественник, поступил на факультет восточных языков Императорского Петроградского университета, на монгольское отделение. 15 февраля 1916 г. приват-доцент кафедры монгольской и калмыцкой словесности Б.Я. Владимирцов писал из Петрограда в Ургу русскому колонисту в Монголии А.В. Бурдукову: «Студенты у меня отличные, на первом курсе всего два, но зато занимаются отлично; один из них, Бяшков, поедет вероятно этим летом в Монголию, его, кажется удастся пристроить при Козиновской партии для исследования Монголии. Работать ему придется в Гоби, на юг от Улясутая, впрочем, это еще не решено» (Бурдуков, 1969. С. 350).

С.А. Козин, о котором шла речь в этом письме, – это командированный в 1914 г. российским правительством в Монголию чиновник, назначенный русским советником при правительстве богдохана, впоследствии – крупнейший отечественный монголовед, исследователь эпоса, фольклора и духовной жизни монгольских народов. В 1915 году С.А. Козин организовал специальную Экспедицию для исследования Монголии в экономическом отношении. Возглавлял экспедицию помощник русского советника П.А. Витте. Экспедиция продолжила свою деятельность и в 1916 году, производя «естественно-историческое, географическое и статистическо-экономическое обследование страны»

[5] Смоленская частная мужская гимназия Н.П. Евневич, г. Смоленск, списки выпускников // Генеалогический форум ВГД [Электронный ресурс]. URL: https://forum.vgd.ru/1408/67434 (дата обращения 1.10.2019).

[6] Отчет по Зоологическому музею Императорской академии наук за 1914 год. Составлен директором музея академиком Н.В. Насоновым // Ежегодник Зоологического музея академии наук. 1915. Т. 20. № 2. 243 с.

[7] Отчет по Зоологическому музею Императорской академии наук за 1915 год. Составлен директором музея академиком Н.В. Насоновым // Ежегодник Зоологического музея академии наук. 1916. Т. 21. № 2–3. 275 с.

(Майский, 1921. С. 280–281)[8]. В работах именно этой экспедиции принял участие Я.В. Бяшков летом 1916 г. В письме Бурдукову от 2 сентября 1916 г. Владимирцов упоминает «нашего студента Бяшкова, находящегося теперь в Монголии в Козиновской экспедиции» (Бурдуков, 1969. С. 352).

Интересы Бяшкова смещаются от естественных для выходца из врачебной семьи природоведческих сюжетов к исследованию религии и исторического прошлого монголов. В Государственном Эрмитаже хранится археологическая коллекция, происходящая из монастыря Сарьдаг, бывшего резиденцией богдо-гэгэна Дзанабадзара (1635–1723). Артефакты коллекции датируются XVII веком и представляют собой фрагменты культовой буддийской скульптуры, черепицу, керамику и архитектурные фрагменты, которые были собраны в развалинах монастыря у истоков реки Толы (Туул) (рис. 1). В инвентарной книге Государственного Эрмитажа они числятся как «коллекция Бяшкова», и указано, что она была собрана и поступила в 1916 г. (Елихина, 2019. С. 65–66, 68).

О дальнейшем мы можем судить из мемуарной информации, сообщаемой самим Бяшковым в его публикациях в «Приморской жизни». Если этим сведениям можно доверять, то осень 1917 г. застала его на Западном фронте в районе Сморгони в составе 132-й пехотной дивизии в качестве «ротного командира» в чине прапорщика. Он был свидетелем и участником событий 2 октября 1917 г. (Муратов, 1958. С. 126), когда на станции Залесье командир запасного батальона данной дивизии подполковник Макаревич был убит толпой его взбунтовавшихся солдат (Приморская жизнь. 1918. № 29. 27 сентября).

В начале октября он выехал в отпуск в Петроград. Принимал участие в подготовке к выборам во Всероссийское учредительное собрание в составе василеостровской районной кадетской партийной организации. Общался с академиком С.Ф. Ольденбургом, профессором А.Д. Рудневым. Находился в Петрограде 25 октября 1917 г., затем выезжал, по поручению районного партийного комитета, в Царское Село с целью проверки слухов о «выступлении Керенского – Краснова». Убедившись в провале «гатчинского мятежа», в середине ноября 1917 г. Бяшков вернулся в действующую армию (Приморская жизнь. 1918. № 32. 2 октября).

По состоянию на 12 февраля 1919 г. Я.В. Бяшков в чине прапорщика служил в должности младшего офицера отдельной сотни конвоя верховного

Рис. 1. Фрагмент архитектурного украшения с изображением локального божества из развалин монастыря в истоках р. Толы, найденный Я.В. Бяшковым в 1916 г. (Опубликовано: Елихина, 2019. С. 172). «Под развалинами храмов лежали разбитые статуи – бывшие боги. Бронзовые, терракотовые, безрукие, безногие, лежали они, одни только говорившие о былой жизни, о былых духах» (Приморская жизнь. 1918. 25 сентября. Среда. № 27).
Fig. 1. A fragment of architectural decoration depicting a local deity from the ruins of a monastery at the head of the river Tola, found by Ya.V. Byashkov in 1916 (Published: Elikhina, 2019. S. 172)

[8] Майский И.М. Современная Монголия (Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительных обществ «Центросоюз»). Иркутск, Государственное издательство, Иркутск. отд. 1921. 332 с.

уполномоченного Российского правительства на Дальнем Востоке генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата во Владивостоке. Через месяц охрана Д.Л. Хорвата была реорганизована, и с 15 марта Я.В. Бяшков занял должность наблюдателя отряда личной охраны верховного уполномоченного (ГАРФ. Именной каталог по истории белого движения).

Последнее имеющееся свидетельство о Якове Владимировиче Бяшкове относится к 26 сентября 1919 г., когда он упомянут как прапорщик 2-го Барабинского Сибирского стрелкового полка (Там же).

В сентябре 1919 г. эта часть в составе 1-й Сибирской стрелковой дивизии вела бои на линии фронта между Тюменью и Ишимом. Полк, как и другие воинские подразделения на этом направлении, понес тяжелые потери, в том числе от тифа, в ноябре был отведен в тыл в Новониколаевск, где 7 декабря 1919 г. принял участие в антиколчаковском мятеже полковника А.В. Ивакина (Симонов, 2013). Весьма вероятно, что в ходе событий октября – декабря 1919 г. Яков Владимирович Бяшков погиб. По крайней мере, никаких свидетельств о нем более нам обнаружить не удалось.

* * *

Теперь мы можем обратиться к публикациям в газете «Приморская жизнь».

Газета «Приморская жизнь», закрытая большевистскими властями в феврале 1918 г. (Крушанов, 1983. С. 187), возобновила выход 7 августа (25 июля ст. ст.) 1918 г., немного более чем через месяц после свержения во Владивостоке советской власти. Издание характеризовало себя как «орган независимой демократической мысли» и «газету ежедневную внепартийную, посвященную интересам русского Д[ального] В[остока] и жизни сопредельных с нами стран». Печаталась в типографии Восточного института, арендованной товариществом «Трудовая печать» (Несоветские газеты…, 2002. С. 97)[9]. Редактором ее был прапорщик К.К. Андрущенко, выпускник китайско-монгольского отделения Восточного института (Зелений Клин, 2011. С. 33–34)[10]. Газета занимала позицию на правом фланге восточно-российского антибольшевизма, при общем умеренно-правом тоне, на ее страницах встречаются и материалы, которые можно определить как проявление праворадикальных тенденций. К числу именно таких могут быть отнесены и публикации Я.В. Бяшкова.

На настоящий момент нам известно восемь опубликованных в ней текстов Я.В. Бяшкова. Пять из них увидели свет в сентябре (14, 18, 21, 25 и 27 сентября), один – 2 октября, и два – в ноябре (23 и 24 числа) 1918 г. В диапазоне трех недель между 14 сентября и 2 октября публикации выходили с надежной регулярностью – два раза в неделю, по средам и субботам (один раз в пятницу). Если бы, гипотетически, подобный ритм сохранялся, то до воскресенья 24 ноября, когда был опубликован последний из известных текстов, должны были появиться в печати еще 15 текстов – восемь в октябре и семь в ноябре. Однако среди девяти сохранившихся номеров газеты за октябрь (включая четыре номера за среды, пятницы и субботы) и десяти номеров за ноябрь (включая шесть номеров за среды, пятницы и субботы) бяшковская публикация имеется всего одна – в субботу, 23 ноября. Следовательно, отсутствующих текстов было значительно меньше, но мы можем определенно утверждать существование как минимум еще одного: текст от 23 ноября содержит в себе положения, подразумевающие наличие некого предшествующего текста.

Повествование Якова Бяшкова имеет сложную, даже изощренную, но при этом жестко подчиненную определенным целям архитектонику и сюжетную структуру. Оно, безусловно, может рассматриваться как единое нарративное целое (рис. 2). Перед нами своеобразный «шкатулочный роман», мизанабим, в чем-то подобный «Рукописи, найденной в Сарагосе» Я. Потоцкого или «Герою нашего времени» М. Лермонтова.

[9] Несоветские газеты (1918–1922 гг.). Каталог собрания Российской национальной библиотеки / науч. ред. Г.В. Михеева; ответ. сост. И.А. Снигирева. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2002. 168 с.

[10] Зелений Клин. Енциклопедичний довідник / укл. В.А. Чорномаз. Владивосток: Вид-во Далекосх. федерал. ун-ту, 2011. 288 с. (На укр. яз.)

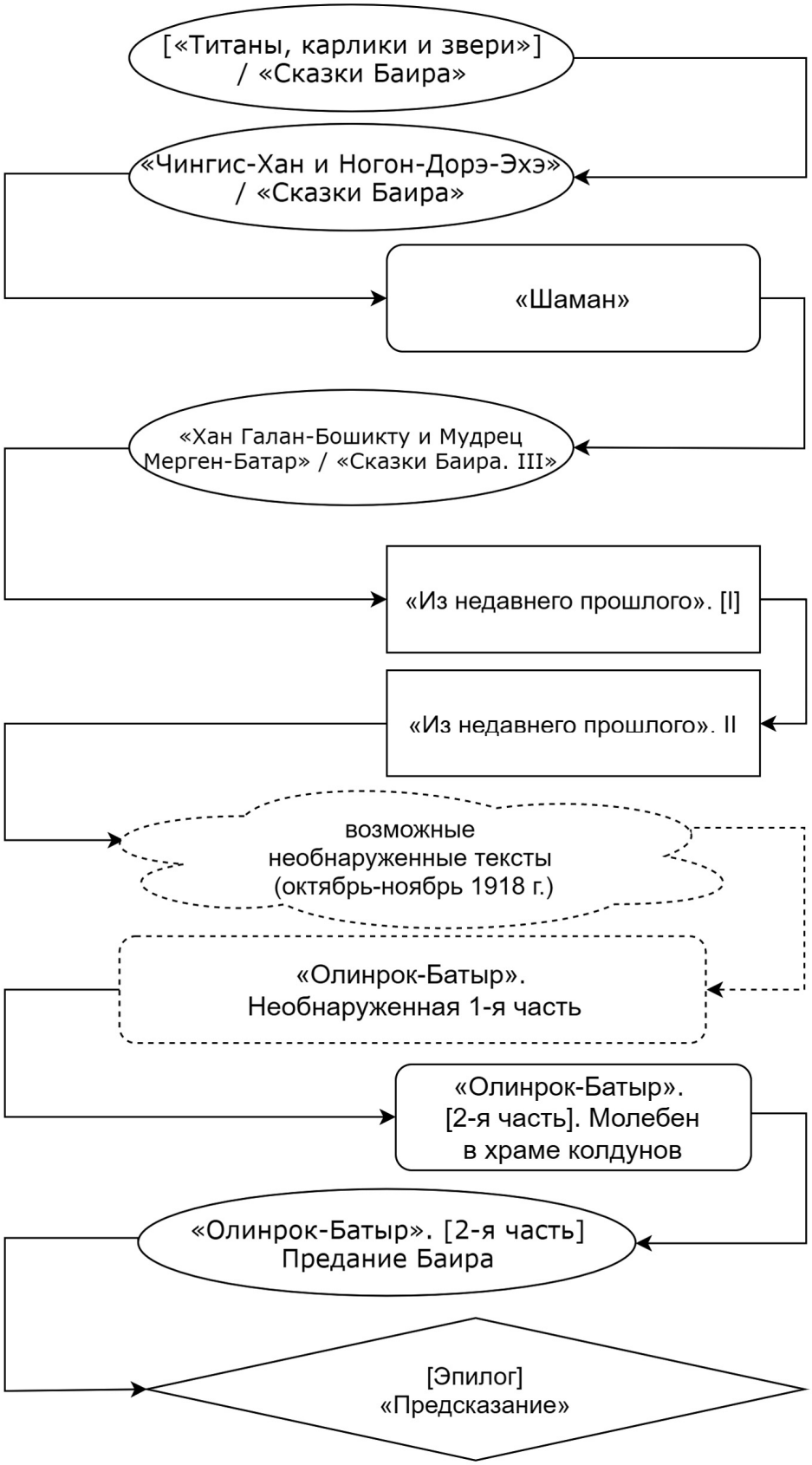

Рис. 2. Структура повествования Я.В. Бяшкова.
Fig. 2. The structure of narrative made by Ya.V. Byashkov.

Первая новелла имела только общее заглавие «Сказки Баира» (Приморская жизнь. 1918. № 19. 14 сентября). Повествование начинается с лаконичного вступления, представляющего «старика Баира», важного, но не главного героя повествования: «Много лет назад, во время скитаний по бесконечным степям Монголии мне попался старик-певец, знавший лучшие песни своей родины…». Затем приводится типичное оправдание маскируемого авторства: «К сожалению, под руками нет рукописей, и я принужден восстанавливать их по памяти».

Далее следует текст «старой песни, хорошей песни».

В зачине говорится: «Давно это было, даже наши деды не помнят <…>. В конце хорошего времени и в начале плохого, вот когда это было». В первоначальное, счастливое время земля была населена титанами, «сильными телом, сильными духом». В уста монгола-рассказчика Бяшков без смущения вкладывает следующую формулировку мудрости титанов (исполненную вполне в духе Анри Бергсона): «Выше чувств объекты, выше объектов дух, выше духа разум, а великое Я выше разума».

Потомки титанов измельчали и развязали «кошмарную войну карликов». «На запах горячей крови» явились звери, которые стали разрывать павших или ослабевших бойцов. В это время жили три последние титана. Они пришли на помощь «измельчавшим собратьям».

Сперва выступил младший титан. Он бросился в битву и стал поражать зверей. «Слепые от злобы карлики не могли поддержать его; они вертелись около его ног, визжали, затевали свои мелкие междоусобные войны. В конце концов, Титан споткнулся о них и упал».

Второй титан, видя судьбу брата, «не встал в ряды борцов, а перешел к зверям и стал спасать тех, кто попадал к ним на зубы <…> Израненный, истекающий кровью оставил он свое дело и пришел к тем, кого защищал, прося перевязать раны». Карлики обвинили его в том, что он «пришел от врагов», и задушили. «Кровью побежали реки, земля стонала от диких воплей».

Третий титан пришел, призывая карликов: «Во имя спасения идите под мои знамена! Я вас приведу к победе!», был обвинен в стремлении к власти и тоже убит. Карлики праздновали победу над титанами. «И настало царство зверей».

Легенда завершается пророчеством: «Но Судьба справедлива и неуклонна: придет конец звериному царству, и снова придут великие Титаны».

Перед читателем автор разворачивает типичную вариацию этиологического мифа о войне карликов и великанов, причем его сюжет скорее всего имеет не монгольское, а западноевропейское литературное происхождение. Вероятнее всего прототипом здесь служит легенда о великанах, медведях и карликах из 12-й главы поэмы Генриха Гейне «Атта Троль». В ней идет речь о войне великанов со зверями, о гибели великанов, и приводится пророчество об уничтожении человечества карликами. Причем последние символизируют «измельчание человеческого рода и растущую силу золота» (Гейне, 1978. С. 43–44, 150). Как это часто бывает, Бяшков и следовал за своим предшественником, и полемизировал с ним. Великаны у него названы древнегреческим термином «титаны», явно для ассоциации с устойчивым выражением «титаны духа». Более того, слово «титан» и даже прилагательное «титанические» употребляются с прописной буквы.

Актуально-политическое содержание выступало в этой новелле рука об руку с социальной онтологией. Читатель того времени узнавал в описании «кошмарной войны карликов» Первую мировую войну. Карлики здесь – это отчасти европейское, но, прежде всего, русское, общество, описываемое как социальный тип обывателей, бюргеров, мещан, «*мелких* буржуа». Звери – воплощение стихии жестокости войны, разбуженные войной силы социального хаоса, а если конкретно, – большевизированные массы. Титаны – русская элита, прежде всего, офицерство. Образ первого титана воплощает добровольцев начала войны, погибших в 1914–1915 гг. Второго – скорее всего, работников Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам и других общественных органи-

заций, которые занимались устройством госпиталей, санитарных поездов, отправкой на фронт врачебно-питательных отрядов, закупкой медикаментов и, тем не менее отнюдь не вызывали широких симпатий. Образ третьего титана – это образ «ударников», участников летнего наступления 1917 г. и корниловского мятежа.

Одновременно, на более общем плане, за этими аллегориями проявляется гностическое по своей мировоззренческой основе разделение человечества на три «породы» людей: на имеющих право на власть пневматиков (людей духа), слабых и обуреваемых эмоциями психиков (людей души), и живущих лишь чревом гиликов (людей тела). Скорее всего, совершенно неслучайно в зачине легенды использован столь важный для гностической традиции мотив «искр»: «это было… когда небесные звезды были искрами…». Гностический и ницшеанский субстраты проявляются и в концепции времени данного текста: золотой век («хорошее время»), сменяющий его железный («плохое время»), обещанное возвращение титанов.

Вторая новелла – «Чингис-Хан и Ногон-Дора-Эхэ» (Приморская жизнь. 1918. № 22. 18 сентября.), значительно ближе к монгольскому эпосу и, возможно, действительно имеет в качестве переработанной основы запись реального эпического сказания. Текст носит ярко-орнаментальный характер, с многочисленными эпическими формулами, ритмическими повторениями и т. д.

Песнь Баира предваряется лирико-элегическим описанием осенней монгольской природы: «Сегодня наш лагерь разбили на высоком берегу соленого озера. Кажется, что вы вдруг, неожиданно для самого себя, очутились за Летой; все мертво. <…> И, кажется, сама сказка разлилась кругом. А Баир так хорошо рассказывает их! Так хорошо поет он древние песни под аккомпанемент своей звонкой хуры! Ее высокий голос стонет и плачет, вспоминая и прежних героев, и прошедшее лето…».

Сюжет этой части построен на широко известном мотиве чудесного брака. Чингис отправляется на охоту и преследует лань с золотой шерстью. Лань оказывается богиней Ногон-Дора-Эхэ (Зеленая Тара ламаистского пантеона). От их брака рождается чудесный сын. Чингис-Хан радуется, пирует и наставляет сына, «как надо жить и как управлять государством». Затем он повелевает созвать «лучших шаманов мира» и, в результате, получает авторитетное пророчество: «Род твоего сына будет великий род, он будет царствовать над самым большим государством мира. Много даст он великих Ханов <…>. Пройдут года, пройдут века, сменится много Ханов, и станут забывать твои заветы. Забудут даже великое происхождение своего рода, забудут язык свой, и род будет мельчать. Наконец появится, смиренный тобой, твой злейший враг – Шара Мангас, победит Хана и станет повелевать им – твоим потомком. Народ взбунтуется и прольется кровь. Много прольется крови – пока не вспомнятся твои заветы и на крови, обновленной кровью, возродится твой род и снова даст великих Ханов – отражение твоего духа…».

После мифологической экспозиции первой части, вторая часть выполняет роль завязки. Не в космогоническом безымянном мире «титанического» пролога, а в эпическом основании истории зарождается зерно конфликта. Мир Чингиса – это мир божественной гармонии, мир удачной охоты, свадьбы, рождения и праздника, мир мудрости и божественных благодеяний. Однако завершается он мрачной тенью шаманского пророчества. Из него читатель узнает, что, во-первых, у Чингиса был враг, Шара Мангас, которого тот «смирил», чем, видимо, и было обеспечено благое состояние. Далее совершается важнейшая идентификационная операция: род Чингиса отождествляется с родом русских правителей. Перед нами смелая идеологическая инновация. Еще раз напомним, что это написано осенью 1918 г. и до оформления ключевых историософских положений мировоззрения евразийцев еще достаточно далеко.

Затем описываются два взаимосвязанных процесса деградации мира: «забвение заветов» и уже знакомое по «титаномахии» первой новеллы «измельчание», в данном случае – божественного рода правителей. Шара Мангас, повелевающий Ханом, – это, конечно же, отражение образа Распутина («темные силы»), повелевающего Николаем II (Колоницкий, 2010. С. 537).

Наконец, опять присутствует пророчество о возвращении к прежнему благому состоянию: «возродится твой род». Но возродиться он может только «на крови, обновленной кровью» и на основе реставрированных «заветов» Чингиса.

Третья новелла (Приморская жизнь. 1918. № 25. 21 сентября) занимает особое место в архитектонике бяшковского повествования, это своего рода интерлюдия. Последнее подтверждается тем, что следующая публикация, четвертая по порядку, будет снабжена номером «III». Название лаконично и состоит из одного слова («Шаман»), сам текст разделен на две неравные части: набранное мелким кеглем предуведомление от автора, подписанное литерами «Я. Б.», и основная часть, представляющая собой якобы текст письма некоего У.

Достаточно очевидно, что Бяшков рисует портрет этого персонажа с самого себя. У., как и реальный Бяшков, путешествует по Монголии, затем его ждут «школа прапорщиков», «фронт, революция, керенщина». Все совпадает, возможно, только на фронте У. оказывается примерно на год раньше Бяшкова. Как и Бяшков, У. находится в столице 25 октября 1917 г., с одним существенным отличием: «молодой ученый, подававший такие большие надежды, погиб в Петрограде, пав с размозженной головой при защите Зимнего дворца в октябре прошлого года». Быть может, в этом мотиве сквозит определенный самоупрек автора?

Затем следует само «письмо мертвеца». Начинается оно, как и предшествующие бяшковские тексты, с описания природы, правда, на сей раз развернутого и сюжетного: описывается паводок и конь, преодолевающий бурно разлившуюся реку. Далее следует рассказ о шамане, которого У. пригласил для камлания, говорится, что он – потомок урянхайских шаманов, «вызванных с Алтая самим Богдо Чингис-Ханом». Это прямая отсылка к предыдущему тексту, где Баир рассказывал, как Чингис созвал со всех концов земли лучших шаманов.

Далее следует рассуждение самого У., сообщающего читателю, что после нижеописанного происшествия он разуверился в способности шаманов видеть будущее. В противовес этому описывается страх попутчиков, людей образованных («два инженера с соседних приисков»), не желающих присутствовать при ритуале.

Во время камлания происходит мистический «сбой»: в шамана вселяется не призываемый «добрый дух», а упоминавшийся в предыдущем тексте Шара-Мангас. Он представляется и сообщает, что его, которого ранее «смирил Чингис-Хан», теперь освободила «слабость Белого царя» (еще раз напоминая читателю одну из ключевых «евразийских» идей своего повествования: утверждение о том, что род Романовых восходит к Чингису).

После этого начинается очередное пророчество. Мангас предсказывает скорую смерть У., впрочем, утешая его тем, что «за это поставят тебе лучшие люди потом памятники, и имя твое не умрет в сердцах и памяти честных людей». Он описывает катастрофическую картину будущего: «Твоя Родина потеряет в то время свое величие и имя русского будет неприятно. Война, гигантская война разразится над миром и прольется крови два больших озера. Измена и предательство возведутся в добродетель. Любовь к Родине и к ближним станет преступлением. Лучшие люди поведут народ к победе и славе и за это будут убиты и заслужат кличку предателей». Несомненно, эти слова находили отзвук в душах патриотично настроенных военных.

Пророчество завершается следующим описанием: «Оставшаяся кучка отовсюду гонимых, верных сынов Родины соберется на благодатном Юге, но те, ради которых они страдают, нападут и разобьют их». Это несомненная аллегорическая отсылка к корниловскому Ледяному походу.

Следующая, четвертая новелла (Приморская жизнь. 1918. № 27. 25 сентября) – «эпос» об исчезнувшем племени Номтэ, вроде бы не содержит пророчеств. Это псевдоэпическая ретроспекция, рисующая траекторию от величия некоего древнего народа, через одержимость духами безумия, к порабощению и исчезновению. В основе рассказа – широко распространенный так называемый «чудской» мотив аборигенов местности, уступающих место новому народу и оставляющих следы в виде городищ, курганов, развалин или иных следов своего существования (Криничная, 1991. С. 278–294). Этот мотив использован Бяшковым как материал

для описания невыносимой для патриотического чувства ситуации иностранной военной интервенции. Характерно, что Мерген-Батор, alter ego автора, ходатай за покоренный народ, лишь униженно взывает к иноземному поработителю: «Дай нам стать самими собой и самим быть хозяевами в своей стране!». Угроза возможного прекращения исторического бытия русского народа под чужеземной властью воспринимается во Владивостоке осени 1918 г. слишком остро, автор относит ее в прошлое, как урок и предупреждение.

Очередные две новеллы имеют общее название «Из недавнего прошлого» (в противовес прошлому давнему, «много лет тому назад…» первой новеллы), с подзаголовком «Записки офицера». Это сугубо реалистические повествования, рассказывающие о двух эпизодах из жизни автора. Первый (Приморская жизнь. 1918. № 29. 27 сентября) – об убийстве в начале октября 1917 г. толпой взбунтовавшихся солдат их командира. Второй (Приморская жизнь. 1918. № 32. 2 октября) – об обстановке в Петрограде накануне и сразу после 25 октября 1917 г. Эти тексты посвящены «образу врага». В первой части рисуется образ большевизма, воспринимаемого как толпа убийц, как «звери» бяшковской «титаномахии». Часть вторая посвящена другому, столь же отталкивающему для автора образу – образу бессильной, имитационно сопротивляющейся большевизму «демократии». Казалось бы, эти «мемораты» выпадают из мифопоэтической стилистики повествования. Однако это не так. Именно благодаря им текст Бяшкова не превращается в символистскую, мифологизаторскую «игру в бисер». Документальная правда подтверждает и укореняет в реальности миф, который, в свою очередь, придает ей метафизическую глубину. «На другой день иду осматривать войска и позиции. Ходил, ходил – нет войск. Что за черт?». В мифопоэтических новеллах этот «черт» бытового языка называется своим подлинным мифическим именем.

Далее, после большой лакуны, содержащей неизвестный нам объем повествования, появляется заключительный текст «Олинрок Батыр» (Приморская жизнь. 1918. № 75. 23 ноября). Отрывок начинается с того, что герой в сопровождении солдат и хунхузов приезжает в «храм колдунов», в монастырь, настоятелем которого является Святой Добчин, для участия в ритуале, названном «молебном». В ходе более чем ярко описанного ритуала, перенасыщенного символикой смерти, является дух Олинрока Батыра, антагониста Мангаса. Таким образом, события этой части новеллы зеркально повторяют события новеллы «Шаман». Имя богатыря представляет собой реверсив, написанную в обратном порядке фамилию «Корнило[в]». Далее Баир открывает свой особый статус: «Мы, посвященные, считаем Олинрок-Батыра нашим русским Героем». В устах персонажа-монгола такая фраза приковывает внимание, более того, это одна из «перекрестных ссылок» бяшковского повествования: с одной стороны, род русских царей – монгольского происхождения, с другой – монгольский посвященный говорит «наш русский герой».

Он сообщает о точной дате прихода героя: «Это двойное чередование двух самых священных чисел: 1 и 9. В 1919 году снова придет к нам, восстав из тьмы веков, Олинрок-Батыр и защитит Родину от грозящей ей гибели».

После этого следует последнее сказание Баира. Материалом для повествования, несомненно, послужил миф о Гесере. Причиной воцарения Мангаса прямо назван обезумевший Алокин-Хан (реверсив «Никола[й]»). «Восстал народ, убил Алокин-Хана и лукавых приспешников его», говорится далее без оттенка сочувствия. Олинрок сопротивляется. «Долго думал коварный Мангас, как бы это ему победить посланника Неба и послал, наконец, на борьбу Клевету». В борьбе с Клеветой Олинрок погибает. Вновь, со всеми подробностями, разворачивается картина неисчислимых бедствий. Описывается торжество и царствование Мангаса. Наконец, Олинрок воскресает и вступает в битву с Мангасом. Вот как об этом повествуется: «На чудном белом, как снег, жеребце едет Олинрок Богатырь, всюду радостно встречают его исстрадавшиеся жители. Вековые споры, междоусобные споры и драки сами собой прекратились с появлением Белого всадника. Богатыри и Ханы выходили к нему навстречу и присоединялись к его все рас-

тущим и растущим войскам. <…> Неумолим и неуклонен Олинрок-Батыр – орудие Рока. Бешеными ударами, кровавыми битвами теснит он Мангаса. Не успело пройти лето, как вся Родина была освобождена от мангасовых шаек, и вскоре он сам был пойман и казнен. Так умер злой гений страны – Мангас, пораженный рукой и волей могучего Богатыря Олинрок-Батыра». Сквозь этническую экзотику описания проступают вполне модерные тропы «генерал на белом коне» и «злой гений».

Последняя фраза текста принадлежит Баиру и также носит профетический характер: «по гаданьям твоя судьба, Нойон, крепко связана с появлением Олинрок-Батыра. Запомни это».

В воскресенье, на следующий день после публикации заключительной новеллы, без подписи в газете была опубликована статья «Предсказание». По стилю и содержанию ее можно однозначно атрибутировать как принадлежащую перу Я. Бяшкова и играющую роль своеобразного эпилога. Автор снимает здесь все декоративные этнические маски и обращается к национальной, причем классической литературной традиции. Текст представляет собой публицистический комментарий к известному стихотворению М. Лермонтова «Настанет год, России черный год…». Автор прямо обращается к читателю: «До сих пор мы еще не уяснили себе, что звероподобного Ленина слева может свернуть лишь такой же звероподобный Ленин справа. Мы почему-то думаем, что величайшего злодея человечества может свергнуть „демократия“. Та самая „демократия“, которая разбилась на осколки от удара революции. Мы еще боимся диктатуры, как единоличной власти во имя самоспасения. Сама жизнь дала нам эту власть, известную с самой лучшей, самой блестящей, самой честной стороны! Всем известен герой этой власти, этот великолепный сын великой России. А между тем, темная масса уже подтачивает эту власть. Ну, что ж!». Под «героем власти» здесь подразумевается «новый Корнилов» – адмирал А.В. Колчак. Далее следует описание ужасов террора. «Учитесь повиноваться добрым, что бы не попасть под ярмо злых…», заканчивает Бяшков.

* * *

В повествовании Бяшкова присутствуют и пересекаются несколько пространственно-временных миров.

«Здесь-и-сейчас». Владивосток, время рассказчика и читателя. Место и время, когда Бяшков начинает свой рассказ, сожалея, что «под руками нет рукописей»; место и время, где он, видимо, от офицеров, служивших тогда в штабах войск, дислоцированных в окрестностях столицы, узнает «точно количество сил, стоявших около Петрограда и ожидавших приказа занять его» в дни так и не увенчавшегося успехом «выступления Керенского – Краснова»; место и время, из которого он обращается к читателю с яростным обличением и призывом новеллы «Предсказание».

«Много лет тому назад» в Монголии. Мирное время, когда по Монголии странствуют Бяшков, певец Баир, а также У. и их спутники. Разнообразные места, почти всегда указываемые достаточно точно, с географическими привязками и названиями, добавляют «документальности» рассказу. В то же время пространство, которое окружает персонажей, всегда повышенно семиотично. Элегическое или романтическое, оно говорит, намекает, символически сообщает что-то герою и читателю.

Далее – хронотоп мифа. «Когда небесные звезды были искрами», пространство – земля в целом. Действующие персонажи безымянны, это сменяющие друг друга расы существ. Это место и время, когда предельные мировоззренческие максимы могут быть произнесены и зафиксированы.

Следующий – хронотоп эпоса. Монголия, Алтай, «северо-запад» (то есть Россия). Здесь действуют конкретные эпические правители: стоящий у истоков эпического времени Богдо Чингис-Хан и у его завершения Хан Галан-Бошикту. В этом же времени («почти тысячу лет назад»), размещаются безумный Алокин-Хан, а также умирающий и воскресающий избавитель – Олинрок-Батыр.

«Недавнее прошлое» (1917 год), фронт и Петроград. Впервые этот хронтоп проявляется в предисловии к «Шаману», где alter ego автора погибает «при защите Зимнего дворца». Затем этому, подчеркнуто нефантастичному пространству, по-

священы две части «Записок офицера». Наконец, эта реальность, как ужасная возможность, рисуется в эпилоге. Все они для Бяшкова маркированы разбитыми головами: «пал с размозженной головой» (У.), «кожа с черепа висела у него ниже лица» (Макаревич), «кровь, куски мозга, трупы, вот что я встретил в Петрограде» (октябрь 1917 г.), «получайте такого, который мозги ваши размажет по забору» («Предсказание»).

В.Н. Топоров в своей выдающейся книге об «Энеиде» Вергилия писал о жанрах, воплощающих «разлитую по всему тексту Энеиды стихию знаковости», как то: о «прорицаниях-предсказаниях, сновидениях, явлениях-видениях, когда объект восприятия бодрствует, гаданиях, указаниях, относящихся к настоящему и не являющихся предсказаниями и т. п.». Перечислив их, он отметил, что «очень существенно, что все эти многообразные типы знаков, оповещающие о „голосе“ судьбы и исходящие от разных субъектов, в целом тяготеют к вхождению в некую более или менее единую систему, которая развертывается в своего рода „текст судьбы“» (Топоров, 1993. С. 127).

В повествовании Бяшкова «текст судьбы» присутствует именно так, более того он гипостазирован в «Книге Рока», к которой обращается владыка мертвых Хан Хормузда-Тенгрий, когда нуждается в проспективном знании. Именно система пророчеств, «Книга Рока», и является подлинным каркасом и организующей силой бяшковского повествования, которое без нее рассыпалось бы хаотичным набором декоративных «фовистских» зарисовок и гневных публицистических филиппик.

Различные типы знаков, оповещающие о «голосе» судьбы, присутствуют в каждой части повествования. Миф первой новеллы завершается словами, возвещающими грядущее возвращение титанов. Эпос о Чингис-Хане финалом имеет пророчество о крушении и восстановлении ханского рода и власти. Письмо У. все посвящено пророчеству, исторгаемому демонической сущностью. Эпос о племени Номтэ вроде бы не содержит пророчеств; однако читателю ясно, что это перспектива, лишь маскирующаяся под ретроспективу, что это иносказательно выраженная возможность дальнейших исторических событий. Две части «Записок офицера», на первый взгляд, безукоризненно реалистичны, но, читаемые через призму предшествующих текстов, они выглядят как реализация в действительности древних пророчеств: одержимые духами безумия озверевшие толпы в первой части, бессильные и безвольные попытки сопротивления во второй. «Олинрок Батыр» содержит целых два пророческих текста: предсказание Баира о «втором пришествии» Олинрока с указанием точной даты и предание, подробно разворачивающее картины его победы, развязка, своего рода «апокалипсис» бяшковского повествования. Наконец, финальная статья «Предсказание» построена на комментарии к профетическому тексту хрестоматийного поэта, чья способность к прозрению должна гарантировать такую же способность автора текста.

* * *

Яркая образность, усложненная структура, многократные повторения и самоцитаты, изложение реалий актуальной политики языком архаического мифа позволяли сделать то, чего невозможно было добиться, используя рациональный дискурс Нового времени. Реакционные идеи обретали звучание и убедительность. Соединение гностицизма с ницшеанством, осуждения террора с его же воспеванием, военной диктатуры с восстановлением божественного рода правителей звучали как вполне перспективные для белого движения идеологемы.

В мистико-политическом романе Бяшкова нашел свое выражение комплекс идейных мотивов, имевших разный статус в контрреволюционной идеологии и пропаганде.

Например, ряд мотивов имел на тот момент почти повсеместное распространение, составляя «среднее арифметическое» контрреволюционного мировоззрения образца осени 1918 года. Это, так сказать, «три отрицания и одно утверждение»: расчеловеченный, звероподобный образ большевистского врага; критическое, негативное отношение к фигуре Николая II; критика революционной демократии и, наконец, вождизм, утвержденный в

качестве единственного и безальтернативного позитивного политического принципа.

Наряду с этим, в творчестве Бяшкова проявляются мотивы, которые обретут распространение лишь на значительно более поздних стадиях эволюции антибольшевистской идеологии: восприятие большевизма как инфернального начала, оценка интервентов не как «союзников», а как угрозы национальному существованию, критика демократии в любой ее версии, отвержение теории прогресса, преклонение перед «мудростью Азии», провозглашение мистического единства России и Монголии, вера в восстановление специфически преображенной монархии.

В ходе унгерновской эпопеи 1920–1921 годов, в дитерихсовском «приамурском проекте», в эмигрантском евразийстве эти идеи будут использованы, а некоторые из них выдвинуты на первый план.

Я.В. Бяшков предстает как особая фигура в идеологическом поле «белого» движения, как автор, искавший метафизические основания контрреволюционного мировоззрения. Релевантные на тот момент, эти фундаментальные идеологемы смогли надолго пережить колчаковский политический режим, обосновать оформление которого с несомненным талантом пытался Яков Бяшков.

Библиографический список

130 лет со дня рождения профессора Валентина Александровича Рязановского // Вестник гражданского процесса. 2014. № 1. С. 282–292.

Агурский М. Идеология национал-большевизма. Paris: YMCA-Press, 1980. 320 с.

Агурский М.С. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003. 316 с.

Амосов С. Забытые идеи профессора Рязановского // Правосудие в Восточной Сибири. 2003. № 2–3 (10–11). С. 73–74.

Базаров В.Б. Российская политика в отношении Монголии в начале XX в. // Власть. 2017. № 9. С. 158–163.

Базаров В.Б. Российско-китайские отношения в первой четверти XX в.: монгольский вопрос // Власть. 2015. № 7. С. 149–153.

Батунаев Э.В. От провозглашения независимости Монголии до формирования Кяхтинской тройственной системы 1911–1915 гг. // Известия Восточного института. 2015. № 3 (27). С. 57–63.

Белов Е.А. Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. М.: Аграф, 2003. 240 с.

Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма / отв. ред. И.Я. Златкин. М.: Наука, Глав. ред. восточн. лит-ры, 1969. 420 с.

Гейне Г. Атта Троль. Сон в летнюю ночь / перевод Н.П. Карпа; изд. подг. Н.А. Жирмунская, П.М. Карп. Л. : Наука, Ленинградск. отд., 1978. 160 с. (Литературные памятники).

Грубов В.И. Конспект флоры Монгольской Народной Республики. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1955. 307 с.

Дудин П.Н. История международных договоров,

References

(2014) 130th Birth Anniversary of Professor Valentin Aleksandrovich Ryazanovsky. *Vestnik grazhdanskogo protsessa* = Bulletin of civil proceedings. No. 1. P. 282–292. (In Russ.)

Agurskii M. (1980) The ideology of national bolshevism. Paris: YMCA-Press. 320 p. (In Russ.)

Agurskii M.S. (2003) The ideology of national bolshevism. Moscow: Algoritm. 316 p. (In Russ.)

Amosov S. (2003) Forgotten ideas of professor Ryazanovsky. *Pravosudie v Vostochnoi Sibiri* = Justice in Eastern Siberia. No. 2–3 (10–11). P. 73–74. (In Russ.)

Bazarov V.B. (2017) Russian policy towards Mongolia at the beginning of the 20th century. *Vlast'* = Power. No. 9. P. 158–163. (In Russ.)

Bazarov V.B. (2015) Russian-Chinese relations in the first quarter of the twentieth century: the Mongolian question. Vlast' = Power. No. 7. P. 149–153. (In Russ.)

Batunaev E.V. (2015) From the Declaration of Independence of Mongolia to the formation of the Kyakhta tripartite system of 1911–1915. *Izvestiya Vostochnogo instituta* = News of the Oriental Institute. No. 3 (27). P. 57–63. (In Russ.)

Belov E.A. (2003) Baron Ungern von Sternberg: Biography. Ideology. Military campaigns. 1920–1921. Moscow: Agraf. 240 p. (In Russ.)

Burdukov A.V. (1969) In the old and new Mongolia. Memories. Letters. Moscow: Nauka. 420 p. (In Russ.)

Geine G. (1978) Atta Troll. A dream in a summer night. Leningrad: Nauka. 160 p. (Literary Monuments). (In Russ.)

Grubov V.I. (1955) Abstract of the flora of the Mongolian People's Republic. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 307 p. (In Russ.)

Dudin P.N. (2011) The history of international treaties

закрепляющих статус Монголии в начале XX В. (1911–1924 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 7. С. 162–165.

Елихина Ю.И. Некоторые находки из монастыря Сарьдаг, хранящиеся в Государственном Эрмитаже // Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов: материалы III Международной научной конференции. 20–22 апреля 2017 г. Санкт-Петербург, Россия. СПб.; Улан-Батор, 2019. С. 65–72.

Журавлев В.В. «Обзор законодательной деятельности государственной власти в Сибири» В.А. Рязановского как источник по истории политической адаптации к контрреволюционным режимам // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Новосибирск, 2014. Вып. 5. С. 114–131.

Зорин А. Кормя двуглавого орла… Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.

Кенез П. Идеология белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 94–105.

Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образ императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.

Криничная Н.А. Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий // Предания Русского Севера / изд. подг. Н.А. Криничная. СПб., 1991. 325 с.

Крушанов А.И. Победа Советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье (1917 – апрель 1918 г.). Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1983. 230 с.

Крюков В.М. Александр Адрианов: последние годы. Томск: Изд-во научно-технической литературы, 2004. 75 с.

Кузьмин С.Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. 659 с.

Ларьков Н.С. Политическая деятельность А.В. Адрианова в годы Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 88–96.

Муратов Х.И. Революционное движение в русской армии в 1917 году. М.: Военное издательство, 1958. 390 с.

Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 568 с.

Побединский В.Н., Остроух Д.Е. Проблема культурных влияний монголов на средневековое право Мос-

securing the status of Mongolia in the early 20th century. (1911–1924). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Buryat State University. No. 7. P. 162–165. (In Russ.)

Elikhina Yu.I. (2019) Some finds from the Sardag Monastery stored in the State Hermitage Museum./ *Kul'turnoe nasledie mongolov: kollektsii rukopisei i arkhivnykh dokumentov. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsi* = Mongolian cultural heritage: collections of manuscripts and archival documents. April 20–22, 2017. Saint Petersburg, Russia. St. Petersburg; Ulan-Bator. P. 65–72. (In Russ.)

Zhuravlev V.V. (2014) V.A. Ryazanovsky's "Review of the State Power Legislation in Siberia"as a source on the history of political adaptation to counterrevolutionary regimes. *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Sbornik nauchnykh statei* = Power and Society in Siberia in the 20th century. Collection of scientific articles. Novosibirsk. Iss. 5. P. 114–131. (In Russ.)

Zorin A. (2001) Feeding the double-headed eagle… Russian literature and state ideology in the last third of the 18th – the first third of the 19th century. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 416 p. (In Russ.)

Kenez P. (1994) The Ideology of the White Movement. *Grazhdanskaya voina v Rossii: perekrestok mnenii* = Civil War in Russia: crossroads of opinions. Moscow. P. 94–105. (In Russ.)

Kolonitskii B.I. (2010) "Tragic Erotica": The image of the imperial family during the First World War. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 664 p. (In Russ.)

Krinichnaya N.A. (1991) Index of types, motives, and basic elements of legends. *Predaniya Russkogo Severa* = Legends of the Russian North. St. Petersburg. 325 p. (In Russ.)

Krushanov A.I. (1983) The victory of Soviet Power in the Far East and in Transbaikalia (1917 – April 1918). Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo. 230 p. (In Russ.)

Kryukov V.M. (2004) Alexander Andrianov: recent years. Tomsk: Izd-vo nauchno-tekhnicheskoi literatury. 75 p. (In Russ.)

Kuz'min S.L. (2011). History of Baron Ungern : the Experience of Reconstruction. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdanii KMK. 659 p. (In Russ.)

Lar'kov N.S. (2013) Political activity of A.V. Adrianov during the Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* = Bulletin of Tomsk State University. History. No. 1 (21). P. 88–96. (In Russ.)

Muratov Kh.I. (1958) The revolutionary movement in the Russian Army in 1917. Moscow: Voennoe izdatel'stvo. 390 p. (In Russ.)

Nol'te E. (2001) Fascism in its era. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. 568 p. (In Russ.)

Pobedinskii V.N., Ostroukh D.E. (2011) The problem of the cultural influences of the Mongols on the Medieval law

ковской Руси: евразийцы и В.А. Рязановский // Вопросы культурологии. 2011. № 2. С. 16–21.

Робинсон П. Невольники чести: мужественность на поле боя в начале XX века // О муже(N)ственности: Сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 718 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный Запас»).

Романовский В.К. Деятельность Н.В. Устрялова в белой Сибири в 1919 году // Известия вузов. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. Т. 6. Вып. 4. С. 288–292.

Романовский В.К. Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890–1937). М.: Русское слово – РС, 2006. 608 с.

Романовский В.К. К дискуссии о внешней ориентации в кадетской партии после Брестского мира: политика «открытых рук» Н.В. Устрялова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2019. № 1. С. 91–96.

Романовский В.К. Николай Устрялов: от либерализма к консерватизму. Нижний Новгород, 2010. 462 с.

Серебренникова Т.П. Публицистика А.В. Адрианова на страницах газеты «Сибирская жизнь» в период революции 1917 г. и гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 39–46.

Симонов Д.Г. К вопросу о причинах поражения армии адмирала А.В. Колчака (июнь –декабрь 1919 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. ст. Вып. 4. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 115–139.

Симонович-Ефимова Н.Я. Воспоминания о Валентине Александровиче Серове / общ. ред. и прим. Г.С. Арбузова. Л.: Художник РСФСР, 1964. 186 с.

Топоров В.Н. Эней – человек судьбы. К средиземноморской персонологии. М.: Радикс, 1993. 208 с.

Устрялов Н.В. Белый Омск. Дневник колчаковца / подготовка текста, предисл. и коммент. А.В. Смолина // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. СПб.: Logos, 1991. № 2. С. 283–338.

Хандорин В.Г. Идейно-политическая эволюция правого крыла сибирских кадетов в период революции и Гражданской войны (по материалам публицистики В.А. Жардецкого) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 85–91.

Хисамутдинов А.А. Профессор юриспруденции и востоковед Валентин Рязановский // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 2. С. 25–29.

of Moscow Russia: Eurasianists and V.A. Ryazanovsky. *Voprosy kul'turologi* = Questions of Cultural Studies. No. 2. P. 16–21. (In Russ.)

Robinson P. (2002) Slaves of honor: masculinity on the battlefield at the beginning of the twentieth century. *O muzhe(N)stvennosti: Sb. st.* = About masculinity/femininity. Collection of articles. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 718 p. (Ser. Library of journal “Neprikosnovennyj Zapas”). (In Russ.)

Romanovskii V.K. (2015) N.V. Ustryalov's activity in white Siberia in 1919. *Izvestiya vuzov. Ser.: Gumanitarnye nauki* = News of Higher Educational Institutions. Ser. Humanities. Vol. 6. Iss. 4. P. 288–292. (In Russ.)

Romanovskii V.K. (2006) Life journey and creative work of Nikolay Vasilyevich Ustryalov (1890–1937). Moscow: Russkoe slovo – RS. 608 p. (In Russ.)

Romanovskii V.K. (2019) To the discussion of external orientation in the cadet party after the Brest Peace: the policy of “open hands” N.V. Ustryalova. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* = Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology. No. 1. P. 91–96. (In Russ.)

Romanovskii V.K. (2010) Nikolay Ustryalov: From Liberalism to Conservatism. Nizhnii Novgorod. 462 p. (In Russ.)

Serebrennikova T.P. (2017) Journalism of A.V. Adrianov on the pages of the newspaper “Sibirskaya zhizn'” during the revolution of 1917 and the Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* = Bulletin of Tomsk State University. History. No. 46. P. 39–46. (In Russ.)

Simonov D.G. (2013) To a question about the reasons for the defeat of the army of Admiral A.V. Kolchak (June – December 1919). *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Sb. nauch. st*. = Power and Society in Siberia in the 20th century. Collection of scientific articles. Iss. 4. Novosibirsk: Parallel'. P. 115–139. (In Russ.)

Simonovich-Efimova N.Ya. (1964) Memories of Valentin Aleksandrovich Serov. Leningrad: Khudozhnik RSFSR. 186 p. (In Russ.)

Toporov V.N. (1993) Aeneas – a man of destiny (to the "Mediterranean" personology). Moscow: Radiks. 208 p (In Russ.)

Ustryalov N.V. (1991) White Omsk. The diary of Kolchakist. *Russkoe proshloe: Istoriko-dokumental'nyi al'manakh* = Russian past: Historical and documentary almanac. St. Petersburg: Logos. No. 2. P. 283–338. (In Russ.)

Khandorin V.G. (2010) The ideological and political evolution of the Right Wing of the Siberian cadets during the period of revolution and Civil War (based on journalism materials by V.A. Zhardetsky) = Bulletin of Tomsk State University. No. 339. P. 85–91. (In Russ.)

Khisamutdinov A.A. (2003) Professor of Law and Orientalist Valentin Ryazanovsky. *Problemy Dal'nego Vostoka* = Problems of the Far East. No. 2. P. 25–29. (In Russ.)

Шереметьева Д.Л. Изменить страну, не изменяя себе: Публицистика А.В. Адрианова в условиях революции и Гражданской войны // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Сб. ст. Новосибирск, 2015. С. 65–99.

Шиловский М.В. Когда мир рушился. А.В. Адрианов (1854–1920) // Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью: биографические очерки. Новосибирск, 2007. С. 17–33.

Юзефович Л.А. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). М.: Эллис Лак, 1993. 272 с.

Юзефович Л.А. Самодержец пустыни. Барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 588 [4] с.

Юшников А.В. Влияние интеллигенции на формирование антибольшевистской идеологии в Сибири в годы гражданской войны (На примере публицистической деятельности И.И. Аносова) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 38–42.

Kenez P. The Ideology of the White Movement // Soviet Studies. 1980, vol. 32, pp. 58–69.

Sheremet'eva D.L. (2015) Change the country without changing yourself. Journalism of A.V. Adrianov in the Revolution and Civil War. *Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoi treti XX veka. Sb. st.* = Political adaptation of the population of Siberia in the first third of the XX century. Collection of scientific articles. Novosibirsk. P. 65–99. (In Russ.)

Shilovskii M.V. (2007) When the world collapsed. A.V. Adrianov (1854–1920). *Shilovskii M.V. Sud'by, svyazannye s Sibir'yu: biograficheskie ocherki* = Shilovsky M.V. Fates associated with Siberia: biographical essays. Novosibirsk. P. 17–33. (In Russ.)

Yuzefovich L.A. (1993) Autocrator of the desert (Phenomenon of the destiny of Baron R.F. Ungern-Sternberg. Moscow: Ellis Lak. 272 p. (In Russ.)

Yuzefovich L.A. (2019) Autocrator of the desert. Baron R.F. Ungern-Sternberg and the world in which he lived. Moscow: AST; Redaktsiya Eleny Shubinoi. 588 [4] p. (In Russ.)

Yushnikov A.V. (2014) The influence of the intelligentsia on the formation of anti-Bolshevik ideology in Siberia during the years of the Civil War (On the example of journalistic activity of I.I. Anosov). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* = Bulletin of Tomsk State University. History. No. 5 (31). P. 38–42. (In Russ.)

Kenez P. The Ideology of the White Movement // Soviet Studies. 1980, vol. 32, pp. 58–69.

Критерии авторства

В.В. Журавлев выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

V.V. Zhuravlev made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Журавлев Вадим Викторович,
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, Россия,
доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института,
Новосибирский государственный университет,
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, Россия,
✉ e-mail: vvzh@mail.ru

Information about the author

Vadim V. Zhuravlev,
Cand. Sci. (History), Researcher,
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
8 Nikolaeva street, Novosibirsk 630090, Russia,
Associate Professor of the Department of Russian History in the Humanitarian Institute,
Novosibirsk State University,
1 Pirogova street, Novosibirsk 630090, Russia,
✉ e-mail: vvzh@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 325.2(510)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-208-217

Христианский союз молодых людей в Харбине: к истории существования и деятельности в середине 1920-х годов

© Е.В. Дроботушенко[a], Ю.Н. Ланцова[a], С.В. Карасёв[b], Ван Мэн[c]

[a] Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
[b] Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия
[c] Железнодорожная корпорация Северо-Восточная Азия провинции Цзилинь, г. Чанчунь, КНР

Аннотация: В статье характеризуются организационные основы существования и деятельности, а также работа харбинского отделения межконфессиональной Всемирной молодежной организации «Христианский союз молодых людей» (Х.С.М.Л.) в середине 1920-х гг. Христианская вера, как одна из мировых религий, осталась в душах людей, которые оказались на чужбине в результате различных обстоятельств. Именно она осталась той цементирующей культурной основой, которая, передаваясь из поколения в поколение, воспитывала душу человека. Авторы отмечают, что, несмотря на наличие определенного количества публикаций по истории Русского студенческого христианского движения, а также Христианского союза молодых людей, аспекты существования его отделения в китайском Харбине на сегодняшний день во многом остались за пределами научного интереса исследователей. Отдельные публикации, содержащие информацию по его истории, существуют, однако авторы далеко не всегда используют источники при работе. Это предопределило то, что в основу настоящей статьи легли документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации. В исследовании подробно рассматривается структура Христианского союза молодых людей Харбина, черты его работы в середине 1920-х гг.

Ключевые слова: Китай, отделения межконфессиональной Всемирной организации, российские эмигрантские организации, Тяньцзинь, Христианский союз молодых людей, Харбин, Харбинский союз, Христианский союз молодых девушек, «Основы Христианского союза молодых людей», «Юношеская христианская ассоциация»

Информация о статье: Дата поступления 14 сентября 2019 г.; дата принятия к печати 21 октября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Дроботушенко Е.В., Ланцова Ю.Н., Карасёв С.В., Ван Мэн. Христианский союз молодых людей в Харбине: к истории существования и деятельности в середине 1920-х годов // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 208–217. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-208-217

Christian Union of Young People in Harbin: to the history of existence and activity

© Evgenii V. Drobotushenko[a], Yulia N. Lantsova[a], Sergey V. Karasev[b], Wang Meng[c]

[a] Trans-Baikal State University, Chita, Russian Federation
[b] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation
[c] Railway Corporation Northeast Asia, Jilin Province, Changchun, China

Abstract: The article describes the organizational basis of existence and activities, as well as the work of the Harbin Branch of the World Inter-Confessional Youth Organization “Young People's Christian Union” (YPCU) in the mid. 1920s. The Christian faith, as one of the world's, has not been extinguished in the souls of people who found themselves in a foreign land as a result of various circumstances. However, it remained the cementing Foundation, which is passed down from generation to generation, brought up the human soul. The authors note that, despite the presence of a certain number of publications on the history of the Russian student Christian movement, as well as the Christian Union of Young People, aspects of the existence of its branch in the Chinese Harbin, to date, largely remained outside the scientific interest of researchers. Separate publications

containing information on its history exist, but the authors do not always use the sources when working. This predetermined the fact that this article is based on the documents stored in the State Archive of the Russian Federation (SARF). The study examines in detail the structure of the Christian Union of Young People of Harbin, the features of its work in the mid. 1920s. The authors note that this issue requires further study as well as further work with sources.

Keywords: China, branches of the interfaith world organization, Russian emigrant organizations, Tianjin, Christian Union of young people, Harbin, Harbin Union, Christian Union of Young Girls, "Foundations of the Christian Union of Young People", "Youth Christian Association"

Article info: Received September 14, 2019; accepted for publication October 21, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Drobotushenko E.V., Lantsova Yu.N., Karasev S.V., Wang Meng. (2019) Christian Union of Young People in Harbin: to the history of existence and activity. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 208–217. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-208-217

История российской эмиграции в Китае в целом и в Харбине, в частности, многогранна. Это и коммерческая деятельность, и деятельность общественных, благотворительных организаций, и существование казачьих станиц. Интереснейшая ее составляющая – это деятельность Христианского союза молодых людей (Young People's Christian Union – YPCU) в Харбине – отделения межконфессиональной Всемирной организации «Христианский союз молодых людей». Данная организация также именуется YMCA (или изначально YWCA – Христианский союз молодых девушек). Собственно сама аббревиатура YMCA означает «Young Men's Christian Association», что в переводе на русский язык звучит как «Юношеская христианская ассоциация». Данная организация получила широкую известность и была достаточно популярна, в частности, в российских эмигрантских кругах. Именно с ней связывают крупное эмигрантское издательство в Париже «YMCA press». Основанный в середине XIX в., Христианский союз молодых людей уже в начале XX в. получил распространение в Российской империи. К середине третьего десятилетия XX в. он насчитывал, по некоторым данным, до 2 млн чел. (Полчанинов, 2008).

Рубеж второго-третьего десятилетий XX в. связан со значительной по объему эмиграцией в Китай россиян. Это – несогласные с новым советским режимом, а также остатки белогвардейских частей. В молодежной среде центра российской эмиграции в Китае – Харбина и возникает отделение Х.С.М.Л., по некоторым данным, в 1918 г. Отметим, что отделения Х.С.М.Л. действовали и в иных городах Китая, Тяньцзине (с 1895 г.) и Шанхае (с 1900 г.). Последний являлся центральным китайским Христианским союзом молодых людей с количеством членов на середину 1920-х гг. в 3000 чел. В Шанхае кроме китайского Х.С.М.Л. работал японский (Полчанинов, 1994; Щукин, 1985). Отметим, что данных о российских эмигрантах в союзах Тяньцзина и Шанхая на сегодняшний день нет.

История Христианского союза молодых людей находила свое отражение в научных и научно-популярных публикациях. В значительной степени – это труды зарубежных исследователей. Первые работы появились задолго до создания харбинского отделения Х.С.М.Л.

Отметим, что уже в 1920-е гг., главным образом в Европе, стало относительно много русскоязычных членов Х.С.М.Л. Это привело к тому, что во второй половине третьего десятилетия XX в. в Париже, в издательстве «YMCA press», вышла на русском языке книга «Основы Христианского союза молодых людей». Английский текст был одобрен иностранным комитетом Христианского союзов молодых людей США и Канады в апреле 1928 г. Это стало официальным изложением основ Христианского союза молодых людей (Хроника Х.С.М.Л. в Харбине, 1925).

История деятельности Х.С.М.Л. в Харбине в определенной степени нашла отражение в русскоязычных трудах отечественных авторов. Это обобщающие работы по истории существования и деятельности молодежных организаций российской эмиграции, а также некоторые специальные работы по Х.С.М.Л. на территории Китая.

Информация по Х.С.М.Л. находит отражение в работах по истории Русского студенческого христианского движения. Среди авторов работ научно-популярного характера по проблематике христианских студенческих движений, несомненно, назовем В.В. Зеньковского с целым рядом его публикаций по общей истории Русского студенческого христианского движения. Основаны многие из них на воспоминаниях автора (Зеньковский, 1998a; Зеньковский, 1998b; Зеньковский[1]; Зеньковский, 2001; Зернов[2]).

Интереснейшие работы по истории Русского студенческого христианского движения принадлежат авторству А.Л. Гуревича. Он уделяет много внимания проблематике, однако в его работе мы находим некоторые неточности. Так, он указывает, говоря о воспоминаниях активных деятелей Русского христианского студенческого движения, что как источник, к примеру, в его диссертации выступили записки протопресвитера Василия Зеньковского и в ссылках дает его публикации в журнале «Вестник русского христианского движения». Однако упомянутых воспоминаний, к примеру, за 1993 г. в данном журнале нет. Там издана статья В.В. Зеньковского «Зарождение Р.С.Х.Д. в эмиграции (Из истории русских религиозных течений в эмиграции)». В 2001 г. вышла в том же журнале статья «Страницы истории: Из книги В.В. Зеньковского «Мое участие в РСХД». У А.Л. Гуревича статья обозначена общим названием «Мое участие в РСХД» во всех номерах (Гуревич, 2003; Гуревич, 2011; Дубаев, 2009; Зеньковский, 2001; Зеньковский[3]; Зернов[4]).

А.Л. Гуревич – автор и иных публикаций по истории Русского студенческого христианского движения (Гуревич, 2005[5]; Гуревич, 2011).

Кроме него ещё целый ряд авторов работал по проблематике истории Русского студенческого христианского движения (Гуревич, 2003; Можаева, 2001; Щукин, 1985).

К научным исследованиям обобщающего характера по истории Христианского союза молодых людей можно отнести работы Р.В. Полчанинова, который анализирует историю создания и деятельности молодежных организаций российского зарубежья. Среди них находится и место Христианскому союзу молодых людей (Полчанинов, 2009, Слезин, Щупленков, 2012 и др.).

Молодежные организации российской эмиграции характеризовались А.И. Домниным. Это ряд статей и диссертационное исследование Домнина[6]. Среди прочего в исследованиях упоминается Христианский союз молодых людей Харбина (Дубаев, 2009 и др.).

Основы взаимодействия эмигрантского сообщества Китая в целом с молодежными эмигрантскими организациями на примере Х.С.М.Л. нашли отражение у М.Л. Дубаева. У него также встречаем характеристику некоторых аспектов деятельности Х.С.М.Л. в Харбине (Жизнь нашего союза, 1928).

Отметим, что все названные авторы, говоря о молодежных организациях в целом, серьезного внимания Х.С.М.Л. в Китае не уделяют.

Несмотря на наличие определенного количества исследований, содержащих данные по исто-

[1] Зеньковский В.В. Очерки идеологии Русского студенческого христианского движения // Русский путь. URL: http://www.rp-net.ru/book/articles/bogoslovie/zn-rshd.php (дата обращения 25.04.2019).

[2] Зернов Н. Русское Студенческое христианское движение за рубежом // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. URL: http://www.odinblago.ru/zernov_russtud (дата обращения 25.04.2019).

[3] Зеньковский В.В. Очерки идеологии Русского студенческого христианского движения // Русский путь. URL: http://www.rp-net.ru/book/articles/bogoslovie/zn-rshd.php (дата обращения 25.04.2019).

[4] Зернов Н. Русское Студенческое христианское движение за рубежом // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. URL: http://www.odinblago.ru/zernov_russtud (дата обращения 25.04.2019).

[5] Гуревич А.Л. Культурно-религиозная деятельность русской эмиграции: (по материалам истории Русского студенческого христианского движения): автореф. дис. … канд. истор. наук: 24.00.01. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. 27 с.

[6] Домнин А.И. Молодежные организации русского зарубежья 29–30-х гг. XX в.: институализация, идеология, деятельность: дис. … канд. истор. наук: 07.00.02. М.: Московский педагогический государственный университет, 2011. 250 с.

рии Христианского союза молодых людей в Харбине, можно констатировать, что полная картина его существования и работы на сегодняшний день не составлена. Это предопределило появление данной статьи. В ее основу легли архивные источники – документы фондов Государственного архива Российской Федерации. Одно из дел содержит «Отчет о деятельности белоэмигрантского антисоветского Христианского союза молодых людей в Харбине (Маньчжурия)» за 1926 г. В шапке дела стоит «Педагогическое Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, г. Прага (белоэмигрантская организация)». Данное дело относится ко второй описи «Дела постоянного хранения. 1922–1929 гг.» фонда 5785 «Педагогическое бюро по делам средней и низшей школы за границей. Прага. 1923–19??» (Гуревич, 2011).

Относительно подробно о деятельности харбинского отделения Х.С.М.Л. говорится в некоторых выпусках «Хроники Х.С.М.Л. в Харбине» или разделе «Жизнь союза», печатавшихся в журнале Х.С.М.Л. (Жизнь нашего союза, 1928; Гуревич, 2003; Щукин, 1985).

Харбинский Христианский союз молодых людей находился в ведении Иностранного Комитета Национального Совета Северо-Американского Христианского союза молодых людей. От него он получал поддержку, выступая как американский союз, работающий среди русских.

Цели Х.С.М.Л. в Харбине были прописаны в его уставных документах и заключались в следующем:

«1. Помощь русским, проживавшим в Маньчжурии, в области образования, религиозного, морального и физического воспитания, поддерживая существовавшие русские общественные и религиозные учреждения.

2. Объединять молодежь для христианского служения обществу.

3. Организовывать дополнительные образовательные учреждения, в которых юношество и молодежь могли бы приобрести практические навыки, необходимые в жизни.

4. Твердо вести юношество к идеалу чистоты в словах, деле и мысли и противодействовать всеми мерами порокам, разрушавшим харбинскую молодежь.

5. Сотрудничать с общественными организациями на благо общественного служения и благополучия» (Гуревич, 2003. С. 1).

Располагалось харбинское отделение Христианского союза молодых людей на ул. Садовая, д. 62.

Президентом харбинского отделения Х.С.М.Л. в середине 1920-х гг. был Х. Си. Вэзэй, Старшим секретарем мистер Х.Л. Хааг, секретарем А.А. Грызов (Хроника Х.С.М.Л. в Харбине, 1926; Щукин, 1985).

Структурно харбинский союз состоял из комитетов и отделов: Деловой Комитет, Библиотечный Комитет, Библиотека, Образовательный отдел, Женский отдел, Отдел юношей, Общественный отдел и Отдел физического развития. Информацию о названных подразделениях находим в отчетной документации. Журнал же Х.С.М.Л. говорит об Отряде Костровых братьев (Лагерь Х.С.М.Л. в 1926 г., 1926; Щукин, 1985). О нем же говорит в воспоминаниях о РХСМ Р.В. Полчанинов, отмечая, что это была организация скаутского типа (Полчанинов, 1994). Здесь отметим, что, несмотря на слово «воспоминания» в названии публикации, приводимые биографические данные Р.В. Полчанинова говорят нам о том, что сам он в Харбине не был.

Существовал при харбинском Х.С.М.Л. клуб коллекционеров, о котором не находим информации у Р.В. Полчанинова, но читаем в журнале Х.С.М.Л. (Хроника Х.С.М.Л. в Харбине, 1926).

Деловой комитет. Число активных членов – 7 чел. Проводил в год до 14 заседаний. Функционал комитета до конца не ясен, однако можно предположить, что занимался он вопросами делопроизводства. Точно известно, что он организовывал годовые собрания действительных членов Х.С.М.Л. г. Харбина. Собиралось отделение взрослых членов – мужчин (Щукин, 1985).

Образовательный отдел занимался руководством и организацией работы образовательных учреждений харбинского союза. В ведении союза были:

1. Гимназия Х.С.М.Л. основана в 1925 г., в первый год как пятиклассная, в 1926 г. добавлен шестой класс. Программа обучения разработана специальной Комиссией из состава Делового и Общего Комитетов Х.С.М.Л. в Харбине. В основе работы лежала учебная программа 1917 г., разработанная при Министре народного просвещения Российской империи графе Павле Николаевиче Игнатьеве применительно к «American Grate School». Директором гимназии на середину 1920-х г. был профессор Н.И. Никифоров. Обучающихся примерно 200–210 чел. К 1928 г. при гимназии создан институт «по-классных старостатов… …как попытка к проявлению самодеятельности и общественной солидарности самих учащихся….».

2. «Народный университет» в виде бесплатных открытых лекций для желающих. Работал на двух площадках: в Новом Городе и на Пристани.

3. Авто-техническая школа. Основана в 1923 г. как авто-технические курсы. В школу преобразованы в 1926 г. Обучение от 3 до 4 месяцев. Готовили шоферов-механиков.

4. Зимние курсы английского языка для взрослых и детей и летние разговорные группы по английскому языку, а также группы изучения китайского и немецкого языков для учащихся. Всего действовало 14 классов английского языка.

5. Школа русской и английской машинописи. Открыта в начале февраля 1926 г.

6. Курсы искусств: живопись и музыка («драма, рисование, рояль»). С 1926 г. драматический кружок не работал в виду отсутствия помещения.

7. Курсы кройки и шитья.

8. Детская летняя площадка.

Помимо контроля над работой учебных заведений и курсов Образовательный отдел занимался общественной деятельностью, такой как ведение различных кружков, чтение лекций, проведение концертов, вечеров и экскурсий, создание выставок, а также изданием журнала союза (Гуревич, 2003. С. 1; Зеньковский, 1993. С. 26, 28; Щукин, 1985).

В середине третьего десятилетия XX в. обучение проходили в год почти 700 чел. Основная масса обучалась на различных курсах, более 400 человек. В гимназии, к примеру, в 1926 г. учились 256 чел. (Гуревич, 2003. С. 2).

Библиотечный комитет согласовывал план работы библиотеки на год. Библиотечный комитет в год в среднем заседал 14 раз, но помимо этого были и «частные» совещания. В связи с расширением гимназии, библиотека в 1926 г. уступила ей свои помещения, переместившись в подсобное помещение. В связи с развитием гимназии было приобретено значительное количество детских книг. Их практически не издавали в 1920-е гг. (Гуревич, 2003. С. 7).

Структурно библиотека состояла из следующих отделов: русской, английской литературы, истории, педагогики, книги для юношества. При библиотеке работал библиотечный кружок. В его рамках проводились бесплатные открытые курсы библиотечного дела. Директором на середину 1920-х гг. была М.А. Винникова. На начало 1926 г. было 711 подписчиков библиотеки (Хроника Х.С.М.Л. в Харбине, 1926; Щукин, 1985).

Библиотека устраивала благотворительные лотереи, целью которых было, с одной стороны, пополнение фондов, а с другой, оказание помощи «Дому милосердия» – приюту для девочек-сирот, который организовал в Харбине епископ Нестор (Анисимов). О такой лотереи есть данные относительно 1928 г. (Miller, 2013. С. 27).

О библиотеке отделения Христианского союза молодых людей в Харбине вскользь упоминает знаток эмигрантской истории Китая А.А. Хисамутдинов (Хисамутдинов, 2013).

Женский отдел Христианского союза молодых людей занимался работой в двух направлениях: одно – с взрослыми женщинами – членами ХСМД, вторе – с девочками до 17 лет. Руководил работой отдела Комитет, который состоял из членов самого отдела и представителя Делового Комитета. Председателем Комитета в середине 1920-х гг. был А.И. Доценко. Секретарем Женского отдела была В.В. Панова. Деятельность Отдела заключалась в подготовке девочек и женщин с 17 лет к вступлению в Х.С.М.Л. и работы в нем. При Женском отделе работал детский сад (Щукин, 1985).

В рамках деятельности отдела организовывались вечера, проводимые с благотворительной целью. Так, в 1926 г. было проведено два больших вечера, средства от первого пошли на покупку рождественских подарков для бедных. Помимо больших вечеров устраивались чаепития, участниками которых стало около 400 чел. При отделе работал кружок драматического искусства, постановки которого осуществлялись при проведении различного рода мероприятий всеми подразделениями Х.С.М.Л. г. Харбина. Посещаемость составляла до 450 чел. в год. Как отмечалось выше, не работал с 1926 г. Действовали литературный кружок, «кружок рукодельниц». Сотрудники отдела организовывали экскурсии, к примеру, в буддистский храм или в Общество по изучению Маньчжурского края. Общая численность посещений за год составляла более 2 300 (Гуревич, 2003. С. 8; Щукин, 1985).

Женский отдел организовывал проведение летних лагерей. В них проживало одновременно до 25 девочек (Гуревич, 2003. С. 11).

В 1925 г. возникла идея проведения «Дня Матери и дочери», первый из которых был запланирован на 1926 г. (Хроника Х.С.М.Л. в Харбине, 1926).

«Отдел девушек» (вероятно речь идет о Женском отделе) совместно с Отрядом Костровых братьев устраивали благотворительные мероприятия. Таковым стала организация новогодней елки для бедных детей города в 1925 г. (Хроника Х.С.М.Л. в Харбине, 1926).

Отдел юношей занимался работой с мальчиками. Секретарем отдела был В.Н. Диго. В харбинском отделении Х.С.М.Л. существовали две возрастных группы Костровых братьев, с которыми велась работа Х.С.М.Л. в Харбине, от 12 до 18 и от 16 до 18 лет. Сама организация Костровые братья в рамках харбинского Х.С.М.Л. была организована в 1925 г. Мальчики и юноши по данным возрастным категориям принимались в Отряд Костровых братьев. При нем действовали курсы лидеров-вожатых. Отделом юношей организовывался летний лагерь на станции Эрцендзяньцзы Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Это лагерь Костровых братьев. Отдел также занимался подготовкой новогодних подарков для бедных. При харбинском Х.С.М.Л. существовало два скаутских отряда (Лагерь Х.С.М.Л. в 1926 г., 1926; Зеньковский, 1993. С. 26; Миллер, 2016; Лагерь Х.С.М.Л. в 1926 г., 1926; Щукин, 1985).

Общественный отдел Х.С.М.Л. г. Харбин курировал работу столовой и общежития. Существовавшая столовая на первоначальном этапе не могла наладить качественную работу, поскольку постоянно испытывала материальные затруднения. Из ситуации удавалось выходить только за счет помощи со стороны союза. В 1926 г. работа столовой стала рентабельной. Удалось отдать все занятые деньги и в дальнейшем отказаться от займов. Целью столовой Х.С.М.Л. г. Харбин была организация «минимального по оплате, простого, но здорового стола» и цель была достигнута. За 1926 г. осуществлено около 20 000 раздач (Гуревич, 2003. С. 12).

Общежитие при Х.С.М.Л. – это «… места где малоимущие члены союза могли бы получить за небольшую плату, в зависимости от желания, временное и продолжительное пользование квартирой…». При наличии 25 мест в общежитии за 1926 г. прошло 288 чел. (Гуревич, 2003. С. 12).

Отдел Физического Развития занимался организацией и проведением самых разных спортивных мероприятий. Его секретарем на середину 1920-х гг. был В.Н. Буянов. По итогам года им устраивался спортивный вечер, в рамках которого подводились спортивные итоги года с награждениями. Наряду с этим проводился, так называемый, «Весенний спортивный праздник». В 1926 г. он был устроен на харбинском ипподроме и собрал более 1000 чел. Отделом Физического Развития в рамках Христианского союза молодых людей проводилось ежегодное первенство по шестиборию. При Отделе Физического Развития действовали, так называемые, «группы деловых людей». Что это такое, сегодня, к сожалению, сказать сложно (Гуревич, 2003. С. 12, 24, 27; Щукин, 1985).

При харбинском отделении ХСМЛ также действовал свой хор (Хроника Х.С.М.Л. в Харбине, 1926).

Христианский союз молодых людей в г. Харбин, как отмечалось выше, издавал свой журнал. На его титульном листе стояли города Харбин и Маньчжурия. В нем печатались как статьи научно-популярного характера, так и художественные литературные произведения. Отдельное внимание уделялось деятельности харбинского отделения Х.С.М.Л., о которой шла речь в разделе «Хроника Х.С.М.Л. в Харбине». Со временем журнал стал более публицистическим, со значительным содержанием литературных и поэтических произведений. Тираж журнала в 1926 г. составил 1000 экз. Большой интерес к журналу привел к тому, что он стал выходить ежемесячно. Популярность у читателей была значительной, однако, как отмечалось в отчете, существовать «только на тираж» журнал не мог, а повышать стоимость представлялось не верным. В 1926 г. был открыт «Кружок Х.С.М.Л. журнала», собиравшийся каждую неделю. В 1928 г. он стал именоваться «Молодая Чураевка» (Зеньковский, 2001; Щукин, 1985).

Помимо журнала Х.С.М.Л. в г. Харбин издавал однодневную газету «Наш Вестник», номера которой были посвящены каким-либо событиям.

Главным событием для харбинского отделения Христианского союза молодых людей являлось празднование годовщин со дня первого собрания УМСА (Young Men's Christian Association) в 1844 г. Происходило это 8 ноября. Заключалось оно в череде концертов, докладов и собраний членов Х.С.М.Л. в Харбине. Это был официальный праздник Х.С.М.Л. в г. Харбин.

При Харбинском Х.С.М.Л. действовал клуб, членами которого являлись все действительные члены Христианского союза молодых людей. В нем устраивались разного рода вечера (Хроника Х.С.М.Л. в Харбине, 1926). Также работал радиоклуб, членами которого являлись члены харбинского отделения. Он давал открытые радиоконцерты. Действовал клуб филателистов, клуб естественников, в задачи которого входил сбор, монтировка и научная обработка коллекций для школьного музея. К последнему значительный интерес проявляло Общество изучения Маньчжурского края. Известно, что члены Х.С.М.Л. г. Харбина присутствовали на проповедях православных архиереев и священников. Так, в 1928 г. это была проповедь «О силе духа» епископа Камчатского и Петропавловского Нестора (Анисимова) и протоиерея Петра Рождественского «Христианство первых четырех веков».

М.Л. Дубаев в одной из публикаций, а вслед за ним А.А. Слезин и О.В. Щупленков, со ссылкой на одну из работ Е. Таскиной отмечают, что в здании харбинского Х.С.М.Л. на ул. Садовой в 1926 г. было организовано поэтом Алексеем Алексеевичем Анчаром (Грызов – секретарь харбинского Х.С.М.Л.) литературно-художественное объединение «Чураевка». Там же устраивались лекции, проводимые известными учеными, к примеру, Н.К. Рерихом.

Достаточно показательными, на наш взгляд, являлась численность союза. Так, в 1926 г. в нем состояло 445 чел. Всего же на конец года через союз прошло более 600 чел. (Гуревич, 2003. С. 1) Несомненно, оценить данный показатель достаточно сложно, однако можно предположить, что это достаточно много, с учетом возраста членов союза.

Таким образом, Христианский союз молодых людей Харбина являлся достаточно крупной эмигрантской общественной организацией. Его деятельность нашла некоторое отражение в научных публикациях. В то же время представляется, что имеющиеся исследования только отчасти затрагивают его историю. Самое же главное, что не всегда используются источники, в частности, документы по Христианскому союзу молодых людей в Харбине, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации.

Приведенные данные говорят о том, что Х.С.М.Л. г. Харбина проводилась очень большая общественная работа. Возможно, по количеству направлений, объему разного рода мероприятий, количеству участников в них, Харбинский Христианский союз молодых людей был одной из самых активных и эффективных общественных организаций российской эмиграции не только в Харбине, но и в Китае, в целом.

Представленное исследование также только частично характеризует Х.С.М.Л. Харбина. Очевидно, что требуется дальнейшая, серьезная работа с архивными документами по воссозданию наиболее полной его истории.

Библиографический список

Гуревич А.Л. История деятельности Русского студенческого христианского движения: 1923–1939 гг. М.: Спутник+, 2003. 158 с.

Гуревич А. Культурно-религиозная деятельность русской эмиграции. По материалам истории Русского студенческого христианского движения. Саарбрюккене: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 2011. 148 с.

Дубаев М.Л. Христианский союз молодых людей и русская эмиграция в Китае. Культурологический аспект взаимодействия русской общины с молодежными эмигрантскими организациями (первая половина XX в.) // История и современность. 2009. № 1. С. 33–44.

Жизнь нашего союза // Х.С.М.Л. журнал. 1928. № 1(13). Январь. С. 25–28.

Зеньковский В.В. Зарождение Р.С.Х.Д. в эмиграции (Из истории русских религиозных течений в эмиграции) // Вестник Русского христианского движения. 1993. № 168. С. 5–40.

Зеньковский В.В. Василий, прот. Мое участие в РСХД // Вестник Русского христианского движения. 1998a. № 177. С. 83–121.

Зеньковский В.В. Василий, прот. Мое участие в РСХД // Вестник Русского христианского движения. 1998b. № 178. С. 109–139.

Зеньковский В.В. «Страницы истории: Из книги В.В. Зеньковского «Мое участие в РСХД», гл. VIII»» // Вестник Русского христианского движения. 2001. № 182. С. 315–325.

Лагерь Х.С.М.Л. в 1926 г. // Х.С.М.Л. журнал, 1926. Вып. 4. 2 мая. С. 35–36.

Миллер М.Л. Пол. Б. Андерсон. Американский ХСМЛ и русские православные, 1900–1940 // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. 2016. Вып. 1. С. 42–51.

Можаева Л.А. Русское студенческое христианское движение (1920–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 1. С. 273–278.

Полчанинов Р.В. Воспоминания о деятельности Христианского Союза молодых людей в 1946–1951 годах // Вестник церковной истории. 2008. № 3 (11). С. 198–210.

Полчанинов Р.В. Молодежные организации Российского Зарубежья // Записки русской академической

References

Gurevich A.L. (2003) History of the Russian student Christian movement: 1923–1939. Moscow: Sputnik+. 158 p. (In Russ.)

Gurevich A. (2011) Cultural and religious activities of the Russian emigration. Based on the history of the Russian student Christian movement. Saarbryukkene: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. 148 p. (In Russ.)

Dubaev M.L. (2009) Christian Union of Young People and Russian emigration in China. Cultural aspect of interaction of the Russian community with youth emigrant organizations (the first half of the twentieth century). *Istoriya i sovremennost'* = History and modernity. No. 1. P. 33–44. (In Russ.)

(1928) Life of our soyuza. *Kh.S.M.L. zhurnal* = Y.M.C.A. Journal. No. 1(13). January. P. 25–28. (In Russ)

Zen'kovskii V.V. (1993) The origin of R.S.H.D. in emigration (from the history of Russian religious movements in emigration). *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya* = Bulletin of The Russian Christian movement. No. 168. P. 5–40. (In Russ.)

Zen'kovskii V.V. Vasilii, prot. (1998a)My participation in the RSCM. *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya* = Bulletin of The Russian Christian movement. No. 177. P. 83–121. (In Russ.)

Zen'kovskii V.V. Vasilii, prot. (1998b) My participation in the RSCM. *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya* = Bulletin of The Russian Christian movement. No. 178. P. 109–139. (In Russ)

Zen'kovskii V.V. 2001 Pages of history: From the book by V.V. Zenkovsky «My participation in the YMCA». *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya* = Bulletin of The Russian Christian movement. No. 182. P. 315–325. (In Russ.)

(1926) YMCA camp in 1926. *Kh.S.M.L. zhurnal* = Y.M.C.A. Journal. Iss. 4. 2 May. P. 35–36. (In Russ.)

Miller M.L. Pol. B. Anderson. (2016) The American YMCA and Russian Orthodox Christians, 1900–1940. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of St. Petersburg state University. Ser. 2. Iss. 1. P. 42–51. (In Russ.)

Mozhaeva L.A. (2001) Russian student Christian movement (1920s–1930s). *Novyi istoricheskii vestnik* = New Historical Bulletin. No. 1. P. 273–278. (In Russ.)

Polchaninov R.V. (2008) Memories of the activities of the Christian Union of Young People in 1946–1951. *Vestnik tserkovnoi istorii* = Bulletin of Church History. No. 3 (11). P. 198–210. (In Russ.)

Polchaninov R.V. (1994) Youth organizations of the Russian Abroad. *Zapiski russkoi akademicheskoi gruppy v*

группы в США. 1994. Т. XXVI. Ч. 1. С. 97–128.

Полчанинов Р.В. Молодежь русского зарубежья: воспоминания, 1941–1951. М.: Посев, 2009. 415 с.

Слезин А.А., Щупленков О.В. Общественно-политические течения молодежи российского зарубежья 1920–1930-х гг. в поисках сохранения национальной идентичности // История государства и права. 2012. № 7 (151). С. 1261–1271.

Хисамутдинов А.А. Библиотечная история Харбина // Биосфера. 2013. № 3. С. 11–17.

Хроника Х.С.М.Л. в Харбине // Х.С.М.Л. журнал. Вып. 2. 12 декабря 1925. С. 3–26.

Хроника Х.С.М.Л. в Харбине // Х.С.М.Л. журнал. Вып. 4. 2 мая 1926. С. 25–34.

Щукин С., протоиерей. Материалы к истории Русского студенческого христианского движения в России // Русское возрождение. 1985 (II). № 30. С. 67–119.

Miller M.L. The American YMCA and Russian Culture: The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940. – Lanham, MD: Lexington Books, 2013. – 281 p.

SShA = Notes of the Russian academic group in the USA. Vol. 26. Pt. 1. P. 97–128. (In Russ.)

Polchaninov R.V. (2009) Youth of the Russian abroad: memories, 1941–1951. Moscow: Posev. 415 p. (In Russ.)

Slezin A.A., Shchuplenkov O.V. (2012) Socio-political trends of the youth of the Russian abroad of the 1920–1930s in search of preservation of national identity. *Istoriya gosudarstva i prava* = History of the State and Law. No. 7 (151). P. 1261–1271. (In Russ.)

Khisamutdinov A.A. (2013) Library history of Harbin. *Biosfera* = Biosphere. No. 3. P. 11–17. (In Russ.)

(1925) Chronicle of Y.M.C.A. in Harbin // *Kh.S.M.L. zhurnal* = Y.M.C.A. Journal. Iss. 2. 12 December. P. 3–26. (In Russ.)

(1926) Chronicle of Y.M.C.A. in Harbin // *Kh.S.M.L. zhurnal* = Y.M.C.A. Journal. Iss. 4. 2 May. P. 25–34. (In Russ.)

Shchukin S., protoierei. (1985) (II) Materials to the history of the Russian Student Christian Movement in Russia. *Russkoe vozrozhdenie* = Russian Revival. No. 30. P. 67–119. (In Russ.)

Miller M.L. The American YMCA and Russian Culture: The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940. – Lanham, MD: Lexington Books, 2013. – 281 p.

Критерии авторства

Е.В. Дроботушенко, Ю.Н. Ланцова, С.В. Карасёв, Ван Мэн выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за её оригинальность.

Attribution criteria

E.V. Drobotushenko, Yu.N. Lantsova, S.V. Karasev, Wang Meng carried out research work, on the basis on the obtained results they carried out generalizations, prepared the manuscript for publication, have copyright for the article and bear full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Дроботушенко Евгений Викторович,
кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета,
Забайкальский государственный университет,
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, Россия,
✉ e-mail: drzz@yandex.ru

Ланцова Юлия Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории историко-филологического факультета,
Забайкальский государственный университет,
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, Россия,
✉ e-mail: astra205@yandex.ru

Карасёв Сергей Владимирович,
доктор исторических наук, доцент,

Information about the authors

Evgenii V. Drobotushenko,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Political Science, Dean of the Faculty of History and Philology,
Trans-Baikal State University,
30 Alexandro-Zavodskaya street, Chita 672039, Russia,
✉ e-mail: drzz@yandex.ru

Yulia N. Lantsova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology,
Trans-Baikal State University,
30 Alexandro-Zavodskaya street, Chita 672039, Russia,
✉ e-mail: astra205@yandex.ru

Sergey V. Karasev,
Dr. Sci. (History), Professor of the Department of History

профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: s.karasev@bk.ru

Ван Мэн,
начальник департамента международного сотрудничества,
Железнодорожная корпорация Северо-Восточная Азия провинции Цзилинь,
130000, провинция Цзилинь, г. Чанчунь, ул. Чжию, 4433, КНР,
✉ e-mail: wmvro@mail.ru

and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: s.karasev@bk.ru

Wang Meng,
Head of International Cooperation Department,
Railway Corporation Northeast Asia, Jilin Province,
130000, Jilin Province, Changchun, Zhu 4433, China,
✉ e-mail: wmvro@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 355/359
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-218-229

«Об отдельных настроениях командного состава и красноармейцев»: политическая работа в 1920–1940 годы (по документам воинских соединений в Сибири)

© П.А. Новиков[a], М.С. Суханова[b], С.В. Трофименко[c]

[a] Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия
[b] Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия
[c] Музей истории г. Иркутска имени А.М. Сибирякова, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассматривается партийно-политическая работа в Красной армии на основе документов воинских соединений, дислоцированных в Сибири. Привлекаемые источники позволяют существенно скорректировать сложившиеся в историографии представления, показав тесную взаимосвязь процессов в обществе и Вооруженных силах. Охарактеризована источниковедческая и историографическая ситуация, причем по различным периодам отечественного военного строительства. Коммунистическая партия аккумулировала доступную информацию об общественных процессах, включая обстановку внутри воинских коллективов. Важным параметром партийных документов является то, что они составлялись для внутреннего использования и отражают не только достижения, но и проблемы. Оцениваются итоги государственной политики конца 1930-х гг. по идейной подготовке советского народа к будущей войне. Бравурные песни настраивали на самоуверенный лад, являлись верхушкой «айсберга» политической работы в войсках, общее значение которой и призвана оценить данная статья. Особенности усилий политработников рассмотрены по пяти хронологическим срезам: 1922 г., 1924 г., 1940 г., период Великой Отечественной войны, 1946 г. Особое внимание уделено раскрытию содержания политической работы на низовом уровне, процитирована ее менявшаяся риторика и обобщена динамика приоритетов.

Ключевые слова: коммунистическая партия, партийная и политическая работа, Красная армия, политработники, донесения, повседневность, адаптация, гибкость, риторика

Информация о статье: Дата поступления 1 сентября 2019 г.; дата принятия к печати 7 октября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Новиков П.А., Суханова М.С., Трофименко С.В. «Об отдельных настроениях командного состава и красноармейцев»: политическая работа в 1920–1940 годы (по документам воинских соединений в Сибири) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 218–229. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-218-229

“On the separate moods of the commanding staff and the Red Army”: political work in 1920–1940 (according to documents of military formations in Siberia)

© Pavel A. Novikov[a], Maria S. Sukhanova[b], Sergei V. Trofimenko[c]

[a] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia
[b] Saint Petersburg State Economic University, Saint Petersburg, Russia
[c] Museum of History of Irkutsk City named after A.M. Sibiryakov, Irkutsk, Russia

Abstract: The article examines the party and political work in the Red Army on the basis of documents of military units stationed in Siberia. These for the first time studied sources allow to correct essentially the representations which have developed in historiography, having shown close interrelation of processes in society and armed forces in different periods of time. The article describes the source and historiographical situation, and for different periods of domestic military construction. The

Communist Party accumulated available information on the development of all spheres of society, including intra-army processes. An important parameter of party documents is that they were compiled for internal use and reflect not only achievements, but also problems. The results of the state policy of the late 1930s on the ideological preparation of the Soviet people for the future war are estimated. Bravura songs set up a self-confident mood, were the tip of the “iceberg” of political work in the troops, the overall importance of which is intended to assess this article. Features of efforts of political workers are considered on five chronological sections: 1922, 1924, 1940, the period of the Great Patriotic War, 1946. Special attention is paid to disclosure of the maintenance of political work at the grassroots level, its changing rhetoric is quoted and dynamics of priorities is generalized.

Keywords: Communist Party, party and political work, Red Army, political workers, reports, everyday life, adaptation, flexibility, rhetoric

Article info: Received September 1, 2019; accepted for publication October 7, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Novikov P.A., Sukhanova M.S., Trofimenko S.V. (2019) “On the separate moods of the commanding staff and the Red Army”: political work in 1920–1940 (according to documents of military formations in Siberia). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 218–229. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-218-229

Информирование общества по военным вопросам формирует оптимизм или пессимизм в восприятии возможной войны, причем равно губительны и тот и другой, если имеют крайнюю форму. Пессимизм может сформировать пагубное сознание превосходства врага – залог будущих поражений. Например, накануне Крымской войны «высшее (русское) командование ничего общего с солдатской массой не имело, тяготилось нашей отсталостью от Западной Европы и было проникнуто глубочайшим пессимизмом. Для всего высшего комсостава характерным являлся скептицизм по отношению к России, полное неверие в силы русской государственности. Морально он уже являлся разбитым до столкновения с Западной Европой, и потому неспособен был использовать и имевшиеся налицо силы и средства… Крепкая, недостаточно оцененная дисциплина русской армии, позволила претерпеть все неудачи Восточной войны без больших потрясений для государства» (Свечин, 1928. С. 22, 75).

Поражение в Русско-японской войне вызывает переоценку побед 1812 г., уничижительную критику действий русской армии. Например, В.Ф. Новицкий – впоследствии генерал-лейтенант, в 1909 г. писал: «Встретившись здесь (в 1812 г.) первый и единственный раз в единоборстве с великим полководцем, мы, точно загипнотизированные обаянием его военного гения, точно подавленные смелостью его наступления, блеском его замыслов, силой его ударов, утратили всякую способность сопротивляться путем самостоятельных стратегических комбинаций и приняли этот медлительный, губительный для военного искусства план отступления внутрь государства. Обстоятельства сложились, однако, так благоприятно для нас, что, несмотря на все недостатки нашего оперативного плана, великий полководец погубил в наших пределах свою армию и мы решили, что победа осталась за нами» (Новицкий, 2002. С. 419). В итоге, по В.Ф. Новицкому, возник опасный «гипноз неожиданных успехов Отечественной войны». Так этот автор выдвинул самооценку «мы хуже всех», навязывая или поспешно признавая превосходство врага.

Противоположная крайность – неоправданный беспочвенный оптимизм. Как пример, рассмотрим итоги государственной политики конца 1930-х гг. по идейной подготовке советского народа к будущей «Большой» войне. Понятно, что у советской военной самоуверенности были материальные основания – большое количество вооружения и приоритетное внимание, уделяемое вооруженным силам. Трудно однозначно ответить, вооружили и разоружили советских людей творческие продукты советских поэтов. Особенно часто упоминается песня «Если завтра война» с лжепророческими словами «И на вражьей земле мы врага

разгромим малой кровью, могучим ударом». Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война быстро потребовала других текстов – «Вставай страна огромная», «Шумел сурово Брянский лес» и т. д. И дело не только в том, что предвоенные песни настраивали на ложный самоуверенный лад, но одновременно являлись верхушкой огромного «айсберга» политической работы в вооруженных силах. Немалые массы людей, агитаторов, пропагандистов, «партийно-политически работавших» в армии, поглощали значимые материальные ресурсы, время, физическую и интеллектуальную энергию людей – будущих защитников Родины. Следует ли считать эту политическую работу бесполезной, напрасной или даже вредной? Действительно ли продолжительное широкомасштабное агитационное «рассолдачивание» Красной армии накануне тяжелейшей схватки – одна из причин огромных людских потерь СССР в войне с гитлеровской Германией? Такие гипотезы следует подтвердить или опровергнуть в настоящей статье.

Во времена СССР изучению политической работы в Красной армии уделялось большое внимание. Создана обширная историография, проведена значительная источниковедческая работа. Изданы сборники документов, включавшие ключевой массив приказов, циркуляров, директив, инструкций и программ Политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии (Партийно-политическая работа…, 1981[1]; Партийно-политическая работа…, 1985[2]). Предметно раскрыты сюжеты строительства партийно-политического аппарата, организационная работа, комсомольская деятельность, агитация и пропаганда, культурно-просветительская и общеобразовательная работа. Агитационно-пропагандистская работа среди прочего включала разъяснение личному составу вопросов внутренней и внешней политики, дополнявшую и проверявшую непосредственную политическую подготовку рядовых и командиров. Опубликованы важнейшие резолюции совещаний политработников различного уровня (Всеармейские совещания.., 1984)[3]. Таким образом распорядительные материалы введены в научный оборот и в общем научно осмыслены. Советская историография политической работы акцентировала внимание на периоде Гражданской войны, в целом же отличаясь определенной лакировкой деятельности большевиков и понятными цензурными лакунами. Дефиниции исследовательских работ несли явный отпечаток влияние риторики самих изучаемых политработников. Характерны названия разделов: «Решения VIII съезда Коммунистической партии по военному вопросу», «Дальнейшее (при завершении Гражданской войны) укрепление партийно-политического аппарата Советской армии» (Шатагин, 1954. С. 158–166, 226–243).

Современная постсоветская историография успешно устраняет вынужденные недоработки предшественников, активно восполняя сюжетные лакуны и преодолевая инерцию бравурно-пропагандистской риторики. Дополнена характеристика влияния И.В. Сталина на содержание исследований (Семыкин, 2013. С. 89–91).

Как многогранные и исключительно значимые проблемы осознаны и исследуются прямое, а главное опосредованное участие Красной армии в коллективизации и раскулачивании (Тархова, 2010). Исключительно интересно отражение аграрной политики большевиков в армейской документации.

Раскрыта эволюция советской пропаганды и агитации по внешнеполитическим вопросам, исследована оценка высшим руководством СССР начальных событий Второй мировой войны (Мельтюхов, 2000. С. 415–453).

Причем большинство современных авторов рассматривают именно инициированные политическими «верхами» процессы и управленческие корректировки на общем фоне военного строительства (Жарков, 2004; Костин, 2012; Жарков, Малахов, 2019). Мы же, напротив, решили обратиться к обстановке непосредственно в воинских коллек-

[1] Партийно-политическая работа в Красной армии: Документы. 1921–1929 гг. М.: Воениздат, 1981. 576 с.

[2] Партийно-политическая работа в Красной армии: Документы. Июль 1929 г. – май 1941 г. М.: Воениздат, 1985. 535 с.

[3] Всеармейские совещания политработников Красной армии. Резолюции. 1918–1940. М.: Наука, 1984. 335 с.

тивах, к материалам первичных инстанций, чтобы изучить реакцию личного состава снизу. На наш взгляд, весьма перспективно более пристально проанализировать то, что в документах именовалось «отдельными настроениями командного состава и красноармейцев» – настроениями, которые следовало обязательно преодолеть. Такой подход очень полезен для полноты и объективности картины.

Чтобы проследить эволюцию политической работы обратимся к документам воинских соединений, дислоцировавшихся в Сибири. Проведем обзор приоритетов усилий политработников по пяти хронологическим срезам: 1922 г., 1924 г., 1940 г., период Великой Отечественной войны, 1946 г.

Общую ситуацию в Дальневосточной республике характеризует рапорт главнокомандующего В.К. Блюхера, отправленный в 1922 г. Л.Д. Троцкому и Сибревоенсовету: «Катастрофическое положение в Народно-Революционной армии. Военспец спекулирующий последними вещами на барахолке и не посещающий по этой причине занятия, ответственные работники нанимаются к ремесленникам в мастера и к торговцам в ночные сторожа, жены военнослужащих, побирающиеся по городу «Христа ради», бойцы, да одни ли только бойцы, с оружием вламывающиеся в квартиры обывателей с целью грабежа, штабники с голода хворающие, падающие в обморок, ворующие и продающие все что попадается под руку, от карандаша до пишущей машинки и секретного документа…– все это стало тяжелым фактом повседневности, характеризующим ту грань, до которой докатилась материальная необеспеченность армии и то разложение, которое вызвано ненормальными условиями жизни.

К гнилому духу еще не изжитой партизанщины необходимо добавить помимо всей экономической разрухи ДВР: 1) Отсутствие в армии политической работы (до мобилизации в армии было 2800 коммунистов, из них 80 % вступивших в 1920–1921 гг., теперь значительно меньше: есть военкомы – бывшие колчаковцы и командиры частей – открытые эсеры. 2) Наличие 85 % комсостава из бывшего белого офицерства, еще не порвавшего своих связей с прошлым и охотно в следствии необеспеченности идущего на шпионскую службу к японцам и белобандитам. 3) праздный разгул местной буржуазии и зажиточного крестьянства, проживающих свои доходы на глазах голодных и полураздетых военнослужащих… В Амурской области мы уже имеем в настоящее время попытку организованной партизанщины оказать сопротивление и недоверие правительству ДВР и высшему командованию НРА учреждением в явочном порядке собственного штаба для управления партизанскими отрядами. К ликвидации Штабом приняты меры, но сам факт… Вывод 1) ускоренного отпуска достаточного количества материальных ресурсов, главным образом валюты, обмундирования и снаряжения. 2) немедленной присылки надежных сил для воспитания армии в надлежащем духе и поддержке ее революционной стойкости в разгорающейся последней борьбе с востоком» (РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 31. Л. 13). Содержание этого рапорта ярко передает теоретические и идеологические воззрения автора (Блюхер, 1963). Кроме того, цитата откровенно обозначает желаемый социальный уклад, который будет сформирован через десять лет в результате коллективизации.

Учитывая ставку большевиков на чрезвычайные, насильственные методы равный интерес представляют как теоретические представления о подготовке к войне, так и апелляции к военным подходам и риторики «битв» в условно (официально провозглашаемые в СССР периоды обострения классовой борьбы) мирное время.

А.А. Свечин откровенно писал: «Война, опустошая рынки, колебля денежную систему, имеет тенденцию нарушить равновесие, поставив городское население в неизмеримо более трудное положение, чем население деревень, живущее в значительной мере натуральным хозяйством. С началом войны быстро уменьшается предложение крестьянских продуктов, конкуренция производителей исчезает, цены на продовольствие растут. Промышленность, обратившая свое производство на войну, не имеет возможности снабжать деревенские рынки ходким крестьянским товаром. Здоро-

вая экономическая политика должна обеспечить равновесие во что бы то ни стало; недостаток товаров для деревни должен быть заменен соответственным налоговым нажимом. Экономическая мобилизация должна предвидеть формы военного налога на крестьян, пропорционально уменьшению реальной заработной платы в городах. Отнюдь нельзя допускать даже признака наживы на общественном бедствии, представляемом войной. Война уже проиграна, как только значительные массы пожелают что-либо выиграть на ней. Экономическая мобилизация должна предвидеть ряд энергичных мер борьбы за низкие хлебные цены, относительно целесообразности коих до начала войны можно быть различного мнения» (Свечин, 1926. С. 66).

Планомерную подготовку будущих форсированных преобразований (коллективизации) раскрывают политические донесения 35-й стрелковой дивизии. Небольшая справка на это соединение, с 1920 по 1936 гг. квартировавшее в Иркутске с перерывами на боевые действия в Монголии в 1921 г. и Маньчжурии в 1929 г. 13 декабря 1920 г. 35-я дивизия была удостоена почетного наименования «Сибирская», а в мае – июле 1921 г. оперировала против белых частей барона Р.Ф. Унгерна в Монголии (Новиков, 2005. С. 245–252). С 1925 по 1936 г. дислоцировалась в Иркутске, входя в 18-й стрелковый корпус, штаб которого также размещался в Иркутске с 1925 по 1929 гг. (Тридцать пятая.., 2011. С. 498). С 17 ноября по 22 декабря 1929 г. 35-я Сибирская стрелковая дивизия задействована в конфликте на КВЖД, штурмовала Чжайланорский укрепленный район (Янгузов, 1970). В 1936 г. из Иркутска передислоцирована в поселок (с 1938 г. город) Бикин Хабаровского края. В Советско-японской войне 1945 г. дивизия форсировала р. Уссури, преодолела Жаохэйский укрепленный район, заняла города Жаохэ и Баоцин.

Политические донесения 35-й дивизии за 1924 г. весьма откровенны, содержат развернутую информацию как по настроениям личного состава, так и по работе политработников с ним. Под особо пристальным контролем – настроения, именуемые в сообщениях «отдельными», каковым эвфемизмом обозначались опасные для большевиков взгляды и правдивая, но неугодная информация. В центре внимания «крестьянские настроения» или «наблюдаются частично крестьянские уклоны» – также синонимичные примеры советской риторики. Например, **«**Отдельные моменты в затруднениях по снабжению товарами деревни, а так же политика партии по сельскохозяйственному налогу частью молодых красноармейцев рассматривается как недооценка значения крестьянства. Разговоры вокруг этого вопроса такие: «Советская власть существует 11 лет, а улучшений нет», «Сдал пшеницы 60 пудов, а в Красной армии кормят черным хлебом», «С крестьян много берут налога, от этого их хозяйство будет разваливаться», «Промышленность работает, а товаров недостает». Даже часть рабочих проявляет недовольство дороговизной товаров; так один красноармеец говорил: «Мы с отцом раньше зарабатывали 42 рубля, а теперь 100 рублей, а живем хуже». «Почему диктатура пролетариата, а не крестьянства?» «Раз командир имеет прислугу, значит он мелкий буржуа»» (РГВА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 3. Л. 3).

Раскрыта в деталях «кухня» моральной обстановки. «В связи с прибытием в части из деревни молодых красноармейцев и получением писем от демобилизованных красноармейцев зажиточной части, за последнее время замечается, что до некоторой степени расширились болезненные настроения среди красноармейцев. Большое место занимает недовольство налоговой политикой и в меньшей степени замечается недовольство, вызванное товарным голодом в деревне. Субъекты налогового настроения отзываются положительно и о кулацком терроре, имеющем место в деревне. Отдельные случаи разговоров имеют место и в армии. Приводят слова одного красноармейца – «Я бы всех коммунистов перестрелял». Бедняк и батрак дают отпор этим настроениям. Методом воздействия на красноармейцев со стороны кулаков и зажиточных демобилизованных красноармейцев являются письма» (РГВА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 3. Л. 12). Один из красноармейцев, уроженец Амурского округа, Аббасов говорил: «Неправильно брали хлеб по 107-й статье, какое мне дело, что государству

нужен хлеб, правду говорят сейчас нельзя, за правду садят». Он же прибывшему пополнению задавал вопрос: «А если крестьяне не будут платить налог, вы пойдете их расстреливать?» (РГВА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об). Или еще доклад: «Красноармеец Кадинцев прочел полученное им из дома письмо, где сообщалось о налоге. Красноармейцы высказались по этому поводу следующим образом: «Сельсоветы только жмут мужиков, а если кто посмеет пожаловаться, то они же остаются виновными. В Советах сидят больше те, кто метит нажиться. Назначают их без согласия крестьян». «Хорошему работнику нет голоса» (РГВА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 3. Л. 63). «В часть начали поступать письма из деревень с сообщениями о больших ставках налога и дешевых ценах на хлеб, а так же с сообщениями о том, что высланные красноармейцами удостоверения во внимание не принимаются. Это влияет на красноармейцев отрицательно» (РГВА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 3. Л. 63). «Кулацкий элемент принимает активное участие в разговорах о тяжести налога и тем самым усугубляет недовольство» (РГВА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 3. Л. 46).

Из донесений можно составить представление и о реакции на настроения, на методы «профилактики»: 107-й стрелковый полк. 27 октября 1924 г. Красноармеец 2-й роты Пономарев на вопрос политрука: «Какая разница между Советской властью и царским правительством», ответил: «Раньше налоги брали меньше, а сейчас с крестьян три шкуры дерут». Данный красноармеец взят на учет и политрук выясняет его политическую физиономию. 3 ноября. За последнюю неделю красноармейцы стали получать письма из дому, в которых сообщается, что налог нынешнего года вдвое тяжелее. Красноармейцы с письмами идут к политруку и просят последнего произвести подсчет, сколько его семье придется платить налога. Среди красноармейцев упадок настроения. Курсанты в полковой школе в частной беседе политруку говорили: «Почему нам на политчасе раньше говорили, что нынче налог будет меньше. Из дому мы получаем письма, где родные пишут, что налог нынче вдвое тяжелее». Политрукам пока удается рассеивать сомнения красноармейцев. На дивизионном совещании Военкомов (военных комиссаров) и отсекров (ответственных секретарей) по плану работы указано, что к налоговому вопросу нужно подходить весьма осторожно, не создавая у красноармейцев радужных надежд и представлений. Для наилучшего ознакомления политруков и других работников с налоговым вопросом, предложено на занятиях политруков привлекать для инструктирования первых местных финработников» (РГВА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 3. Л. 63).

«Красноармеец 2-й роты Васильченко (крестьянин – бедняк) в беседе с политруком сказал: «Мы здесь служим, а дома с отцов шкуры сдирают. Налог нынче вдвое тяжелее, чем в прошлом году». Политрук пытался ему разъяснить, но Васильченко не стал слушать и ушел. Васильченко взят под наблюдение. Выясняется его прошлое. Артиллерийский полк. 6 ноября. Красноармеец 1-й батареи Ярков (крестьянин-кулак, Семипалатинской губернии, Бухтарминского уезда) на политчасе по налогу проявлял недовольство и заявил: «Крестьян совершенно согнули в дугу и нисколько не дают вздохнуть. Работают, работают, а есть почти нечего, все забирают. Комсоставу – же дают большие ставки жалования и они живут роскошно». Установлено за Ярковым наблюдение» (РГВА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 3. Л. 63). «Взятие на особый учет» политическим отделом дивизии подразумевало: 1) установить наблюдения за этими красноармейцами, 2) установить их социальное и имущественное положение, 3) как они вели себя раньше, о чем сообщить в донесении. Ориентировка на выявление среди личного состава частей «лиц, имеющих связь с кулацкими хозяйствами и чуждыми элементами». Было предложено всем политработникам, строго учитывая налоговые настроения, углубить компанию и серьезно проверять ее результаты.

В сообщениях активно политработники цитируют письма красноармейцев, что указывает на перлюстрацию переписки. В ряде писем красноармейцы сообщают, что они политрукам не верят. Разъяснения командно-политическим составом порядка демобилизации встречаются красноармейцами недоверчиво. Это недоверие объясняется тем, что «компполитсостав, руководствуясь прика-

зами, разъяснял красноармейцам, для предупреждения демнастроений, что увольнения не будет, в то же самое время неожиданно для комполитсоставов вопрос о демобилизации освещался в печати. У красноармейцев создалось впечатление, что или командный состав ничего не знает или врет» (РГВА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 3. Л. 97).

Красноармейцами в большом количестве получаются из дома письма, жалобы на налоги. Также в письмах жалуются, что выдаваемые в Красной Армии удостоверения не приносят никакой пользы. «105-й стрелковый полк, 26 октября. Благодаря письмам из дома о большом обложении налогами, некоторые красноармейцы совершенно не хотят слушать политрука о принадлежащих семье красноармейца льготах. Их рассуждения таковы: «Хорошо здесь говорят, а там (дома) отбирают во всю» и «те льготы, о которых нам говорят так и остаются на бумаге». А иные красноармейцы говорят, что на продработу нужно послать политруков – они бы разъяснили крестьянам действительное положение о налоге и смогли бы применить те льготы, которые есть в положении о едином сельскохозяйственном налоге (недоверие к гражданским работникам) (РГВА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 3. Л. 43).

Личный состав частей призывался к шефской работе над деревней. В 1924 г. указывалось, что «шефство над деревней в текущий период обострившейся классовой борьбы в стране приобретает сугубо важное значение как для помощи партии и советской власти по проведению политики партии в деревне, так и ознакомления начсостава с положением в деревне, что имеет большое значение для текущей политической работы с красноармейцами, для чего – 1) Каждой отдельной части принять активное участие по шефству над деревней. 2) Шефскую работу над деревней брать не самостоятельно, а совместно с гражданской организацией, с которой часть связана. 3) Ближайшей задачей поставить помощь в работе по перевыборам Советов» (РГВА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 3. Л. 11).

Таким образом, документы 35-й стрелковой дивизии наглядно раскрывают политическую работу в отношении крестьянства, позволяют сопоставить низовую практику и риторику высших инстанций. Начальник Политического управления Красной армии А.С. Бубнов на совещании секретарей военных ячеек в начале 1924 г. подчеркивал: «Мы имеем армию, как гигантский резервуар, в который мы втягиваем громадную массу крестьянского молодняка, причем ставим его в такое благоприятное для государства и нашей партии положение, что имеем максимальную возможность его перевоспитать» (Бубнов, 1958. С. 130).

Политработники внимательно контролировали и настроения командного состава. Например, сообщение: «Политотделом 35-й дивизии за последнее время отмечается ряд фактов, характеризующих недопустимый взгляд командиров на политсостав Красной Армии. Например, в артиллерийском полку 14 августа 1924 г. комвзвод Спирин спорил с политруком о ненужности политработников в армии. Он говорил, что политруки отжили свой век и они теперь в армии не нужны, и если бы политруков не было, то комсостав лучше бы работал, чувствуя на себе всестороннюю ответственность. Кроме того они зря поставлены в лучшие условия, так помкомбатареи (помощник командира батареи) по политчасти получает по 10 разряду, а помкомбатареи – командир по 8 разряду. Зря государство расходует на них деньги, ведь комсостав сам политически достаточно развит и сам сможет вести политработу. К тому же политруки в военном отношении ничего не смыслят». Когда политрук ответил, что это только его личное мнение и что лучше ему держать язык за зубами, т. Спирин ответил: «Конечно, я маленькая сошка, и мое мнение – нуль, но смотри, как выступят все командиры, тогда это не будет нуль». В 103-й стрелковом полку комбат Губаньков о политсоставе высказал такое мнение: «Арестанты абсолютно ничего не знают, их уже время давно убрать, так как они мешают работе. Вообще это излишний элемент, который только портит красноармейцев, гладя их по головке, да при этом это не вяжется с режимом экономии». Один комвзвода, беседуя с комроты, сказал: «Политруки свое время отжили и теперь их пора бы уже снять. От них нет никакой пользы»» (РГВА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 3. Л. 97).

«Вывод: В своей политике в отношении комсостава, политорганы не учли: а) ряда преимуществ его перед политсоставом, как-то: в его большом военном и общеобразовательном уровне, и б) ряда данных партийного и классового характера, которые обуславливают возможность более полного сосредоточения в руках партийного комсостава (особенно в роте) политического руководства работой с красноармейцами.

Обзор настроений 1924 г. завершим характеристикой представлений о международной обстановке. «Опасность войны представляют слабо. Возможность столкновения с буржуазией представляется как весьма далекое будущее. Часть красноармейцев говорит: «Хорошо бы было, если бы вовсе не было войны». В отношении помощи заграничному пролетариату в нужный момент вооруженной силой (красноармейцы) говорят, что это – не наше дело, наше дело – это укрепление СССР» (РГВА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 3. Л. 2).

Расквартированную в Красноярске 26-ю стрелковую дивизию 30 августа 1924 г. по своему пути на восток посетила немецкая рабочая делегация. Во встрече с ней наряду с представителями рабочих, партийных и советских организаций участвовала и полковая школа 77-го стрелкового полка, укомплектованного немцами – гражданами СССР. «После обмена приветствиями состоялась товарищеская беседа. Особую активность в беседе проявили комсомольцы и беспартийные активисты. Красноармейцы стремились через непосредственную беседу проверить правильность тех сведений, которые им дают на политчасах о Германии, о германской армии, о жизни рабочих и крестьян. Курсанты (немцы) в своих ответах отзывались положительно о Красной армии и Советской власти, хотя таковые носили осторожный характер. В результате беседы, красноармейцы… убедились в правильности тех знаний, которые им даются на политзанятиях. В деле интернационализации красноармейца, эта беседа оказала весьма сильное и положительное влияние. Беседа велась на немецком языке, она представляет собой значительный интерес для оценки настроения красноармейцев» (РГВА. Ф. 887. Оп. 1. Д. 3. Л. 99).

Большую злободневность тема международной обстановки приобрела с началом Второй мировой войны. Состояние воспитательной работы в 114-й стрелковой дивизии, расквартированной на станции Дивизионная под Улан-Удэ, на апрель 1940 г. охарактеризовано следующим образом, вполне бюрократической и пропагандистской риторикой: «Личный состав дивизии красноармейцы, командно-начальствующий состав правильно понимают вопросы сложной международной обстановки, нарастания военной опасности для СССР в связи с разыгравшейся 2-й империалистической войной в Европе. Выполняя исторические указания товарища Сталина на 18-м съезде партии, указания главы Советского правительства товарища Молотова о задачах укрепления обороны страны, требования народного комиссара обороны товарища Ворошилова в приказе № 113, реализуя директиву Политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии № 282, партполитаппарат частей дивизии добился значительных успехов в деле политического воспитания воина рабоче-крестьянской красной армии и сколачивания боеготовности частей. Политико-моральное состояние частей здоровое. Решение мартовского пленума ЦК ВКП (б), VI сессии Верховного Совета СССР личный состав понимает правильно и встретил их с большим удовлетворением. До VI сессии Верховного Совета СССР имели место случаи, когда отдельные красноармейцы и командиры, не понимая ряда вопросов, высказывали неправильные толкования: Лейтенант 206-го отдельного противотанкового дивизиона Ходунов Л.С. (член ВКП (б), рабочий) высказывал такую мысль: «Советский союз в войне с Финляндией остановился на полпути, не оказав помощи финляндскому народу и народному правительству».

Капитан Бронин И.А. (405-й легко-артиллерийский полк, член ВКП (б)) в беседе с красноармейцами также высказал мысль: «Что заставило СССР заключить договор с Финляндией, не доведя до конца начатое дело, надо было контрибуцию установить, а то и этого не сделано, а крови пролито много». Красноармеец этого же полка Гузенко Д.Ф. (беспартийный) на политинформации

заявил: «Я все-таки не понимаю, почему СССР заключил мир, очевидно, мы совсем не готовы для продолжительной войны, мы жалеем силы для будущих схваток». Подобные настроения высказывали и ряд других красноармейцев и командиров. После доклада товарища Молотова на 6-й сессии Верховного Совета СССР и разъяснительной работы партполитаппарата вокруг решений мартовского пленума ЦК ВКП (б) и VI сессии Верховного Совета СССР, среди красноармейского и командно-начальствующего состава настроений отрицательного характера не имеется…..» (РГВА. Ф. 34995. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–14). Указанная директива № 282 требовала от всего начальствующего состава проводить с красноармейцами и младшими командирами беседы на различные темы, включая «задушевные».

По сравнению с 1924 г. более официозными предстают и словесный стиль, и смысловое содержание предвоенных и военных отчетных материалов по политической работе.

Из документов 71-го стрелкового полка 30-й Иркутской горнострелковой дивизии, встретившей начало Великой Отечественной войны в Молдавии: «Призывным набатом 22 июля 1941 г. разнеслось по всей стране извещение главы Советского правительства товарища Молотова об объявлении фашистской Германией войны Советскому Союзу, о вероломном нападении немецких разбойников на мирные республики многонационального социалистического государства…. Обличительным документом для фашистских варваров была резолюция принятая партийно-комсомольским собранием. Взятые обязательства коммунистами и комсомольцами дышали ненавистью и гневом к фашистским варварам. Бить беспощадно, истреблять до единого фашистских гадов… Под знаменем партии Ленина, под знаменем великого Сталина мы победим в этой борьбе против зарвавшейся фашистской своры» (ЦАМО. Ф. 1172. Оп. 1. Д. 7. Л. 18–19). 101-й отдельный саперный батальон той же дивизии – «командный и политический состав батальона развернул работу среди бойцов на успешное выполнения задания и за сохранение в целостности материальной части понтонного моста при наводке» (ЦАМО. Ф. 1172. Оп. 1. Д. 7. Л. 80). Развернутый взгляд самих политработников на роль и значение идейной закалки для боевой работы частей и соединений в Великой Отечественной войне предметно раскрыты в многочисленных мемуарах (Гречко, 1979; Калашников, 1981; Бойко, 1990).

Для полноты картины обратимся к соединениям, не задействованным в боях. В 1942 г. войска Забайкальского фронта проверяла организационно-пропагандистская группа Главного политического управления, выявившая неудовлетворительное состояние политической учебы и воспитательной работы в ряде частей и подразделений. В частности, установлено, что некоторые руководящие работники «самоустранились от пропаганды и агитации в массах бойцов и командиров; что марксистско-ленинская учеба командно-начальствующего состава и воспитательная работа с ними имела недостаточно высокий идейный и организационный уровень; не все партийные и комсомольские организации умели сочетать в своей деятельности организационную, боевую и хозяйственную работу с повседневной массово-политической работой с воинами» (ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3168. Д. 318. Л. 1). Для устранения выявленных недочетов проведен ряд мероприятий по улучшению агитационно-пропагандистской работы. Большое внимание было уделено повышению уровня идейно-теоретической и военной подготовки политсостава, знакомству политработников с опытом партийно-политической работы в действующей армии.

«Благодаря повышению личной ответственности коммунистов и комсомольцев, уровень партийно-политической работы в соединениях и частях заметно возрос, политаппарат, партийные и комсомольские организации значительно улучшили партийно-политическую работу. Повысилось качество марксистско-ленинской подготовки, активизировалась работа на огневых точках. Агитаторы стали регулярно беседовать с бойцами» (ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3168. Д. 60. Л. 12). Читались лекции и доклады на темы «Освободительная справедливая война Советского Союза против немецких захватчиков», «Героическое прошлое советского народа», «Кто такие национал-социалисты», «Вооруже-

ние и тактика японо-маньчжурской армии» и т. п. Регулярно проходили занятия в пяти группах командирской подготовки, во всех группах красноармейцев и младших командиров, в дневной и вечерней партийных школах. С конца января 1942 г. на Забайкальском фронте стал функционировать семинар военкомов и политруков рот.

Улучшение партийно-политической работы в соединениях и частях фронта положительно сказалось на качестве боевой и политической подготовки, повышении боеготовности и укреплении дисциплины войск. Военный совет и политическое управление фронта важнейшим участком своей работы считали всемерное укрепление партийных организаций частей, обеспечение примерности коммунистов и комсомольцев. В войсках шло непрерывное пополнение партийных рядов за счет прибытия в армию коммунистов по мобилизации и общим призывам военнообязанных и приема в партию.

Большую помощь командирам в улучшении качества обучения и воспитания личного состава в запасных соединениях и частях оказывали партийные и комсомольские организации. «Цементируя воинские коллективы», коммунисты и комсомольцы мобилизовали воинов на быстрое и качественное овладение боевой техникой, методами ведения боевых действий с учетом опыта Великой Отечественной войны, на преодоление трудностей армейской жизни (ЦАМО. Ф. 210. Оп. 3166. Д. 137. Л. 82).

Политическая работа с личным составом Советской армии после окончания Второй мировой войны велась в русле ранее сложившегося идеологического курса согласно окончательно выработанным шаблонам (Воронцов, 2018; Воронцов, Суханова, 2019). Современный человек может воспринять тщательно соблюдаемые ритуалы с некоторым недоумением, но с вероятным пониманием. Например, в 1946 г. в 61-й танковой дивизии Забайкальско-Амурского военного округа состоялись собрания актива (партийного, комсомольского) со следующими повестками и докладами: «Задачи коммунистов по изучению и разъяснению личному составу речи товарища Сталина от 9 февраля 1946 г.», «Задачи комсомольцев по изучению и разъяснению молодым воинам речи товарища Сталина от 9 февраля 1946 г.», «Задачи партийных организаций по политическому обеспечению демобилизации третьей очереди», «Постановление ЦК ВКП (б) «О росте партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в ВКП(б)…», «О подготовке и проведении отчетно-выборных собраний в партийных (ротных, первичных и полковых) организациях». Последние состоялись в октябре – декабре 1946 г. (ЦАМО. Ф. 3048. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 81–82).

В дальнейшем приоритетные усилия политработников 61-й танковой дивизии были направлены на то, чтобы «с огромным политическим подъемом» провести подписку на государственные займы «Восстановления и развития народного хозяйства». При доме офицеров работал вечерний университет марксизма-ленинизма. Создана сеть партийно-комсомольского просвещения с охватом 717 человек. В 61-й танковой дивизии созданы 193 группы политических занятий с рядовым и сержантским составом. Для изучения марксистско-ленинской теории офицерским составом создано 29 групп марксистско-ленинской подготовки (ЦАМО. Ф. 3048. Оп. 1. Д. 3. Л. 91). Указанные меры рассматривались как залог «выращивания отличников боевой и политической подготовки», что политическая подготовка всех частей дивизии оценивалась на «хорошо».

Таким образом политическая работа в советских вооруженных силах в течение 1920–1940-х годов сместила приоритеты от оперативного устранения текущего недовольства личного состава до тщательно формализованного комплекса превентивных мер по поддержанию идеологического единства.

Библиографический список

Блюхер В.К. Статьи и речи. М.: Воениздат, 1963. 228 с.

Бойко В.Р. Большой Хинган – Порт-Артур. М.:

References

Blyukher V.K. (1963) Articles and speeches. Moscow: Voenizdat. 228 p. (In Russ.)

Boiko V.R. (1990) Great Khingan range – Port Arthur.

Воениздат, 1990. 272 с.

Бубнов А.С. О Красной армии. М.: Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1958. 240 с.

Воронцов В.Н. Военные комиссариаты Иркутской области после Второй мировой войны: проблемы повседневной деятельности // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 3. С. 217–226.

Воронцов В.Н., Суханова М.С. Партийно-политическая работа в советских Вооруженных силах в 1945–1953 гг. (на материалах Восточной Сибири и Монголии) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 233–242.

Гречко Л.П. Единственная привилегия. М.: Воениздат, 1979. 175 с.

Жарков В.В. Военная реформа (1924–1928 гг.) и политическая работа в Красной армии // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 4 (41). С. 49–51.

Жарков В.В., Малахов Д.Н. Военно-политическая работа в Рабоче-крестьянской Красной армии в 1930-е гг.: проблемы и современность // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 2019. № 2 (5). С. 155–158.

Калашников К.Ф. Право вести за собой. М.: Воениздат, 1981. 239 с.

Костин Н.В. Партийно-политическая работа по укреплению воинской дисциплины в Красной армии в период ее перевода на мирное положение (1920–1923 гг.) // Клио. 2012. № 10 (70). С. 83–86.

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы и материалы). М.: Вече, 2000. 608 с.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 415 с.

Новицкий В.Ф. На пути к усовершенствованию государственной обороны // Российский военный сборник. Государственная оборона России. М., 2002. Вып. 19. С. 389–434.

Свечин А.А. Стратегия. М.-Л.: Государственное военное издательство, 1926. 400 с.

Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М.-Л.: Военгиз, 1928. Т. 2. 619 с.

Семыкин В.А. Политорганы РККА в годы Гражданской войны: история историографии 1920-х – первой половины 1950-х гг. // Клио. 2013. № 11 (83). С. 89–91.

Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 375 с.

Тридцать пятая стрелковая дивизия // Иркутск: Историко-краеведческий словарь. Иркутск: Сибирская книга, 2011. 593 [1] с.

Moscow: Voenizdat. 272 p. (In Russ.)

Bubnov A.S. (1958) About the Red Army. Moscow: Voennoe izd-vo Ministerstva oborony Soyuza SSR. 240 p. (In Russ.)

Vorontsov V.N. (2018) The military commissariats of the Irkutsk region after the Second World War: problems of daily activities. *Izvestiya Laboratorii drevnikh te*khnologii = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 14. No. 3. P. 217–226. (In Russ.)

Vorontsov V.N., Sukhanova M.S. (2019) Party and political work in the Soviet armed forces in 1945–1953 (on the materials of Eastern Siberia and Mongolia). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies Vol. 15. No. 3. P. 233–242. (In Russ.)

Grechko L.P. (1979) The Only privilege. Moscow: Voenizdat. 175 p. (In Russ.)

Zharkov V.V. (2004) Military reform (1924–1928) and political work in the Red Army. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* =Yaroslavl pedagogical bulletin. No. 4 (41). P. 49–51. (In Russ.)

Zharkov V.V., Malakhov D.N. (2019) Military and political activity in the Workers and Peasants Red Army in the 1930s: problems and modernity. *Vestnik Yaroslavskogo vysshego voennogo uchilishcha protivovozdushnoi oborony* = Bulletin of Yaroslavl higher military school of air defense. No. 2 (5). P. 155–158. (In Russ.)

Kalashnikov K.F. (1981) The right to lead. Moscow: Voenizdat. 239 p. (In Russ.)

Kostin N.V. (2012) The party and political work to strengthen military discipline in the Red Army in the period of its transfer to the peaceful situation (1920–1923). *Klio* = Kleo. No. 10 (70). P. 83–86. (In Russ.)

Mel'tyukhov M.I. (2000) Lost chance of Stalin. The Soviet Union and the struggle for Europe: 1939–1941 (Documents and materials). Moscow: Veche. 608 p. (In Russ.)

Novikov P.A. (2005) Civil War in Eastern Siberia. Moscow: Tsentrpoligraf. 415 p. (In Russ.)

Novitskii V.F. (2002) On the way to improvement of the state defense. *Rossiiskii voennyi sbornik. Gosudarstvennaya oborona Rossii* = Russian military collection. State defense of Russia. Moscow. Iss. 19. P. 389–434. (In Russ.)

Svechin A.A. (1926) Strategy. Moscow – Leningrad: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo. 400 p. (In Russ.)

Svechin A.A. (1928) Evolution of Military art. Moscow – Leningrad: Voengiz. Vol. 2. 619 p. (In Russ.)

Semykin V.A. (2013) Political Administration of the Red Army during the Civil War in Russia: Historiography of Historiography of the 1920-s – First Half of the 1950-s. *Klio* = Kleo. No. 11 (83). P. 89–91. (In Russ.)

Tarkhova N.S. (2010) The Red Army and Stalin's collectivization. 1928–1933. Moscow: ROSSPEN. 375 p. (In Russ.)

(2011) Thirty-fifth rifle division. Irkutsk: Istoriko-kraevedcheskii slovar'. Irkutsk: Sibirskaya kniga. 593 [1] p. (In Russ.)

Шатагин Н.И. Организация и строительство Советской армии в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920 гг.). М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1954. 248 с.

Янгузов З.Ш. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия на страже мира и безопасности СССР (1929–1938 гг.). Благовещенск, 1970. 239 с.

Shatagin N.I. (1954) Organization and construction of the Soviet Army in the period of Foreign Military Intervention and Civil War (1918–1920). Moscow: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony Soyuza SSR. 248 p. (In Russ.)

Yanguzov Z.Sh. (1970) Special Red Banner Far Eastern Army on guard of peace and security of the USSR (1929–1938). Blagoveshchensk. 239 p. (In Russ.)

Критерии авторства

П.А. Новиков, М.С. Суханова и С.В. Трофименко выполнили научно-исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

P.A. Novikov, M.S. Sukhanova and S.V. Trofimenko performed research work, on the basis of the results conducted the synthesis, prepared the manuscript for publication, own the copyright on the article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Новиков Павел Александрович,
доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: novikov710@yandex.ru

Суханова Мария Сергеевна,
соискатель, специалист по УМР 1 категории,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21, Россия,
✉ e-mail: kazanskaya.masha@mail.ru

Трофименко Сергей Владимирович,
соискатель, заведующий филиалом «Солдаты Отечества»,
Музей истории г. Иркутска имени А.М. Сибирякова,
664007, Иркутск, ул. Франк-Каменецкого, 16 А, Россия,
✉ e-mail: svt-portal@rambler.ru

Information about the authors

Pavel A. Novikov,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Chair of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: novikov710@yandex.ru

Maria S. Sukhanova,
PhD candidate,
Saint Petersburg State Economic University,
21 Sadovaya street, Saint Petersburg 191023, Russia,
✉ e-mail: kazanskaya.masha@mail.ru

Sergei V. Trofimenko,
PhD candidate, Head of the Branch “Soldiers of the Fatherland”,
Museum of History of Irkutsk City named after A.M. Sibiryakov,
16A Frank-Kamenetskogo street, Irkutsk 664007, Russia,
✉ e-mail: svt-portal@rambler.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).084.8
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-230-241

Между новацией и традицией: праздник Великого Октября в послевоенном Молотове

© Н.В. Суржикова[a, b], А.А. Шишкин[a]

[a] Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия
[b] Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация: Статья посвящена теме подготовки и празднования в провинциальном городе эпохи позднего сталинизма главного советского праздника – годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции. Выделены и проанализированы обязательные процедуры, превратившие не только сам праздник Великого Октября, но и процесс его подготовки в ритуальное действо. Показано, что по своему характеру и содержанию оно мало изменилось в сравнении с предвоенным и военным периодами, если не считать его ориентации не только на прошлое, но и на будущее. Продемонстрировано, что, несмотря на взятый властями курс на формирование «новой», советской праздничной культуры, традиционные формы праздничного досуга оставались востребованными. Такие праздничные практики и, в частности, дружеские застолья, смыкались с новой праздничной культурой, будучи по своему характеру практически таким же ритуальным действом, как и обязательная октябрьская демонстрация. Кроме того, эти практики не имели отрыва от повседневных реалий и вкупе с бесконечной советской риторикой подготовки к очередному советскому торжеству превращали границы между праздником и не-праздником в проницаемые. Стыки между непраздничным и праздничным временем становились как минимум мягче и гибче, что разительно отличало советскую модель отношений повседневного и не-повседневного от более строгой досоветской.

Ключевые слова: праздничная культура, функционал праздника, праздничные практики, поздний сталинизм, годовщина Великого Октября, новации, традиции, ритуал, демонстрация, праздничный досуг

Информация о статье: Дата поступления 1 ноября 2019 г.; дата принятия к печати 2 декабря 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Суржикова Н.В., Шишкин А.А. Между новацией и традицией: праздник Великого Октября в послевоенном Молотове // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 230–241. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-230-241

Between innovation and tradition: the feast of the Great October Revolution in the post-war Molotov

© Natalia V. Surzhikova[a,b], Aleksandr A. Shishkin[b]

[a] Institute of History and Archaeology Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation
[b] South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract: This article examines the preparations for, and celebrations of, the most important Soviet holiday, the Anniversary of the Great October Socialist Revolution, in a small town during the late Stalinist era. It determines and analyzes the mandatory procedures that transformed both the 'Great October Holiday' itself and its preparations into a quasi-sacred ritual. It also demonstrates that the nature and contents of this holiday did not change significantly as compared to the pre-war period. Despite the efforts of the Soviet authorities to introduce a new national holiday culture, the traditional forms of celebration remained widely popular. Being no less ritualistic in their nature than mandatory October rallies, old celebration practices, such as dinner parties with friends and family, easily converged with the new holiday culture. In addition, these practices were not separated

from everyday realities and, together with the endless Soviet rhetoric of preparing for the next Soviet celebration, made the boundaries between a holiday and a non-holiday permeable. The joints between non-holiday and festive times became at least softer and more flexible, which strikingly distinguished the Soviet model of the everyday and non-everyday relations from a strict pre-Soviet one.

Keywords: celebration culture, holiday functionality, holiday practices, late Stalinist era, Anniversary of the Great October Socialist Revolution, innovation, tradition, ritual, demonstration, holiday leisure

Article info: Received November 1, 2019; accepted for publication December 2, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Surzhikova N.V., Shishkin A.A. (2019) Between innovation and tradition: the feast of the Great October Revolution in the post-war Molotov. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 230–241. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-230-241

Праздничная политика и праздничная культура эпохи позднего сталинизма – темы, которые являются актуальными и в хронологическом, и в проблемном отношении. Организация праздника, его процессуальная сторона, заложенные в нем идеи и символы, а также его восприятие людьми – всё это напрямую зависит как от контекста конкретной эпохи с характерными для нее взаимоотношениями общества и власти, так и от праздничных традиций. Изучить данные вопросы необходимо не только для того, чтобы понять праздничную политику и культуру сами по себе. Помимо того, противостоя повседневности, праздник позволяет увидеть ее границы и стыки, а также актуализировать проблему их размывания за счет рутинизации праздничных ритуалов.

Последняя особенно ярко проявлялась на советской периферии, что так или иначе просматривается в региональных исследованиях. Среди них следует отметить публикации С.Д. Багдасарян, М.К. Декановой, И.Н. Котылевой, Е.И. Красильниковой, С.В. Менькова, М.А. Мордасовой, И.Н. Прониной, С.Н. Шаповалова и др. (Багдасарян, 2012; Деканова, 2009[1]; Котылева, 2005[2]; Красильникова, 2018; Меньков, 2016; Мордасова, 2005[3]; Пронина, 2015; Шаповалов, 2012). Авторы указанных работ сосредоточили своё внимание на разных аспектах советских праздников: праздничном календаре, формах праздничных торжеств, восприятии праздника советскими гражданами, официальных и неофициальных праздничных практиках. На фоне перечисленных выше исследований особенно выделяется исследование С.Ю. Малышевой, которая обратилась к теме рецепции праздников и праздничной символики 1920–1930-х гг. (Малышева, 2005). Концептуальное значение для понимания советских праздников также имеет работа немецкого исследователя М. Рольфа, который показал преемственность ритуальной стороны российских праздников имперского периода и советских праздничных установлений 1920–1930-х гг. (Рольф, 2009). Праздники эпохи позднего социализма, но уже с несколько иной стороны, изучены в коллективной монографии, посвящённой культурным ландшафтам сибирских городов. Авторы этой работы продемонстрировали, как способы организации праздничного времени изменяли городское пространство и каков был вектор этих изменений (Алисов, Гефнер, Золотова, Хилько, 2019. С. 78–96).

Отдельного внимания в рамках представленной статьи заслуживают работы, посвящённые празднованию главного советского праздника – Великого Октября. Обращаясь к этой теме, Г.А. Бордюгов показал, что Октябрьские торжества

[1] Деканова М.К. Трансформация российской праздничной культуры в конце XIX – первой трети XX в.: центр и провинция: автореф. дис. … канд. ист. наук. Самара, 2009. 19 с.

[2] Котылева И.Н. Праздничная культура Европейского Северо-Востока России в 1918 г. – начале 1930-х гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Сыктывкар, 2005. 27 с.

[3] Мордасова М.А. Праздничная культура Южного Урала в 1917–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005. 26 с.

стали действенным инструментом «установления» новой коллективной исторической памяти и управления ею (Бордюгов, 2010). Американский историк Карен Петрон, в свою очередь, подметил, что в рамках празднования XX годовщины Октября официальная власть сформировала «новые» образы революции, которые полностью отвечали политическим целям сталинского курса периода Большого террора (Petrone, 2000. P. 149–174).

О.В. Хлевнюк, осветив организацию праздника Октябрьской революции в Москве в 1941 г., выявил уже тогда наметившиеся отличия праздничных торжеств военного времени и специфику праздничной риторики в речах И.В. Сталина (Хлевнюк, 2015. С. 298–300). Е.И. Красильникова посредством анализа материалов советской прессы при этом показала, что во время Великой Отечественной войны празднование Великого Октября опиралось на уже имевшиеся довоенные официальные образчики «с поправкой» на фронтовые и тыловые реалии, а также задачи, которые вставали перед страной по мере приближения победы (Красильникова, 2018. С. 173–183). Назначение же праздника, состоявшее, прежде всего, в формировании коллективной памяти населения через призму «официальной» версии революционного прошлого, оставалось неизменным. Коммеморативная составляющая праздника Октябрьской революции также изучена в работах В.В. Тихонова, попытавшегося реконструировать отношение населения к этому празднику в динамике – с 1917 г. до наших дней (Тихонов, 2016; Тихонов, 2017).

Очевидно, что при всем многообразии исследований праздника Октябрьской революции они не лишены лакун и, прежде всего, лакун хронологических, что и предопределило временные рамки настоящей статьи.

В качестве предварительного замечания следует постулировать, что функционал праздника многогранен (Шаповалов, 2012. С. 4). Но говоря о советском массовом празднике, прежде всего, следует отметить его мобилизационное, дидактическое и коммуникационное назначения. Праздничная политика, которая предполагала формирование и стабильное воспроизводство неких ритуализированных и сакрализированных действий (Щербинин, 1998), являлась мощнейшим рычагом государственно-идеологического воздействия на советское общество и потому требовала от праздника организованности и массовости. Особенно важным это было для праздников «первого порядка» (Рольф, 2009. С. 142) – главных советских праздников и, в первую очередь, для годовщины Октябрьской революции. Отмечавшиеся, начиная с 1918 г., ее события в «Кратком курсе истории ВКП (б)» преподносились как разгромная победа пролетариата над буржуазией, в результате которой в общественной собственности народа оказались фабрики, заводы, земля, железные дороги, банки, а сам пролетариат стал господствующим классом советского общества. Всё это позволяло трактовать Октябрьскую революцию как одно из решающих исторических событий XX века, «открывшее новую эру в истории человечества – эру пролетарских революций» (История Всесоюзной Коммунистической партии…, 1938. С. 214)[4]. Стоит ли удивляться, что в соответствии с «Кодексом законов о труде РСФСР», принятым еще в 1918 г., годовщина Октябрьской революции была включена в обойму немногочисленных нерабочих праздничных дней, отмечаясь как день Пролетарской Революции. Постановление ВЦИК СНК РСФСР от 30 июля 1927 г. «Об изменении статей 111 и 112 Кодекса законов о труде РСФСР» не только изменило название праздника на годовщину Октябрьской революции, но и повысило его статус, предписав отмечать ее два дня, 7 и 8 ноября. Единственным конкурентом годовщины Октября были, пожалуй, только дни Интернационала, также отмечавшие два дня, 1 и 2 мая. В 1951 г., когда общее число выходных дней было сокращено – статуса выходного дня лишился, в частности, день памяти В.И. Ленина (22 января), – годовщина Октября, равно как и майские праздники, сохранила свое привилегированное положение в советском праздничном календаре, обнаружив преемственность довоенной и послевоенной праздничной политики.

[4] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. 352 с.

Многие исследователи (Глебкин, 1998; Кустова, 2015; Малышева, 2005; Рольф, 2009; Шумихина, Попова, 2012) согласны с социологом К. Жигульским в том, что алгоритм главного советского праздника сформировался еще в довоенный период, обретя «универсальную структуру, соответствующую классической модели празднования государственных событий» (Жигульский, 1985. С. 144–145). Изменилась ли эта структура в послевоенный период в сравнении с предыдущими? Обновилось ли ее риторическое «подкрепление» и функционал праздника? Как соотносились торжественная и развлекательная составляющие праздника? Эти и другие вопросы мы и попытаемся хотя бы обозначить в данной статье, опираясь на нормативные и делопроизводственные материалы, а также периодическую печать и эго-источники. География исследования при этом ограничена городом Молотов (ныне – Пермь), и это не случайно. Этот региональный центр, к тому же находившийся на стыке европейской и азиатской частей СССР, позволяет изучать портрет любого явления на мезоуровне, выходя при необходимости на обобщения национального и локального свойства.

Сразу отметим, что внешне отмечание годовщины Великого Октября в послевоенный период изменилось мало. Центральным событием 7 ноября оставалась торжественная демонстрация, которая в Молотове проходила по главным улицам и заканчивалась на центральной площади города – площади Окулова. Будучи унаследованной от дореволюционного рабочего движения модель, включавшая митинг и шествие, закрепилась в качестве ведущей модели праздников во всех городах СССР (Кустова, 2015. С. 58–59). Исследователи отмечают, что подобные пешие переходы являлись заимствованием из предыдущих эпох, а именно прямой отсылкой к традиции праздничных крестных ходов (Шумихина, Попова, 2012. С. 205–208).

Как и везде, для участия в демонстрации жители Молотова собирались по своим предприятиям, учреждениям, организациям и домоуправлениям, а затем организованно следовали на районные сборные пункты. Колонны районов города, сформированные по производственному принципу, примерно к 10 часам утра составлялись из рядов по 8 человек в каждом, и, проследовав по своему району, выходили к главной городской площади (ГАПК. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 115. Л. 424). Однако еще до этих колонн на площадь выходили военные и курсанты местных училищ: «...12 часов. На площадь выступает самая первая колонна – курсанты и офицеры Военно-морского авиационно-технического училища. Чёткий шаг, изумительная выправка!.. В след за ними идут курсанты и командный состав Молотовского пехотного училища. Будущие офицеры держат строгое равнение» (Празднование 29-й годовщины Октября в городе Молотове и области. Демонстрация в г. Молотове // Звезда. 1946. 10 нояб.). Участие военных в празднествах было важным элементом парада, особенно в послевоенное время. Это был одновременно и смотр военных сил, и послание внешнему врагу. Кроме того, участие военных частей в параде придавало ему организованность, масштабность и эффектность (Карпова, 2008).

Авангард колонны любого района был стандартным: «Твёрдой поступью проходят мимо трибуны учащиеся трудовых резервов, молодое поколение рабочего класса. За ними движется колонна района... Впереди на машине огромный портрет Вячеслава Михайловича Молотова, чьё имя присвоено району. За машиной идут учащиеся школ. Они несут цветы, флаги и их колонна, как огромный цветник, под лучами солнца играет и переливается то голубым, то красным, то оранжевым... Следом за ней машина в золотых колосьях снопов. На ней юные физкультурники построились в пирамиду... Стройно проходят учащиеся школ, техникума...» (Празднование годовщины Октября в городах и районах области. Демонстрация в городе Молотове // Звезда. 1948. 10 нояб.). Очевидно, что приобщение детей и молодежи к праздничному церемониалу имело важнейшее значение, особенно в случае с праздником Великого Октября (Шаповалов, 2012. С. 31). Праздник Октябрьской революции, будучи тесно связан с политической историей страны, служил эффективным инструментом политической социализации (Бородина, 2010). «Младший дошкольник, – отмечает в связи с этим

А.И. Щербинин, – переживал праздник, видя демонстрации, слыша звуки маршей и песни, неся маленький флажок – копию революционного знамени. А уже старшие дошкольники понимали, что праздник Октября – это "день рождения" Страны Советов...» (Щербинин, 1998. С. 85).

Следом за детьми и молодежью наступал черёд колонн заводов: «Эмблема завода имени Молотова впереди колонны завода. Идут коллективы механических заводов... Перед каждым цехом на машине его продукция: перфораторы, экскаваторы, торфопрессы, гидротурбины... За механическими цехами идут металлурги... За заводом движутся предприятия района...» (Празднование годовщины Октября в городах и районах области. Демонстрация в городе Молотове // Звезда. 1948. 10 нояб.). Таким образом выглядела колонна каждого из районов города: Сталинского (ныне – Свердловского), Молотовского (ныне – Мотовилихинского), Ленинского и Кагановичского (ныне – Дзержинского). Атрибуты производства, а где-то и его непосредственные результаты, став вспомогательными элементами оформления советских праздников еще в 1920-е гг. (Кустова, 2015), в послевоенный период получили новую смысловую нагрузку. Они «опредмечивали» факт успешного послевоенного восстановления советской экономики и ее возвращения к мирному поступательному развитию.

Формирование колонн подобным образом представляло парад и сам праздник как фактор массовой коммуникации людей, стоявших на разных этажах общественной и властной иерархии (военные и гражданские, дети и взрослые, трудящиеся и руководители, и т. д., и т. п.), что превращало его в живое культурное событие (Рольф, 2009. С. 10–11).

Демонстрация, однако, будучи безусловной кульминацией праздника, всегда оставалась лишь его частью. Кульминации-параду обязательно предшествовали торжественные заседания, проводившиеся 6 ноября на трех уровнях: уровне предприятий и учреждений, уровне района (в районных ДК), общегородском уровне (в ДК им. Сталина) (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 582. Л. 121–320). Это были «шаблонные» мероприятия, в рамках подготовки которых каждый год выполнялась одна и та же организационная работа. Все приглашения распределялись согласно квотам, а приглашения на общегородское собрание – по квотам, которые выдавались на районы города (примерно половина всех мест), на областные партийные организации, районные партийные организации и военные части города (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 520. Л. 17–19). Списки приглашённых визировались местными партбюро, что исключало возможность появления на подобном мероприятии «случайных людей». Приглашения традиционно получала вся местная партийная элита, интеллигенция и рабочие, добившиеся успехов на производстве.

Общегородское торжественное заседание, венчая иерархию всех приуроченных к празднику заседаний, исключало любые импровизации и проводилось по стандартной схеме: заранее избранный Президиум (около 100 человек) занимал свои места в зале. После этого секретарь Обкома ВКП (б) зачитывал доклад о годовщине Октябрьской революции. В конце доклада поступало предложение послать приветственную телеграмму «Генералиссимусу Советского Союза Иосифу Виссарионовичу Сталину» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 143. Л. 2а), текст которой был приготовлен заранее и должен был сообщать об успехах Советского государства, а также о новых обязательствах советских людей, взятых перед товарищем Сталиным на следующий год (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 520. Л. 8–10). Телеграмма единогласно одобрялась, что знаменовало собой окончание официальной части. Оркестр исполнял гимн СССР (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 143. Л. 2а), после чего начинался большой праздничный концерт, в составе которого могло быть до 18 номеров (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 520. Л. 1; Д. 543. Л. 63–64). В клубах районов г. Молотова проводились примерно такие же заседания с тем лишь отличием, что после концерта начинались танцы, часто длившиеся до утра (ПермГАСПИ. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 81. Л. 58).

Анализ содержательной части демонстрации и торжественных заседаний (их оформления, риторики и пр.) свидетельствует, что при организации

празднования Великого Октября в послевоенный период с его коммеморативной составляющей, связанной с поддержанием советского мифа о славном революционном прошлом, успешно конкурировал миф о светлом советском будущем. Именно в связи с этим важнейшим – если не основным – компонентом главного советского праздника стало декларирование успехов строительства коммунистического общества, прежде всего, выражавшееся в подведении итогов социалистического соревнования. Оно как инструмент достижения наивысших показателей производительности труда, как средство мобилизации сил на экономическом фронте появлялось в повестке главного светского праздника еще задолго до самого праздника (табл.).

Как показывает городская и заводская печать г. Молотова 1945–1953 гг., тема предпраздничной трудовой вахты была стационарной для этих изданий, хотя сроки ее постановки могли отличаться. Раньше всех она появляется на страницах периодических изданий в 1947 г., в год чествования 30-летия Великого Октября (в феврале), а позже всех – в 1951–1953 гг. (в сентябре). Оставляя без внимания это легко объяснимое различие, можно уверенно утверждать, что соцсоревнование фактически раздвигало временные рамки праздника. Оно самим своим фактом не просто подчеркивало, что «только упорный труд даёт право на праздник», но и что труд как таковой – это уже часть праздника. Задававшаяся центральной «Правдой» риторика (Предоктябрьское социалистическое соревнование // Правда. 1950. 10 окт.; К светлой цели // Правда. 1952. 24 окт.), посредством которой ход и итоги соцсоревнования объективировались на местах и, в частности, в г. Молотове, была поэтому не просто риторикой борьбы за праздник, но и олицетворяла известный идеологический штамп, согласно которому советский человек шел «на работу как на праздник». Городская газета «Звезда» в связи с этим в октябре 1947 г. писала: «Коллектив доменщиков Чусовского металлургического завода, инициатор стахановского месячника, продолжает упорно бороться за выполнение своих обязательств к 30-летию Советского государства. С начала месяца ... они перевыполняют задание по выплавке чугуна ... достигнув выполнение 6-дневного плана на 110 процентов ... и выплавку 100 тонн добавочного чугуна в сутки» (Чусовляне подхватили призыв // Звезда. 1947. 8 окт.). Газета «Дзержинец», выходившая на производившем сепараторы и другую мелкую технику заводе им. Дзержинского, выпускала аналогичные парадные рапорты и в мае 1948 г. рассказывала своим читателям буквально следующее: «Коллектив участка мастера Тарутина в цехе т. Шадрина успешно борется за досрочное выполнение годовой программы. Участок досрочно, к 20 мая, выполнил уже шестимесячную программу на 125 процентов» (Пятилетку – в четыре года! Выполним годовой план к 7 ноября! В краснознаменном цехе // Дзержинец. 1948. 29 мая). В рамках такой логики антирекорды труда трактовались как угроза планам коллектива, а значит, и самому празднику: «Самым узким местом в работе цеха т[оварища] Борисова является участок гальванического лужения ... В августе коллектив этого участка выполнил план всего лишь на 65,5 проц[ента], а перелуда готовой продукции дошла до 40,9 проц[ента] ... Партийное руководство цеха решило проверить подлинные причины отставания в работе ... [В результате] был вскрыт целый ряд факторов небрежного отношения к порученной работе со стороны отдельных мастеров и рабочих ... Гальванизаторы! Ваше отставание позорит работу всего коллектива. Участок гальванического лужения может и должен работать строго по графику» (Гальванизаторы, ваше отставание позорит работу всего коллектива! // Дзержинец. 1946. 12 окт.).

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что критика отстающих практически всегда соседствовала с позитивными примерами передовиков производства: «…Инженер тов[оварищ] Гросбаум вместе с командным составом цеха поиному организовал работу, что привело к значительному перевыполнению плана на протяжении уже 3-х месяцев подряд!.. Совершенно иная картина в цехах машиностроения ... Начальник цеха т[оварищ] Реймес не проявляет заботы о ритмичной работе цеха, не знает положения дел на каж-

Таблица

Системность упоминаний темы предоктябрьского социалистического соревнования в газетах «Звезда» и «Дзержинец», 1945–1953 гг.

Table

Systematic references to the topic of the pre-October socialist competition in the newspapers "Zvezda" and "Dzerzhinets", 1945–1953

Год	Динамика упоминаний	Звезда: Орган Молотовского обкома и горкома ВКП (б) (КПСС), областного и городского Советов депутатов трудящихся	Дзержинец: Орган парткома и завкома завода им. Дзержинского
1945	Первое упоминание*	10 августа	13 октября
	Второе упоминание*	6 октября	20 октября
	Два и более упоминаний*	16–17 октября	
1946	Первое упоминание	17 апреля	12 октября
	Второе упоминание	18 сентября	19 октября
	Два и более упоминаний		
1947	Первое упоминание	21 февраля	1 марта
	Второе упоминание	25 февраля	22 марта
	Два и более упоминаний		
1948	Первое упоминание	16 мая	29 мая
	Второе упоминание	21 мая	5 июня
	Два и более упоминаний	2–3 октября	
1949	Первое упоминание	16 сентября	17 сентября
	Второе упоминание	17 сентября	24 сентября
	Два и более упоминаний		
1950	Первое упоминание	1 сентября	9 сентября
	Второе упоминание	3 сентября	16 сентября
	Два и более упоминаний		
1951	Первое упоминание	5 сентября	8 сентября
	Второе упоминание	15 сентября	15 сентября
	Два и более упоминаний	3–4 октября	
1952	Первое упоминание	6 сентября	Нет данных
	Второе упоминание	13 сентября	
	Два и более упоминаний	21–22 октября	
1953	Первое упоминание	20 сентября	12 сентября
	Второе упоминание	24 сентября	19 сентября
	Два и более упоминаний		

Источник: Звезда: Орган Молотовского обкома и горкома ВКП(б) (КПСС), областного и городского Советов депутатов трудящихся. 1945–1953; Дзержинец: Орган парткома и завкома завода им. Дзержинского. 1945–1951, 1953.

**Примечание:* «Первое упоминание» – впервые поднимается тема предоктябрьского соревнования; «второе упоминание» – вопрос о соревновании ставится повторно; «два упоминания подряд» – тема предоктябрьского соревнования вызывает стабильный интерес и становится приоритетной.

дом производственном участке, не знает причин невыполнения суточного графика мастерами и не может, таким образом, повлиять на работу в цехе. Не таким должен быть начальник цеха!» (Дело за вами, тт. Реймес, Шуман и Левкович // Дзержинец. 1951. 22 сент.). Такое соседство, очевидно, было призвано символизировать исключительность трудовых неуспехов и, в конечном итоге, только фундировало идею праздничности труда. В любом случае экономическая составляющая празднования годовщин Великого Октября в планах этого празднования оставалась в послевоенные годы принципиально значимой и не допускала срывов в резко негативную и/или исключительно негативную риторику.

Иначе просто не могло быть, потому что иначе – означало бы срыв праздника как такового. На это напрямую указывает анализ такого документа, как «План подготовки и проведения и празднования годовщины Великой Октябрьской социалистической революции по гор. Молотову». В нем, на первый взгляд, просто прописывались принципы организации и освещения предоктябрьского социалистического соревнования, направления и механизмы агитационно-просветительской работы, мероприятия, связанные с «обслуживанием трудящихся во время праздника» (например, предпраздничная торговля), требования к оформлению городских улиц и формулировки лозунгов, под которыми должны были выступать колонны демонстрантов. Однако, если присмотреться повнимательнее, за разделами «Плана…» легко угадывались общие задачи, стоявшие перед главным советским праздником. Социалистическое соревнование, к примеру, было призвано обеспечить решение мобилизационных задач. Агитационно-массовая работа позволяла празднику выполнять его дидактические функции. И так далее, и тому подобное. В конечном итоге организация праздника осуществлялась по принципу «эшелонированной подготовки», предполагая создание «многоэтажной иерархии праздничных комиссий» (М. Рольф), каждая из которых на своем уровне руководила комплексом тех или иных предпраздничных мероприятий. Массовое соцсоревнование, четко регламентированное торжественное заседание и стройные колонны демонстрантов на городской площади – все это, таким образом, было результатом больших планомерных кампаний, ежегодная повторяемость которых придавала характер ритуализированного действа не только собственно празднику Великой Октябрьской революции, но и его подготовке. Границы, стыки между непраздничным и праздничным временем при этом становились как минимум мягче и гибче, что разительно отличало советскую модель отношений повседневного и неповседневного от более строгой досоветской.

С позиций рядового гражданина широко отмечавшееся октябрьское торжество и вовсе виделось условностью, поскольку тяготы послевоенного быта омрачали как будни советских людей, так и праздники. Они нередко оставались такими же серыми, и необустроенность послевоенного провинциального города только усиливала это ощущение. Так, в жалобе, поданной 8 июля 1947 г. на имя секретарей Молотовского обкома и горкома, состояние одной из главных улиц города, Комсомольского проспекта, растущих там деревьев, мостовой, изгородей, фасадов домов, заборов и т. д. описывалось всего одним, но емким словом, а именно словом «гнусно» (ПермГАСПИ. Ф. 4684. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–1 об.). При этом констатировалось, что на октябрьском «месячнике благоустройства... проходившем с привлечением общественности» уборка Комсомольского проспекта просто не коснулась (ПермГАСПИ. Ф. 4684. Оп. 1. Д. 9. Л. 2). Предпраздничная ярмарка, открывавшаяся за пару недель до праздника, также не особенно радовала горожан, поскольку на фоне привычной для послевоенного времени дороговизны многие из них страдали от безденежья. В связи с этим мастер моторостроительного завода № 19 А.И. Дмитриев сетовал в своем дневнике: «Вчера на пл[ощади] Окулова открылась предпраздничная ярмарка. Но я проходил там, когда она была ещё закрыта. А кое-что там есть. Можно купить! Но у нас сейчас пока нет свободных денег и нам ничего не придётся покупать» (ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 13. Л. 57 об.).

Дневник А.И. Дмитриева позволяет предположить, что именно деньги, премия или зарплата, а не рекорды труда, демонстрации или концерты, были для советского человека лучшим подарком к празднику. Так, в дневниковых записях от 5 ноября 1946 г. он указывает: «Денег опять уже нет, а на днях уже праздник. Я даже не представляю, как мы его проведем» (ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 12. Л. 92), «Послезавтра праздник, намечается демонстрация, но много ли на ней будет народу – дело тёмное. Мы ждали, что к празднику дадут денег, а оказалось, что этого не будет. Теперь многие, в том числе и я, задумались, как провести праздничные дни. У меня ведь ещё даже вино не приготовлено, да и денег на него нет. Придётся опять занимать две или три сотки, а после рассчитываться» (ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 12. Л. 93). В записи от 3 ноября 1947 г. снова всплывает тема денег: «Скоро праздник! Говорят, что должны к нему выплатить окончательный расчёт…» (ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 13. Л. 92. Л. 58). И, наконец, 9 ноября 1948 г., Дмитриев с грустью констатирует: «В этом году октябрьские праздники я провёл очень плохо. Мы даже и не постряпали ничего. А выпить и совсем почти не пришлось. Ничего не поделаешь: денег-то нет…» (ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 13. Л. 92. Л. 131 об.).

Обязательные же атрибуты праздника и, прежде всего, октябрьская демонстрация могли восприниматься горожанами по-разному. Для инструктора горкома ВКП(б) Геннадия Чазова, наблюдавшего за парадом с центральной трибуны 7 ноября 1951 г., это был действительно праздник, радовавший глаз: «Ходили цехом на демонстрацию, вернее на трибуну... Здесь был с 11 дня до 3 часов. Погода стояла сравнительно морозная, но очень приятно смотреть на это праздничное, торжественное движение, приятно видеть радость и ликование народа. Колонны были достаточно красочно оформлены» (ПермГАСПИ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 65. Л. 1 об.). Однако для простых рабочих ежегодная октябрьская демонстрация являлась обыденностью, не обнаруживая при этом никаких признаков «ликования народа». В дневниковой записи от 10 ноября 1947 г. А.И. Дмитриев зафиксировал: «Я пришёл на завод в 8 вечера [6-го ноября], и нам сказали, что мы будем работать до часу ночи... Из-за этого утром на другой день я и на [заводскую] демонстрацию не пошёл... Как и где я ходил – помню смутно. Знаю, что заходил к знакомым ребятам, но не застал их дома. Около Колхозного рынка встретились с колонной нашего завода. Прошёл с ними мимо трибуны, а потом мы с [товарищем] ушли ко мне» (ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 13. Л. 59–59 об.).

Примечательно, что практически любой советский человек, независимо от его места в системе социальных таксономий, связывал октябрьские праздники с обильными или не очень возлияниями алкоголя. Названный выше Геннадий Чазов, принадлежавшей к партийной элите города, в 1951 г. описывал это так: «Домой приехали в 4 часа дня – покушали, немного выпили... Дождались [друзей], пошли [к другим друзьям]. Время провели хорошо: поставили пластинку Розы Баклановой "Танцуй-танцуй" и под звуки её пили и пили... Домой ушли поздно ночью, часов в 12... Сегодня утром голова раскалывается, поскольку была водка и брага: первой было мало, а второй – непотребно» (ПермГАСПИ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 65. Л. 1 об. – 2). Рабочий Александр Дмитриев, не вхожий ни в какие элитные круги, тогда же засвидетельствовал примерно то же самое: «Пишу, как провёл праздничные дни. Утром ходили с [сыном] на демонстрацию, днём пили у [друга], а вечером ушли к [другому другу]. Там я так напился, что и не помню, как домой попал. Утром 8 ноября выпили у нас, а вечером снова ходили к [другу]. Там опять крепко выпили» (ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 14. Л. 78 об.).

При этом те самые деньги, на нехватку которых постоянно жаловался А. Дмитриев, накануне праздника и в праздничные дни трактовались им не иначе как средства, необходимые для приобретения алкоголя: «Если я достану 1,5 литра вина, то мне больше ничего и не надо. Мне можно все эти дни ходить только по гостям и дома совершенно не быть...» (4 ноября 1946 г.) (ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 12. Л. 92). На этом фоне более цивилизованные формы праздничного досуга рассматривались как вторичные и скорее омрачали «праздник»

рабочего, нежели украшали его, о чем свидетельствует запись от 17 ноября 1952 г.: «Пишу, как провели праздничные дни. Не пошёл на демонстрацию, так как работал допоздна 6-го ноября. 7-го ноября сходили в гости, пришли домой, выпили – и легли спать. На другой день пошли к [другу], там я здорово напился, а вечером ходили с [женой] на оперу "Иван Болотников". Или был я пьян, или опера была действительно плохая, но мне в театре ничего не понравилось. Едва дотерпел до конца» (ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 14. Л. 27 об.).

Женщины, как свидетельствуют источники, в праздник также не отказывали себе в употреблении горячительных напитков. Подтверждая это, жительница Молотова Клавдия Микрюкова 7 ноября 1945 г. в письме своему мужу, Михаилу Микрюкову, сообщала: «Как же встретили мы этот праздник? Танцевала я в клубе до 4 утра. Вчера показывали мы свои таланты. Выступили хорошо. А [твой друг] взялся меня "развеселять". А знаешь чем? Водкой, ясно дело. Прямо за кулисами. До этого было скучно, а после – весело» (ПермГАСПИ. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 81. Л. 58). Вполне вероятно, в свете такого рода свидетельств, что роль универсального интегратора масс в праздник играла вовсе не демонстрация и подобные ей массовые мероприятия, а привычка выпивать по поводу всенародного праздника.

Все это, впрочем, вовсе не означает, что Октябрьские праздники в послевоенном Молотове развивались исключительно по сценарию «сначала демонстрация, а потом алкоголь». Вместе с тем, приведенные выше факты позволяют предположить, что, несмотря на, казалось бы, твердую политику формирования «новой», советской праздничной культуры, искоренить традиционные формы праздничного досуга властям так и не удалось даже после Великой Отечественной войны. Больше того, вполне вероятно, что они на фоне травматического опыта войны стали все более распространенными. Также вероятно, что это был осознанный компромисс власти и общества, который позволял советскому человеку в рамках праздника немного отдохнуть, «перевести дух», дабы затем снова бросить все свои силы на строительство социализма. Традиционные праздничные практики и, в частности, дружеские застолья, тем самым служили опорой новой праздничной культуре и были не менее значимым компонентом праздника, нежели обязательная октябрьская демонстрация. Кроме того, эти практики не имели отрыва от повседневных реалий и вкупе с бесконечной советской риторикой подготовки к очередному советскому торжеству превращали границы между праздником и непраздником в проницаемые.

Библиографический список

Алисов Д.А., Гефнер О.В., Золотова Т.Н., Хилько Н.Ф. Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма. М.: Институт Наследия, 2019. 98 с.

Багдасарян С.Д. Формирование традиции советского праздника в деревне эпохи НЭПа // История и историки в контексте времени. 2012. № 9. С. 16–23.

Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа: культ юбилеев в пространстве памяти. М.: АИРО-XXI, 2010. 256 с.

Бородина С.Н. Школа как институт политической социализации: монография. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2010. 163 с.

Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М.: Янус-К, 1998. 167 с.

Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога. М.: Прогресс, 1985. 336 с.

References

Alisov D.A., Gefner O.V., Zolotova T.N., Khil'ko N.F. (2019) Cultural landscapes of the Soviet city: Siberian cities of late socialism. Moscow: Institut Naslediya. 98 p. (In Russ.)

Bagdasaryan S.D. (2012) The formation of the tradition of the Soviet holiday in the village of the NEP era. *Istoriya i istoriki v kontekste vremeni* = History and historians in the context of time. No. 9. P. 16–23. (In Russ.)

Bordyugov G.A. (2010) October. Stalin. Victory: the cult of anniversaries in the space of memory. Moscow: AIRO-XXI. 256 p. (In Russ.)

Borodina S.N. (2010). School as an institution of political socialization. Krasnodar: Kuban State University. 163 p. (In Russ.)

Glebkin V.V. (1998) Ritual in the Soviet culture. Moscow: Yanus-K. 167 p. (In Russ.)

Zhigul'skii K. (1985) Holiday and culture. Holidays old and new. Reflections of a sociologist. Moscow: Progress. 336 p. (In Russ.)

Карпова Г.Г. Праздник в контексте социальных изменений: традиция и власть. Саратов: Научная книга, 2008. 148 с.

Красильникова Е.И. «Мы помним день 7 Ноября». Октябрьские торжества в Сибири: коммеморативный аспект (1920–1945). Новосибирск: Золотой колос, 2018. 226 с.

Кустова Э.М. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // Неприкосновенный запас. 2015. № 3. С. 57–77.

Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. 398 с.

Меньков С.В. Процесс организации советских государственных праздников на Алтае в 1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 10. С. 84–87.

Пронина И.Н. Массовый праздник в советской социокультурной модели **//** Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 19 (374). С. 114–21.

Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 438 с.

Тихонов В.В. Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92–112.

Тихонов В.В. Революция повторяется (образ революции 1917 г. в эпоху перестройки) // Новое прошлое. 2016. № 2. С. 205–216.

Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: АСТ; CORPUS, 2015. 464 с.

Шаповалов С.Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930-е гг. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2012. 125 с.

Шумихина Л.А., Попова В.Н. Эстетика парадов и демонстраций как праздничных ритуалов советской культуры // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 203–208.

Щербинин А.И. Тоталитарная индоктринация: у истоков системы. Политические праздники и игры // Полис. 1998. № 5. С. 79–96.

Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrade. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2000. 266 p.

Критерии авторства

Н.В. Суржикова и А.А. Шишкин выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Karpova G.G. (2008) Holiday in the context of social change: tradition and power. Saratov: Nauchnaya kniga. 148 p. (In Russ.)

Krasil'nikova E.I. (2018) “We remember the day of November 7th.” October festivities in Siberia: commemorative aspect (1920–1945). Novosibirsk: Zolotoi kolos. 226 p. (In Russ.)

Kustova E.M. (2015) Soviet holiday of the 1920s in search of the masses and circuses. *Neprikosnovennyi zapas* = Emergency ration. No. 3. P. 57–77. (In Russ.)

Malysheva S.Yu. (2005) Soviet festive culture in the province: space, symbols, historical myths (1917–1927). Kazan': Ruten. 398 p. (In Russ.)

Men'kov S.V. (2016) Soviet public holidays organization in Altai in the 1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tomsk State University Journal. No. 10. P. 84–87. (In Russ.)

Pronina I.N. (2015) Mass festivity in the soviet sociocultural model. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Chelyabinsk State University. No. 19 (374). P. 114–21. (In Russ.)

Rol'f M. (2009) Soviet mass holidays. Moscow: ROSSPEN. 438 p. (In Russ.)

Tikhonov V.V. (2017) The Revolution of 1917 in the commemorative practices and historical policy of the Soviet era. *Rossiiskaya istoriya* = Russian History. No. 2. P. 92–112. (In Russ.)

Tikhonov V.V. (2016) The revolution repeats itself (the image of the revolution of 1917 in the epoch of perestroika. *Novoe proshloe* = The New Past. No. 2. P. 205–216. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. (2015). Stalin. The life of one leader Moscow: ACT; CORPUS. 464 p. (In Russ.)

Shapovalov S.N. (2012) The genesis of the Soviet public holidays in the Kuban in the 1918–1930-s Krasnodar: Kuban State University. 125 p. (In Russ.)

Shumikhina L.A., Popova V.N. (2012) Aesthetics of parades and demonstrations as festive rituals of Soviet culture. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* = Theory and Practice of Social Development. No. 5. P. 203–208. (In Russ.)

Shcherbinin A.I. (1998) Totalitarian indoctrination: at the origin of the system. Political holidays and games. Polis. No. 5. P. 79–96. (In Russ.)

Petrone K. Life has become more joyous, comrade. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2000. 266 p.

Attribution criteria

N.V. Surzhikova, A.A. Shishkin made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Суржикова Наталья Викторовна,
доктор исторических наук, заместитель директора,
Институт истории и археологии УрО РАН,
научный сотрудник,
Южно-Уральский государственный университет,
620219, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16, Россия,
✉ e-mail: snvplus@mail.ru
Шишкин Александр Александрович,
научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований,
Институт истории и археологии УрО РАН,
620219, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16, Россия,
✉ e-mail: shishkin.aleksandr.a@gmail.com

Information about the authors

Natalia V. Surzhikova,
Dr. Sci. (History), Deputy Director,
Institute of History and Archaeology of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
researcher,
South Ural State University,
16 Sofi Kovalevskoi street, Ekaterinburg 620219, Russia,
✉ e-mail: snvplus@mail.ru
Aleksandr A. Shishkin,
Researcher at the Laboratory for Interdisciplinary Humanitarian Studies,
Institute of History and Archaeology of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
16 Sofi Kovalevskoi street, Ekaterinburg 620219, Russia,
✉ e-mail: shishkin.aleksandr.a@gmail.com

Оригинальная статья / Original article
УДК 339.96
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-242-250

Опыт развития совместных российско-китайских проектов в сфере энергетики в начале XXI века

© Чжан Цзя Цзюнь

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы укрепления политических и экономических связей двух стран на примере реализации совместных проектов. Это укладывается в рамки долговременной истории дружественных отношений Китая и России. Автор акцентирует внимание на совместных проектах в сфере энергетики и транспорта. Строительство нефтепроводов и газопроводов из России в Китай идёт по намеченному плану. ВСТО и «Сила Сибири» компенсируют неопределённость в сфере торговли углеводородами между двумя странами. Автор анализирует проблемы в сфере нефтепереработки и нефтепродажи и отмечает, что КНР и РФ своей продуманной, долговременной политикой учёта взаимных интересов обезопасили себя от колебаний и волатильности в энергетической сфере. Происходят изменения и на рынках сжиженного газа. Российские компании успешно осваивают новые технологии и выходят на азиатские рынки с конкурентным товаром. Совместные проекты двух стран в Арктике регулярно обсуждаются на Санкт-Петербургском экономическом форуме и форумах «Один пояс, один путь». Большое значение имеют также регулярные встречи лидеров. Вопросы развития арктических проектов обсуждались на Пятом международном арктическом форуме «Арктика – территория диалога», в котором приняли участие В.В.Путин и Си Цзиньпин. Китай изложил свою позицию в Белой книге по политике в Арктике. Опыт развития совместных российско-китайских проектов в сфере энергетики можно признать успешным.

Ключевые слова: Китай, Россия, «Сила Сибири», Северный морской путь, «Один пояс, один путь», освоение Арктики, энергетика, «Арктик СПГ-2», НОВАТЭК, ледокольный флот, сближение России и Китая, геополитический союз

Информация о статье: Дата поступления 1 августа 2019 г.; дата принятия к печати 9 сентября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Чжан Цзя Цзюнь. Опыт развития совместных российско-китайских проектов в сфере энергетики в начале XXI века // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 242–250. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-242-250

Experience in the development of joint Russian-Chinese projects in the energy sector at the beginning of the XXI century

© Zhang Jia Jun

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article deals with the strengthening of political and economic ties between the two countries on the example of joint projects. This discourse fits into the long-term history of friendly relations between China and Russia. The author focuses on joint projects in the field of energy and transport. The construction of oil and gas pipelines from Russia to China is proceeding as planned. ESPO and The Power of Siberia compensate for the uncertainty in the sphere of hydrocarbon trade between the two countries. The author analyzes the problems in the field of oil refining and petrochemistry and notes that the China and the Russian Federation have protected themselves from fluctuations and volatility in the energy sector by their well-thought-out, long-term policy of taking into account mutual interests. There are also changes in the liquefied gas markets. Russian companies are successfully mastering new technologies and entering Asian markets with competitive goods. Joint projects of the

two countries in the Arctic are regularly discussed at the St. Petersburg Economic Forum and the "One Belt, One Road" forums. Regular meetings of leaders are also of great importance. The development of Arctic projects was discussed at the Fifth International Arctic Forum "Arctic-Territory of Dialogue", which was attended by Vladimir Putin and XI Jinping. China has set out its position in a White paper on Arctic policy. The experience of developing joint Russian-Chinese projects in the energy sector can be recognized as successful.

Keywords: China, Russia, "Power of Siberia", Northern Sea Route, "One Belt, One Road", Arctic development, energy, "Arctic LNG-2", NOVATEK, icebreaker fleet, rapprochement of Russia and China, geopolitical union

Article info: Received August 1, 2019; accepted for publication September 9, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Zhang Jia Jun. (2019) Experience in the development of joint Russian-Chinese projects in the energy sector at the beginning of the XXI century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 242–250. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-242-250

Особую актуальность в современных условиях представляет изучение развития крупных регионов и больших частей континента, сюжетов согласования государственной политики в приграничных районах и динамики трансграничного сотрудничества (Базаров, 2008; Калугин, 2012; Кокшаров, 2013; Ван, Савкович, 2018; Чжан Цзя Цзюнь, 2019). Отечественные исследователи полагают, что и Россия должна себя найти в евразийском энергетическом суперобъединении (Шмаль, 2017; Марченко, Подковальников, Савельев, Соломин, Чудинова, 2018). Освоение Арктики Россией вызывает интерес у многих стран, в том числе у Китая (Сюй Г., 2016).

Двусторонние отношения России и Китая сегодня можно назвать успешными, но так было не всегда. После смены курса в середине 1950-х годов возникли серьезные разногласия и сформировались линии напряжения. Однако постепенно обе стороны глубоко осмыслили исторический опыт и перешли к выстраиванию новых отношений. Китай и Россия – крупнейшие страны в Евразии, имеют общую границу – 4300 километров, и не одно столетие соседствуют, развивая связи. В 1990-е годы отношения двух стран претерпели серьезные изменения, что было связано с развалом СССР и образованием новой России. Рухнул биполярный мир, усилилось доминирование США, произошло расширение НАТО на Восток. Россия была слаба экономически и политически. Произошла нормализация российско-китайских отношений, стала развиваться приграничная торговля. Товарооборот между странами в 1990-е годы колебался в пределах 6 млрд долларов (Ван Цзинбо, 2005. С. 13)[1]. Москва активно продавала Пекину военную технику. Были урегулированы пограничные проблемы. В политической сфере потепление отношений стало очевидным после ряда взаимных визитов на высшем уровне. Двусторонние отношения по ряду направлений стали приоритетными. Однако либеральный курс, которому следовали в России, начиная с перестройки, не давал в полной мере развиваться многосторонним связям.

Положение изменилось, когда Президентом России стал В.В. Путин. Под его руководством страна стала ориентироваться на свои национальные интересы; перестали охаивать (критиковать) советский опыт; возродились национальные традиции и патриотизм. Это было позитивно воспринято в Китае. Двусторонние отношения получили новый импульс развития. И сегодня можно говорить о широком спектре взаимодействия. Крепнущие межгосударственные связи находят отражение в экономических проектах. Наблюдается устойчивый рост взаимного товарооборота. Строятся нефтепроводы и газопроводы из России в Китай. Улучшается общая инфраструктура и логистика. Развивается безвизовый туризм. Усиливается культурный обмен между странами. Реализуются инновационные проекты. Главным плюсом российско-китайских отношений стало отсутствие политической ангажированности, устойчивость проектов в условиях уси-

[1] Ван Цзинбо. Эволюция взаимоотношений России, Китая и Японии (1990-е гг.): автореф. ... канд. истор. наук. Иркутск, 2005. 23 с.

ливающейся политической и социально-экономической турбулентности в мире.

Самыми крупными трансграничными проектами в начале XXI века стало строительство трубопроводов. Китай нуждается во всевозрастающем экспорте нефти и газа. От построенного нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО) было построено ответвление на Китай «Сковородино-Мохэ». Через него ежегодно прокачивается порядка 30 миллионов тонн нефти. Строится и вторая нитка. В настоящее время мощность ВСТО составляет 60 миллионов тонн, и «Транснефть» планирует увеличить пропускную способность нефтепровода до 80 миллионов тонн уже в 2020 году.

Отношения в мире по поводу нефтедобычи и нефтепродажи нельзя назвать простыми. Здесь есть некоторые подводные камни, которые учитываются обеими странами – Россией и Китаем, и поэтому их удается обойти. Во-первых, несмотря на все заверения «экспертов» о вреде углеводородной энергетики и необходимости скорейшего перехода к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ), реалисты, в том числе политики, понимают, что это невозможно в принципе. В России есть осознание того, что российский топливно-энергетический комплекс может быть дискриминирован по политическим мотивам (Рогинко, Шмаль, 2019). Поэтому устойчивые экономические, неполитизированные отношения с КНР в этой области являются плюсом.

Во-вторых, прогнозы развития нефтегазовой отрасли в мире очень сильно разнятся (Мастепанов, 2017). Ключевым источником неопределённости служат мировые цены, подверженные колебаниям не только по рыночным, но и по политическим мотивам (войны, нестабильность режимов, санкции и т. п.). По оценке ОПЕК, в ближайшие 20 лет потребление нефти на две трети будет приходиться на транспортный сектор (Мастепанов, 2018. С. 10–11). Китай с его концепцией «Один пояс, один путь» (которая на самом деле предусматривает не один, а множество транспортных путей) не перестанет быть крупнейшим потребителем углеводородов, и он заинтересован в их стабильном наличии. Обеспечить их может Россия. Контракты заключаются на десятилетия вперед.

В-третьих, алармисты по-прежнему твердят, что Россия сидит на «нефтяной игле». Это совсем не так. По итогам 2018 года (данные ООН и US EIA[2]) доля экспорта нефти в ВВП России составила 9 %, Норвегии – 11 %, Казахстана – 27 %, Катара – 25 %, Саудовской Аравии – 45 % (Хубиев. Верен ли миф…)[3]. Нет ничего плохого в том, что страна использует те ресурсы, которые у неё есть. В России также наблюдается увеличение разведанных запасов углеводородов и введение в строй свежих месторождений в Восточной Сибири.

В-четвёртых, «сланцевая революция», начавшись было в США, показала, что добыча сланцев экономически чаще всего невыгодна, а понятие эффективности – ключевое экономическое понятие. За последние десять лет американские компании потеряли 80 % стоимости. В 2015–2018 гг. обанкротились более 170 компаний, накопивших почти 100 миллиардов долларов долгов (Сланцевый бум…)[4]. Кроме того, под давлением экологов и здравого смысла фрекинг запрещён в Великобритании, Германии, Франции, Болгарии. Сочетание экономических и политических мотивов – в пользу России и стран с традиционной добычей нефти и газа.

В-пятых, Китай, предпринявший серьёзные усилия по добыче собственной нефти, смог нарастить ее добычу незначительно, и она составила в первой половине 2019 года 95,35 миллионов тонн (в пересчёте на год). Если в 2018 году Китай покупал на внешних рынках 69,8 % нефти, то в 2019 году импорт достигнет 72 %. Мощности китайских

[2] Energy Information Administration – независимое агентство в составе федеральной статистической системы США, ответственное за сбор и анализ информации об энергетике.

[3] Руслан Хубиев. Верен ли миф о том, что Россия по-прежнему сидит на нефтяной игле? [Электронный ресурс]. URL: https://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/140920/ (дата обращения 18.07.2019).

[4] Сланцевый бум не принёс никакой пользы, кроме вреда? [Электронный ресурс]. URL: https://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/140604/ (дата обращения 08.07.2019).

нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ) в 2019 году составят 863 миллиона тонн, и потребности постоянно растут (Карабьянц. Падение добычи нефти в Китае прекратилось…)[5].

Таким образом, совокупность различных факторов и исторический опыт привели Россию и Китай к выводу о том, что нужно выстраивать долгосрочные и независимые от других стран взаимоотношения в энергетической сфере.

Другим мощным проектом стало строительство газопровода «Сила Сибири», по которому в Китай ежегодно будет поступать порядка 38 млрд кбм голубого топлива в год. После выхода на проектную мощность в 2025 году «Газпром» рассчитывает занять 10 % на рынке газа КНР. Несмотря на то, что КНР покупает газ и в других странах, у руководства Китая есть понимание того, что Россия является наиболее надежным поставщиком углеводородов. В 2019 году китайские партнеры России попросили предусмотреть увеличение поставок газа. Глава «Газпрома» Алексей Миллер заметил, что такие возможности дает баснословно богатое Чаяндинское месторождение. Но он также обратил внимание на полуостров Ямал – богатейший газоносный район, с которого могут вестись поставки не только на запад, но и на восток.

Газ приходит сегодня в страны-импортеры не только по трубам, но и в сжиженном виде. Альтернативой трубопроводным проектам «Газпрома» является экспорт сжиженного газа с севера России. Компания «НОВАТЭК» является основным акционером предприятия «Ямал-СПГ», но в нем участвует и Китай. Все три производственные линии завода уже введены в строй с общей мощностью 17,5 млн тонн в год. «НОВАТЭК» привлекает партнеров для строительства второй очереди завода под названием «Арктик СПГ-2», ввод которой в строй намечен на 2022 год. Кроме того, речь идет о строительстве третьей очереди завода к 2030 году. Суммарное производство сжиженного природного газа может достигнуть 70 млн тонн в год. Потенциал «НОВАТЭКа» привлекает глобальных инвесторов, в том числе, ChinaNational Petroleum Corp. Сотрудничество Китая и России напрямую позволяет обойти санкционное давление Запада.

Сегодня устойчивым положение в энергетической сфере во всем мире назвать нельзя. Ощущение политической нестабильности, углубление разделительных линий и появление «красных черт» в отношениях между странами повышает риски и создает неопределенность (Загорский, 2016; Загорский, 2018). Россия всё больше ориентируется на Восток, на Азию (Лабецкая, 2018), что, по мнению Запада, является рискованным. Как бы «вдруг» по поводу российского (естественного, надо заметить) присутствия в Арктике оживились не только арктические страны, но и очень далекие от северных широт государства. И первую скрипку, как часто бывает, пытаются играть США (страна является арктической, имея один малонаселённый штат на севере – Аляску. Вся остальная территория находится в широтном отношении южнее России) (Сергунин, Конышев, 2018). Однако опыт показывает, что лучше развивать и расширять проверенные отношения.

Поэтому развитие проектов с КНР по сжижению газа из Арктики получили дальнейшее развитие к лету 2019 года. НОВАТЭК выбрал подрядчиком для строительства второго арктического проекта «Арктик СПГ-2» британскую компанию Technip FMC. Суммарная стоимость инвестиций – до 25,5 миллиардов долларов. Первая очередь будет запущена в 2023 году, вторая – в 2024, третья – в 2025 году. Активы распределятся следующим образом: НОВАТЭК снизит свою долю с 70 до 60 %, 10 % отойдут французской Total, 10 % – у китайских компаний CNPC и CNOOC. На 10 % претендует корейская Kogas и японские компании (Лекух. Арктический локомотив…)[6]. Таким образом, российская стратегия освоения новых газоносных провинций связывает воедино большое количество инвесто-

[5] Андрей Карабьянц. Падение добычи нефти в Китае прекратилось, но зависимость от импорта растет. [Электронный ресурс]. URL: https://1prime.ru/energy/20190731/830204088.html (дата обращения 30.06.2019).

[6] Дмитрий Лекух. Арктический локомотив, или Десятки миллиардов в новые мощности СПГ. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20190523/1554816814.html (дата обращения 30.06.2019).

ров и собственников из Азии: их взаимная экономическая заинтересованность поневоле принуждает к договороспособности. Проект реализуется на базе месторождения Утреннее, чьи суммарные запасы оцениваются в 13,835 миллиардов баррелей нефтяного эквивалента. Вблизи порта Сабетта НОВАТЭК планирует решение о строительстве завода «Обский СПГ», ресурсной базой которого должны стать Верхнетиутейское и Западно-Сеяхинское месторождения. Завод будет оснащен российской технологией сжижения газа «Арктический каскад».

Фактически Россия в условиях торговых войн и санкций обеспечит «подушку безопасности» как Китаю, так и себе. В рамках Санкт-Петербургского экономического форума в июне 2019 года КНР и РФ договорились создать совместное предприятие (СП) в рамках проекта «Арктик СПГ-2». Это является большой редкостью для КНР и демонстрирует беспрецедентно высокий уровень доверия и экономической открытости в работе с российскими партнерами. Сделка рассматривается как «модельная», то есть открывается окно возможностей действовать по стандартам и в других отраслях. Так работает сегодня интеграционная стратегия между двумя странами.

Российское трансграничное сотрудничество проходит в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (Чубаров, Калашников, 2018) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В мае 2018 года было подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР. Нынешний уровень китайско-российских отношений является результатом совместных усилий двух стран и народов. Он отвечает интересам двух стран. За последние годы лидеры КНР и России встречались более 30 раз; они на стратегическом уровне способствуют развитию двусторонних отношений. Стабильный рост товарооборота между странами основывается на деловом сотрудничестве, упрочении взаимодействия по энергоресурсам.

В апреле 2019 года в Пекине состоялся второй форум «Один пояс, один путь». В нём приняли участие лидеры почти 40 стран, а также представители свыше 150 стран и организаций. За шесть лет со времени провозглашения инициативы Си Цзиньпином немало сделано: построены скоростные железные дороги и мосты; благоустроены порты; вырос индустриальный сектор; снижены торговые издержки и улучшена логистика. Особое внимание было уделено сопряжению «Пояса и пути» с ЕВЭС, форматом которого является выдвинутая В.В. Путиным инициатива Большого Евразийского (Евроазиатского) партнерства на основе ШОС. Созданный Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) будет финансировать, прежде всего, инфраструктурные проекты, так как из шести транспортных маршрутов два проходят через Россию. По Северному морскому пути будет проходить «Ледяной Шёлковый путь». Китай также будет участвовать в освоении Арктики. Российские и китайские подходы совпадают в главном – целью проектов является развитая транспортная, энергетическая, телекоммуникационная инфраструктура. В России частью евразийских транспортных коммуникаций станут реконструированные Транссиб и БАМ. Их пропускная способность увеличится в 1,5 раза. Российский интерес к «Поясу и пути» обусловлен также перспективами создания континентальной энергетической инфраструктуры. Условием реализации всех интеграционных процессов будет укрепление китайско-российских отношений, которые подходят к уровню геополитического союза. Российский президент В.В. Путин считает, что объединение Северного морского пути (российская Арктика) и китайского «Морского Шёлкового пути» позволит создать конкурентный маршрут, связывающий Северо-Восточную, Восточную, Юго-Восточную Азию с Европой. Это предусматривает строительство морских терминалов и логистических центров. На российском Севере, кроме нового порта Сабетта, будут построены другие новые порты. Китай также активно участвует в освоении Арктики. Две компании из большой нефтегазовой тройки купили 10 % в проекте «Арктика СПГ-2». Сжиженный газ с Ямала вывозят танкерами арктического класса, причем самого высокого – Arc7. Сегодня их 15. Эти суда строились специально под заводы СПГ на Ямале. На рынке их просто нельзя купить, стоят они дорого. Для того чтобы снизить на них нагруз-

ку, в Мурманске и на Камчатке будут построены терминалы для перевалки газа.

Что получают Россия и Китай в ходе реализации проекта «Один пояс, один путь»? Второй форум подвел некоторые итоги и обозначил задачи. Проект «связывает» транспортно-логистически и экономически большое пространство Азии, задает новые тренды развития, привлекает новых участников. Интересно, что в негативной оценке этого проекта сошлись все элитарные группы США (Шенин, 2018). Оппоненты из Вашингтона «предостерегли» участников проекта от попадания в китайскую долговую кабалу. В первую очередь это касается Пакистана и Малайзии. Риском для России может стать отставание интеграционных процессов на постсоветском пространстве в рамках ЕАЭС. Проект создаёт «новое пространство для роста мировой экономики и новой платформы для международной торговли и инвестиционной деятельности» (Павленко. В чём интерес…)[7]. Можно сказать, что это попытка ограничить деструктивное влияние на торгово-экономические процессы в мире через американскую монополию в международных институтах, в том числе в ВТО. Россия может получить развитую транспортную, телекоммуникационную инфраструктуру. Российский интерес обусловлен также формированием континентальной энергетической инфраструктуры (диверсификация торговли энергоносителями в пользу России). Основным условием реализации всех проектов было обозначено укрепление российско-китайских отношений, которые все ближе подходят к уровню полноценного геополитического союза.

В сотрудничестве России и Китая всё более обозначается арктическая тема. В последнее десятилетие тема Арктики стала регулярно обсуждаемой во всём мире, и связано это было с активизацией России на Севере. С 2013 г. Россия потратила миллиарды долларов на строительство и модернизацию семи военных баз вдоль Северного морского пути. Первый ледокол Россия построила ещё в 19 веке, а в 1957 г. – первый атомный ледокол «Ленин». Сегодня у России – самый мощный ледокольный флот, включающий 4 атомных ледокола – «Ямал», «50 лет Победы», «Таймыр», «Вайгач». Строятся ещё 3 атомных ледокола – «Арктика», «Сибирь», «Урал», которые войдут в строй до 2022 года. Кроме того, ведётся подготовка к строительству сверхмощных ледоколов нового проекта «Лидер». Сложившийся баланс сил в этом регионе совершенно не устраивает США.

Изменения климата привели к сокращению объёмов арктического льда. В 2019 г. ледяной покров был на 42 % меньше, чем в 1980 году. Возникли новые транспортные возможности: по оценкам экспертов, срок доставки грузов по Северному морскому пути из Европы в Китай примерно на 40 % короче, чем через Суэцкий канал. Это превратило безопасную северную границу России в поле разработки месторождений, развитие инфраструктуры и потенциального конфликта с недовольными таким положением (Гутенев, 2019. С. 87).

Москва видит большие возможности в развитии Северного морского пути как части стратегии «Один пояс, один путь». Регулярным стало обсуждение арктической тематики на различных площадках. 9–10 апреля 2019 г. в Санкт-Петербурге состоялся V международный арктический форум «Арктика – территория диалога», в котором приняли участие более 3600 человек. Позицию России выразил министр иностранных дел С. Лавров: «Американцы считают, что только они одни могут заказывать музыку и создавать свои собственные правила. Северный морской путь – это наша национальная транспортная артерия. Международное право предоставляет России существенные права в использовании данной территории. Это как правила дорожного движения. Если вы едете в другую страну и садитесь за руль, вы подчиняетесь их правилам» (Фой, Астрашевская. Россия претендует…)[8].

Страны, согласные с такой постановкой вопроса, усматривают в такой позиции России большие

[7] Владимир Павленко. В чём интерес России к китайскому «поясу и пути»? [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/polit/2620744.html (дата обращения 30.06.2019).

[8] Генри Фой, Анастасия Астрашевская. Россия претендует на господство в Арктике. [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/politic/20190502/245020223.html (дата обращения 02.05.2019).

возможности. В 2018 г. по Северному морскому пути прошли суда 20 стран. Китай начал строительство своих ледоколов. Пока он имеет два ледокола «Снежный дракон», но намерен расширять свой ледокольный флот. Хотя Китай не является арктическим государством, но свои интересы (прежде всего, в добыче и транспортировке углеводородов Арктики) в северных широтах у Пекина есть. В январе 2018 г. Госсовет КНР издал первую Белую книгу по политике в Арктике. В ней отмечалось, что Пекин готов принять сформулированные арктическими странами условия его участия в регионе; он не стремится изменить статус-кво и принимает сложившуюся систему международного права и международных отношений (Загорский, 2019. С. 83).

Были обозначены цели и основные принципы Китая в рамках арктической позиции: уважение, сотрудничество, взаимная выгода, обеспечение продолжительного развития (Куан Цзэнцзюнь, Оу Кайфэй, 2019). Таким образом, взаимное уважение и учёт интересов, добрососедские отношения с Россией обеспечивают Китаю определённые преференции в развитии экономики.

Укреплению китайско-российских связей способствуют регулярные визиты официальных лиц в сопредельные страны. Так, Премьер-министр России Д. Медведев в октябре 2018 г. побывал в КНР. Он провёл ряд двусторонних встреч, в том числе, с Председателем КНР Си Цзиньпинем и Премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном. Было отмечено, что в настоящее время реализуются крупнейшие проекты, включая трансграничные. Прежде всего, это – Евразийский транспортный коридор между Китаем, Россией и странами Европы. Помимо этого, есть и транспортные проекты, к примеру, создание широкофюзеляжного дальнемагистрального самолёта. У России есть технологии и компетенции, у Китая – инвестиции и большой внутренний спрос.

В результате ряда встреч российской и китайской сторон было подписано соглашение по развитию сельского хозяйства Дальнего Востока и Байкальского региона России и северо-востока Китая. Федеральная Таможенная служба РФ и Главное таможенное управление КНР будут совершенствовать порядок проведения таможенных операций и таможенного контроля в отношении товаров, перемещаемых через границы, в том числе, в рамках электронной торговли. Одна из серьезных задач, которую предстоит решить, – удвоение товарооборота между странами и доведение его со 100 до 200 миллиардов долларов. Россия имеет хорошие перспективы в насыщении рынка Китая сельскохозяйственной продукцией. Это – мясная, молочная, кондитерская продукция. Китайская сторона выразила заинтересованность в создании научно-инновационного фонда для поддержки научно-технических разработок. В условиях санкционного давления Запада обе страны договорились расширить взаиморасчёты в национальных валютах. Подобного рода проекты хорошо отражают целеполагание обеих сторон: развивать экономику для улучшения жизни народа.

Китайско-российские связи динамично развиваются. Безусловным плюсом Китая является то, что он последовательно и упорно выполняет задачи, которые намечает на десятилетия вперед. Вектор развития, заложенный Дэн Сяопином в 1978 году, сделал Китай быстроразвивающейся страной. С приходом к власти Си Цзиньпина программа была скорректирована; были обозначены новые направления работы. К 2021 году (год столетия образования Компартии Китая) предполагается закончить с нищетой и создать единое общество «Сяокан», а к 2049 году (год столетия КНР) – стать «могучей модернизированной социалистической державой». Имея мощный экономический базис, было принято решение переориентировать всю экономику страны с экспорта товаров на внутренний рынок. Повышение уровня жизни внутри страны гарантирует высокий спрос на собственные товары. Аналогичные задачи стоят и перед Россией. Совместные усилия в продвижении ряда проектов еще больше сближают Китай и Россию. Россия и Китай в современной ситуации прилагают огромные усилия для сохранения мира и стабильности на планете. Опыт развития совместных масштабных проектов, в том числе в сфере энергетики, показывает, что любые позитивные, справедливые и общие цели достижимы. Мы явно видим перспективы углубления отношений двух стран в будущем.

Библиографический список

Базаров В.Б. Трансграничье Восточно-Азиатских регионов в евразийском взаимодействии // Уральский исторический вестник. 2008. № 2 (19). С. 131–136.

Ван Ч., Савкович Е.В. Формирование пояса развития в Синцзян-Уйгурском автономном районе КНР в начале 2010-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 94–99.

Гутенев М.Ю. Северный морской путь в арктической политике РФ // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 1. 2019. С. 83–87.

Загорский А.В. Китай принимает условия в Арктике // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 7. 2019. С. 76–83.

Загорский А.В. Россия и Китай в Арктике: разногласия реальные или мнимые // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 63–71.

Загорский А.В. Хрупкое спокойствие Арктики // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 9. 2018. С. 97–102.

Калугин П.Е. Отношения Российской Федерации с Турцией в сфере энергетики: построение стратегического сотрудничества. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета. 2012. 135 с.

Кокшаров В.А. Трансграничное сотрудничество в Центральной Азии: постсоветский синдром // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 96–101.

Куан Цзэнцзюнь, Оу Кайфэй. Новая политика Китая по Арктике // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 7. 2019. С. 84–91.

Лабецкая Е.О. Россия – ЕС: «soft-power risks» в евразийско-арктическом контексте // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 9. 2018. С. 112–120.

Марченко О.В., Подковальников С.В., Савельев В.А., Соломин С.В., Чудинова Л.Ю. Россия в евразийской электроэнергетической интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 6. С. 18–29.

Мастепанов А.М. Об эволюции прогнозов развития мировой энергетики, сделанных в 2013/2014 и 2016 г. // Нефтяное хозяйство. 2017. № 4. С. 20–25.

Мастепанов А.М. Прогнозы развития мирового нефтегазового комплекса как отражение глобальных проблем и тенденций энергопотребления // Нефтяное

References

Bazarov V.B. (2008) Transboundary borders of the East Asian regions in the Eurasian interaction. *Ural'skii istoricheskii vestnik* = Ural Historical Bulletin. No. 2 (19). P. 131–136. (In Russ.)

Van Ch., Savkovich E.V. (2018) Formation of the development belt in the Xinjiang-Uygur Autonomous Region of the PRC in the early 2010s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* = Bulletin of Tomsk State University. History. No. 55. P. 94–99. (In Russ.)

Gutenev M. Yu. (2019) The Northern sea route in the Arctic policy of the Russian Federation. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. Vol. 63. No. 1. P. 83–87. (In Russ.)

Zagorskiy V.A. (2019) China has the conditions in the Arctic. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. Vol. 63. No. 7. P. 76–83. (In Russ.)

Zagorskii A.V. (2016) Russia and China in the Arctic: real or perceived differences. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations.Vol. 60. No. 2. P. 63–71. (In Russ.)

Zagorsky A.V. (2018) Fragile calm of the Arctic. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations.Vol. 62. No. 9. P. 97–102. (In Russ.)

Kalugin P.E. (2012) Relations between the Russian Federation and Turkey in the Energy Sector: Building Strategic Cooperation. Irkutsk: Irkutsk State University. 135 p. (In Russ.)

Koksharov V.A. (2013) Transboundary Cooperation in Central Asia: Post-Soviet Syndrome. *Ural'skii istoricheskii vestnik* = Ural Historical Bulletin. No. 2 (39). P. 96–101. (In Russ.)

Kuan Zengjun, OU Kaifei. (2019) China's new Arctic policy. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. Vol. 63. No. 7. P. 84–91. (In Russ.)

Labetskaya E.O. (2018) Russia-EU: "soft-power risks" in the Eurasian-Arctic context. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. Vol. 62. No. 9. P. 112–120. (In Russ.)

Marchenko O.V., Podkoval'nikov S.V., Savel'ev V.A., Solomin S.V., Chudinova L.Yu. (2018) Russia in Eurasian Electric Power Integration. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. Vol. 62. No. 6. P. 18–29. (In Russ.)

Mastepanov A.M. (2017) On the evolution of forecasts of world energy development made in 2013/2014 and 2016. *Neftyanoe khozyaistvo* = Oil Industry. No. 4. P. 20–25. (In Russ.)

Mastepanov A.M. (2018) Forecasts of development of the world oil and gas complex as a reflection of global problems and trends in energy consumption. *Neftyanoe*

хозяйство. 2018. № 5. С. 6–11.

Рогинко С.А, Шмаль Г.И. Российская нефтяная промышленность и Парижское соглашение: вызовы и риски // Нефтяное хозяйство. 2019. № 9. С. 50–55.

Сергунин А.А, Конышев В.Н. Российско-американские отношения в Арктике: сотрудничество или соперничество? // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 9. 2018. С. 103–111.

Сюй Г. Интересы и политика Китая в Арктике: история, правовые основы и реализация // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 52–62.

Чжан Цзя Цзюнь. Российско-китайское сотрудничество в сфере энергетики (к историографии вопроса) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 256–266.

Чубаров И.Г., Калашников Д.Б. «Один пояс – один путь»: глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 1. 2018. С. 25–63.

Шенин С.Ю. «Шёлковый путь» 21 века: дискуссия в США // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 9. 2018. С. 60–70.

Шмаль Г.И. Нефтегазовый комплекс в условиях геополитических и экономических вызовов: проблемы и пути решения // Нефтяное хозяйство. 2017. № 5. С. 8–11.

khozyaistvo = Oil Industry. No. 5. P. 6–11. (In Russ.)

Roginko S.A., Shmal G.I. (2019) Russian oil industry and the Paris agreement: challenges and risks. *Neftyanoe khozyaistvo* = Oil Industry. No. 9. P. 50–55. (In Russ.)

Sergunin A.A., Konyshev V.N. (2018) Russian-American relations in the Arctic: cooperation or rivalry? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. Vol. 62. No. 9. P. 103–111. (In Russ.)

Syui G. (2016) China's interests and policies in the Arctic: history, legal framework and implementation. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. Vol. 60. No. 2. P. 52–62. (In Russ.)

Zhang Jia Jun. (2019) Russian-Chinese energy cooperation (on the historiography of the issue). *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij* = Journal of Ancient Technology Laboratory. Vol. 15. No. 1. P. 256–266. (In Russ.)

Chubarov I.G., Kalashnikov D.B. (2018) “One belt is one way” globalization in Chinese. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. Vol. 62. No. 1. P. 25–63. (In Russ.)

Shenin S.Yu. "Silk road" of the 21st century: discussion in the USA. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations.Vol. 62. No. 9. P. 60–70. (In Russ.)

Shmal G.I. (2017) Oil and Gas complex in the conditions of geopolitical and economic challenges: problems and solutions. *Neftyanoe khozyaistvo* = Oil Industry. No. 5. P. 8–11. (In Russ.)

Критерии авторства

Чжан Цзя Цзюнь выполнил исследовательскую работу, на основании полученных данных провел анализ и обобщение, получил некоторые выводы, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Zhang Jia Jun performed research work, based on the results obtained, made a generalization, prepared the manuscript for publication, has the copyright to the article and is fully responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Чжан Цзя Цзюнь,
аспирант кафедры мировой истории и международных отношений,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: 314372557@gg.com

Information about the author

Zhang Jia Jun,
postgraduate student of the Department of World History and International Relationship,
Irkutsk State University,
1 K. Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: 314372557@gg.com

Оригинальная статья / Original article
УДК 39
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-251-254

Исследование отношений человека и природы: рецензия на коллективную монографию «Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири» В.Н. Давыдова, В.В. Симоновой, Т.Ю. Сем, Д. Брандишаускаса*

© А.А. Сирина

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аннотация: Статья представляет собой обзор коллективной монографии о взаимоотношениях человека и природы в Байкальской Сибири. На основе полевых и музейных материалов авторы рассматривают практику отношений эвенков Прибайкалья и Забайкалья с окружающим их миром и его явлениями – водой, ветром, огнем, камнями. Авторы провели междисциплинарное антропологическое исследование, применив традиционные и современные постмодернистские и феноменологические подходы. Эвенкийский ландшафт приобрел новые измерения, а ученые – новые объекты анализа.

Ключевые слова: Байкальская Сибирь, эвенкийский ландшафт, традиционное природопользование, ветер, огонь, вода, камень

Благодарности: Работа выполнена по договору ГПХ в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН при поддержке РНФ, проект № 18-18-00309.

Информация о статье: Дата поступления 8 ноября 2019 г.; дата принятия к печати 2 декабря 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Сирина А.А. Исследование отношений человека и природы: рецензия на коллективную монографию «Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири» В.Н. Давыдова, В.В. Симоновой, Т.Ю. Сем, Д. Брандишаускаса // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 251–254. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-251-254

A Study of Human-Nature Relations: book review by V.N. Davydov, V.V. Simonova, T.Yu. Sem, D. Brandishauskas “Fire, Water, Wind and Stone in the Evenki Landscapes: Human-Nature Relations in the Baikal Siberia”*

© Anna A. Sirina

Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: The presented article is a review of the book by Davydov V., Simonova V., Sem T., Brandishauskas D. “Fire, Water, Wind and Stone in the Evenki Landscapes: Human-Nature Relations in the Baikal Siberia”. It gives a brief description and assessment of the content, notes the relevance and scientific novelty of the publication under review. On the base of a new

* Давыдов В.Н., Симонова В.В., Сем Т.Ю., Брандишаускас Д. Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири: коллективная монография. СПб. : МАЭ РАН, 2016. 196 с.
* Davydov V.N., Simonova V.V., Sem T.Yu., Brandishauskas D. Fire, water, wind and stone in Evenki landscapes. Relations between man and nature in Baikal Siberia: a collective monograph. SPb. : MAE RAS, 2016. 196 p.

field data collected in Siberia and Transbaikal'e the authors examine the relationship between the Evenki of the Baikal area in Siberia and their natural environment. The study of these phenomena can contribute to a more nuanced understanding of how people in different contexts experience themselves and the worlds in which they live.

Keywords: Baikal Siberia, the Evenkis landscape, traditional land use, water, wind, fire, stone

Acknowledgements: This work was carried out under a Civil contract agreement at the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation, project No. 18-18-00309.

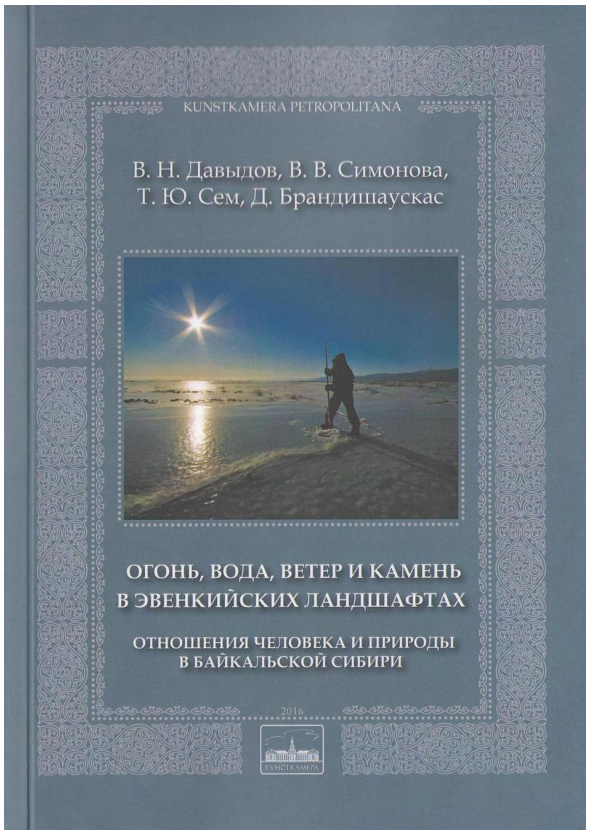
Article info: Received November 8, 2019; accepted for publication December 2, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Sirina A.A. (2019) A Study of Human-Nature Relations: book review by V.N. Davydov, V.V. Simonova, T.Yu. Sem, D. Brandishauskas "Fire, Water, Wind and Stone in the Evenki Landscapes: Human-Nature Relations in the Baikal Siberia". *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 251–254. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-251-254

Вода, ветер, камень и огонь – природные феномены, которые исключительно важны для жизни человека. Их влияние на жизнь разных народов может внести вклад в более тонкое понимание того, как люди приобретают знание себя и того мира, в котором живут.

Одной из методологических задач книги было «свободное от предустановленных абстрактных схем обсуждение проблем отношения человека и природы в Байкальской Сибири» (Давыдов В.Н., Симонова В.В., Сем Т.Ю., Брандишаускас Д., 2016. С. 174). Авторы используют междисциплинарный подход к анализу отношений эвенков и природы в Байкальском регионе, совмещающий методологический аппарат социологии, этнографии, социальной антропологии и культурной географии. Фактически в книге использованы и традиционный историко-этнографический, и постмодернистский и феноменологический подходы. В книге можно найти новые понятия (там же. Гл. 2 и 4), такие, например, как «этика минимума», «бумажная лесная этика», «этика доминирования», «водная этика» и др. Если концепты «водная этика», «этики минимума» или минимализма, как локальной стратегии жизни эвенков в лесу, безусловно, можно признать имеющими смысл и инструментальное значение, то другие концепты не кажутся столь же удачными, если понимать этику как моральные принципы, которые направляют поведение и деятельность человека.

Основными источниками книги послужили полевые материалы, собранные в длительных экспедициях с применением метода включенного наблюдения в Северобайкальском районе Республики Бурятия (В.Н. Давыдов, В.В. Симонова), Тунгокоченском и Баунтовском районах Забайкальского края и Бурятии (Д. Брандишаускас), а также в экспедициях 1980–2000-х годов в Республику Саха (Якутия) (Т.Ю. Сем). Авторы привлекли также архивные источники из Музея антропологии и этнографии РАН и из Российского этнографического музея, местных музеев и архивов.

Книга начинается с рассмотрения мифологических космогонических представлений эвенков. Небо, небесные светила, камни – то, что в позитивистской парадигме называли «неживой» природой, виделись человеку традиционной культуры в персонифицированных образах. В книге подробно разбирается их содержательная сущность с использованием историко-этнографического, сравнительно-исторического и генетического подходов. Петроглифы, в т. ч. находящиеся на территории кочевания эвенков, рассмотрены как древние нарративные структуры, которые «оказывают значительное ментальное влияние на окружающие народы в современном мире» (Там же. С. 44). Этот текст принадлежит авторитетному специалисту в области религиоведения и музейного дела Т.Ю. Сем.

Остальные главы книги написаны учеными, защитившими диссертации по специальности «социальная антропология» за рубежом, что сказалось на постановке проблемы и на антропологических подходах, достаточно новых для российского сибиреведения.

Анализу отношений человека и огня посвящена отдельная глава книги. Впервые Д. Брандишаускас обратил внимание на эвенкийскую практику культивирования ландшафтов, а именно: подконтрольное выжигание местности с целью обеспечить успех в охоте и оленеводстве. Это наблюдение ценно, т. к. не во всех эвенкийских группах практикуются пожоги (или мы о них не знаем). Очевидно, что контролируемые пожоги представляют собой локальную форму адаптации к местным ландшафтам. Одним из условий проведения эвенками Забайкалья пожогов является ведение ими домашнего оленеводства. Выжигание местности известно, например, у хантов. Австралийские аборигены называют контролируемые пожоги «уборкой страны». Австралийский антрополог Дебора Роуз отметила: «Белым поселенцам, ученым и другим потребовалось немало времени, чтобы признать тот факт, что коренные народы Австралии (и других мест) сознательно управляют своей страной, используя огонь» (Rose et al., 2003. P. 21, 25). Сравнительные параллели могут помочь выявить локальную специфику в практике пожогов, а также реакции государственных органов на их проведение в контексте современных проблем с лесными пожарами.

Авторы рассматривают воду и ветер как новые объекты антропологии ландшафта и антропологии погоды (Ingold, 2007). Постановка тем о воде и ветре на примере эвенкийской культуры является инновационной. Как и огонь, эти природные субстанции рассматриваются через повседневный опыт хозяйственно-бытового освоения ландшафта, в данном случае эвенками северного Байкала. Несмотря на стереотип о том, что Байкал является самым чистым озером мира, местные жители фиксируют загрязнение прибрежной полосы озера и говорят о проблемах доступа к биоресурсам. Эти вопросы в некоторой мере отражены в книге. Авторы исследовали представления о воде и то, что они называют «водной этикой» эвенков, т. е. нормы их поведения в отношении воды и водных ресурсов, а также изучили практики использования водных ресурсов, приводя конкретные наблюдения из этнографической повседневности и эвенкийских нарративов. Вода рассматривается и как дорога, по которой передвигаются на лодках, и как препятствие, когда река становится естественной преградой. Кроме того, авторы уделили внимание льду и зимним хозяйственным занятиям эвенков.

С тех пор как воздух стал объектом внимания антропологических исследований, ландшафт приобрел новое измерение. В научной литературе воздух рассматривается как субстанция, в которой живет и действует человек, а также как посредник и одновременно как элемент среды. В книге показано, как эвенки учитывают движение ветра (его направление, силу, скорость, другие особенности) в быту, в прогнозировании погоды и при подходе рыбы, при скрадывании зверя, выпасе оленей, при устройстве стоянки и жилища, контролируемых пожогах и др.

Эвенки Байкальской Сибири испытали на себе влияние русских и бурят, что отразилось в их культуре и языке. Например, утверждение о том, что у забайкальских эвенков «хозяином места часто является умерший родственник» (Там же. С. 123), не

комментируется, но, по-видимому, это бурятское влияние. В разделе о воде как лекарственном средстве приводятся представления эвенков северного Байкала о святой воде, но не комментируется, что они заимствованы из православия (Там же. С. 144). Ветер под названием хилос, судя по его описанию в книге (Там же. С. 168), – это искаженное название ветра хиус/хиуз (холодный ветер, сток холодного воздуха по долинам рек, при низких температурах многократно усиливает их действие). Название встречается в Сибири и на Дальнем Востоке, и, вероятно, было принесено русскими с севера Европейской России.

В книге содержится много новых полевых и музейных материалов. Авторские фотографии визуализируют содержание, обогащая его. Вместе с тем некоторые места текстов оставляют впечатление тезисности изложения; вне внимания авторов осталось немало этнографических фактов, которые можно извлечь из литературы и других источников. Интересно было бы проследить исследуемые природные феномены в их взаимном соотношении и переплетении.

Авторы подчеркивают, «насколько различным может быть понимание того, что такое ландшафт и как с ним следует взаимодействовать» (Там же. С. 13) и считают, что опыт отношений эвенков с природой может быть полезен в охране окружающей среды.

Эта книга представляет собой вдохновляющий пример исследования отношений человека и природы с использованием новых антропологических подходов и открывает дальнейшие перспективы для работы по поставленной теме. Книгу можно скачать на сайте Музея антропологии и этнографии РАН: (http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-303-3/).

Библиографический список

Ingold, Tim. Earth, Sky, Wind and Weather. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2007, pp. 19–38. http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-9655.2007.00401.x.

Rose, Deborah B. with Sharon D'Amico, Nancy Daiyi, Kathy Deveraux, Margaret Daiyi, Linda Ford and April Bright. *Country of the Heart. An Indigenous Australian Homeland*. Canberra: Aboriginal Studies Press, 2003.

Критерии авторства

А.А. Сирина выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Сирина Анна Анатольевна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт этнологии и антропологии Российской академии наук,
119991, г. Москва, Ленинский просп., 32-А, Россия,
✉ e-mail: annas@iea.ras.ru

References

Ingold, T. Earth, Sky, Wind and Weather. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, pp. 19–38. http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-9655.2007.00401.x.

Rose, D. B. with Sh. D'Amico, N. Daiyi, K. Deveraux, M. Daiyi, L. Ford and A. Bright *Country of the Heart. An Indigenous Australian Homeland*. Canberra: Aboriginal Studies Press, 2003.

Attribution criteria

A.A. Sirina performed research work, based on the results obtained, made a generalization, prepared the manuscript for publication, has the copyright to the article and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Anna A. Sirina,
Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow,
Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences,
32-A Leninskii avenue, Moscow 119991, Russia,
✉ e-mail: annas@iea.ras.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 321.1
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-255-258

Технологии национальной политики... Рецензия на монографию Ф.Л. Синицына «Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933–1945»*

© С.А. Семина

Восточно-Сибирский институт экономики и права, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Представлена рецензия на монографию Ф.Л. Синицына «Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933–1945», в которой на основе широкого документального материала показаны все аспекты национальной политики Советского государства 1930–1940-х гг. Дана характеристика содержания, отмечена актуальность, новизна и научная значимость монографии.

Ключевые слова: национальная политика, советский патриотизм, единая политическая нация, политика в лимитрофной зоне, коллаборационизм, антисоветское бандповстанчество, депортация народов

Информация о статье: Дата поступления 9 октября 2019 г.; дата принятия к печати 5 ноября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Семина С.А. Технологии национальной политики... Рецензия на монографию Ф.Л. Синицына «Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933–1945» // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 255–258. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-255-258

National policy technologies... Review of the monograph “The Soviet nation and the War. The national question in the USSR. 1933–1945” by F.L. Sinitsyn*

© Snezhana A. Semina

East-Siberian Economics and Law Institute, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The article presents a review of Sinitsyn's monograph “The Soviet nation and the War. The national question in the USSR. 1933–1945”, which is based on extensive documentary material showing all aspects of the national policy of the Soviet State 1930–1940, the characteristic of the content, relevance, novelty and scientific significance of the monograph.

Keywords: national policy, Soviet patriotism, United political nation, policy in the limitrophic zone, collaboration, anti-Soviet banditry, deportation of peoples

Article info: Received October 9, 2019; accepted for publication November 5, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Semina S.A. (2019) National policy technologies... Review of the monograph “The Soviet nation and the War. The national question in the USSR. 1933–1945” by F.L. Sinitsyn. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 255–258. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-255-258

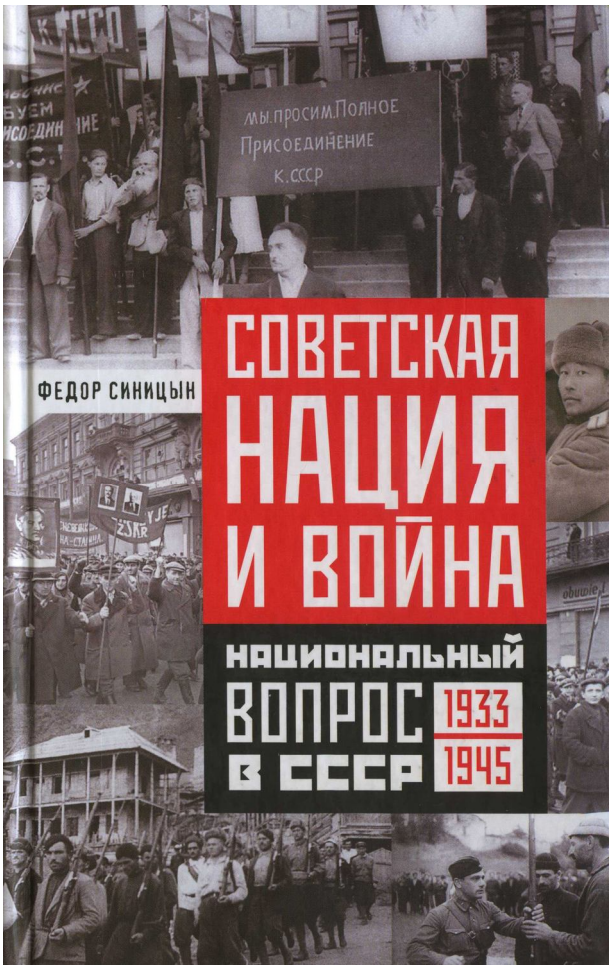
* Синицын Ф.Л. Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933–1945. М.: Центрполиграф, 2018. 543 с.
* Sinitsyn F.L. The Soviet nation and the War. The national question in the USSR. 1933–1945. Moscow : Tsentrpoligraf, 2018. 543 p.

Монография Федора Леонидовича Синицына «Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933–1945» освещает очень важный этап в истории нашей страны и анализирует такую сложную тему, как национальная политика в сталинском СССР. Книга выпущена в одном из крупнейших и ведущих издательств России и представляет собой очень обстоятельную и хорошо документированную научную работу. Весьма впечатляет библиографический список на русском и иностранных языках, который расположился на сорока страницах; и количество сносок – их без малого 2400 (на восьмидесяти пяти страницах)! Имеется список принятых сокращений.

Проделана колоссальная работа по изучению и использованию огромного массива документов из фондов крупных российских архивов (Архив внешней политики РФ, Архив Института российской истории РАН, Государственный архив РФ, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный военный архив и др.). Книга оснащена подборкой интересного иллюстративного материала того времени: фотодокументы, материалы СМИ, карикатура, плакаты.

Невозможно переоценить актуальность изучения национальных проблем в России. Автор совершенно обоснованно указывает на ряд аспектов – этнополитические проблемы на постсоветском пространстве; «информационная атака, направленная против интересов России с воздействием на национальный фактор»; вопрос о формировании новой доктрины национальной политики России; недостаточная изученность многих аспектов национальной политики в советской историографии». Все это и многое другое приводит к необходимости «учитывать опыт Советского Союза по разработке идеологии «советского патриотизма» и сплочению советской нации, который особенно проявился в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны». Не менее значимо изучение и осмысление долгосрочных последствий этого опыта для судьбы «коммунистического проекта».

Структура монографии отражает масштабный и всесторонний анализ обозначенной тематики.

Первая глава посвящена разным аспектам национальной политики предвоенного периода, который характеризовался общим повышением значимости этнического фактора в Советском Союзе, а также формированием деления наций на «своих» и «чужих». Наращивались усилия по созданию единой политической нации. Отдельным разделом и очень любопытно рассматривается вопрос о религиозной политике в СССР в 1930-е гг., а потом и в годы Великой Отечественной войны. Автор прослеживает процесс переоценки советским правительством действий религиозных институтов. В этой же главе раскрываются особенности реализации советских внешнеполитических устремлений в «лимитрофной зоне» (на вновь присоединенных территориях Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики и Бессарабии).

Во второй главе раскрываются корректировки советской национальной политики во время Вели-

кой Отечественной войны. Большое значение придавалось «популяризации исторических знаний, героического прошлого России, возрождению и укреплению великодержавия». Это сопровождалось воплощением в жизнь идеи формирования в СССР единой советской нации. По оценке автора, идеологические и просветительские решения высшего руководства дали очевидный эффект. Религиозный вопрос в эти годы выражался в позитивном отношении советского руководства к патриотической деятельности священнослужителей разных конфессий. Церковь оказала государству и партии существенную помощь в укреплении морального духа людей, сборе денежных пожертвований, «предотвращения коллаборационизма на оккупированных территориях». Автор раскрывает и внешнеполитический аспект деятельности церкви, который выражался в поддержке антифашистского сопротивления в православных странах Европы с перспективой получить главенство среди православных церквей этого региона (планы советского руководства). Были сделаны шаги навстречу армянской церкви, евангельских христиан и баптистов, мусульман и буддистов.

В третьей главе автор раскрывает проблему борьбы с антисоветским бандитизмом в годы войны, проводит анализ советской национальной политики на оккупированной территории СССР, описывает меры противодействия политическому и военному коллаборационизму, национализму и сепаратизму (военно-полицейские, судебно-административные мероприятия). Отдельным аспектом в этой главе раскрываются особенности поиска украинского национального самосознания.

Одним из негативных и трагичных направлений национальной политики указанного периода были депортации народов СССР. Этому вопросу автор посвятил четвертую главу. Основной упор автор делает на две главные цели этого процесса: 1. «Поиск и наказание «виновных» в военных неудачах»; 2. ««Очищение» стратегически-важных регионов Советского Союза от «нелояльного» к власти населения». Одним из главных последствий депортаций являлся всплеск сопротивления и изменения идеологии бандповстанческих групп. Теперь их объединяло желание восстановить национальную автономию. Автор поднимает очень сложный вопрос, требующий тщательного научного изучения – «применение неправомерного насилия со стороны НКВД к депортируемым лицам» (С. 219–220). Вопрос о политических настроениях спецпереселенцев выходит за рамки монографии и охватывает 1950-е гг., освещая весь путь эволюции этих настроений до политики десталинизации.

В пятой главе автор поднимает национальный аспект иностранной агрессии против СССР (нацистская политика, румынизация и создание Транснистрии, паназиатская доктрина японцев). Если в первые годы войны политика германских властей выражалась в разжигании ксенофобии по отношению к другим народам СССР, антисоветизме и прогерманизме, то во второй период ВОВ целями нацистов было создание «коллаборационистской прослойки в среде русского населения и разжигание гражданской войны в СССР». Заслуживает всяческого одобрения пристальное внимание автора к этой неоднозначной и почти не изученной теме. «Истинные масштабы коллаборационизма в советской историографии замалчивались, искусственно зауживалась его идейная база» – такова нелицеприятная, но очень верная оценка лакун советской исторической науки.

Не менее актуальным является вопрос о советской политики в отношении к Германии, немцам и японским агрессорам, который раскрывается в шестой главе – «Ответ на агрессию». Наступление на национальную культуру советских немцев, их дискриминация, депортации и репрессии – были «бессмысленны и ущербны». Автор указывает на ошибки советской политики по отношению к этническим немцам СССР. В вопросе антияпонской советской пропаганды автор подчеркивает отсутствие националистической и шовинистической направленности.

В последней главе уделяется внимание укреплению базовых принципов «советского патриотизма» и отношению к войне в массовом сознании. Национально-патриотический курс советской политики нашел поддержку у большинства населения СССР. Автор опровергает утверждение некоторых

исследователей об «антисталинской революции» и подчеркивает «оздоровление» морального климата в стране к окончанию войны.

Заключение монографии во многом построено на анализе причин, помешавших реализации идеи создания советской политической нации. Автор указывает на ошибки форсированной реализации социализма и на их последствия, проявляющиеся до сих пор.

Таким образом, проделанная автором исследовательская работа очень впечатляет и заслуживает уважения. Привлечение колоссальной документальной базы, научность и обоснованность материала, доступный стиль изложения – позволяют отнести монографию к фундаментальным работам и привлечь внимание не только узкого круга историков, но и любителей, интересующихся вопросами национальной политики России.

Критерии авторства

С.А. Семина выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

S.A. Semina made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

Author have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Семина Снежана Александровна,
кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права,
Восточно-Сибирский институт экономики и права,
664057, г. Иркутск, ул. Байкальская, 258а, Россия,
✉ e-mail: snezh-kaSem@yandex.ru

Information about the author

Snezhana A. Semina,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law,
East-Siberian Economics and Law Institute,
258a Baikalskaya street, Irkutsk 664057, Russia,
✉ e-mail: snezh-kaSem@yandex.ru

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом не более 6000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. ***Индекс УДК*** в верхнем левом углу.

2.2. ***Заголовок,*** включающий: название статьи (должно быть информативным и, по возможности, кратким), набранное полужирными прописными буквами, выравнивание по левому краю;

2.3. ***Инициалы и фамилии авторов:*** располагаются через один интервал ниже заголовка, набираются полужирными буквами, выравнивание по левому краю, вначале ставится знак авторства, затем инициалы автора, после этого через пробел фамилия. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишутся инициалы и фамилия второго автора и т. д.

2.4. ***Организация и ее адрес:*** располагается под фамилией автора, набирается прописными буквами, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Ниже названия организации указывается адрес организации (страна, индекс, город, улица, номер здания).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся разные латинские прописные буквы (верхний индекс). Такие же буквы ставится перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. ***Аннотация:*** должна быть информативной, содержать 1200–1400 печатных знаков, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. ***Английский перевод*** названия статьи, фамилий и инициалов авторов, названия и адреса организации, аннотации, ключевых слов оформляется так же, как и на русском языке.

2.7. ***Благодарности.*** После текста статьи, перед библиографическим списком указывается номер и название проекта, при поддержке которого выполнено исследование, а также упоминаются люди и организации, оказавшие помощь в работе над статьей.

2.8. ***Раздел «Библиографический список»***. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется в Harvard стандарте: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. Например, статья в журнале: Сидоров, А.П., Петров, Г.П. и Степанов Г.К. 2005, Древняя история Приангарья, *Социгенез в Северной Азии*, вып. 3, № 3, с. 40-82.; статья в научном сборнике: Сидоров, А.П. 2006, Косторезное искусство в неолите Восточного Забайкалья, *Древняя история Монголии, Северного Китая и Байкальской Сибири*, Улан-

Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, часть. 3, с. 43-56.; монография: Сидоров, А.П. 2006, Неолит Забайкалья, Улан-Удэ: Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 315 с.

2.9. ***Раздел «Сведения об авторах»*** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество

Степень, звание, должность

Организация

Почтовый адрес организации (индекс, страна, город, улица, здание)

e-mail

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) Имя О. Фамилия

(англ.) Степень, звание, должность

(англ.) Организация

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город, индекс, страна)

e-mail

2.10. ***Раздел «Критерии авторства»***. Указывается, какой вклад внес каждый из авторов в работу над статьей. Например: «В.С. Козлов, С.О. Гусев выполнили исследовательскую работу, на основе полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут ответственность за плагиат».

2.11. ***Раздел «Конфликт интересов»***. Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.12. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, шрифт обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании ***таблиц*** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены ***отдельными файлами***: иллюстрации – с расширениями *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.
Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.
The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.
ISSN 2415-8739
The Journal was founded in 2003
Founder: Irkutsk national research technical university
Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols. The heading "Review" accepts articles with a volume of not more than 6000 symbols.
The manuscript should have the following order.
2.1. ***UDC code*** should be placed in the left upper corner.
2.2. ***The title,*** which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief), typed in bold uppercase letters, aligned to the left;
2.3. ***Initials and surnames of the authors:*** they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left, the authorship is first put, then the author's initials, then the surname after the blank. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the initials and surname of the second author are written, etc.
2.4. ***The organization and its address:*** is located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).
If authors are from different organizations, then after their surnames are put different Latin capital letters (upper index). The same letters are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.
2.5. ***Abstract*** should consist of 1200–1400 symbols, and include 9–12 key words or word combinations. The abstract should include the following aspects of the article contents: subject, topic, objective of the research; research methods; research results; results application; conclusion.
2.6. ***The English translation*** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.
Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.
2.7. ***Acknowledgments.*** After the text of the article, before the bibliography author lists the number and the name of the project, with the support of which the study was carried out, and also mentions people and organizations that assisted in the work on the article.
2.8. Section ***"References".*** It is compiled in alphabetical order (by the author's name and year of publication), is made in Harvard standard: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. For exam-

ple, an article in the journal: Sidorov, A.P., Petrov, G.P. and Stepanov G.K. 2005, Ancient history of the Angara region, *Sociogenesis in Northern Asia*, Issue. 3, No. 3, p. 40-82; article in the scientific collection: Sidorov, A.P. 2006, Bone carving craft in the Neolithic of the Eastern Transbaikalia, *Ancient history of Mongolia, Northern China and Baikal Siberia*, Ulan-Ude: Buryat State Publishing House, part. 3, p. 43-56; monograph: Sidorov, A.P. 2006, Neolithic of the Transbaikalia, Ulan-Ude: Publishing House of Transbaikalian State University, 315 p.

2.9. ***Information about authors*** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address,

e-mail

2.10. ***Section "Criteria of authorship".*** It is indicated how each of the authors contributed to the work on the article. For example: "V.S. Kozlov, S.O. Gusev carried out research work, based on the results obtained, summarized, prepared the manuscript for publication, have copyright for the article and are responsible for plagiarism".

2.11. ***Section "Conflict of interest".*** It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.12. If there are figures in the article, the their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

***Page and paragraph settings*:** all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

***Text settings*:** a Microsoft Word format, 1.5 line spacing using Times New Roman, 12 pt font size, a full justification. Please avoid using more than one word space.

Numbers should be typewritten in tables.

All ***tables*** should be in Microsoft Word. Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter. At the end of the article, the bibliographic list is placed in alphabetical order. It is mandatory to indicate the total number of pages of the publication or page interval of articles.

References to ***archival*** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations – as *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 4 (33) 2019

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 30.12.19. Формат 60 х 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 33,5.
Тираж 500 экз. Заказ 263. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83